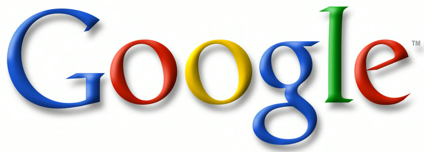

АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Калачовымъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

С.-Петербургъ.

—

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, февраля 13 дня 1861 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.
Исправл. должн. Ценсора С. Загибенинъ.

Въ Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ОБРОЧНОЕ СОДЕРЖАНІЕ.

а) Опредѣленіе и терминологія.

Оброчное содержаніе есть, по законамъ русскимъ, срочное пользованіе чужимъ имуществомъ или правомъ за извѣстную условленную плату (1).

Пользованіе это имѣетъ въ нашихъ законахъ 16 различныхъ названій: а) *оброчное содержаніе* (2), б) *содержаніе* (3), в) *арендное содержаніе* (4), г) *аренда* (5), д) *оброкъ* (6), е) *наемъ* (7), ж) *кортомное содержаніе* (8), *кортома* (9), *пользованіе изъ оброка* (10), *администрація* (11), *хозяйственное управленіе* (12), *арендація* (13), *чиншъ* (14), *откупъ* (15), *откупное содержаніе* (16), *временное владѣніе* (17). Чиншъ, администрація и арендація употребляются однако только въ западныхъ губерніяхъ (18); кортома и кортомное содержаніе въ башкирскомъ войскѣ (19). За тѣмъ, остальныя названія или термины равносильны и тождественны, и какъ въ законодательствѣ, такъ въ дѣлопроизводствѣ и въ народной рѣчи употреб-

---

(1) Свод. Зак., изд. 1857 г., т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд. ст. 1691; т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст. 34.—(2) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст. примѣч. къ 3 ст.; т. X, ч. 2-й, ст. 1712.—(3) Т. XII, ч. 2-й, Уст. гор. и сель. хоз., ст. 108; т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 36; т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд. ст. 1691 и другія.—(4) Т. X, ч. 2-й, ст. 1695 и 1712.—(5) Т. IX, Зак. сост., ст. 1506; т. XI, ч. 2-й, Уст. промыш., ст. 62; т. X, ч. 2-й, ст. 1695, 1696 и другія.—(6) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 36.—(7) Т. X, ч. 1-й ст. 1691, 1692, 1693, 1726.—(8) Отдѣлъ III, разд. III, кн. IV, тамъ же.—(9) Примѣч. къ 1720 ст., тамъ же.—(10) Ст. 1714, тамъ же.—(11) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. нас. им. примѣч. къ 2 ст., ст. 161.—(12) Ст. 25—27, тамъ же.—(13) Глав. IV, отд. 1, тамъ же.—(14) Чиншъ, въ смыслѣ оброчнаго содержанія, извѣстенъ мнѣ изъ моей юридической практики.—(15) Т. X, ч. 2-й, примѣч. къ ст. 1707; т. V, Пит. сбор., ст. 50 и другія.—(16) Т. V, Пит. сбор., ст. 53 и другія.—(17) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. нас. им., заглавіе предъ ст. 78. — (18) См. узаконенія, приведенныя подъ другими терминами.—(19) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд. кн. IV, разд. III, отд. III.

ляются въ равносильномъ и тождественномъ смыслѣ ([20]), взаимно замѣняя другъ друга. «Взять или отдать землю въ оброчное содержаніе, въ содержаніе, въ оброкъ, даже въ наемъ, въ аренду» и прочее выражаютъ одно и тоже понятіе; однако, не смотря на однородность этихъ терминовъ, между нѣкоторыми изъ нихъ существуютъ небольшія различія, какъ напримѣръ между оброчнымъ содержаніемъ и собственно администраціею, или между оброчнымъ содержаніемъ и собственно наймомъ, т. е. такія различія, которыя или выражаютъ особаго рода пользованіе, подобно администраціи, или особую мѣстность, коей присвоенъ извѣстный терминъ, какъ кортома и кортомное содержаніе, или особый предметъ, къ которому преимущественно примѣняется то или другое названіе, напримѣръ аренда, арендное содержаніе, наемъ и оброкъ, или наконецъ такія, которыя не составляютъ исключительнаго термина для разсматриваемаго нами пользованія чужимъ имуществомъ, а примѣняются и къ другимъ юридическимъ проявленіямъ, какъ аренда въ смыслѣ высочайшаго пожалованія казенныхъ земель за заслугу ([21]), или какъ оброкъ, выражающій иногда личную повинность, напримѣръ, оброкъ крестьянина ([22]), или какъ пользованіе, составляющее особаго рода имущественное право ([23]). Поэтому прежде, чѣмъ приступимъ къ изслѣдованію существа оброчнаго содержанія, разъяснимъ вышеприведенныя выраженія и покажемъ различіе между ними и близкими имъ другими терминами.

Оброчное содержаніе и чиншъ употребляются *преимущественно* для означенія срочнаго пользованія недвижимымъ имуществомъ, въ особенности же землею ненаселенною, поземельными угодьями,

---

([20]) См. въ Сводѣ Законовъ отдѣлы по статьямъ вышеприведеннымъ: въ нихъ постоянно смѣшиваются эти термины, напр. временный владѣлецъ и администраторъ т. VIII, ч. I, Уст. каз. нас. им., ст. 78 и 79; далѣе тамъ же въ ст. 80 говорится уже о срочномъ содержаніи временнаго владѣльца; далѣе въ 85 ст. объ администраціи, въ примѣч. къ 83 ст. объ арендномъ содержаніи; въ ст. 1704—1713 Зак. Гражд. т. X о содержаніи, оброчномъ содержаніи, наймѣ, арендномъ содержаніи; въ ст. 1700 тамъ же о наймѣ и содержаніи; въ примчѣ. къ 1707 ст. тамъ же объ откупѣ или наймѣ и прочее.—([21]) Прилож. къ 3 прим. 2 ст. т. VIII, ч. 1-й Уст. каз. нас. им.—([22]) Т. IX, Зак. сост. ст. 1045.—([23]) Варадинова, изслѣдованія объ имущественныхъ или вещественныхъ правахъ по законамъ русскимъ, С.-Петербургъ, 1855, статья III.—

какъ-то: мельницами, рыбною ловлею, разными сборами съ городскихъ вѣсовъ и мѣръ, съ мостовъ, перевозовъ и прочее ([24]).

Аренда примѣняется *преимущественно* къ срочному пользованію населеннымъ имѣніемъ ([25]), а также къ пользованію отдѣльнымъ строеніемъ, съ которымъ соединены нѣкоторыя особыя права, напримѣръ корчмою ([26]).

Арендное содержаніе занимаетъ въ примѣненіи своемъ средину между оброчнымъ содержаніемъ и арендою, выражая то и другое понятіе, т. е. употребляется какъ для означенія пользованія ненаселеннаго, такъ и населеннаго имущества, даже строенія, съ которымъ соединены особыя права ([27]).

Оброкъ означаетъ только пользованіе недвижимымъ имуществомъ, точно также, какъ и оброчное содержаніе, но въ особенности землею и поземельными угодьями ([28]).

Наемъ выражаетъ болѣе пользованіе непромышленнымъ строеніемъ, напримѣръ домомъ, квартирою ([29]), но также и нѣкоторыми отдѣльными поземельными участками, какъ напримѣръ огородомъ ([30]), и заключаетъ въ себѣ понятіе о менѣе продолжительномъ срокѣ пользованія, чѣмъ всѣ объясненные выше термины ([31]).

Содержаніе употребляется преимущественно для означенія пользованія извѣстнымъ правомъ, напримѣръ коробочнымъ сборомъ ([32]), городскими вѣсами и мѣрами, корчмою или городскою площадью, т. е. тѣми правами, которыя сопряжены съ самими угодьями ([33]).

([24]) См. т. VIII, ч. 1-й Уст. каз. обр. ст. и народный обычай въ западныхъ губерніяхъ относительно чинша.—([25]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Граж., ст. 1695 и 1696.—([26]) Въ этомъ смыслѣ употребляется выраженіе и аренда, въ западныхъ губерніяхъ.—([27]) Примѣч. 2 къ 1691 ст. т. X, ч. 1-й, Зак. Граж., ст. 1695 и 1696.—([28]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 36.—([29]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Граж., ст. 1707.—([30]) Употребляется въ такомъ смыслѣ въ народной рѣчи.—([31]) Понятіе это установилось обычаемъ въ народѣ.—([32]) Въ законѣ употребляется въ этомъ случаѣ преимущественно и откупное содержаніе коробочнымъ сборомъ, т. V, Уст. под., прилож. къ 281 ст.; но мнѣ извѣстно изъ множества дѣлъ моей юридической практики, что въ народной рѣчи преобладаетъ въ этомъ смыслѣ выраженіе «содержаніе коробочнаго сбора».—([33]) Въ законахъ и здѣсь употребляется выраженіе «откупъ», т. XII, ч. 2-й, Уст. гор. и сел. хоз., ст. 46, 54, но не въ дѣлахъ, и не въ народной рѣчи, какъ мнѣ извѣстно изъ моей практики.

Кортомное содержаніе и кортома—понятія совершенно равносильныя и означаютъ пользованіе башкирскими землями ([34]).

Администрація, иногда даже *администраціонное управленіе или содержаніе*, и *чиншъ*, употребляющіяся въ западныхъ губерніяхъ, означаютъ пользованіе извѣстною частію доходовъ съ городскаго дома, двора и населеннаго имѣнія за управленіе ими и извлеченіе изъ нихъ доходовъ ([35]).

Пользованіе изъ оброка употреблено въ законахъ какъ для означенія оброчнаго содержанія башкирскихъ земель ([36]), такъ и земель казенныхъ крестьянъ ([37]). Оно выражаетъ вообще срочное пользованіе чужимъ недвижимымъ имуществомъ съ условленною платою, но едва-ли пользованіе домомъ, корчмою, населеннымъ имѣніемъ, извѣстными, вышеприведенными, правами и, кажется, преимущественно примѣнимо къ землямъ и поземельнымъ угодьямъ.

Выраженіе *откупъ* присвоено преимущественно питейнымъ сборамъ, отчасти сборамъ съ городскихъ площадей, иногда употребляется и для означенія содержанія городскихъ оброчныхъ статей ([38]).

Временное владѣніе, администрація, арендація, хозяйственное управленіе примѣняются къ оброчному содержанію казенныхъ имѣній, необращенныхъ еще на поземельное оброчное положеніе и отданныхъ частнымъ лицамъ въ хозяйственное управленіе ([39]).

Нѣкоторые изъ этихъ терминовъ имѣютъ, какъ уже замѣчено, и другое значеніе, именно:

Аренда означаетъ еще высочайшее награжденіе за службу лицъ первыхъ четырехъ классовъ землями ([40]), даже населенными имѣніями ([41]). Пожалованіе этими послѣдними прекращено высочайшимъ указомъ 9 мая 1837 года ([42]); правила же пользованія такими имѣніями, установленныя прежде, изложены въ приложеніи ко 2 примѣчанію 2 статьи Уст. каз. нас. имѣн. ([43]).

([34]) Отдѣлъ III, разд. III, кн. IV, т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд. — ([35]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. нас. им., примѣч. ко 2 ст. и ст. 161, а также народный обычай. — ([36]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1714. — ([37]) Т. XII, ч. 2, Уст. гор. и сель. хоз., ст. 108, п. 30. — ([38]) Т. V, Уст. о питейн. сборѣ; т. XII, ч. 1-й, Уст. гор. и сель. хоз., ст. 46 и 54.—([39]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. нас. им., примѣч. I къ 2 ст., глава III и глав. IV, тамъ же.—([40]) Т. III, Уст. служ. прав., ст. 1086 и 1347.—([41]) Примѣч. 2-е къ 2 ст. Уст. каз. нас. имѣн., т. VIII, ч. 1-й.—([42]) Примѣч. 3-е, тамъ же.—([43]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. нас. им.

Пожалованное на такомъ основаніи населенное имѣніе не представляетъ однако срочнаго пользованія, нами разсматриваемаго, или пользованія въ видѣ оброчнаго содержанія, но проявляетъ особаго рода низшую или зависимую собственность, о коей мы подробно говорили въ другомъ мѣстѣ (44). Пожалованіе землями, ненаселенными, бываетъ двухъ родовъ: безусловное или условное, подъ условіемъ исполненія извѣстныхъ обязанностей. Пользованіе такими землями не составляетъ также пользованія въ видѣ оброчнаго содержанія, но есть то пользованіе, которое соединено съ собственностію; ибо земли жалуются всегда въ собственность, не смотря даже на условія, съ которыми послѣдовало пожалованіе (45). Изъ этого слѣдуетъ, что *аренда, въ смыслѣ пожалованія*, не есть срочное пользованіе чужимъ имуществомъ за условленную плату, но представляетъ совершенно другое проявленіе имущественнаго права.

Оброкъ есть: 1) особая личная плата, налагаемая на крестьянъ, пользующихся помѣщичьею землею, въ замѣнъ исполненія ими повинностей натурою; такая же плата, налагаемая на государственныхъ крестьянъ за земли, отданныя въ надѣлъ (46); въ западныхъ губерніяхъ она называется чиншомъ. 2) Плата, взимаемая съ владѣльцевъ поссессіонныхъ горныхъ заводовъ за доменныя и мѣдиплавительныя печи (47). Оброкъ этого рода не составляетъ также, какъ видно изъ приводимыхъ здѣсь краткихъ разъясненій, того оброка, которымъ выражается оброчное содержаніе имущества или права.

Наемъ имѣетъ значеніе: 1) обязательства, принимаемаго лично по условію на исполненіе какихъ-либо работъ или должностей (48): наемъ личный—слуги, приказчика, управляющаго имѣніемъ, винокура и прочее; 2) пользованія движимымъ имуществомъ (49), кораблемъ и рѣчнымъ судномъ (50). Тотъ и другой наемъ не составляютъ оброчнаго содержанія.

Пользованіе изъ оброка или вѣрнѣе съ *платою* есть особаго рода

(44) Варадинова, изслѣдованія объ имущественныхъ или вещественныхъ правахъ, ст. I, стр. 133—140.—(45) Тамъ же. (46) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. нас. им., ст. 15; т. IX, Зак. сост., ст. 1045.—(47) Т. VII, Уст. горн., ст. 495. (48) Т. X, ч. 1-й, ст. 2201 и слѣд.—(49) Ст. 1700 и слѣд. тамъ же.—(50) Т. XI, ч. 2-й, Уст. торг., ст. 1000 и слѣд.

проявленіе имущественнаго права ([51]), которое отличается отъ оброчнаго или аренднаго содержанія тѣмъ, что пользователь, не содержатель имущества, не имѣетъ права измѣнять назначенія его, т. е. обращать его на другое какое-либо употребленіе, напр. пахатную землю подъ садъ, жилое строеніе въ амбаръ и прочее, между тѣмъ содержателю предоставляется очень часто власть давать имуществу другое назначеніе. Далѣе, оброчное содержаніе частныхъ и общественныхъ имѣній всегда, а казенныхъ почти всегда ограничено временемъ, тогда какъ о времени или срокѣ собственно пользованія въ законахъ нѣтъ постановленій ([52]).

Администрація, *администраціонное управленіе* (но не содержаніе) есть завѣдываніе имуществомъ несостоятельнаго должника и вообще описаннымъ за долги имуществомъ ([53]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что срочное пользованіе чужимъ имуществомъ или правомъ за условленную плату хотя и имѣетъ разныя наименованія и хотя эти наименованія заключаютъ въ себѣ нѣкоторые оттѣнки, однако оно есть одного рода имущественное положеніе или проявленіе одного и того же имущественнаго права, иногда только въ особыхъ видахъ; посему для избѣжанія недоумѣній и для установленія термина, равно какъ и для облегченія въ дальнѣйшемъ изложеніи, назовемъ это имущественное положеніе *оброчнымъ содержаніемъ* вообще. Принятіе такого общаго наименованія будетъ сообразно съ существомъ дѣла; ибо какимъ бы терминомъ изъ приведенныхъ выше ни выражалось оброчное содержаніе, оно все же есть срочное пользованіе чужимъ имуществомъ или правомъ за условленную плату.

Предложенное въ самомъ началѣ нашего изложенія и нѣсколько разъ уже повторенное опредѣленіе этого имущественнаго положенія показываетъ, что для установленія его необходимо: *во первыхъ*—чужое имущество или право, *во вторыхъ*—срокъ, *въ третьихъ*—плата. Безъ чужаго имущества оно не можетъ быть установлено, такъ какъ хозяинъ имущества, имѣющій на него права собственности ([54]) или даже владѣнія ([55]), лишенъ возможности установить въ отношеніи къ самому себѣ оброчное содержаніе: ему принадле-

([51]) Варадинова, изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ и проч., ст. Ш. ([52]) Тамъ же, стр. 2 и слѣд. и 79.—([53]) Т.XI, ч. 2, ст. 1868 и слѣд.—([54]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 420.—([55]) Ст. 513,тамъ же.

жить на имущество его, по праву собственности или владѣнія, гораздо обширнѣйшая власть, чѣмъ какая предоставлена оброчному содержателю ([56]). Поэтому, съ одной стороны, ему нѣтъ необходимости ограничивать себя до состоянія оброчнаго содержанія, а съ другой нѣтъ и возможности ограничить такимъ образомъ самого себя, такъ какъ для подобнаго ограниченія нужно постороннее, высшее но правамъ на имущество, лице, а этого посторонняго лица между нимъ и его имуществомъ не существуетъ; ибо никто не имѣетъ на его имущество правъ обширнѣе его власти, даже если власть эта или вѣрнѣе самое имущество и подвергнуто въ видахъ государственной или общественной пользы тѣмъ ограниченіямъ, которыя дѣлаютъ самостоятельную собственность неполною ([57]). Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ и при такихъ ограниченіяхъ право его на имущество является самымъ обширнымъ, такъ какъ всѣ ограниченія на государственную или общественную пользу составляютъ лишь уступки изъ права собственности или владѣнія, а не самую собственность и не самое владѣніе ([58]). Напримѣръ, право проѣзжающихъ на дороги въ его имѣніи ([59]), судоходцевъ на рѣки, протекающія въ дачахъ, и на бичевникъ ([60]) и тому подобное, есть самое ограниченное право предъ обширностію собственности. Конечно, государство имѣетъ власть отобрать отъ хозяина его имущество для общественныхъ надобностей; но отобраніе это производится неиначе, какъ съ вознагражденіемъ ([61]), и въ этомъ случаѣ хозяинъ имущества перестаетъ быть хозяиномъ имуществу, не можетъ уже собственною властію установить оброчнаго содержанія. Хотя при видѣ такихъ правъ государства на частное имущество и возможно предположеніе, что оно имѣетъ какъ будто высшую власть на частную собственность, чѣмъ самъ хозяинъ ея; однако, вникнувъ въ существо этихъ правъ, приходимъ къ тому заключенію, что государство въ подобныхъ случаяхъ не становится между хозяиномъ и его имуществомъ, а дѣлается само хозяиномъ и, слѣдовательно, устраняетъ его само собою, разумѣется, съ вознагражденіемъ, отъ вліянія на принадлежащую ему собственность. По-

---

([56]) Ст. 423—430, X т., ч. 1-й.—([57]) Ст. 432 и слѣд., тамъ же.—([58]) Ст. 433, тамъ же.—([59]) Ст. 434, тамъ же. — ([60]) Ст. 434 и 437, тамъ же. — ([61]) Ст. 575, тамъ же.

этому между имуществомъ и его хозяиномъ, пока онъ сохраняетъ право собственности, нѣтъ лица, имѣющаго бо́льшую власть надъ нею, чѣмъ онъ самъ; при отсутствіи же такого лица оброчное содержаніе не можетъ установиться по собственному имуществу. Отъ этого первое условіе оброчнаго содержанія есть чужое имущество или чужое право. Можно противъ этого возразить, что соучастникъ въ собственности или одинъ изъ такъ называемыхъ общикъ владѣльцевъ или совладѣльцевъ ([62]), которымъ принадлежитъ совокупно нераздѣленное имѣніе, беретъ иногда его въ оброчное содержаніе отъ другихъ общихъ владѣльцевъ и, слѣдовательно, здѣсь какъ возможно установленіе оброчнаго содержанія самаго хозяина на его имущество, такъ проявляется лице или лица, кои, по предоставляемому имъ праву установленія оброчнаго содержанія, являются уже съ высшею властію, чѣмъ самъ хозяинъ. Но и здѣсь одинъ изъ общихъ владѣльцевъ имущества беретъ въ оброчное содержаніе не свою часть, составляющую его собственность, а части другихъ, ему непринадлежащія, отчего эти лица, съ высшею властію, эти его совладѣльцы или соучастники въ собственности, устанавливающіе оброчное содержаніе въ отношеніи къ нему, проявляютъ высшую власть только на свои части, а не на часть его, на которую они не имѣютъ вовсе права, хотя и находятся съ нимъ въ общей собственности ([63]).— Второе условіе оброчнаго содержанія есть срокъ пользованія; ибо если допустить, что по законамъ нашимъ возможно пользованіе безъ опредѣленія ему времени ([64]), то уже ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить безсрочнаго оброчнаго содержанія, такъ какъ законъ требуетъ, во всѣхъ видоизмѣненіяхъ этого имущественнаго положенія, положительнаго опредѣленія времени, за исключеніемъ особенныхъ двухъ случаевъ въ земляхъ казенныхъ ([65]), какъ увидимъ ниже. Поэтому, если хозяинъ имущества, отдавая его въ пользованіе другому, не опредѣляетъ срока его окончанію, онъ устанавливаетъ безсрочное пользованіе ([66]), а не оброчное содержаніе.— Третье условіе этого послѣдняго есть плата. Хотя и нельзя ли-

---

([62]) Ст. 541, X т., ч. 1-й.—([63]) Ст. 548, тамъ же.—([64]) Варадинова, изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ, ст. III, стр. 78.—([65]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 75 — 78. ([66]) Варадинова, изслѣдованія объ имущ. или веществ. правахъ, ст. III, стр. 79.

нить хозяина власти, не требовать отъ содержателя платы за предоставленное ему имущество; но это имущественное положеніе будетъ уже безплатнымъ или безвозмезднымъ пользованіемъ ([67]), а не оброчнымъ содержаніемъ, которое, не только по духу, но и по буквальному смыслу законовъ, не можетъ быть установлено безъ платы ([68]). Скажутъ, что для лица́, коему хозяинъ предоставляетъ свое имущество, все равно, какое наименованіе онъ дастъ тому положенію, въ которое его поставитъ; но здѣсь рѣчь идетъ не о выгодахъ этого лица, а о томъ, что съ тѣмъ или другимъ названіемъ сопряжено то или другое юридическое понятіе, тѣ или другія права́. Какъ хозяинъ, отдавая свое имѣніе другому въ оброчное содержаніе, не можетъ назвать это послѣднее собственностію или владѣніемъ; точно такъ, установляя пользованіе или предоставляя другому тѣ права, которыя подразумѣваются въ этомъ послѣднемъ, не можетъ назвать отношеніе этого лица къ своему имуществу оброчнымъ содержаніемъ. Другими словами, дѣло не въ существѣ положенія, ни во власти хозяина, а въ терминѣ. Тотъ или другой терминъ рождаетъ то или другое юридическое понятіе: *пользованіе* представляется извлеченіемъ выгодъ изъ имущества, съ платою или безъ платы—все равно,а оброчное содержаніе даетъ понятіе о пользованіи имуществомъ или правомъ непремѣнно съ платою. Какъ всякая вещь имѣетъ свои свойства, такъ и юридическій терминъ имѣетъ свое особенное значеніе, которое не подразумѣвается подъ другимъ терминомъ; какъ всякое наименованіе вещи выражаетъ именно ее одну, а не другую какую-либо вещь, такъ юридическій терминъ выражаетъ то, а не другое понятіе; какъ названіе вещи рождаетъ представленіе объ ея свойствахъ, такъ и юридическій терминъ возбуждаетъ представленіе о правахъ, которыя подъ нимъ разумѣются или которыя ему усвоены закономъ, обычаемъ или наукою.

Вотъ почему всегда важенъ въ законовѣдѣніи терминъ и установленіе его есть первая обязанность изслѣдователя права: безъ термина не можетъ быть яснаго представленія и опредѣленнаго понятія, безъ представленія же и понятія невозможно изслѣдованіе избраннаго юридическаго предмета. Но установленіе термина тре-

([67]) Варадинова, изслѣд. объ имущ. или вещ. правахъ, стр. 83—([68]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1691.

буетъ непремѣнно самаго точнаго опредѣленія; поэтому мы занялись въ предлагаемомъ здѣсь разсужденіи прежде всего установленіемъ термина, опредѣленіемъ избраннаго предмета и разъясненіемъ самаго опредѣленія. Это было еще и потому необходимо, что оброчное содержаніе имѣетъ столько совершенно тождественныхъ или почти тождественныхъ наименованій.

б) Предметы оброчнаго содержанія.

Какъ изъ опредѣленія этого имущественнаго положенія, такъ и изъ вышеизложенныхъ разъясненій мы видѣли, что предметами оброчнаго содержанія могутъ быть: 1) *имущества*, 2) *права*.

1. Имущества бываютъ движимыя и недвижимыя ([69]). Какія же изъ нихъ могутъ быть предметомъ оброчнаго содержанія? Изъ предыдущаго изложенія мы знаемъ, что̀ имущество недвижимое, какъ населенное имѣніе, земля, огородъ, пахатное поле, домъ, дворъ, поземельныя угодья, мельница, рыбныя ловли и прочее, отдаются въ оброчное содержаніе; мы упомянули также, что движимое собственно имущество, въ томъ числѣ корабль и судно ([70]), не составляютъ предмета оброчнаго содержанія, а при отдачѣ ихъ въ пользованіе другому, производятъ *наемъ*, въ собственномъ его смыслѣ. Здѣсь мы скажемъ положительно, что движимое имущество не принадлежитъ къ предметамъ оброчнаго содержанія и положеніе это подтвердимъ 2064 ст. и примѣч. къ ней Зак. Гражд. т. X, ч. 1-й, въ которой разъяснено, что подъ именемъ ссуды разумѣется договоръ, по которому хозяинъ движимой вещи уступаетъ ее въ пользованіе другому, подъ условіемъ возвращенія въ томъ видѣ, въ какомъ она дана въ ссуду, и безъ всякаго вознагражденія; но что если за пользованіе движимою вещію или движимымъ имуществомъ требуется вознагражденіе, то ссуда обращается въ *наемъ*. Изъ этого ясно видно, что законы наши не допускаютъ оброчнаго содержанія движимымъ имуществомъ и отдачу его въ пользованіе называютъ другимъ терминомъ и представляютъ другимъ юридическимъ понятіемъ—наймомъ. Съ тою же послѣдовательностію,

---

([69]) Ст. 383, т. X, ч. 1-й.—([70]) Т. XI, ч. 2-й, Уст. торг., ст. 1000 и слѣд.

причисляя корабль и судно къ имуществу движимому (71), называютъ отдачу ихъ въ пользованіе не содержаніемъ, а также наймомъ (72). Далѣе, законъ въ 1700 ст. и слѣдующихъ, того же тома, говоритъ о наймѣ, а не о содержаніи движимыхъ имуществъ, причисляя къ нимъ между прочимъ рабочій скотъ, подводы и прочее (73); наконецъ, устанавливаетъ различіе между оброчнымъ содержаніемъ и наймомъ, объясняя, что первое не можетъ быть совершено иначе, какъ посредствомъ письменнаго договора или акта, а второе допускаетъ и по словесному соглашенію, за исключеніемъ только найма корабля и судна, на который требуетъ также письменнаго договора (74). Хотя за симъ законъ и дозволяетъ совершать оброчное содержаніе городскихъ строеній и участковъ земляныхъ въ городѣ безъ письменнаго договора, но совершеніе такого содержанія условливаетъ взаимнымъ довѣріемъ хозяина къ нанимателю, въ видѣ исключенія (75), требуя положительнаго письменнаго договора для установленія оброчнаго содержанія недвижимымъ имуществомъ (76). При такихъ постановленіяхъ закона остается принять за правило, что оброчное содержаніе имѣетъ предметомъ своимъ недвижимое имущество, и что пользованіе городскимъ строеніемъ или земляннымъ городскимъ участкомъ составляетъ лишь условный наемъ, т. е. наемъ, обусловленный довѣріемъ хозяина къ нанимателю, или что городскія строенія и земляные городскіе участки могутъ быть, подобно движимымъ имуществамъ, только предметомъ найма, а не оброчнаго содержанія. Если мы при этомъ случаѣ обратимся къ общему народному употребленію выраженія наемъ и припомнимъ, что отдача въ пользованіе дома городскаго и земли въ городахъ называется повсемѣстно наймомъ; то должны необходимо допустить, что изъ недвижимыхъ имуществъ, составляющихъ предметъ оброчнаго содержанія, только городскіе домы и земли въ городахъ исключаются и принадлежатъ къ предметамъ собственно найма, но что всѣ остальныя недвижимыя вещи будутъ уже предметами оброчнаго содержанія.

(71) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 401.—(72) Т. XI, ч. 2-й, Уст. торг., ст. 1000.—(73) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1700.—(74) Ст. 1700, тамъ же.—(75) Ст. 1702, тамъ же.—(76) Ст. 1691 и 1703, тамъ же.

2. Изъ всѣхъ правъ, извѣстныхъ въ законахъ нашихъ и проистекающихъ изъ гражданственнаго положенія, изъ имущества и обязательствъ, только одно право изъ устанавливаемыхъ гражданственнымъ положеніемъ въ государствѣ составляетъ предметъ оброчнаго содержанія. Право это есть власть на нѣкоторые сборы, какъ сборъ съ городскихъ (77) и общественно-казачьихъ [войска донскаго (78), черноморскаго (79), астраханскаго (80), оренбургскаго (81), сибирскаго (82), новороссійскаго (83) и кавказскаго (84)] вѣсовъ и мѣръ, мостовъ и перевозовъ, съ городскихъ и общественно-казачьихъ ярмарочныхъ и торговыхъ площадей (85), сборъ съ ярмарокъ и торговъ въ землѣ новороссійскаго казачьяго войска (86), коробочные сборы (87), государственные и общественные сибирскаго линейнаго войска, въ киргизской степи (88), сборы за провозъ проѣзжающихъ на почтовыхъ лошадяхъ (89), питейные сборы (90), съ трактирныхъ заведеній (91) и тому подобное. Здѣсь отдается въ содержаніе не имущество, какъ напримѣръ городскіе вѣсы и мѣры; ибо здѣсь проявлялся бы наемъ движимаго имущества, чего однако на самомъ дѣлѣ нѣтъ; ни мостъ, или перевозъ или городская площадь, которыя по свойству своему, какъ имущество, не приносятъ собственно имущественныхъ доходовъ; ни почтовыя станціи, которыя какъ строенія, не даютъ вовсе доходовъ, ни почтовыя лошади, которыя подлежали бы найму (92); но именно право получать особеннаго рода доходъ, присвоенный городамъ, селеніямъ, государственному казначейству и прочее. Поэтому здѣсь нѣтъ различія между движимыми и недвижимыми имуществами, такъ какъ не они, а соединенное съ ними право передается въ содержаніе; самыя же имущества составляютъ только посредствующій предметъ между

---

(77) Т. XII, ч. 2-й, Уст. город. и сель. хоз., ст. 46, 47 и 50.—(78) Уст. казач. сел., тамъ же, ст. 14, 429 и 430.—(79) Ст. 426, тамъ же.—(80) Ст. 499, п. 2, тамъ же.—(81) Ст. 446, тамъ же.—(82) Ст. 524, п. 4, тамъ же.—(83) Ст. 462, п. м., тамъ же.—(84) Ст. 477 и 486, тамъ же.—(85) Т. XII, ч. 2-й, Уст. город. и сельск. хоз., ст. 53 и 54; Уст. казач. сел., ст. 16, 426, 462 п. в, 486 п. 4.—(86) Уст. казач. сел., ст. 486 п. 4.—(87) Т. V, Уст. под., ст. 281 и прилож. къ ней.—(88) Т. XII, ч. 2-й, Уст. казач. сел., ст. 524.—(89) Т. XII, ч. 1-й, Уст. почт., ст. 153.—(90) Т. V, Уст. питейн. сбора и акциза. ст. 1.—(91) Т. XII, ч. 1-й, ст. 31 и прилож. къ ней, Уст. город. и сель. хоз.—(92) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1.700.

правомъ и сборомъ. Здѣсь, далѣе, открываются сборы, которые не имѣютъ вовсе имущества, напримѣръ въ содержаніи вольныхъ почтъ, съ которыми не передаются содержателю даже, очень часто, станціонные домы, или сборы, гдѣ посредствующимъ предметомъ является дѣйствіе, какъ при питейныхъ, коробочныхъ и другихъ сборахъ. Наконецъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда передается посредствующее имущество, оно не предоставляется въ полное распоряженіе содержателя: получившій право на сборъ съ городской площади, моста или перевоза не властенъ изъять ихъ изъ всеобщаго употребленія; питейный откупщикъ не властенъ остановить продажу своего вина, содержатель коробочнаго сбора не въ правѣ закрыть свои мясныя лавки и тому подобное. Однимъ словомъ, не имущества, не самые сборы поступаютъ въ оброчное содержаніе, а *право на нихъ*. Въ особенности это положеніе ясно изъ отдачи въ содержаніе трактирныхъ заведеній, гдѣ трактирщику дается только право на открытіе и содержаніе заведенія, а не самое заведеніе или принадлежности его ([93]). Такимъ образомъ право на извѣстные особеннаго рода сборы и доходы, отдаваемые въ содержаніе, составляетъ второй объектъ разсматриваемаго нами юридическаго предмета.

Отсюда первое раздѣленіе нашего разсужденія на двѣ главы: 1) оброчное содержаніе имущества, 2) оброчное содержаніе права. Третья глава обоймётъ способъ установленія, сроки, права, обязанности и окончаніе оброчнаго содержанія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I. ОБРОЧНОЕ СОДЕРЖАНІЕ НЕДВИЖИМЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

А) Оброчное содержаніе недвижимыхъ имуществъ, состоящихъ въ самостоятельной собственности.

1) вообще.

а) полной и неполной.

Собственность есть такая обширная власть человѣка на усвоенную или пріобрѣтенную имъ вещь, что хозяинъ ея ([94]) можетъ не-

([93]) Т. XII, ч. 1-й, Уст. город. и сельск. хоз., ст. 31 и прилож. къ ней.—([94]) Варадинова, изслѣдованія объ имущ. и вещ. правахъ ст. 1, стр. 11.

ограниченно и независимо отъ посторонняго лица владѣть, пользоваться, располагать и управлять ею ([95]). Къ праву располагать имуществомъ или къ праву распоряженія принадлежитъ и отдача имущества въ оброчное содержаніе ([96]). Отсюда истекаетъ право хозяина вещи отдавать ее другому въ оброчное содержаніе. Это право его, при *полной собственности* ([97]), такъ обширно, что въ отношеніи установленія оброчнаго содержанія законъ ограничиваетъ хозяина лишь однимъ требованіемъ, чтобы условія, заключаемыя имъ съ содержателемъ, не были противны закону ([98]), а при собственности неполной ([99]), чтобы, сверхъ того, не были стѣснены тѣ права другихъ лицъ на его имущество, которыя полную его собственность поставили въ положеніе собственности неполной. Права этихъ другихъ лицъ суть: а) право проѣзда и прохода по большимъ дорогамъ и водянымъ сообщеніямъ, находящимся въ имѣніи ([100]), б) право на подножный кормъ, предоставляемый, въ опредѣленное время и на извѣстномъ пространствѣ, въ поляхъ имѣнія, прилегающихъ къ дорогамъ,—проѣзжающимъ и скотопромышленникамъ ([101]); в) разныя ограниченія хозяина земли, прилегающей къ судоходнымъ рѣкамъ, именно воспрещеніе постройки на большихъ судоходныхъ водахъ мельницъ, плотинъ, заколовъ и другихъ перегородокъ, препятствующихъ судоходству, а на малыхъ—мостовъ на жердяхъ или слабыхъ сваяхъ или такихъ постоянныхъ мостовъ, которые препятствуютъ сплаву бревенъ и дровъ ([102]); г) предоставленіе въ пользу судоходства бичевника ([103]); д) предоставленіе 10 саженъ земли въ пользу рыболововъ вокругъ такихъ озеръ имѣнія, въ которыхъ рыбная ловля не принадлежитъ вовсе хозяину, или принадлежитъ ему вмѣстѣ съ другими, или составлена для вольнаго промысла ([104]); е) предоставленіе морскихъ водъ и рыбной ловли въ моряхъ всеобщему употребленію ([105]), съ ограниченіями впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ([106]), и озеръ, не состоящихъ въ частномъ владѣніи ([107]); далѣе ж) хозяинъ земель и покосовъ, лежащихъ вверху рѣки, можетъ требовать: аа) чтобы

([95]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 420.—([96]) Ст. 541, тамъ же.—([97]) Ст. 423, тамъ же.—([98]) Ст. 1691, тамъ же.—([99]) Ст. 432, тамъ же.—([100]) Ст. 434, тамъ же.—([101]) Ст. 435 и 436, тамъ же.—([102]) Ст. 438, тамъ же.—([103]) Ст. 437, тамъ же.—([104]) Ст. 441, тамъ же.—([105]) Т. XII, ч. 2-й, Уст. гор. и сел. хоз., ст. 560.—([106]) Ст. 561, тамъ же.—([107]) Ст. 562, тамъ же.

сосѣдъ запрудами не поднималъ рѣчной воды и не затоплялъ его луговъ и полей, а также, чтобы не останавливалъ дѣйствія его мельницы, бб) чтобы хозяинъ противоположнаго берега не примыкалъ плотины къ его берегу ([108]); з) хозяинъ дома (городскаго) имѣетъ право требовать: аа) чтобы сосѣдъ не пристраивалъ поварни и печи къ стѣнѣ его дома; бб) чтобы не лилъ воды и не сметалъ сора на домъ и дворъ его; вв) чтобы не дѣлалъ ската кровли на его дворъ; гг) чтобы не устраивалъ оконъ и дверей въ брандмаурѣ, отдѣляющемъ кровли смежныхъ зданій ([109]); и) обязанность хозяина земли устраивать въ извѣстныхъ случаяхъ для проѣзда и для прогона скота чрезъ свои дачи дороги ([110]); і) ограниченія собственности по праву въѣзда въ лѣса, по праву пользованія звѣриными и другими промыслами ([111]); к) предоставленное въ имѣніи другому право владѣнія, пользованія и распоряженія ([112]). Другое ограниченіе права собственности по отношенію къ оброчному содержанію или вышеприведенное воспрещеніе включать въ договоръ условія, противныя закону, составляютъ: 1) соблюденіе правилъ, постановленныхъ для заключенія договоровъ вообще ([113]), 2) воспрещеніе брать въ содержаніе земли, корчмы, мельницы и другія угодья у помѣщичьихъ крестьянъ безъ дозволенія помѣщиковъ ([114]). Сохраняя права постороннихъ лицъ и исполняя эти воспрещенія, хозяинъ не стѣсненъ далѣе въ отдачѣ въ оброчное содержаніе своего имущества, состоящаго въ его самостоятельной собственности, полной или неполной.

б) ограниченной и общей.

Ограниченная собственность, выражающаяся въ лишеніи хозяина имущества права располагать имъ на случай смерти ([115]), что бываетъ именно при имѣніяхъ родовыхъ, казалось бы, не имѣетъ никакого вліянія на оброчное содержаніе, такъ какъ, съ одной стороны, хозяинъ такой собственности лишенъ только власти распоряженія ею на случай смерти, т. е. власти предоставлять свое

([108]) Т. X, ч. 1-й, ст. 442, Зак. Гражд.—([109]) Ст. 445—447, тамъ же.—([110]) Ст. 449 и 450, тамъ же. — ([111]) Ст. 453 и слѣд., тамъ же. — ([112]) Ст. 513, 534 и 541, тамъ же. — ([113]) Ст. 1701 и 1704, тамъ же.—([114]) Ст. 1698, тамъ же. — ([115]) Варадинова, изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ, ст. I, стр. 36—40.

имущество другому посредствомъ духовнаго завѣщанія ([116]); съ другой стороны, законъ, устанавливая срокъ оброчному содержанію —извѣстное число лѣтъ ([117]), тѣмъ выражаетъ, что смерть хозяина не можетъ прервать оброчнаго содержанія; наконецъ, положительно постановляетъ, что содержаніе это оканчивается только съ истеченіемъ срока, на который оно установлено, а не со смертію хозяина ([118]). Это установленіе срока даетъ хозяину возможность располагать и собственностію ограниченною неограниченно въ отношеніи времени его жизни. Наконецъ, оброчное содержаніе устанавливается добровольнымъ договоромъ, а не духовнымъ завѣщаніемъ, которое одно не допускается для имѣній родовыхъ ([119]), всѣ же другія условія, въ томъ числѣ и условіе на оброчное содержаніе, не воспрещены закономъ. Но здѣсь вопросъ не о срокѣ, который можетъ продолжаться и послѣ непредвидѣнной смерти хозяина, а о томъ, имѣетъ ли право хозяинъ заключить съ содержателемъ такое условіе, что содержаніе должно начаться лишь послѣ его смерти? Тутъ три случая: 1) онъ беретъ впередъ за все время содержанія его имущества оброчную плату, 2) предоставляетъ ее погодично или также всю разомъ въ пользу наслѣдниковъ, 3) предоставляетъ ее погодично или также разомъ впередъ, въ пользу посторонняго. Нельзя, кажется, сомнѣваться, что хозяинъ ограниченной собственности или родоваго имущества не властенъ заключить подобное условіе; ибо, вообще говоря, права его на вещь родовую прекращаются съ его смертію и, слѣдовательно, онъ не имѣетъ уже власти располагать ею послѣ смерти, а въ оброчномъ содержаніи, которое должно начаться съ его кончиною, проявляется именно это распоряженіе на имущество, которое въ день его кончины уже считается достояніемъ не его, а его рода ([120]). Далѣе, хотя первый изъ вышеприведенныхъ трехъ случаевъ сходствуетъ нѣсколько съ залогомъ имѣнія или займомъ денегъ, т. е. принятіе оброчной платы на все время оброчнаго содержанія; но какъ залогъ и заемъ устанавливаются на срокъ, который можетъ перейти или не перейти за предѣлы жизни хозяина, и начало уплаты ихъ

([116]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1010, 1011 и 1068.—([117]) Ст. 1691 и 1693, тамъ же.—([118]) Ст. 1705, тамъ же.—([119]) Ст. 1068, тамъ же.—([120]) Ст. 1254, тамъ же.

никогда не опредѣляется смертію хозяина; то поэтому самому оброчное содержаніе не можетъ быть въ этомъ отношеніи сравнено ни съ займомъ, ни съ залогомъ. Конечно, есть займы по предъявленію, т. е. заемщикъ предоставляетъ заимодателю право требовать уплаты по усмотрѣнію и требованіе это можетъ быть предъявлено и по кончинѣ заемщика и къ его родовому имѣнію ([121]), однако и здѣсь договоръ заключается не на случай его смерти. Если же хозяинъ родоваго имѣнія предоставляетъ оброчную плату наслѣдникамъ, казалось бы, онъ не нарушаетъ выгодъ ихъ; но дѣло тутъ не о выгодахъ, а о правѣ; права располагать родовымъ имуществомъ по смерти хозяинъ его не имѣетъ и, слѣдовательно, какія бы выгоды онъ ни предоставилъ наслѣдникамъ такимъ своимъ распоряженіемъ, онъ нарушилъ бы ихъ права, а нарушеніе правъ другаго ведетъ всегда къ уничтоженію договора. Сверхъ того, не извѣстно, удовлетворительны ли эти выгоды и не извлекли ли бы наслѣдники гораздо большихъ, если бы сами занялись управленіемъ имѣнія, или если бы сами отдали его въ оброчное содержаніе или на другія прибыльнѣйшія предпріятія. Если же этотъ второй случай долженъ быть признанъ недозволеннымъ по закону, то тѣмъ болѣе третій, когда оброчная плата предоставлялась бы не наслѣдникамъ, а постороннему; ибо тутъ не только нарушеніе правъ наслѣдниковъ, но даже лишеніе ихъ выгодъ по имуществу. Такимъ образомъ, нельзя даже представить какой-либо юридической возможности подобнаго оброчнаго содержанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ слѣдуетъ утвердиться въ той мысли, что ограниченная собственность имѣетъ такое же точно вліяніе на отдачу имѣнія въ оброчное содержаніе, какъ и на предоставленіе его другому въ собственность посредствомъ духовнаго завѣщанія, т. е. что оброчное содержаніе, заключаемое на случай смерти или долженствующее начаться по кончинѣ хозяина родоваго имѣнія, не допускается. Но за тѣмъ, всякое срочное содержаніе, хотя бы оно начиналось, по условію, черезъ пять, десять и болѣе лѣтъ отъ заключенія договора и въ это время могла случиться кончина хозяина, со взятіемъ ли имъ оброчной платы впередъ за все время ([122]), съ предоставленіемъ ли ея наслѣдникамъ и другому, должно быть, кажется,

([121]) Ст. 1259 Зак. Гражд., т. X, ч. 1-й.—([122]) Ст. 1703, тамъ же.

признано возможнымъ, особенно въ первомъ случаѣ, когда принятіе оброчной платы разомъ составляетъ уже нѣкоторымъ образомъ долгъ хозяина, взыскиваемый и съ его родоваго имущества ([123]), точно также, какъ во второмъ и третьемъ, ибо здѣсь совершается правильный договоръ, который потому и не можетъ быть нарушенъ. Конечно, объ этихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ нельзя не возразить, что если право хозяина родоваго имущества или ограниченной собственности прекращается съ его кончиною; то также можно допустить, что имущество, съ прекращеніемъ правъ его на него, не подлежитъ оброчному содержанію по его договору, положимъ, черезъ пять лѣтъ послѣ его смерти, т. е. когда оно уже перешло въ собственность наслѣдниковъ. Дѣйствительно, такое стеченіе обстоятельствъ заставляетъ задуматься; но если мы примемъ въ соображеніе, что начало оброчнаго содержанія положено договоромъ не по смерти хозяина, чего законъ, какъ мы видѣли, не допускаетъ, но по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ, и что договоръ, правильно заключенный, обязателенъ для наслѣдниковъ ([124]); то должны убѣдиться въ возможности такого содержанія, такъ какъ смерть хозяина не уничтожаетъ его договоровъ, напротивъ того, законъ обязываетъ наслѣдниковъ къ исполненію ихъ. Однако, при договорѣ, сила коего должна наступить чрезъ извѣстное число лѣтъ послѣ заключенія его, очень важна, въ случаѣ смерти хозяина до наступленія времени содержанія, самая буква, такъ сказать, договора. Напримѣръ, если въ договорѣ сказано: «я обязуюсь предоставить такому-то имѣніе мое по истеченіи пяти лѣтъ»; то едвали по смерти хозяина долженъ сохранить силу договоръ его, такъ какъ онъ имъ обязался лично— «я обязуюсь». Само собою разумѣется, что если онъ взялъ оброчную плату впередъ или предоставилъ ее за долгъ другому и не оставилъ никакого болѣе имущества; то наслѣдники, обязанные платить долги его, должны или возвратить оброчную плату съ процентами и удовлетворить заимодавца, или согласиться на установленіе по такому договору оброчнаго содержанія. Тоже самое, по мнѣнію нашему, должно послѣдовать, если договоръ заключенъ въ такихъ выраженіяхъ: «я предоставляю *свое* имѣніе такому-то въ оброчное содержаніе черезъ 5 лѣтъ отъ написанія договора»;

([123]) Ст. 1259, X т., ч. 1-й.—([124]) Ст. 1543, тамъ же.

ибо по смерти хозяина, его родовое имѣніе перестаетъ быть его собственностію и выраженіе «свое, мое имѣніе» влечетъ, очевидно, уничтоженіе договора. Но если въ немъ написано: «я предоставляю имѣніе такое-то (деревню, село), доставшееся мнѣ по наслѣдству отъ отца или матери и находящееся тамъ-то, въ оброчное содержаніе по истеченіи 5 лѣтъ со дня заключенія этого условія»; то договоръ этотъ имѣетъ полную обязательную силу для наслѣдниковъ, хотя бы хозяинъ его и не взялъ оброчной платы впередъ или не предоставилъ ее третьему за долгъ.—Вообще слѣдуетъ при договорахъ подобнаго рода обращать вниманіе на самый способъ выраженія, въ которомъ заключается обязанность отдать имѣніе въ оброчное содержаніе ([125]).

Собственность общая, коею выражается принадлежность имущества двумъ и болѣе лицамъ ([126]), представляетъ, въ отношеніи оброчнаго содержанія, тѣ же права и ограниченія, какъ собственность полная или неполная, съ тѣмъ лишь различіемъ, что отдача имущества такой общей собственности зависитъ отъ согласія всѣхъ хозяевъ и, безъ воли одного изъ нихъ, другой или другіе не въ правѣ установить оброчное содержаніе такимъ имѣніемъ ([127]). Однако имущества собственности общей бываютъ дѣлимыя по закону и недѣлимыя ([128]). Относительно этихъ послѣднихъ (недѣлимыхъ по закону, какъ напримѣръ, дворовъ, лавокъ, фабрикъ) остаются въ полной силѣ высказанныя здѣсь положенія; относительно же дѣлимыхъ они сохраняютъ силу лишь до раздѣла, послѣ котораго получившій въ раздѣлъ часть имѣнія властенъ располагать ею по своему усмотрѣнію ([129]). Но тогда самая общая собственность уничтожается. Пока же она существуетъ, то ни дѣлимое, ни недѣлимое имущество не можетъ быть отдано въ оброчное содержаніе однимъ изъ хозяевъ безъ согласія другаго или другихъ.

в) во владѣніи, пользованіи, распоряженіи, управленіи и оброчномъ содержаніи.

Какъ владѣніе есть удержаніе имущества за собою, за своею

([125]) Ст. 1536, X т., ч. 1-й.—([126]) Варадинова, изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ, ст. I, стр. 36—40.—([127]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 546.—([128]) Ст. 544, тамъ же.—([129]) Ст. 550, тамъ же.

личностію, за своимъ именемъ, на правѣ собственности ([130]); то установленіе оброчнаго содержанія имѣніемъ, состоящимъ во владѣніи, подчиняется всѣмъ условіямъ оброчнаго содержанія имѣнія, состоящаго въ собственности полной, неполной, ограниченной или общей.—Для уясненія такого сходства этихъ двухъ юридическихъ явленій слѣдовало бы войти въ разсмотрѣніе понятія «владѣніе», его сходства съ собственностію и его различія отъ нея; но разсмотрѣніе этого предмета потребовало бы особаго пространнаго трактата, который не можетъ, по своей обширности, занять мѣсто въ статьѣ, посвященной оброчному содержанію. Разъясненіе владѣнія, во всѣхъ его юридическихъ проявленіяхъ, мы уже представили публикѣ въ особомъ сочиненіи ([131]), въ которомъ старались доказать и, кажется, доказали, что владѣніе есть удержаніе имущества за собою, за своею личностію, за своимъ именемъ на правѣ собственности. Разсматривая за симъ съ этой точки зрѣнія, съ основанія этого положенія, имущество, состоящее во владѣніи, мы не приходимъ къ другому результату, кромѣ вышесказаннаго, относительно оброчнаго содержанія такимъ имѣніемъ.

Совершенно другое представляютъ имущества, состоящія *въ пользованіи, распоряженіи и управленіи.* Эти три проявленія имущественныхъ правъ показываютъ прежде всего имущество чужое, т. е. несостоящее въ собственности, и, слѣдовательно, зависятъ отъ условій самаго ихъ установленія, отъ акта или договора или особыхъ обстоятельствъ, по которымъ имѣніе перешло отъ хозяина къ другому въ пользованіе или въ распоряженіе или въ управленіе, или же въ то и другое и третье вмѣстѣ ([132]). Отъ акта этого и этихъ особыхъ обстоятельствъ, отъ объема правъ, предоставляемыхъ ими пользователю, распорядителю и управителю чужаго имущества, зависитъ разрѣшеніе вопроса, можетъ ли, какимъ образомъ, на какихъ условіяхъ, и въ какомъ видѣ быть установлено оброчное содержаніе имѣніемъ, находящимся въ пользованіи, распоряженіи, управленіи или въ томъ и другомъ и третьемъ вмѣстѣ ([133]).

([130]) Варадинова, изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ, ст. II, стр. 1—7.—([131]) Во второй статьѣ изслѣдованій объ имущ. или вещ. правахъ по законамъ русскимъ.—([132]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 432, п. 5 и 6.— ([133]) Ст. 541, тамъ же.

Мы говоримъ о пользованіи, распоряженіи и управленіи, отдѣленныхъ отъ собственности ([134]), точно также какъ сейчасъ говорили и о владѣніи, отдѣленномъ отъ собственности или самостоятельномъ; но можетъ случаться, что на имѣніе, состоящее въ собственности, хозяинъ его имѣетъ только право владѣнія, а пользованіе, распоряженіе или управленіе принадлежитъ другому, или что онъ, соединяя съ собственностію владѣніе и пользованіе, лишенъ права распоряженія и управленія или вообще не имѣетъ той или другой части собственности. Въ такомъ случаѣ собственность его является неполною ([135]) и оброчное содержаніе имѣніемъ такой неполной собственности подчиняется высказаннымъ выше положеніямъ объ этой послѣдней.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и объ имуществѣ, состоящемъ лишь въ оброчномъ содержаніи, что сказано о пользованіи и распоряженіи, за исключеніемъ соединенія оброчнаго содержанія съ собственностію, такъ какъ оброчное содержаніе предполагаетъ всегда чужое имущество, т. е. что отъ акта или договора, по которому перешло имѣніе къ содержателю, зависитъ власть его отдавать такое имѣніе въ новое содержаніе, такъ называемую субъ-аренду. Сверхъ того слѣдуетъ присовокупить, что какъ оброчное содержаніе устанавливается только договоромъ, а не особыми обстоятельствами, то имѣніе, состоящее въ оброчномъ содержаніи, не представляя ни права собственности въ содержателѣ, ни особыхъ обстоятельствъ, вызвавшихъ его право на чужое имѣніе, какъ напримѣръ въ опекунѣ при распоряженіи имѣніемъ, отданнымъ въ опеку, подчиняется, относительно субъ-аренды, только одному договору, и объему правъ, имъ установленныхъ, и въ этомъ отношеніи отличается отъ имѣній, находящихся въ пользованіи, распоряженіи и управленіи.

([134]) Варадинова, изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ, ст. II, стр. 48—70, ст. III, стр. 2.

([135]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 432, п. 5 и 6.

Б) Оброчное содержаніе недвижимыхъ имуществъ, состоящихъ въ собственности самостоятельной.

2. въ особенности.

а) частной, государственной и общественной.

Всѣ до сихъ поръ высказанныя положенія относятся преимущественно къ *частной собственности*.

Но и *къ собственности государственной* ([136]) относятся они въ той мѣрѣ, въ какой индивидуальная личность хозяина имущества изъ нихъ исключается. Здѣсь собственность государственная ограничивается, впрочемъ, лишь такъ называемыми государственными имуществами, въ противоположность собственности частной въ предѣлахъ государства, а не въ противоположность къ имуществамъ другихъ государствъ. Объ этомъ двоякомъ значеніи собственности государственной сказано мною въ другомъ мѣстѣ ([137]). А какъ, сверхъ того, послѣднее значеніе собственности государственной или противополагаемой имуществамъ другихъ государствъ, составляя политическое состояніе вещей въ сферѣ отношеній одного государства къ другому, не предполагаетъ возможности оброчнаго содержанія; то здѣсь изслѣдованіе касается государственныхъ имуществъ лишь въ смыслѣ тѣснѣйшемъ и въ противоположности собственности частной. Такая государственная собственность, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, не представляетъ, въ своемъ существѣ, обширнѣйшаго права оброчнаго содержанія, чѣмъ частныя имущества, и отличается отъ нихъ, въ этомъ проявленіи вещественнаго права, лишь формами установленія, нѣкоторыми преимуществами въ своемъ охраненіи, срокѣ, и отчасти объемѣ, о чемъ сказано будетъ ниже. Поэтому здѣсь, т. е. при изслѣдованіи существа оброчнаго содержанія, она можетъ быть совершенно сравнена съ собственностію частною и требуетъ только нѣкоторыхъ поясненій: 1) ее нельзя смѣшивать съ собственностью зависимою или съ государственными имуществами, состоящими въ поссессіонномъ, вѣчномъ, потомственномъ или временномъ владѣніи обществъ, уста-

---

([136]) Изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ, ст. I, стр. 25.
([137]) Тамъ же, стр. 25—28.

новленій и частныхъ лицъ, въ видѣ собственности; 2) она не проявляетъ условій собственности ограниченной и не подвергается ихъ положеніямъ и послѣдствіямъ, такъ какъ не представляетъ идеи посмертнаго распоряженія и духовнаго завѣщанія, свойственнымъ одной собственности частной; 3) она не проявляетъ также условій и собственности общей, за исключеніемъ развѣ въѣзжихъ и общихъ лѣсовъ, гдѣ они еще существуютъ; она не представляетъ идеи двухъ или большаго числа хозяевъ, принадлежа единственному юридическому лицу—государству. Этими тремя свойствами она отличается отъ собственности частной, по отношенію къ отдачѣ государственныхъ имуществъ въ оброчное содержаніе; за тѣмъ остальныя положенія, высказанныя выше объ этомъ содержаніи, имѣютъ къ ней полное примѣненіе.

Собственность общественная, принадлежащая разнымъ сословіямъ въ государствѣ, какъ дворянству извѣстной губерніи и уѣзда, городамъ и крестьянскимъ обществамъ, составляетъ переходъ отъ собственности государственной къ частной, а потому относительно оброчнаго содержанія проявляетъ условія той и другой, но въ видахъ болѣе ограниченныхъ, чѣмъ та и другая собственность, отдѣльно взятая. Такъ имущества дворянства являются собственностію частною, подъ распоряженіемъ избранныхъ дворянствомъ лицъ, зависятъ, относительно отдачи въ оброчное содержаніе, отъ самаго дворянства и тѣхъ правъ, которыя предоставлены дворянствомъ губерніи или уѣзда избраннымъ отъ него лицамъ для завѣдыванія его имуществами, какъ и собственность частная, ввѣренная распоряженію другаго (не хозяина) посредствомъ довѣренности, и не представляютъ условій собственности ограниченной, или предсмертнаго распоряженія и духовнаго завѣщанія, ни условій собственности общей, какъ и имущества государственныя; за тѣмъ они не имѣютъ, въ существѣ и объемѣ оброчнаго содержанія, даже въ самомъ порядкѣ установленія, срокѣ и охраненіи другихъ отличій и преимуществъ, какъ и собственность частная ([138]), приближаясь болѣе къ ней, чѣмъ къ собственности государственной.—Собственность городскихъ и сельскихъ обществъ, не предполагая ни предсмертнаго распоряженія, ни духовнаго завѣщанія, пользуется, по

([138]) Стр. 31 и 32, тамъ же.

установленію и охраненію оброчнаго содержанія, тѣми условіями, которыя установлены для собственности государственной, приближаясь къ ней болѣе, чѣмъ къ собственности частной (139). Она не проявляетъ и условій собственности общей; ибо хотя и принадлежитъ всѣмъ членамъ городскихъ или сельскихъ обществъ, хотя и отдается въ оброчное содержаніе съ общаго ихъ согласія (140); но такое общее согласіе установляется *большинствомъ* голосовъ, а не особеннымъ, т. е. каждаго члена, согласіемъ, что требуется при собственности общей, принадлежащей двумъ или большому числу частныхъ хозяевъ.—Здѣсь однако слѣдуетъ разумѣть собственность городскихъ и сельскихъ обществъ въ прямомъ значеніи, или имущества, *пріобрѣтенныя ими на свой счетъ* (141), а не имущества государственныя, предоставляемыя правительствомъ этимъ обществамъ въ собственность зависимую, о которыхъ говорится ниже, или земли, угодья, правильно и своими средствами купленныя, капиталы, собранные по добровольнымъ раскладкамъ, а не земли, или угодья, отведенныя казною городамъ и селеніямъ для вѣчнаго пользованія и распоряженія (142), ни капиталы, собранные на предназначенный законами предметъ, хотя иногда и по добровольнымъ складкамъ, но по требованію закона, подлежащему непремѣнному, какъ бы вынужденному, исполненію.

б) личной и вещественной собственности.

Всѣ до сихъ поръ высказанныя положенія о оброчномъ содержаніи имуществъ, состоящихъ въ собственности самостоятельной, полной, неполной, ограниченной, общей, частной, государственной и общественной, относятся къ имуществамъ *собственности личной* (143), такъ какъ частный хозяинъ, государство и общество представляютъ, по законамъ нашимъ, *лице юридическое*, съ тѣми различіями каждой изъ этихъ собственности, которыя разъяснены уже при изслѣдованіи ихъ отдѣльно; а потому собственность личная не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій, въ существѣ предоставленнаго ей права на оброчное содержаніе.

---

(139) Т. IX, Зак. Сост., ст. 40 и 42, ст. 43 п. 3.—(140) Ст. 43 п. 10, тамъ же.—(141) Ст. 40, тамъ же.—(142) Изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ, ст. I, стр. 124.—(143) Стр. 33, тамъ же.

Совершенно другое представляетъ *собственность вещественная* [144], принадлежащая дворцовымъ управленіямъ, церквамъ, монастырямъ, архіерейскимъ домамъ, кредитнымъ установленіямъ, богоугоднымъ, учебнымъ и ученымъ заведеніямъ [145]. Она, подлежа условіямъ полной и неполной собственности, и не представляя свойствъ собственности ограниченной, проявляетъ, при отдачѣ въ оброчное содержаніе, условія собственности государственной, частной и общественной, но также только въ способѣ установленія, охраненія и срока оброчнаго содержанія. Такъ имущества дворцовыхъ управленій, кредитныхъ установленій, богоугодныхъ, казенныхъ учебныхъ и ученыхъ заведеній приближаются къ собственности государственной, завися въ распоряженіи по оброчному содержанію отъ высшихъ государственныхъ установленій; имущества церквей, монастырей и архіерейскихъ домовъ приближаются къ общественной, завися въ оброчномъ содержаніи отъ епархіальнаго архіерея, монастырскаго настоятеля съ братіею, священнослужителей съ церковными старостами и почетнѣйшими прихожанами [146]. Имущества частныхъ ученыхъ обществъ представляютъ также собственность общественную, равную, во всѣхъ своихъ юридическихъ проявленіяхъ, имуществамъ дворянскихъ обществъ; но также только въ способѣ установленія, срокѣ и охраненіи, а не въ существѣ права оброчнаго содержанія, которое носитъ на себѣ всѣ признаки полной или неполной собственности. Частныхъ учебныхъ заведеній, которыя бы имѣли имущества, у насъ нѣтъ, такъ какъ содержатель или учредитель частнаго учебнаго заведенія есть и хозяинъ принадлежащаго къ заведенію имущества.

в) дворянской и недворянской собственности.

Дворянская собственность или населенныя имѣнія принадлежатъ казнѣ, дворцовымъ управленіямъ [147] и потомственному дворянину [148]. Это впрочемъ общее правило, такъ какъ есть у насъ дворянскія имущества, принадлежащія городамъ, напримѣръ въ

---

(144) Стр. 35, тамъ же.—(145) Т. X, ч. 2-й, Зак. Гражд., ст. 413.—(146) См. ниже. (147) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 406 и 412 и изслѣдованія объ имуществ. или госуд. врагахъ, ст. I, стр. 58.—(148) Т. IX, Зак. Сост., ст. 208.

Остзейскихъ губерніяхъ ([149]), и недворянамъ, напримѣръ поссессіонныя имѣнія, состоящія въ собственности зависимой ([150]). Населенныя имѣнія, принадлежащія казнѣ и дворянамъ, не составляютъ вовсе объектовъ оброчнаго содержанія, т. е. первыя не отдаются въ оброчное содержаніе, по истеченіи прежнихъ оброчныхъ сроковъ и по обращеніи ихъ на поземельный оброкъ ([151]), а вторыя воспрещено совершенно отдавать въ оброчное содержаніе ([152]). Принадлежащія дворцовымъ управленіямъ также не поступаютъ въ оброчное содержаніе ([153]). Только оставленныя за городами Остзейскихъ губерній ([154]), казенныя, которыя еще не обращены на поземельное оброчное положеніе и отданы частнымъ лицамъ въ хозяйственное управленіе ([155]), и населенныя поссессіонныя ([156]) принадлежатъ къ предметамъ разсматриваемаго нами вещественнаго положенія.

Недворянскія имущества, предоставляемыя закономъ всѣмъ вышеисчисленнымъ субъектамъ правъ физическимъ и юридическимъ, носятъ на себѣ, при отдачѣ въ оброчное содержаніе, всѣ тѣ проявленія, которыя обусловливаются принадлежностію тѣмъ или другимъ лицамъ. Имущества же эти, въ частности взятыя, могутъ быть: пустопорожнія земли ([157]), фабрики, заводы, земляные участки, рыбныя ловли, мельницы и тому подобныя заведенія, оброчныя статьи, дворовыя, лавочныя, мельничныя и другія мѣста, предназначенныя для хозяйственныхъ заведеній, корчмы, угодья, городскія строенія, домы, сѣнокосные луга ([158]), пашни, степи, сады, огороды, бортныя ухожья, рыбныя ловли, мѣловыя и жерновыя горы, селитрянные бурты, перевозы, ярмарочныя мѣста и плацы, погреба, ледники, амбары, домы, лавки, шалаши, по-

---

([149]) Сводъ мѣстныхъ узаконеній Остзейскихъ губерн., ч. I, ст. 458, п. 7, ст. 643, п. 5 и другія.—([150]) Изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ, ст. I, стр. 115.—([151]) Т. VIII, ч. 1, Уст. каз. нас. имѣн., ст. 2, п. 3.—([152]) Т. X, ч. 1, Зак. Гражд., ст. 1695.—([153]) Сколько мнѣ извѣстно изъ моей юридической практики, но закона, воспрещающаго отдавать ихъ въ оброчное содержаніе, я не знаю.—([154]) Сводъ мѣст. узакон. Остзейск. губ., ч. I, ст. 458, п. 7; 643, п. 5.—([155]) Т. VIII, ч. 1, Уст. каз. нас. имѣн., ст. 25 и слѣдующія.—([156]) Изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ, ст. 1, стр. 115.—([157]) Т. X, ч. 1, Зак. Гражд., ст. 1693.—([158]) Ст. 1693, 1697, 1698, 1702, 1707, 1709,

стоялые дворы, корчмы, шинковые домы, медиплавительные молоты, торговыя бани, бойни, фольварки или усадьбы ([159]).

г) раздѣльной и нераздѣльной собственности.

Подобно недворянской собственности, предоставленной разнымъ субъектамъ права, имущества раздѣльныя и нераздѣльныя обусловливаются, при отдачѣ въ оброчное содержаніе, принадлежностію ихъ тому или другому хозяину и, сверхъ того, нераздѣльныя представляютъ то особенное свойство, что отдаются въ оброчное содержаніе въ цѣломъ ихъ составѣ ([160]).

В) Оброчное содержаніе имуществъ, состоящихъ въ собственности зависимой ([161]).

а) заповѣдной ([162]), *б) поссессіонной* ([163]) *и в) въ вѣчномъ, потомственномъ или временномъ владѣніи государственными землями, предоставленными обществамъ, установленіямъ и частнымъ лицамъ, въ видѣ собственности* ([164]).

Заповѣдная собственность, состоя изъ населеннаго и ненаселеннаго имущества, т. е. изъ дворянской и недворянской собственности ([165]), проявляетъ, при отдачѣ въ оброчное содержаніе, во первыхъ признаки этихъ послѣднихъ; во вторыхъ ограниченія собственности неполной; въ третьихъ условія собственности ограниченной. Другихъ особенностей она не представляетъ.

Но *собственность поссессіонная*, подобно нераздѣльной, отличается отъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ здѣсь тѣмъ свойствомъ, что она передается въ оброчное содержаніе въ цѣломъ составѣ, безъ малѣйшаго раздробленія и, сверхъ того, неиначе, какъ съ разрѣшенія министра финансовъ, и неиначе, какъ со всѣми тѣми правами и обязанностями, какія лежатъ на самомъ хозяинѣ ея ([166]).

1710, 1714 и 1726 тамъ же.—([159]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 2.—([160]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 394 и 395; Т. XI, ч. 2, Уст. промыш., ст. 62.—([161]) Изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ, ст. I, стр. 93—99.—([162]) Т. X, ч. 1, Зак. Гражд., ст. 467—493.—([163]) Изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ, ст. I, стр. 115.—([164]) Стр. 124, тамъ же.—([165]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 469 и 470.—([166]) Т. XI, ч. 2, Уст. промыш., ст. 62.

Еще большее разнообразіе представляетъ, въ этомъ отношеніи, третій видъ зависимой собственности, *вѣчное*, *потомственное или временное владѣніе въ видѣ собственности* государственными землями. Здѣсь прежде всего три вида оброчнаго содержанія: 1) государственныхъ земель, предоставленныхъ городскимъ и сельскимъ обществамъ ([167]), 2) установленіямъ ([168]), 3) частнымъ лицамъ ([169]). Первый видъ обнаруживаетъ, при отдачѣ въ оброчное содержаніе, собственность общественную, второй вещественную, а третій, состоя изъ имѣній, пожалованныхъ частнымъ лицамъ на правѣ пожизненномъ, коммуникативномъ, экспектативномъ, срочномъ ([170]) и маіоратномъ ([171]), подвергается новымъ условіямъ, несвойственнымъ ни одной изъ приведенныхъ выше собственностей. Но условія эти касаются только порядка установленія и срока, а не существа оброчнаго содержанія ([172]), за исключеніемъ маіоратнаго имѣнія, которое, сверхъ того, въ противоположность собственности поссессіонной, не можетъ быть отдано въ оброчное содержаніе въ цѣломъ составѣ ([173]), и допускаетъ проявленіе этого имущественнаго права лишь въ *запасныхъ* земляхъ такого имѣнія, какъ бы непринадлежащихъ къ цѣлости его, и исключаетъ изъ оброчнаго содержанія повинности крестьянъ ([174]).

Г) Могутъ ли принадлежности имуществъ быть предметомъ оброчнаго содержанія?

Принадлежности имущества суть составныя его части, которыя или по естественной и искусственной связи или по закону не могутъ быть отдѣлены отъ имущества, не нарушивъ цѣлости его, и которыя переходятъ при переуступкѣ имущества отъ одного лица къ другому, даже въ томъ случаѣ, если въ переуступочномъ актѣ объ нихъ ничего не сказано ([175]). Онѣ бываютъ трехъ родовъ: 1) *естественныя*, 2) *искуственныя* и 3) *законныя*. Къ первымъ отно-

([167]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 414, п. 2 и 3.—([168]) Ст. 413, тамъ же.—([169]) Изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ, ст. I, стр. 124.—([170]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. нас. имѣн., прилож. къ 3 примѣч. 2 ст.—([171]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 494—512.—([172]) См. ниже.—([173]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 504, 506, п. 1, ст. 1692.—([174]) Примѣч. къ 504 ст., тамъ же.—([175]) Примѣч. къ 388 и 389 ст., тамъ же.

сятся: рѣки, озера, пруды, болота, дороги и источники, находящіеся въ поземельномъ имуществѣ, всѣ произведенія на поверхности земли и всѣ сокровенные въ нѣдрахъ ея металлы, минералы и другія ископаемыя ([176]). Ко вторымъ: строенія, посуда и инструменты заводовъ, части, составляющія внутреннюю и наружную отдѣлку дома, мраморные, краснаго и другаго дерева полы, мраморные, мѣдные и чугунные камины, дорогія обои, зеркала въ стѣнахъ и проч. ([177]), мельницы, мосты, перевозы, плотины и гати, находящіеся въ поземельномъ участкѣ, домы и дворы ([178]). Къ третьимъ: въ тѣхъ же имѣніяхъ церковныя строенія ([179]), при заводахъ приписныя деревни и крестьяне, земли, лѣса, сѣнные покосы, руды, соляные разсолы, трубы и всѣ вещества ископаемыя ([180]). Къ принадлежностямъ казенныхъ ненаселенныхъ земель, отданныхъ частнымъ лицамъ въ арендное содержаніе: всѣ строенія, плотины и проч., находящіяся на участкѣ, деревья, разсадники, сѣмена, рабочій скотъ, матеріалы, удобряющія вещества, инструменты, употребляемые при работахъ, все внутреннее и наружное устройство мельницъ, фабрикъ и заводовъ, всѣ строенія, подвижные инструменты и машины, безъ которыхъ заведеніе не имѣло бы цѣлости ([181]).

Исчисленіе этихъ имущественныхъ принадлежностей и разъясненіе свойства ихъ неотдѣлимости составляютъ отвѣтъ на предложенный нами объ нихъ вопросъ только въ отношеніи содержанія частнаго имущества. Но и тутъ возникаетъ сомнѣніе на счетъ сокровенныхъ въ нѣдрахъ земли металловъ и другихъ ископаемыхъ. Что же касается до принадлежностей имуществъ собственности государственной, вещественной и общественной; то при отдачѣ ихъ въ оброчное содержаніе составляется имъ и принадлежностямъ ихъ опись, далѣе которой содержатель не можетъ простирать правъ своихъ ([182]). Точно также установитель содержанія въ имуществѣ частномъ властенъ ограничить содержателя въ пользованіи принадлежностями, но это ограниченіе должно быть объяснено въ актѣ установленія.

([176]) Т. X, ч. 1-й, ст. 387.—([177]) Ст. 388 и 389, тамъ же.—([178]) Ст. 386, тамъ же.—([179]) Ст. 386, тамъ же.—([180]) Ст. 388 и примѣч., тамъ же.—([181]) Т. XII, ч. 2, Уст. город. и сельск. хоз., ст. 108, п. 28.—([182]) Т. IV, ч. 1, Уст. каз. нас. имѣн., ст. 62 и 80.

Д) Лица, которыя могутъ установить оброчное содержаніе.

Разсмотрѣвъ всѣ роды недвижимыхъ имуществъ, свойственныхъ нашимъ законамъ, по предмету отдачи ихъ въ оброчное содержаніе, переходу къ лицамъ, которыя властны установить это вещественное положеніе или право. Само собою разумѣется, здѣсь будетъ прежде всего то общее правило, что только одинъ полноправный хозяинъ можетъ отдать имѣніе свое въ содержаніе (183); но это правило относится не ко всѣмъ исчисленнымъ имуществамъ, а лишь къ имуществамъ государственнымъ, въ которыхъ можетъ быть установлено оброчное содержаніе верховною властію (184), къ имуществамъ собственности частной (185), личной (186), общей (187), и заповѣдной (188); но имущества собственности общественной, вещественной, поссессіонной, вѣчнаго и потомственнаго владѣнія казенными землями, предоставленными городскимъ и сельскимъ обществамъ, а также установленіямъ зависятъ въ установленіи оброчнаго содержанія отъ тѣхъ властей, которымъ ввѣрено охраненіе ихъ, какъ-то отъ палатъ государственныхъ имуществъ, министерства государственныхъ имуществъ (189), министерства финансовъ (190), дворцовыхъ управленій (191), мѣстныхъ архіереевъ (192), губернскихъ правленій, министерства внутреннихъ дѣлъ, Правительствующаго Сената (193) и другихъ среднихъ и высшихъ государственныхъ установленій (194). Однако не всегда и хозяинъ частной собственности имѣетъ право на отдачу въ оброчное содержаніе своего имущества: и онъ бываетъ ограниченъ. Такъ не малолѣтные хозяева устанавливаютъ оброчное содержаніе своихъ имуществъ, а ихъ опекуны (195); равно какъ совершеннолѣтніе хозяева тѣхъ имѣній, которые ограничены въ своемъ распоряженіи, по взятіи имѣнія въ

(183) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 420.—(184) Т. VIII, ч. 1, Уст. каз. обр. ст., ст. 77.—(185) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 420.—(186) Изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ, ст. I, стр. 33—35.—(187) Т. X, ч. 1, Зак. Гражд., ст. 546.—(188) Ст. 486, тамъ же.—(189) Т. VIII, ч. 1,Уст. каз. обр. ст., ст. 34 и слѣд.—(190) Т. XI, ч. 2, Уст. промыш., ст. 62.—(191) Т. X, ч. 1, Зак. Гражд., ст. 411 и 412.—(192) Ст. 1711 и 1712, тамъ же.—(193) Ст. 1710, тамъ же и т. XII, ч. 2, ст. 43.—(194) См. постановленіе объ этомъ предметѣ, т. XII, ч. 2, въ Уст. казач. сел.—(195)Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 217, 266 и 270.

администрацію или опеку, также какъ и несовершеннолѣтніе, лишены права распоряженія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и права установлять оброчное содержаніе ([196]).

Е) Лица, которыя могутъ взять въ оброчное содержаніе имущества недвижимыя.

Всякое полноправное, совершеннолѣтнее и нелишенное права распоряженія лице имѣетъ власть принять въ свое оброчное содержаніе каждое недвижимое имущество, подлежащее оброчному содержанію, исключая: 1) дворянина и потомковъ его до третьяго поколѣнія, которые не властны брать въ оброчное содержаніе населенныхъ имѣній, гдѣ они сами, отцы ихъ и дѣды по *отцамъ* (значитъ не по матерямъ) были записаны въ ревизіи; 2) лицъ, состоящихъ въ бракѣ съ вышедшими изъ крѣпостнаго состоянія, которыя лишены права оброчнаго содержанія населенныхъ имѣній, гдѣ они или супруги или отцы этихъ послѣднихъ или дѣды по отцамъ были приписаны по ревизіи ([197]); 3) Евреевъ, кои не имѣютъ права брать въ содержаніе казенныхъ земель, пожалованныхъ частнымъ лицамъ въ собственность зависимую ([198]), и тѣхъ заведеній, гдѣ производится продажа и выдѣлка горячихъ напитковъ, а при взятіи въ содержаніе оброчныхъ статей и другихъ хозяйственныхъ заведеній обязаны не жить въ шинкахъ, харчевняхъ, корчмахъ и вообще въ домахъ, гдѣ производится распивочная продажа внѣ городовъ и мѣстечекъ, не заниматься лично и чрезъ другихъ Евреевъ и христіанъ распивочною продажею хлѣбнаго вина, спирта, водокъ, наливокъ, пива и меда, не быть подвальными, не разносить и не развозить эти напитки лично и чрезъ другихъ лицъ по селеніямъ, полямъ и дорогамъ для распивочной продажи, обмѣна или угощенія, не имѣть собственныхъ винокурень, не производить винокуренія и выдѣлки разнаго рода горячихъ напитковъ безъ особаго дозволенія правительства ([199]); 4) дворянъ и лицъ, непринадлежащихъ къ купеческому и мѣщанскому званію, которые лишены права брать въ оброчное содержаніе выгонные городскіе участки

([196]) Ст. 376 и ч. 2, ст. 2015—2038 тамъ же; т. XI, ч. 1, Зак. Торг. ст. 1931; т. XIV, Уст. пред. и пресѣч. прест., ст. 420—436.—([197]) Т. X, ч. 1, Зак. Гражд., ст. 1696.—([198]) Т. VIII, ч. 1, Уст. каз. нас. имѣн., прилож. къ 3 примѣч. 2 ст., п. 25.—([199]) Т. X, ч. 1, Зак. Гражд., ст. 1699.

подъ хлѣбопашество и устройство хуторовъ ([200]; 5) лицъ незаписанныхъ въ гильдіи, которыя не властны, безъ вступленія въ гильдейское сословіе, принимать въ содержаніе поссессіонное имущество, мануфактурныя, заводскія и другія учрежденія, предоставленныя торгующему классу ([201]); 6) тѣхъ же сословій, за исключеніемъ потомственныхъ дворянъ, которые по мѣщанскому, крестьянскому и даже низшему (3 или 2 гильдіи) купеческому званію имѣютъ право брать въ содержаніе только предметы, контрактная сумма коихъ не превосходитъ предоставленные имъ торговые обороты ([202]), за исключеніемъ казенныхъ оброчныхъ статей ([203]); 7) нижнихъ воинскихъ чиновъ ([204]) и дворянъ, состоящихъ на службѣ, если для оброчнаго содержанія требуется торговое свидѣтельство ([205]); 8) помѣщичьихъ крестьянъ безъ дозволенія помѣщика ([206]); 9) монашествующихъ ([207]); 10) лицъ бѣлаго православнаго и протестантскаго духовенства, а также магометанскаго и, кажется, другихъ исповѣданій, если для оброчнаго содержанія необходимо записаться въ гильдію ([208]). Другихъ изъятій, относительно оброчнаго содержанія, въ законахъ нѣтъ; отсюда выводъ: личные дворяне, не состоящіе на службѣ, почетные граждане, купцы, мѣщане, крестьяне всѣхъ родовъ могутъ брать въ оброчное содержаніе и *населенныя* имущества, неисключенныя изъ этого вещественнаго положенія, напримѣръ поссессіонныя.

Нѣтъ также исключеній касательно установленій, обществъ и вообще лицъ юридическихъ, которымъ предоставляютъ законы права вещественныя ([209]). Отсюда заключеніе, что они могутъ брать въ оброчное содержаніе всѣ роды имуществъ, подвергаясь въ извѣстныхъ случаяхъ тѣмъ ограниченіямъ, которыя установлены

([200]) Т. XII, ч. 2, Уст. город. и сел. хоз., ст. 43, п. 4 и 10.—([201]) Т. XI, ч. 2 Уст. промыш., ст. 62, п. 3 и 4, а также примѣч. къ ней.—([202]) Т. X, ч. 1 Зак. Гражд., ст. 1770—1772, 1781 и т. XI, ч. 2, Уст. промыш., ст. 62, п. 3, 4 и примѣч.—([203]) Въ законѣ, 42 ст. Уст. каз. обр. ст., т. VIII, ч. 1, говорится: «торгующіеся на казенныя оброчныя статьи освобождаются отъ представленія торговыхъ свидѣтельствъ». Но не требуются ли эти свидѣтельства при заключеніи договора, въ законахъ ничего не сказано.—([204]) Т. X, ч. 1, Зак. Гражд., ст. 1771.—([205]) Т. XI, ч. 2, Уст. торгов., ст. 13.—([206]) Т. IX, Зак. Сост. ст. 1141 и 1142.—([207]) Ст. 259 и 263, тамъ же.—([208]) Т. XI, ч. 2, Уст. торг. ст. 13.—([209]) Т. X, ч. 1, ст. 411—415.

для лицъ физическихъ или одаренныхъ человѣческимъ сознаніемъ, напримѣръ частное общество беретъ въ оброчное содержаніе собственность поссессіонную или мануфактурныя и заводскія учрежденія, подлежащія гильдейскимъ повинностямъ, по запискѣ въ гильдіи и тому подобное. Остается только неразрѣшеннымъ вопросъ о церквахъ и монастыряхъ, могутъ ли они брать въ оброчное содержаніе населенныя имѣнія, мануфактурныя и промышленныя заведенія. По аналогіи законовъ, кажется, нѣтъ.

Ж) Заключеніе.

Изъ послѣднихъ двухъ выводовъ слѣдуетъ, что субъекты права оброчнаго содержанія гораздо многочисленнѣйшіе, чѣмъ субъекты права собственности, владѣнія и распоряженія; ибо эти послѣднія права обусловливаются, по разнымъ родамъ имуществъ, состояніемъ или званіемъ субъекта права. Напримѣръ, пріобрѣтать въ собственность или владѣніе дворянское имущество могутъ лишь потомственные дворяне (210); самое распоряженіе такимъ имуществомъ ограничено, при поступленіи его къ недворянину, исключеніемъ правъ вотчинныхъ и такъ далѣе (211). При оброчномъ содержаніи подобныя ограниченія или изъятія отпадаютъ и дѣлаютъ это вещественное проявленіе доступнымъ почти всѣмъ сословіямъ, за немногими вышеприведенными исключеніями и ограниченіями. *Это будетъ первое свойство оброчнаго содержанія.*

Изъ разсмотрѣнія имуществъ, которымъ свойственно оброчное содержаніе, видно, что объекты этого вещественнаго положенія съ одной стороны менѣе многочисленны, чѣмъ объекты права собственности, владѣнія, пользованія и распоряженія, такъ какъ изъ оброчнаго содержанія изъемлются совершенно безусловно дворянскія имущества (212), которыя однако же могутъ быть предметомъ собственности, владѣнія, распоряженія и (можетъ быть) пользованія; но съ другой стороны, объекты права оброчнаго болѣе многочисленны, чѣмъ объекты права собственности; ибо переходу въ собственность самостоятельную или продажѣ не подлежатъ имущества государственныя, предоставленныя сельскимъ и городскимъ обще-

(210) Т. IX, Зак. Сост., ст. 208.—(211) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 2300.—(212) Ст. 1695, тамъ же.

ствамъ и установленіямъ [913], тогда какъ они принадлежатъ къ объектамъ права оброчнаго. Далѣе, объектомъ права собственности могутъ быть движимые предметы, а въ объектахъ оброчнаго содержанія они не допускаются [914]. Отсюда можно вывести правило, что всѣ вообще имущества составляютъ объекты оброчнаго содержанія, за исключеніемъ собственности дворянской [915], (вѣроятно) маіоратныхъ жалованныхъ имѣній [916] и вещей движимыхъ. *Это будетъ второе свойство оброчнаго содержанія.*

Относительно порядка установленія, срока и охраненія оброчнаго содержанія, имущества раздѣляются на два вида по субъектамъ права: 1) на частныя и принадлежащія дворянскимъ обществамъ, 2) на государственныя всѣхъ родовъ, общественныя, на принадлежащія городскимъ и сельскимъ обществамъ, установленіямъ и вообще собственности вещественной. *Третье свойство оброчнаго содержанія.*

Обширная терминологія этого вещественнаго права отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ имущественныхъ правъ, извѣстныхъ законамъ нашимъ, такъ какъ только одна собственность имѣетъ равномѣрное себѣ понятіе въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи и понятіе хозяинъ замѣняется иногда выраженіемъ владѣлецъ [917], самостоятельное же владѣніе, пользованіе, распоряженіе и управленіе другихъ юридическихъ терминовъ не имѣетъ. Это, безъ всякаго сомнѣнія, *четвертое свойство оброчнаго содержанія.*

Обширная эта терминологія, показывая, съ одной стороны, значительное примѣненіе оброчнаго содержанія къ имуществамъ, выражаетъ, съ другой, несовершенно сознанное понятіе этого вещественнаго положенія. Переходъ терминовъ оброчнаго содержанія на другія юридическія проявленія, какъ напримѣръ на администрацію, и присвоеніе ему терминовъ другихъ установленій, какъ напримѣръ найма, пользованія и прочее, не менѣе доказываетъ, что понятіе оброчнаго содержанія несовершенно сознано въ народонаселеніи и въ такомъ состояніи перешло въ законодательство. Конечно, собственность и владѣніе, даже владѣніе и пользованіе за-

---

(913) Такъ какъ ихъ разрѣшено отдавать лишь въ пользованіе и оброчное содержаніе.—(914) Какъ объяснено выше.—(915) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1695.—(916) Ст. 1692, тамъ же.—(917) Примѣч. 1-е къ 420 ст., тамъ же.

мѣняются одно другимъ какъ въ общежитіи, такъ и въ законахъ; но все же эти понятія не установились терминологіею, за исключеніемъ вѣчнаго и потомственнаго владѣнія; а потому показываютъ, что они болѣе сознаны и уяснены, чѣмъ оброчное содержаніе. Затрудненіе въ пониманіи его проистекаетъ отъ разнородности предметовъ, изъ коихъ многіе, подлежа оброчному содержанію, не допускаются къ переходу въ собственность къ другому; равно какъ и разнородность правъ и обязанностей, съ которыми установляется оброчное содержаніе, не менѣе содѣйствовала къ разностороннему пониманію, которое, получивъ наименованіе въ устахъ народа и неочищенное юридическимъ разслѣдованіемъ, вошло сырымъ матеріаломъ въ законодательство. *Это пятое свойство нашего русскаго оброчнаго содержанія.*

Положительное присвоеніе термина «оброчное содержаніе» имуществамъ недвижимымъ, исключающее изъ него вещи движимыя, есть случайность, недостаточно разъясненная въ законахъ, но положительно сознанная въ понятіи народномъ. Это послѣднее, безъ сомнѣнія, обстоятельство было поводомъ, что законодательство сдѣлало ограниченіе термина одними недвижимыми имѣніями, не выставивъ рѣзкихъ отличій между тѣми и другими, и не разъяснивъ опредѣлительно, что оброчное содержаніе можетъ касаться только собственности недвижимой. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ, что законодательствомъ не вполнѣ усвоено понятіе оброчнаго содержанія. Какъ бы то ни было, но законодательство неоспоримо отвергаетъ оброчное содержаніе въ имуществахъ движимыхъ ([248]). Отсюда выводъ, высказанный уже, впрочемъ, прежде, что объекты этого вещественнаго проявленія ограничиваются одною собственностію недвижимою. *Шестое свойство.*

Въ заключеніе слѣдуетъ присовокупить еще нѣкоторыя замѣчанія. Законъ, исключившій дворянскую собственность изъ объектовъ этого вещественнаго проявленія, принадлежитъ къ позднѣйшему времени: 1853 году. Откуда заключеніе, что постановленія наши о оброчномъ содержаніи находятся еще въ развитіи и не достигли той законодательной системы, которая не чужда нѣкоторымъ другимъ имущественнымъ правамъ, напримѣръ собственно-

([248]) Ст. 2064 и примѣч. къ ней, тамъ же.

сти, владѣнію, отчасти распоряженію и управленію. Недостатокъ системы здѣсь можно приписать отчасти и тому обстоятельству, что терминъ «пользованіе», столь сродный термину «оброчное содержаніе», не пріобрѣлъ положительнаго понятія, отчего нерѣдко происходятъ замѣненія одного другимъ, какъ въ законахъ, такъ въ юридическихъ актахъ, дѣлопроизводствѣ и самой народной рѣчи.—Юридическая литература наша не разслѣдовала до сихъ поръ оброчнаго содержанія; а потому и въ ней не установилось яснаго сознаннаго понятія объ этомъ имущественномъ проявленіи. Ученые наши не заботились о такомъ установленіи. Вотъ нѣсколько примѣровъ: Кукольникъ не говоритъ вовсе о оброчномъ содержаніи, и называетъ наемъ откупомъ имущества (219); Цвѣтаевъ смѣшиваетъ наемъ, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, съ оброчнымъ содержаніемъ, оттого у него положеніе: «можно отдавать въ наемъ всякаго рода имѣнія, движимыя и недвижимыя» (220); Неволинъ точно также не дѣлаетъ различія между наймомъ и оброчнымъ содержаніемъ и хотя поставилъ въ заглавіи своего изслѣдованія эти два термина, но далѣе говоритъ о наймѣ, смѣшивая его съ оброчнымъ содержаніемъ (221); Проскуряковъ придерживается вполнѣ Неволина или вѣрнѣе Свода Законовъ, а потому и у него тоже заглавіе, какъ у Неволина, и тоже смѣшеніе понятій въ изслѣдованіяхъ (222). При такомъ состояніи литературы, обнаруживающей недостатокъ и нетвердость нашего юридическаго образованія, нельзя и ожидать какой-либо системы въ оброчномъ содержаніи.

И такъ, ни законодательство, ни народное разумѣніе, ни литература наша не установили понятія разсматриваемаго нами права и не создали системы, безъ которой правильное пониманіе невозможно. Между тѣмъ оброчное содержаніе, примѣненіе котораго къ имуществамъ такъ распространено, что оно пріобрѣло 16 наименованій, показываетъ, въ какой степени это вещественное положеніе имущества важно въ общежитіи и въ какой мѣрѣ требовало изслѣдованій. Но такое невниманіе литературы относится лишь къ

(219) Начальныя основанія россійскаго частнаго гражданскаго права, С.-Петербургъ, 1813 г., ч. 1, стр. 114.—(220) Начертаніе теоріи законовъ, Москва, 1816 г., стр. 208—211.—(221) Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ, С.-Петербургъ, 1851 г., т. III, стр. 113—120.—(222) Руководство къ познанію дѣйствующихъ законовъ и прочее, С.-Петербургъ, 1854 г., ч. II, стр. 133 и 134.

оброчному содержанію имуществъ, а не правъ; объ этомъ послѣднемъ никто еще не разсуждалъ у насъ. Ни одинъ изъ нашихъ юристовъ нигдѣ не говоритъ о оброчномъ содержаніи правъ, хотя въ законахъ есть указаніе на него. Можно думать, что наша литература не знала о существованіи этого права и не понимала указаній закона. Этимъ замѣчаніемъ оканчивается первая глава нашихъ изслѣдованій. Приступаю ко второй.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1) Оброчное содержаніе правъ вообще.

Молчаніе нашей литературы объ этомъ предметѣ и не совсѣмъ распространенныя въ общежитіи свѣдѣнія объ немъ требуютъ доказательствъ, что это оброчное содержаніе дѣйствительно существуетъ по законамъ нашимъ, а не есть произвольное предположеніе. Для такихъ доказательствъ необходимъ самый текстъ закона, безъ чего существованіе этого права не будетъ достаточно подтверждено. Въ этихъ видахъ выписываются здѣсь:

1709 ст. Зак. Гражд. т. X, ч. 1-й, гдѣ сказано: «Оброчныя статьи, казенныя населенныя имѣнія и *питейные сборы*, принадлежащіе казнѣ, отдаются отъ нея въ содержаніе на особенныхъ правилахъ, въ уставахъ объ оныхъ подробно изображенныхъ».

1710 ст.: «Земли, мельницы, рыбныя ловли, *трактирныя заведенія, сборы съ городскихъ вѣсовъ и мѣръ* и другія, сему подобныя статьи, принадлежащія городамъ, могутъ быть отдаваемы въ наемъ или *содержаніе* съ публичныхъ торговъ».

31 ст. Устав. город. хоз. т. XII, ч. 2-й: «Трактирныя заведенія въ городахъ столичныхъ, губернскихъ, портовыхъ, уѣздныхъ и заштатныхъ отдаются въ содержаніе по правиламъ, изложеннымъ въ особомъ сводѣ, у сего прилагаемомъ».

26 пунктъ этого свода: «Желающій пользоваться *правомъ содержанія* гостинницы, рестораціи, кофейнаго дома, трактира и харчевни обязанъ представить въ городскую думу аттестаты» и прочее.

46 ст. тамъ же: «Сборъ за мосты и перевозы могутъ города учреждать чрезъ своихъ депутатовъ или *отдавать въ откупъ*».

84 ст. въ концѣ, тамъ же: «Если же скотная площадь въ городѣ находится *на откупѣ*» и прочее.

16 пунк. прилож. къ 281 ст. Уст. под.: «Коробочный сборъ по однимъ статьямъ взимается непосредственно съ тѣхъ евреевъ, которые оному именно подлежать, а по другимъ посредствомъ отдачи *въ откупное содержаніе*».

153 ст. Уст. почт.: «Почтовыя станціи отдаются *въ содержаніе*» и прочее.

2 ст. пунк. 8 и 9 Уст. каз. обр. ст.: «Казенныя *оброчныя* статьи суть: перевозы, ярмарочныя мѣста и плацы».

Сборы не составляютъ имущества въ прямомъ значеніи этого слова, не составляютъ вещи осязаемой и выражаютъ лишь право на извѣстный доходъ, но опять не съ вещи или не за вещь, а только на основаніи извѣстнаго права, установленнаго или въ пользу государственныхъ или городскихъ или общественныхъ доходовъ. Сборъ, по филологическому значенію, есть дѣйствіе. Для обнаруживанія дѣйствія необходимо право, безъ котораго дѣйствіе будетъ незаконно. Законъ, допускающій извѣстное дѣйствіе, установляетъ право. Если же допустить, что сборъ выражаетъ только дѣйствіе, что это дѣйствіе (а не право на него) отдается въ оброчное содержаніе, и въ дѣйствіи не открывается имущества или вещи; то въ сборахъ не передается вещи, а другое какое-либо юридическое проявленіе. Проявленіе это можетъ быть только право, такъ какъ никакое дѣйствіе невозможно безъ права. Отсюда отдача въ содержаніе сборовъ есть отдача права на нихъ.

Что въ этихъ сборахъ проявляется оброчное содержаніе, а не наемъ, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, видно уже изъ самыхъ приведенныхъ выше узаконеній, далѣе изъ того, что они не причисляются закономъ къ имуществамъ движимымъ, составляющимъ объектъ найма, не составляютъ городскаго дома или поземельнаго городскаго участка, для коихъ допускается также наемъ; но еще болѣе это обнаруживается изъ того, что они передаются другому (содержателю или откупщику) не иначе, какъ на основаніи заключеннаго контракта, что́ именно и есть одно изъ свойствъ оброчнаго содержанія.

2) Оброчное содержаніе правъ въ особенности.

а) Состоящихъ въ собственности государственной и общественной.

Право на государственные питейные сборы ([223]), съ перевозовъ, ярмарочныхъ мѣстъ, плацовъ, вѣсовъ и мѣръ въ казенныхъ имѣніяхъ ([224]), и на почтовыя станціи принадлежитъ правительству ([225]); право на коробочные сборы еврейскимъ обществамъ ([226]); право на сборы съ городскихъ вѣсовъ и мѣръ, городскихъ мостовъ, перевозовъ, площадей и трактирныхъ заведеній предоставлено городамъ ([227]); право на сборы питейные въ сибирскомъ линейномъ войскѣ—войску ([228]); право на сборы съ войсковыхъ вѣсовъ, мѣръ, перевозовъ, ярмарокъ, базаровъ, торговыхъ и ярмарочныхъ площадей также казачьимъ войскамъ и обществамъ ([229]); сборы съ вѣсовъ и мѣръ, выставокъ, столиковъ и шкафовъ, съ разносчиковъ товаровъ по домамъ, съ возовъ, ввоза и вывоза товаровъ въ казенномъ мѣстечкѣ Зельвѣ, гродненской губерніи,—казнѣ ([230]). Первыя права, составляя достояніе казны, требуютъ, при отдачѣ ихъ въ оброчное содержаніе, исполненія условій, установленныхъ для содержанія собственности государственной; остальныя права подчиняются въ этомъ случаѣ условіямъ собственности общественной; а потому и оброчное ихъ содержаніе въ существѣ своемъ не отличается отъ оброчнаго содержанія этихъ собственностей и имѣетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишь различіе въ способѣ установленія. Существенное различіе однако заключается въ томъ, что количество сборовъ, взимаемыхъ винными откупщиками ([231]) и содержателями коробочнаго ([232]), городскихъ ([233]) и казачьихъ сборовъ ([234]) опредѣляется или утверждается правительствомъ или мѣст-

---

([223]) Т. V, Уст. о пит. сбор. и акц., ст. 1 и 2.—([224]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 2, п. 8, 9 и 10.—([225]) Т. XII, ч. 1-й, Уст. почт., ст. 134.—([226]) Т. V, Уст. под., прилож. къ 281 ст., п. 1 и примѣч.—([227]) Т. XII, ч. 2-й, Уст. город. и сельск. хоз.. ст. 22, п. 2, ст. 30, 45—48, 50 и 54.—([228]) Уст. казач. сел., тамъ же, ст. 524, п. 1.—([229]) Ст. 426, 429, 462, 477, 486, тамъ же.—([230]) Журн. Мин. Гос. Им., 1859 г., кн. I, стр. 65.—([231]) Т. V, Уст. пит. сбор. и акц., ст. 276.—([232]). Тамъ же, Уст. под., прилож. къ 281 ст., п. 12.—([233]) Т. XII, ч. 2-й, Уст. город. и сельск. хоз., ст. 47, 48, 51 и 53.—([234]) Уст. казач. сел., тамъ же, ст. 14 и 427.

ными властями прежде отдачи сборовъ въ содержаніе, тогда какъ оброчному содержанію *имуществъ* собственности государственной и общественной не предшествуетъ подобное опредѣленіе, обязывающее не переходить предѣловъ данной таксы. Сходство же того и другаго оброчнаго содержанія, т. е. какъ имущества, такъ и права выражается въ томъ, что количество платежа за нихъ въ пользу казны (235), города (236) или еврейскаго общества (237) установляется на торгахъ. Хотя мѣстныя начальства и принимаютъ при утвержденіи торговъ въ соображеніе прежній за нихъ платежъ, однако часто поставляются въ необходимость согласиться и на пониженную оброчную сумму, если на вторичныхъ торгахъ она не возвышается. Иногда губернскія власти совершенно отмѣняютъ оброчное содержаніе коробочнаго и городскихъ сборовъ, по случаю пониженія на торгахъ оброчной платы, и передаютъ сборы въ хозяйственное распоряженіе городскихъ думъ; но въ такомъ случаѣ думы не обязываются выручить непремѣнно прежнюю, высшую, плату, а только должны заботиться о томъ и употреблять зависящія отъ нихъ мѣры (238); почему и такимъ распоряженіемъ не устанавливается количество дохода, напротивъ предоставляется, точно также какъ и на торгахъ, случаю и стеченію болѣе или менѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Слѣдовательно, оброчное содержаніе правъ государственной и общественной собственности имѣетъ больше сходства, чѣмъ различія, съ содержаніемъ недвижимыхъ имуществъ.

б) Оброчное содержаніе правъ собственности частной.

Кромѣ права на сборы, присвоеннаго казнѣ и предоставленнаго городамъ и еврейскимъ обществамъ, существуютъ еще подобные сборы частной собственности во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ бессарабской области (239), гдѣ помѣщику предоставлены сборы съ раздробительной продажи питей, съ продажи скота, переправъ на рѣкахъ, съ вѣсовъ и мѣръ. Право на эти сборы по-

---

(235) Т. V, Уст. пит. сб., ст. 56 и 57.—(236) Какъ извѣстно мнѣ изъ юридической практики.—(237) Т. V, Уст. под., прилож. къ 281 ст., п. 31.—(238) Какъ мнѣ извѣстно изъ дѣлъ, бывшихъ у меня въ производствѣ.—(239) Т. IX, Зак. Сост., прилож. къ 21 ст., п. 19.

мѣщикъ долженъ передать другому, въ законѣ названному откупщикомъ ([240]). Количество сборовъ устанавливается договоромъ между помѣщикомъ и жителями его города или мѣстечка или назначается закономъ и правительствомъ ([241]). Поэтому оброчное содержаніе правъ частной собственности сходствуетъ, въ этомъ отношеніи, съ содержаніемъ правъ собственности государственной и общественной. Хотя, далѣе, количество платежа за *первые* сборы предварительно, но не всегда окончательно назначается хозяиномъ ихъ, помѣщикомъ мѣстечка или города; однако здѣсь важно согласіе самого содержателя, принимающаго сборы. Слѣдовательно, и тутъ нельзя не допустить случайности, подобной результатамъ торговъ. Нѣтъ закона, и кажется, нѣтъ обычая, чтобы помѣщикъ владѣльческаго города или мѣстечка производилъ торги на свои сборы; но назначеніе торговъ не воспрещается закономъ. Поэтому и въ сборахъ частныхъ замѣчается болѣе сходства, чѣмъ различія, съ сборами государственной и общественной собственности. Конечно, помѣщикъ не обязывается заключать съ содержателемъ своихъ сборовъ договора; но это обстоятельство, отличающее какъ бы содержаніе частныхъ сборовъ отъ государственныхъ и общественныхъ, объясняется тѣмъ довѣріемъ, которое характеризуетъ содержаніе городскаго дома и городскаго участка ([242]) и не обращаетъ этого содержанія въ наемъ, предметомъ коего можетъ быть только вещь, а не право, какъ положительно говоритъ 2064 ст. Зак. Гражд. т. X, ч. 1-й. Есть еще сборы государственные на шоссейныхъ дорогахъ ([243]); но о оброчномъ содержаніи ихъ законъ умалчиваетъ.

Другихъ подобныхъ сборовъ какъ частной, такъ государственной и общественной собственности по законамъ нашимъ не существуетъ, хотя въ губерніяхъ виленской, ковенской, гродненской, минской, подольской, волынской и кіевской, новороссійскихъ и другихъ находятся владѣльческіе города и мѣстечки ([244]) и хотя, какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ губерніяхъ устраиваются въ помѣщичьихъ имѣніяхъ мосты и перевозы, и учреждаются ярмарки, гдѣ

([240]) Т. IX, прилож. къ 219 ст., п. 2.—([241]) Тамъ же, п. 1, 6, 7, и 8.—([242]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1702.—([243]) Т. XII, ч. 1-й, Уст. пут. сообщ., ст. 846 и 847.—([244]) Т. IX, Зак. Сост., ст. 219 и оба примѣч. къ ней.

производится продажа скота, перемѣръ и перевѣсъ продуктовъ. Относительно такихъ мостовъ, перевозовъ ([245]) и ярмарокъ ([246]) установлено закономъ положительное запрещеніе какихъ-либо сборовъ, за исключеніемъ платы за мѣста подъ торговыя помѣщенія и за самыя торговыя помѣщенія, какъ лавки или амбары ([247]); но здѣсь о содержаніи какихъ-либо сборовъ не можетъ быть рѣчи уже потому, что не сборы, а самая недвижимая собственность предоставляется, за условленную плату, другому. Можно бы, конечно, сравнить сборы съ мѣстъ подъ торговыя помѣщенія со сборами съ городскихъ площадей и предположить возможность отдачи ихъ въ содержаніе; но отдаваемое подъ торговое помѣщеніе, напримѣръ балаганъ, лабазъ и другое мѣсто на ярмарочной площади въ мѣстечкѣ и въ городѣ, доставляетъ не сборъ, а плату съ недвижимаго именно имущества, такъ какъ отдается другому лицу по условію, и какъ торговая площадь въ помѣстьѣ отличается отъ городской площади вообще тѣмъ, что на этой послѣдней производятся сборы не только за мѣста подъ торговыя помѣщенія, но за мѣста вообще или вѣрнѣе за дозволеніе останавливаться на ней и продавать товары ([248]), тогда какъ на ярмарочной площади помѣстья подобные сборы нигдѣ, кромѣ Бессарабіи, не разрѣшены закономъ. Точно также не разрѣшены сборы этого рода во всѣхъ безъ исключенія селеніяхъ и деревняхъ, дозволено лишь взимать небольшую плату въ уѣздѣ за такіе перевозы, которые содержатся обывателями ([249]). Взымается нѣкоторыми церквами и монастырями плата на ярмаркахъ за принадлежащія имъ мѣста на ярмарочной площади; но тоже не за право остановиться и торговать на нихъ, а именно за самое мѣсто, по обоюдному согласію, какъ и за самыя торговыя помѣщенія, которыя церкви и монастыри построили для отдачи ихъ торговцамъ на время ярмарки, т. е. и здѣсь отдается въ содержаніе не право за сборъ, а самое имущество, а потому о оброчномъ содержаніи права и тутъ не можетъ быть рѣчи. По крайней мѣрѣ, въ законахъ нигдѣ не говорится о та-

---

([245]) Т. XII, ч. 1-й, Уст. пут. сообщ., ст. 841 и 842.—([246]) Т. XI, ч 2-й, Уст. торг., ст. 2808.—([247]) Ст. 2817, тамъ же.—([248]) Т. XII, ч. 1-й, Уст. гор. и сельск. хоз., ст. 53 и 54. Впрочемъ, это постановленіе относится только до сборовъ съ бочекъ хлѣбнаго вина.—([249]) Т. XII, ч. 2-й, Уст. пут. сооб., ст. 843.

кихъ сборахъ и оброчномъ ихъ содержаніи; почему мы въ правѣ допустить только исчисленные выше.

в) Лица, которыя могутъ установить оброчное содержаніе права.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ пунктѣ слѣдуетъ повторить высказанное о лицахъ, устанавливающихъ оброчное содержаніе недвижимыхъ имуществъ, безъ всякаго измѣненія.

г) Лица, которыя могутъ принять оброчное содержаніе права.

Здѣсь дѣло принимаетъ совсѣмъ иной видъ: число субъектовъ оброчнаго содержанія увеличивается и часть ограниченій, установленныхъ для оброчнаго содержанія имуществъ, отпадаетъ. Такъ ни лица, уволенныя изъ крѣпостнаго состоянія и возведенныя въ потомственное дворянство, ни лица, состоящія съ ними въ бракѣ, ни ихъ потомство не устраняются отъ оброчнаго содержанія права ни въ какомъ случаѣ; евреи допускаются къ нему за исключеніемъ мѣстъ, гдѣ не дозволено имъ мѣсто жительства и съ ограниченіемъ, приведеннымъ выше (Е, 3). Не дѣлается различія между дворянами, купцами, мѣщанами и крестьянами, коль скоро они внесутъ гильдейскія повинности, соотвѣтствующія суммѣ оброчнаго платежа. Если же сумма эта не ниже торговыхъ оборотовъ купца 3-й гильдіи и мѣщанина; то крестьяне, по общему правилу, обязываются имѣть лишь торговыя свидѣтельства четвертаго разряда, а на содержаніе почтовыхъ станцій освобождаются и отъ него (⁹⁰). Лица бѣлаго духовенства устраняются лишь отъ содержанія несвойственныхъ званію ихъ, въ томъ числѣ сборовъ питейныхъ съ роспивочной продажи, или требующихъ поступленія въ гильдію, но не отъ другихъ правъ, отдающихся въ оброчное содержаніе. Наконецъ, къ содержанію питейныхъ сборовъ допускаются только дворяне и купцы, какъ будетъ сказано ниже. За тѣмъ, исключены отъ оброчнаго содержанія правъ: монашествующіе и нижніе военные чины, состоящіе на службѣ. Касательно же установленій и обществъ слѣдуетъ то же сказать, что объяснено выше объ нихъ по оброчному содержанію имуществъ.

---

(90) Т. XII, ч. 1-й, Уст. Почт.

д) Заключеніе.

Количество правъ, которыя могутъ быть предметомъ оброчнаго содержанія, не велико по указанію закона. Могутъ ли постановленія, изданныя для нихъ, быть распространены на подобные же объекты или они составляютъ специальные исключительные законы, которые не допускаютъ ни въ отношеніи объема, ни въ отношеніи случаевъ примѣненія герменевтическаго объясненія (interpretatio extensiva et restrictiva) и должны быть объясняемы и примѣняемы по буквальному ихъ смыслу ([251]),—вопросъ положительно неразрѣшимый.—По свойству оброчнаго содержанія права, теоретически, слѣдовало бы примѣнить къ нему распространительное герменевтическое объясненіе (interpretatio extensiva), на основаніи общаго юридическаго правила, что̀ закономъ не запрещено, то дозволено. Однако, за отсутствіемъ случаевъ практическаго примѣненія его и при молчаніи объ этомъ предметѣ законовъ, трудно рѣшиться на подобный выводъ. Трудно, напримѣръ, сказать, что постановленія о сборахъ во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ бессарабской области могутъ быть, по одной аналогіи законовъ, распространены на такіе же города и мѣстечки виленской, ковенской, гродненской и другихъ губерній, гдѣ они существуютъ. По крайней мѣрѣ, я не могу рѣшиться на такой выводъ; ибо изъ моей юридической практики извѣстно, что наши губернскія, судебныя и административныя мѣста, не разъ отвергали сборы во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ кіевской губерніи, и вопросъ этотъ, сколько мнѣ извѣстно, еще не разрѣшенъ сенатомъ.

Если же остановиться на томъ положеніи, что оброчное содержаніе пра̀ва не принимаетъ герменевтическаго толкованія, то объекты его малочисленны, малочисленнѣе даже объектовъ собственности и владѣнія. Напротивъ, субъекты его превосходятъ числомъ субъекты и собственности и оброчнаго содержанія недвижимыхъ имуществъ. *Первое свойство оброчнаго содержанія права.*

Въ частной собственности содержаніе это представляетъ тѣже ограниченія, которыя свойственны собственности неполной, ограниченной, общей, самостоятельному владѣнію, пользованію и распоряженію. Почему, въ этомъ отношеніи, оброчное содержаніе пра̀ва

([251]) Изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ, ст. I, стр. 1343.

не отличается отъ оброчнаго содержанія имуществъ недвижимыхъ. *Второе его свойство.*

Наконецъ, нельзя не упомянуть, что ни вещественный, ни поссессіонный, ни третій видъ зависимой собственности, за исключеніемъ предоставленной городамъ, не имѣетъ предметовъ оброчнаго содержанія права. Въ одной лишь заповѣдной собственности они могли бы быть, если бы владѣльческое мѣстечко или городъ бессарабской области были обращены въ заповѣдное имущество. *Третье свойство оброчнаго содержанія права.*

Другихъ свойствъ этого юридическаго проявленія нѣтъ, почему остается только присовокупить, что терминологія его ограничивается въ законѣ *тремя* выраженіями: содержаніемъ, оброчнымъ содержаніемъ и откупомъ, т. е. терминологія болѣе опредѣлительная, чѣмъ какая установилась *для* недвижимыхъ имуществъ въ этомъ ихъ положеніи. Но въ законѣ говорится о содержаніи сборовъ, а не о содержаніи права на эти сборы, что́ собственно есть на самомъ дѣлѣ. Поэтому и тутъ необходимо остановиться на мысли, что юридическое значеніе этого оброчнаго содержанія, подобно разсмотрѣнному нами въ первой главѣ, недостаточно сознано и самое установленіе его вошло въ законы также сырымъ матеріаломъ, требующимъ разработки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1) Способъ установленія оброчнаго содержанія.

Оброчное содержаніе въ способѣ установленія имѣетъ три вида: 1) при установленіи на предметы самостоятельной собственности частной и принадлежащей дворянскимъ обществамъ; 2) при установленіи на предметы собственности государственной, общественной (за исключеніемъ дворянскихъ обществъ) и вещественной; 3) при установленіи на поссессіонное имущество и казенныя имѣнія, предоставленныя въ собственность зависимую частнымъ лицамъ.— Другіе роды собственности, полной, неполной, ограниченной, заповѣдной, дворянской и недворянской не входятъ въ соображеніе и могутъ составлять только подраздѣленія этихъ трехъ видовъ способа установленія.

1. Частная собственность имѣетъ снова два подраздѣленія: а) на собственность одного лица и б) собственность нѣсколькихъ лицъ (общую) и цѣлыхъ обществъ, компаній, товариществъ и конкурсовъ. Но оба эти вида подчиняются сперва слѣдующимъ двумъ правиламъ:

аа) Для установленія оброчнаго содержанія ихъ имуществъ требуется закономъ письменный договоръ на установленной гербовой бумагѣ (962).

бб) Въ договорѣ должны быть непремѣнно означены предметъ содержанія, срокъ и цѣна его, и по *усмотрѣнію* права и обязанности хозяина и наемщика, правила содержанія, отвѣтственность за порчу, за ущербъ, за самую гибель имущества и другія условія, называемыя закономъ произвольными, но закономъ незапрещенныя (963).

вв) Договоръ подписывается обѣими договаривающимися сторонами или ихъ повѣренными и представляется для засвидѣтельствованія къ маклеру, а гдѣ его нѣтъ, въ присутственное мѣсто (964).

гг) Если договоръ заключается съ полученіемъ или назначеніемъ полученія оброчной платы впередъ болѣе, чѣмъ за годъ; то договоръ свидѣтельствуется въ тѣхъ судебныхъ мѣстахъ, на которыя возложено совершеніе крѣпостныхъ актовъ; на самое имущество налагается запрещеніе по количеству суммы, взятой впередъ. При неисполненіи этихъ двухъ условій договоръ считается недѣйствительнымъ (965). Это положительное требованіе закона; но позднѣйшее узаконеніе, высочайше утвержденное 22 декабря 1858 г. мнѣніе государственнаго совѣта, смягчаетъ строгость этого постановленія, относительно совершенія крѣпостнымъ порядкомъ договора, равно какъ и явочнымъ, и относительно употребленія гербовой для договора бумаги. Упущеніе въ этихъ случаяхъ формальностей, даже написаніе договора на простой бумагѣ, не уничтожаютъ заключеннаго условія, которое, сохраняя силу, уступаетъ только другимъ документамъ, совершеннымъ съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ правилъ, если вмѣстѣ съ ними будетъ предъявлено ко взысканію по конкурсу. Заключившіе же такое условіе на простой или гербовой ненадлежащаго достоинства бумагѣ подвергаются штрафу втрое противъ цѣны гербовой бумаги.

(962) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1700.—(963) Ст. 1691, тамъ же.—(964) Ст. 1701, тамъ же.—(965) Ст. 1703, тамъ же.

Изъ этого узаконенія слѣдуетъ, что оброчное содержаніе частной собственности можетъ быть установлено также договоромъ, написаннымъ на простой бумагѣ и нигдѣ неявленнымъ.

дд) Исключенія изъ этихъ четырехъ правилъ составляютъ городскія строенія и земляные участки въ городахъ, для содержанія которыхъ не требуется письменнаго договора и разрѣшено совершать его словесными условіями ([256]); но по этому самому, кажется, слѣдуетъ сказать, что городскія строенія и земляные городскіе участки принадлежатъ къ предметамъ найма, а не оброчнаго содержанія, какъ замѣчено выше, которое, даже по изданіи высочайше утвержденнаго 22 декабря 1858 года мнѣнія государственнаго совѣта ([257]) трудно, представить безъ письменнаго договора. Подъ именемъ городскихъ строеній не должно однако разумѣть ни помѣщеній для гостинницъ и другихъ трактирныхъ заведеній, ни погребовъ, ни лавокъ, ни магазиновъ въ С.-Петербургѣ ([258]), равно какъ во всѣхъ городахъ, даже въ мѣстечкахъ и селеніяхъ, гдѣ производятся ярмарки болѣе трехъ дней, всѣхъ родовъ торговыхъ помѣщеній, для содержанія коихъ законъ требуетъ письменнаго договора, совершеннаго установленнымъ порядкомъ, или билета, или другихъ письменныхъ видовъ на соотвѣтственной гербовой бумагѣ ([259]). При этомъ можно замѣтить, что содержаніе этихъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній въ С.-Петербургѣ законъ называетъ наймомъ ([260]); но наемъ здѣсь есть лишь тотъ видъ оброчнаго содержанія, которому присвоенъ этотъ терминъ, одинъ изъ 16, приведенныхъ выше.

Эти общія правила для установленія оброчнаго содержанія имущества частной собственности составляютъ всѣ условія дѣйствительности его, если имущество принадлежитъ одному лицу. Но если оно состоитъ въ общей собственности нѣсколькихъ лицъ или принадлежитъ частному обществу, товариществу, компаніи или конкурсу, то здѣсь предшествуютъ установленію оброчнаго содержанія выдача довѣренности отъ имени соучастниковъ, отъ имени частна-

---

([256]) Ст. 1702, X т., ч. 1-й.—([257]) Калачова, Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, 1859 г., кн. 1, приложеніе, стр. 46.—([258]) Примѣч. къ 1702 ст., т. X, ч. 1-й.—([259]) Т. XI ч. 2-й, Уст. торг., ст. 2816 и 2817.—([260]) Т. X, ч. 1-й, примѣч. къ 1702 ст.

го общества, товарищества, компаніи или конкурса. Безъ такой довѣренности оброчное содержаніе принадлежащимъ имъ имуществомъ не можетъ быть установлено, за исключеніемъ развѣ помянутыхъ городскихъ строеній и земляныхъ участковъ. Но въ такомъ случаѣ, гдѣ по закону основаніемъ словеснаго установленія найма служитъ взаимное довѣріе, отвѣтственность за исправность платы лежитъ на лицѣ, оказавшемъ довѣріе нанимателю. Другихъ особенныхъ правилъ для оброчнаго содержанія имуществъ собственности общей и принадлежащей товариществамъ, компаніямъ, обществамъ и конкурсамъ нѣтъ.

Что же касается до оброчнаго содержанія права частной собственности или сборовъ во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ бессарабской области, то законъ нигдѣ не требуетъ заключенія договора, а послѣ изданія приведеннаго выше мнѣнія государственнаго совѣта несомнѣнно можно допустить условія на простой бумагѣ, безъ явки ихъ къ засвидѣтельствованію. Можетъ ли это оброчное содержаніе, называемое въ законѣ откупомъ, установляться словесно и безъ письменнаго договора, сказано выше. Если же договоръ заключается съ явкою его у маклера или въ присутственныхъ, даже въ судебныхъ мѣстахъ, то къ нему примѣняются правила, предписанныя для договоровъ на оброчное содержаніе имуществъ собственности частной.

2. Установленіе оброчнаго содержанія на имущества собственности государственной, общественной и вещественной не допускается вовсе безъ договора; по крайней мѣрѣ, во всѣхъ постановленіяхъ, относящихся къ этому предмету, требуется договоръ письменный, законно совершенный, даже иногда съ соблюденіемъ предписанной образцовой формы ([961]).

а) Такъ отдаются въ оброчное содержаніе имущества собственности государственной, состоящія изъ пашень, сѣнокосовъ, луговъ, степей, садовъ, огородовъ, бортныхъ ухожьевъ, рыбныхъ ловель, мѣловыхъ и жерновыхъ горъ, селитряныхъ буртовъ, мельницъ, домовъ, лавокъ, шалашей, погребовъ, ледниковъ, амбаровъ, торговыхъ бань, боенъ, мѣдиплавительныхъ молотовъ, фольварковъ или

([961]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. нас. имѣн., прилож. къ 19 ст.

усадьбъ ([262]), фермъ ([263]), хуторовъ, каменоломень, пасѣчныхъ мѣстъ, шелковичныхъ плантацiй, минеральныхъ источниковъ ([264]), сукноваленъ, паромовъ, пристаней, заводовъ, винокурень, мѣстъ для добыванiя глины, экономическихъ строенiй ([265]) и лѣсныхъ оброчныхъ статей ([266]) и эти, такъ называемыя, оброчныя статьи отдаются въ оброчное содержанiе мѣстными палатами государственныхъ имуществъ посредствомъ торговъ и утверждаются за содержателями до суммы 5.000 руб. ими самими, до 10.000 губернаторомъ, до 30.000 министромъ государственныхъ имуществъ, на высшую сумму сенатомъ. Количество оброчной суммы исчисляется по стоимости всего срока содержанiя, а не годоваго платежа. Также палата испрашиваетъ разрѣшенiя высшаго начальства: если содержанiе заключается на срокъ болѣе трехъ лѣтъ; если на торгахъ предложена плата менѣе противъ прежней на 10 слишкомъ процентовъ; если министръ, по особеннымъ причинамъ, предоставитъ утвержденiе содержанiя себѣ; если отдаются новыя оброчныя статьи во второй только разъ; если въ дѣлѣ откроется споръ, протестъ или особое мнѣнiе. Министръ, съ своей стороны, представляетъ на утвержденiе сената, если оброчная сумма уменьшена на весь срокъ болѣе, чѣмъ на 3000 р. ([267]). По утвержденiи торговъ составляется договоръ, въ которомъ означается: 1) при отдачѣ земель и водъ, въ какомъ пространствѣ, гдѣ и на какой срокъ отдаются; 2) при отдачѣ мельницъ, лавокъ, строенiй и тому подобное, на какой срокъ, въ какомъ количествѣ, положенiи и мѣстѣ отдаются; далѣе 3) дѣйствiя, на которыя содержателю предоставляется исключительное право; 4) образъ и время возврата казнѣ оброчной статьи; 5) количество оброчной суммы, сроки и мѣста взноса ея; 6) пособiя отъ казны, если «она обязалась преподать оныя»; 7) залоги, коими обезпечивается исправность договора; 8) поручительство, принимающееся иногда вмѣсто залоговъ; 9) «образъ, коимъ поступаемо быть должно при законныхъ причинахъ, могущихъ воспрепятствовать исполненiю договора» ([268]). Для обществъ казенныхъ или государственныхъ крестьянъ сдѣлано облегченiе: общества ихъ не представляютъ залоговъ въ

([262]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 1, 35 и 58.—([263]) Журн. Мин. Госуд. Им., 1859 г., кн. 1, стр. 64 и 65.—([264]) Стр. 65 тамъ же.—([265]) Стр. 60 тамъ же.—([266]) Стр. 53 и 54, тамъ же.—([267]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст. ст. 58.—([268]) Ст. 60 и 61 тамъ же.

обезпеченіе платы оброчнаго содержанія, если при ихъ селеніяхъ или деревняхъ находится отведенной имъ казенной земли менѣе узаконенной пропорціи. Но такія общества, съ другой стороны, обязаны вносить оброчную плату всегда за полгода впередъ, чего не требуется отъ оброчныхъ содержателей другихъ сословій. За то снова государственные крестьяне не представляютъ залога на оброчное содержаніе мельницъ, стоимость коихъ по оцѣнкѣ не превышаетъ 300 руб. сер., и обезпечиваютъ платежъ за нихъ и цѣлость мельницы поручительствомъ, однако лишь тогда, если на каждое лицо, подписавшее приговоръ о поручительствѣ, падаетъ, по равной раскладкѣ, не болѣе 5 руб. сер. (969). Залогъ долженъ равняться полугодовой оброчной суммѣ. Сверхъ его требуется отъ содержателей всѣхъ сословій обезпеченіе въ сохраненіи оброчной статьи въ цѣлости, если на ней есть строеніе; тутъ залогъ долженъ равняться третьей части цѣнности строенія (970); залогъ можетъ быть здѣсь однако замѣненъ поручительствомъ, если казенное строеніе отдается въ содержаніе на срокъ отъ одного до четырехъ лѣтъ (971). Затѣмъ содержатели всѣхъ сословій освобождаются отъ представленія торговыхъ свидѣтельствъ (972); отсюда необходимо заключить, что записка въ гильдію вообще не составляетъ условія содержанія казенныхъ оброчныхъ статей и что, слѣдовательно, всѣ безъ исключенія сословія могутъ быть ихъ содержателями, т. е. какъ дворяне и мѣщане, такъ и помѣщичьи крестьяне; послѣдніе обязаны представлять, по общему правилу, дозволеніе помѣщика; евреи также ограничены при взятіи казенныхъ оброчныхъ статей одними мѣстами, гдѣ разрѣшено имъ постоянное жительство (973). Изъ этого общаго правила составляютъ исключеніе фермы, учрежденныя по высочайшему повелѣнію, 10 февраля 1847 года. Онѣ отдаются въ содержаніе *преимущественно* дворянамъ и заслуженнымъ чиновникамъ, подъ условіемъ однако имѣть постоянное на фермахъ жительство. Если же на взятіе ихъ въ содержаніе не явятся дворяне и заслуженные чиновники, то фермы отдаются въ содержаніе прежнимъ арендаторамъ населенныхъ казенныхъ имѣній; за неявкою этихъ онѣ под-

(969) Ст. 62, т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. оброчн. статей.—(970) Ст. 43, тамъ же.—(971) Ст. 49, тамъ же. — (972) Ст. 42, тамъ же.—(973) Ст. 54, тамъ же.—

падаютъ общимъ правиламъ казенныхъ оброчныхъ статей ([274]). Залогами, обезпечивающими оброчный платежъ и сохраненіе въ цѣлости оброчныхъ строеній, могутъ быть: 1) недвижимыя имущества; 2) наличныя деньги; 3) акціи общества застрахованія пожизненныхъ и другихъ срочныхъ и денежныхъ капиталовъ, по 40 руб. каждая ([275]); 4) незаселенныя удобныя земли на луговой сторонѣ Волги, въ саратовской губерніи ([276]); 5) по западной и восточной Сибири каменные дома въ городахъ и поручительство, если оброчную статью снимаетъ купецъ; 6) по закавказскому краю, благонадежное поручительство изъ жителей города Кизляра, однако лишь въ томъ случаѣ, если годовая оброчная плата простирается до 300 р. за каждую статью и если не будетъ лицъ, которыя представляютъ залоги ([277]).

Другія правила установлены для отдачи въ содержаніе питейныхъ сборовъ, почтовыхъ станцій, гостинницъ при нихъ и вольныхъ почтъ.

Отдача питейныхъ сборовъ въ содержаніе производится въ сенатѣ, въ первомъ департаментѣ, подъ непосредственнымъ надзоромъ министровъ юстиціи и финансовъ ([278]). Въ откупъ питейнаго сбора имѣютъ право вступать только дворяне и купцы; но эти послѣдніе по тому размѣру откупной суммы, какой опредѣленъ по гильдіямъ ([279]). Изъ дворянъ однако не допускаются къ содержанію этихъ сборовъ губернскіе предводители дворянства въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ состоятъ на службѣ ([280]); а изъ купцовъ евреи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имъ воспрещено постоянное жительство ([281]). Договоръ на содержаніе питейныхъ сборовъ или на откупа пишется на основаніи условій, предложенныхъ на торгахъ въ первомъ департаментѣ сената ([282]). Въ условіяхъ этихъ, сверхъ разныхъ предметовъ, относящихся къ дѣлу, излагается въ особенности свойство и количество залоговъ, отвѣтственность ихъ и откупщика въ случаѣ несостоятельности. Залогами въ обезпеченіе исправнаго платежа откупной суммы принимаются: наличныя деньги, билеты го-

---

([274]) Журн. Мин. Гос. Им., 1859 г., кн. 1, стр. 69. — ([275]) Т. VIII, ч. 1-й, ст. каз. обр. ст., ст. 46.—([276]) Ст. 47, тамъ же. — ([277]) Примѣч. 1 и 2 къ 46 ст., тамъ же.—([278]) Т. V, Уст. пит. сб. и акц., ст. 55.—([279]) Ст. 51, тамъ же.—([280]) Ст. 52, тамъ же.—([281]) Примѣч. 2, къ 51 ст., тамъ же.—([282]) Ст. 63 и 64, тамъ же.—

сударственнаго казначейства, билеты сохранныхъ казенъ, заемнаго и коммерческаго банковъ, конторъ этого послѣдняго, приказовъ общественнаго призрѣнія, городскихъ общественныхъ банковъ, тульскаго, слободскаго и другихъ, акціи россійско-американской компаніи, перваго и втораго страховыхъ отъ огня обществъ, застрахованія пожизненныхъ доходовъ и разныхъ капиталовъ, харьковской компаніи для торговли шерстью, освѣщенія газомъ Петербурга, царскосельской желѣзной дороги, общества Меркурій, паи общества Саламандра, компаніи морскаго, рѣчнаго и сухопутнаго страхованія, билеты финляндскихъ общественныхъ заведеній, лифляндскихъ, эстляндскихъ и курляндскихъ кредитныхъ кассъ, облигаціи втораго польскаго займа; жилые домы, лавки и строенія съ торговыми банями, каменные, въ столицахъ, губернскихъ городахъ, за исключеніемъ домовъ, принадлежащихъ евреямъ въ Каменецъ-Подольскѣ; такія же зданія въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ, портовыхъ и заштатныхъ городахъ (283); каменныя строенія дѣйствующихъ фабрикъ и заводовъ въ столицахъ; жилые каменные дома на дачахъ въ окрестностяхъ Петербурга, Царскаго-Села, Петергофа и Ораніенбаума; жилые деревянные дома, лавки и строенія съ торговыми банями въ столицахъ; населенныя имѣнія и ненаселенныя земли по особымъ правиламъ (284); поручительство купцовъ первой и второй гильдіи, несостоящихъ на льготѣ и неучаствующихъ въ содержаніи питейныхъ сборовъ, свыше 3 и до 12 тысячь руб. (285).

Содержаніе почтовыхъ станцій устанавливается не съ торговъ, а хозяйственнымъ порядкомъ, по особой оцѣночной системѣ (286). Начальникъ губерніи вызываетъ желающихъ принять на себя это содержаніе и о явившихся благонадежныхъ лицахъ представляетъ главноначальствующему надъ почтовымъ департаментомъ, который отдаетъ преимущество: 1) прежнимъ исправнымъ почтсодержателямъ; 2) помѣщикамъ, въ имѣніи коихъ или по близости находятся станціи; 3) мѣстнымъ жителямъ; 4) представившимъ залоги благонадежнѣе другихъ, а при равенствѣ залоговъ отдача рѣшается по жребію (287). Къ содержанію почтовыхъ станцій допускаются лица всѣхъ сословій, въ томъ числѣ казенные и помѣщичьи крестьяне

(283) Города исчислены въ 3 п. 74 ст., тамъ же.—(284) Ст. 67—74, 81—100, тамъ же.—(285) Ст. 101—103, тамъ же.—(286) Т. XII, ч. 1, Уст. Почт., ст. 153.—(287) Ст. 157, тамъ же.

на общемъ основаніи ([288]).—Состоящія при почтовыхъ станціяхъ гостинницы отдаются въ содержаніе также безъ торговъ и безъ платы, но отдѣльно отъ почтовыхъ станцій, на основаніи особаго договора или такъ называемаго условія ([289]).

Для отдачи въ содержаніе вольныхъ почтъ не бываетъ также торговъ, если явятся желающіе; если же желающихъ не явится, то назначаются торги ([290]). Къ содержанію ихъ допускаются всѣ состоянія, равно почтовые чиновники и служители, кромѣ завѣдывающихъ почтовыми округами, ихъ помощниковъ, губернскихъ, областныхъ и пограничныхъ почтмейстеровъ и ихъ помощниковъ ([291]). Содержаніе этихъ почтъ предоставляется одному лицу, нѣсколькимъ вмѣстѣ и цѣлому селенію ([292]). Отъ отдѣльныхъ лицъ требуется свидѣтельство о благонадежности, которое должны получить помѣщикъ и безпомѣстный дворянинъ отъ уѣзднаго предводителя дворянства, служащій чиновникъ отъ своего начальства, отставной чиновникъ отъ городничаго или полицеймейстера, купецъ и мѣщанинъ отъ городской думы или ратуши, казенный крестьянинъ отъ волостнаго правленія, помѣщичій отъ помѣщика. Почтовые чиновники и служители освобождены отъ представленія подобнаго свидѣтельства, если извѣстны губернской почтовой конторѣ своими способностями къ дѣлу и благонадежностію ([293]). Предпочтеніе въ отдачѣ вольныхъ почтъ предоставляется: помѣщику, если станція находится въ его имѣніи, мѣстнымъ городскимъ жителямъ и уѣзднымъ почтмейстерамъ съ ихъ помощниками, мѣстнымъ сельскимъ обывателямъ и станціоннымъ смотрителямъ ([294]). Свидѣтельство о благонадежности требуется и въ томъ случаѣ, если нѣсколько человѣкъ соединятся для содержанія вольной почты. Они обязываются только составить товарищество и избранному старостѣ вручить свои свидѣтельства ([295]). Имъ предпочитается цѣлое селеніе, которое можетъ замѣнить свидѣтельство о благонадежности взаимнымъ ручательствомъ всѣхъ жителей, составляющихъ селеніе ([296]). На основаніи свидѣтельства о благонадежности и съ соблюденіемъ объясненныхъ здѣсь преимуществъ, губернская почто-

---

([288]) Примѣч. къ 157 статьѣ XII т., ч. 1-й, Уст. почт.—([289]) Ст. 167 и 168, тамъ же.—([290]) Ст. 196, тамъ же.—([291]) Ст. 193, тамъ же.—([292]) Ст. 199—206, тамъ же.—([293]) Ст. 194—196, тамъ же.—([294]) Ст. 197, тамъ же.—([295]) Ст. 200, тамъ же.—([296]) Ст. 203, 204 и 205, тамъ же.

вая контора даетъ дозволеніе на содержаніе вольныхъ почтъ, безъ всякихъ залоговъ, если желающій завести вольную почту не проситъ пособія отъ правительства. Пособіе дается по соразмѣрности платы, которая слѣдуетъ за возку почтъ и эстафетъ. Цѣлое селеніе освобождается однако и отъ такого залога; впрочемъ, пособіе цѣлому селенію выдается не раньше, какъ по дѣйствительномъ учрежденіи вольной почты (297).

При установленіи оброчнаго содержанія собственности общественной, нужно различать оброчное содержаніе городскихъ и казачьихъ обществъ (или обществъ казаковъ донскаго, черноморскаго, уральскаго, астраханскаго и сибирскаго войска) и сельскихъ обществъ. Различіе это заключается, *во первыхъ*, въ томъ, что городскія и казачьи общества отдаютъ въ оброчное содержаніе не только имущества, но и права, какъ сборы съ вѣсовъ и мѣръ, съ площадей, право на содержаніе трактирныхъ заведеній и прочее (298); *во вторыхъ* въ томъ, что содержаніе городскихъ имуществъ и правъ установляется чрезъ городскія думы, ратуши, губернское правленіе и министерство внутреннихъ дѣлъ (299); казачьихъ—чрезъ общество, войсковое начальство, то отдѣльно, то совокупно (300); а сельскихъ обществъ, которыя не имѣютъ сборовъ, подлежащихъ оброчному содержанію, чрезъ палаты и министерство государственныхъ имуществъ (301), тѣхъ же и другихъ иногда и чрезъ правительствующій сенатъ, если сумма платежа превосходитъ власть министровъ (302). Въ другихъ отношеніяхъ это оброчное содержаніе не отличается при установленіи отъ содержанія *имуществъ* (а не правъ) собственности государственной. Предпочтеніе здѣсь оказывается мѣстнымъ жителямъ предъ посторонними, производятся торги, берутся залоги и заключаются договоры точно также, какъ при отдачѣ въ содержаніе имуществъ собственности государственной, съ соблюденіемъ тѣхъ же формъ и объясненныхъ выше пра-

(297) Ст. 210—212, т. XII, ч. 1-й.—(298) Т. XII, ч. 2-й, Уст. гор. и сел. хоз., ст. 22, п. 2, ст. 30, 31, 46, 54. Уст. казен. сел., тамъ же, ст. 14, 427, 470, 488 и прочее.—(299) Ст. 43 и 47. тамъ же.—(300) Ст. 14, 36—45, 404 и прочее, тамъ же.—(301) Уст. каз. нас. имѣн., тамъ же, ст. 180 и 183.—(302) Уст. гор. и сел. хоз., тамъ же, ст. 43, п. 3; т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1872, которая, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ извѣстно изъ практики, примѣняется къ содержанію городскихъ имуществъ и правъ.

вилъ, предписанныхъ для лицъ разныхъ сословій. Здѣсь только остается сказать о нѣкоторыхъ особенностяхъ кортомы или кортомнаго содержанія башкирскихъ земель въ оренбургскомъ и самарскомъ генералъ-губернаторствѣ, о оброчномъ содержаніи земель сибирскихъ инородцевъ и самоѣдовъ въ мезенскомъ уѣздѣ, архангельской губерніи. Особенности эти однако состоятъ только въ томъ, что содержаніе устанавливается *самимъ обществомъ*, большинствомъ двухъ третей членовъ, и съ утвержденія надлежащаго ихъ начальства, кажется безъ торговъ (303). Общества сибирскихъ инородцевъ и мезенскихъ самоѣдовъ имѣютъ право, сверхъ того, земли и оброчныя статьи свои предоставлять въ распоряженіе правительства, которое отдаетъ ихъ въ содержаніе съ торговъ (304).

Вещественная собственность не представляетъ здѣсь никакихъ особенностей отъ установленія оброчнаго содержанія имуществъ государственныхъ и общественныхъ. Только внутреннія монастырскія и церковныя зданія запрещено отдавать въ оброчное содержаніе подъ торговыя и трактирныя заведенія (305).

3. Поссессіонная и зависимая частныхъ лицъ (кромѣ заповѣдной) собственность и при установленіи оброчнаго содержанія соединяетъ въ себѣ элементы оброчнаго содержанія частной и государственной собственности. Элементъ частный проявляется въ томъ, что имущества ихъ отдаются въ оброчное содержаніе, называемое въ законахъ арендою и арендымъ содержаніемъ, безъ производства торговъ и представленія залога (306). Элементъ государственный въ томъ, что поссессіонныя имущества поступаютъ въ аренду не иначе, какъ съ разрѣшенія министерства финансовъ, а имущества зависимой собственности съ разрѣшенія палатъ и министерства государственныхъ имуществъ (307). Сверхъ того, собственность поссессіонная переходитъ въ аренду въ цѣломъ составѣ со всѣми прежними правами и обязанностями и арендаторъ вступаетъ въ соотвѣтственную гильдію (308); зависимая же собственность част-

---

(303) Т. X, ч. 1-й, Зак. Граж., ст. 1714 и 1726.—(304) Ст. 1728, тамъ же.—(305) Ст. 1711, тамъ же.—(306) Т. XI, ч. 2-й, Уст. промыш., ст. 62; т. XIII, ч. 1-й, Уст. каз. нас. им., приложеніе къ 3 примѣч. 2 ст., п. 25 и слѣд.—(307) Тамъ же.—(308) Т. XI, ч. 2-й, Уст. пром., ст. 62.

ныхъ лицъ отдается въ аренду или въ полномъ составѣ (309) или частями (310), какъ запасныя земли въ пожалованныхъ маіоратахъ западныхъ губерній, или мельницы, рыбныя ловли и прочее въ имѣніяхъ, состоящихъ въ такъ называемомъ временномъ управленіи частныхъ лицъ, но также съ тѣми правами и обязанностями, кои лежатъ на самомъ хозяинѣ такихъ имуществъ,—безъ заключенія контракта, если имущество не отдается въ содержаніе съ торговъ за долги хозяина (311), и съ представленіемъ залога, если отдается въ полномъ составѣ (312). Евреи не допускаются здѣсь вовсе къ содержанію, а лица прочихъ сословій на общемъ основаніи (313).

Зависимая собственность обществъ и установленій ничѣмъ не отличается въ установленіи оброчнаго содержанія отъ самостоятельной ихъ общественной собственности (314).

4. Договоръ на установленіе оброчнаго содержанія заключается двоякимъ образомъ: или у маклеровъ, нотаріусовъ и въ присутственныхъ мѣстахъ, коимъ дозволено принимать для засвидѣтельствованія акты, вмѣсто маклеровъ и нотаріусовъ (315), или самыми присутственными мѣстами, властями и установленіями, производящими или утверждающими торги (316). Первый способъ заключенія договора имѣетъ мѣсто при отдачѣ въ оброчное содержаніе имуществъ частныхъ и принадлежащихъ частнымъ обществамъ, товариществамъ, конкурсамъ, также заповѣдныхъ, поссессіонныхъ и общественныхъ дворянскихъ; второй—при установленіи оброчнаго содержанія государственной, общественной, вещественной собственности и казенныхъ имуществъ, состоящихъ у частныхъ лицъ въ собственности зависимой, безъ предъявленія маклерамъ, нотаріусамъ или присутственнымъ мѣстамъ, ихъ замѣняющимъ. Такимъ образомъ, палаты государственныхъ имуществъ, городскія думы, замѣняющія ихъ ратуши, войсковыя правленія, сыскныя начальства и прочее не прибѣгаютъ, при заключеніи договора на оброч-

---

(309) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. нас. им., прилож. къ 3 примѣч., 2 ст. п. 25 и слѣд.—(310) Т. X, ч. 1-й, Зак. Граж., ст. 1692; т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. нас. им., ст. 88.—(311) Т. XIII, ч. 1-й, Уст. каз. нас. им., приложен. къ 3 примѣч., 2 ст., п. 31, 33 и 53.—(312) Пунктъ. 33, тамъ же.—(313) Пунктъ. 25, тамъ же.—(314) См. выше.—(315) Т. X, ч. 1-й, Зак. Граж., ст. 1701.—(316) На это нѣтъ прямаго закона; но въ практикѣ это дѣлается повсемѣстно.

ное содержаніе, къ маклерамъ, нотаріусамъ и присутственнымъ мѣстамъ; но собственною властію совершаютъ договорныя условія. Порядокъ этотъ, повсемѣстно существующій, въ законахъ положительно не обозначенъ или, по крайней мѣрѣ, точно не оговоренъ; почему повсемѣстное установленіе его необходимо приписать юридическому или дѣловому обычаю. Оттого происходятъ недоумѣнія. Такъ случается еще и теперь, что иная дума или ратуша, какъ мнѣ извѣстно изъ моей юридической практики, прибѣгаетъ иногда къ нотаріусу или маклеру; такъ одно частное общество, какъ мнѣ также извѣстно, заключило договоръ само безъ посредства нотаріуса, а потомъ отвергло его, какъ неимѣющій законнаго засвидѣтельствованія, установленнаго для договоровъ. Подобнаго послѣднему случаю впрочемъ теперь, по изданіи вышеприведеннаго высочайше утвержденнаго 23 декабря 1858 г. мнѣнія государственнаго совѣта, не можетъ быть(317); но все же разъясненіе недоумѣнія въ этомъ отношеніи важно и для науки и для практики и составляетъ несомнѣнно обязанность первой.

5. Кромѣ договора оброчное содержаніе установляется и высочайшимъ повелѣніемъ. Такой способъ установленія извѣстенъ въ законахъ только въ одномъ случаѣ: когда казенная оброчная статья отдается въ содержаніе *навсегда* или въ безсрочное содержаніе (318). Такой способъ установленія, составляя исключеніе изъ общаго правила, производитъ, сверхъ того, и особаго вида содержаніе— безсрочное, противоположное всѣмъ другимъ видамъ его, ограничиваемымъ, въ своемъ существованіи, извѣстнымъ временемъ. Поэтому, какъ на самый способъ, такъ и на содержаніе, имъ установляемое, должно смотрѣть, какъ на исключеніе, неподходящее подъ всѣ изложенныя до сихъ поръ положенія.

6. Особенно важенъ, наконецъ, вопросъ: можетъ ли оброчное содержаніе установиться духовнымъ завѣщаніемъ и земскою давностію? Хотя отрицательный отвѣтъ тутъ очевиденъ; но для науки необходимы причины его; ибо, съ одной стороны, духовное завѣщаніе есть также законный актъ, посредствомъ котораго передаются многія имущественныя права, гораздо обширнѣйшія, чѣмъ право

(317) Калачова, Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, 1859 г., кн. 1, прилож., стр. 46.—(318) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 77.

оброчнаго содержанія, напримѣръ самая собственность; съ другой стороны, завѣщатель неограниченъ въ распоряженіяхъ своихъ на случай смерти по имуществамъ благопріобрѣтеннымъ ([319]). Подобнымъ образомъ и земская давность устанавливаетъ собственность, т. е. гораздо обширнѣйшее имущественное право, чѣмъ оброчное содержаніе ([320]). Слѣдовательно, меньшее право могло бы, по видимому, получить свое начало въ духовномъ завѣщаніи или утвердиться земскою давностію. На самомъ дѣлѣ однако выходитъ противное. Для установленія оброчнаго содержанія законъ требуетъ положительно или высочайшаго повелѣнія или договора ([321]); о другихъ актахъ установленія онъ не говоритъ, почему самое это требованіе достаточно для того, чтобы отвергнуть духовное завѣщаніе. Но и самое оброчное содержаніе, по свойству своему, какъ-то не влагается въ формы завѣщанія, имѣя формальности, именно форму обязательства, заключаемаго между установителемъ и содержателемъ, а также производя такія обязанности того и другаго, которыя тогда лишь получаютъ силу, если подписаны обѣими сторонами, а содержатель не имѣетъ права на подпись завѣщанія, къ которой допускаются только завѣщатель, по порученію его другое лице, переписчикъ и свидѣтели ([322]). Наконецъ, закономъ дозволено завѣщевать имущество благопріобрѣтенное или въ полную собственность или во временное владѣніе и пользованіе ([323]), но не въ оброчное содержаніе. Если же однако завѣщатель благопріобрѣтеннаго имущества составитъ отдѣльный актъ оброчнаго содержанія, но не успѣетъ засвидѣтельствовать его; то, кажется, онъ въ правѣ обязать въ завѣщаніи своихъ наслѣдниковъ къ установленію содержанія на основаніи этого акта.

Что же касается земской давности; то законы объ ней принадлежатъ къ тѣмъ спеціальнымъ постановленіямъ, которыя не подлежатъ распространительному герменевтическому толкованію ([324]). По нашимъ законамъ земская давность устанавливаетъ, собственно

([319]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Граж., ст. 1011.—([320]) Ст. 533, тамъ же.—([321]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 77; т. X, ч. 1-й, Зак. Граж., ст. 1700. См. выше способъ установленія оброчнаго содержанія въ началѣ и приведенные тамъ законы.—([322]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Граж., ст. 1046—1054.—([323]) Ст. 1011, тамъ же.—([324]) Изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ, ст. I, стр. 143.

говоря, только право собственности ([325]), быть можетъ, она устанавливаетъ право владѣнія ([326]) и право пользованія ([327]); но ни по прямымъ постановленіямъ законовъ, ни по аналогіи ихъ земская давность не относится къ оброчному содержанію. Да и самое свойство этого послѣдняго, выражающееся въ срочности его, не допускаетъ примѣненія закона о давности къ установленію своему. Если бы, напримѣръ, представить себѣ, что оброчный содержатель продолжилъ содержаніе, далѣе срока, еще десять лѣтъ; то и въ такомъ случаѣ, не могъ бы, опираясь на давность, требовать дальнѣйшаго его продолженія; ибо платя ежегодно оброкъ, онъ доказывалъ бы согласіе установителя на продолженіе содержанія, которое, по срочности своей, напримѣръ четырехъ или пяти лѣтъ, возобновлялось бы всякій разъ безъ совершенія новаго акта, но никакъ не болѣе. Коль скоро же установитель отказываетъ ему въ согласіи, содержаніе прекращается немедленно. Наконецъ, продолженіе содержанія сверхъ срока основывается на первоначальномъ актѣ установленія, теряющемъ силу по истеченіи времени, въ немъ назначеннаго. По всѣмъ этимъ соображеніямъ содержатель, оставляющій за собою оброчную статью послѣ срока, продолжаетъ лишь содержаніе безъ формальнаго договора. Главный однако аргументъ есть тотъ, что законъ земской давности, по спеціальности своей, относится только къ утвержденію права собственности, и какъ замѣчено выше, можетъ быть права владѣнія и пользованія, но не оброчнаго содержанія.

II. Охраненіе оброчнаго содержанія.

Для охраненія оброчнаго содержанія какъ имуществъ, такъ и правъ законъ установляетъ слѣдующія средства: 1) договоръ, 2) поручительство, 3) неустойку, 4) залогъ недвижимаго и закладъ движимаго имущества ([328]), 5) надзоръ за пользованіемъ оброчнаго права ([329]); каждое изъ этихъ средствъ и нѣсколько вмѣстѣ возможны для всѣхъ родовъ собственности. Такъ частному лицу не за-

---

([325]) Т. X ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 533.—([326]) Изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ ст. II, ст. 79—82.—([327]) Ст. III, тамъ же, стр. 28.—([328]) Объ этомъ сказано уже выше.—([329]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 70—74; Уст. каз. нас. им., ст. 25—26; Общ. губ. учр., т. II, ч. 1-й, ст. 1949—1958, 1967—1970, 2154—2158, 2230—2236, 2238 и 1239.

прещается помѣщать въ договорѣ неустойку, брать залогъ, поручительство и наблюдать за оброчнымъ содержателемъ. Но средства эти поставляются въ непремѣнное условіе оброчнаго содержанія имуществъ и правъ собственности государственной, общественной, вещественной и имуществъ, состоящихъ въ зависимой собственности частныхъ лицъ, не всѣ впрочемъ вмѣстѣ, но по нѣсколько въ каждомъ предпріятіи.

Что касается *договора*, который, по моему мнѣнію, необходимъ для установленія оброчнаго содержанія всѣхъ собственностей безъ исключенія т. е. и частной; то онъ есть основное охранительное средство, изъ котораго объясняются права и обязанности договаривающихся сторонъ, но при несостоятельности оброчнаго содержанія не обезпечиваетъ хозяина имущества, и даетъ ему только право требовать исполненія установленныхъ условій, и предъявить искъ къ оброчному содержателю. При состоятельности же содержателя договоръ составляетъ самое вѣрное обезпеченіе выгодъ хозяина, такъ какъ хозяинъ, на основаніи его, можетъ остановить произвольныя дѣйствія содержателя и удалить его вовсе отъ содержанія, а въ случаѣ неисполненія имъ договорныхъ условій или злоупотребленія, и если не взятъ залогъ, обратить свое требованіе на все остальное имущество содержателя, чего онъ не имѣетъ права при залогѣ, которымъ только и ограничивается это право, не простирая уже на другое имущество (330); при поручительствѣ же простираетъ свое право какъ на имущество содержателя, такъ и поручителей (331). Поэтому договоръ есть самое благонадежное обезпеченіе оброчнаго содержанія при состоятельности содержателя. Если же онъ подкрѣпленъ поручительствомъ; то права хозяина и обезпеченіе его выгодъ самыя обширныя. Но при несостоятельности содержателя и его поручителей ведетъ къ большимъ или меньшимъ потерямъ. Договоры исполняются по точному ихъ разуму, объясняются по словесному ихъ смыслу и обязательства ихъ переходятъ на наслѣдниковъ, если эти послѣдніе получили имущество отъ умершаго содержателя. При сомнѣніяхъ въ словесномъ

(330) Т. X, ч. 2-й, Зак. Судопр., ст. 2155.—(331) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1555—1562 и 1569.

смыслѣ договора, слова двусмысленныя объясняются въ разумѣ, наиболѣе сообразномъ существу главнаго предмета, по разуму всего договора, по доброй совѣсти и по обычаю; но при отсутствіи точности договора во всѣхъ частяхъ и при недостаточности объясненій по существу предмета, разуму договора, доброй совѣсти и обычаю и въ случаѣ равнаго съ обѣихъ договаривающихся сторонъ недоумѣнія, договоръ объясняется въ пользу того, кто имъ обязался «что-либо отдать или исполнить». Также, если нѣсколько лицъ приняли на себя обязательство по одному договору, но не обязались отвѣчать каждый за всѣхъ и всѣ за одного; то хозяинъ можетъ обратиться съ требованіемъ только къ тѣмъ, которые не исполнили условій, а не ко всѣмъ (332). Не смотря на эти ограниченія договора, онъ составляетъ главнѣйшее, основное и при состоятельности оброчнаго содержателя, самое вѣрное обезпеченіе содержанія, если заключенъ съ соблюденіемъ установленныхъ формъ и съ изъясняемыми здѣсь предосторожностями. При несостоятельности же оброчнаго содержателя договоръ, необезпеченный ни поручительствомъ, ни залогомъ, ни закладомъ, теряетъ свое значеніе.

Поручительство представляетъ всѣ тѣ выгоды и невыгоды, которыя соединены съ договоромъ. При состоятельности поручителей оно есть послѣ договора вѣрнѣйшее и надежнѣйшее обезпеченіе, такъ какъ распространяется на все имущество ихъ. При несостоятельности же ихъ ведетъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ и договоръ несостоятельнаго оброчнаго содержателя. Поручительство бываетъ двухъ родовъ: 1) при заключеніи условій между частными лицами, дворянскими, частными обществами, товариществами, компаніями и конкурсами; 2) при заключеніи условій частныхъ лицъ съ присутственными мѣстами. Перваго рода поручительство принимается или въ части обязательства или во всемъ обязательствѣ, въ исполненіи обязательства и въ исполненіи его на срокъ. Если въ подписи поручителя не сказано, что поручительство берется въ части обязательства и въ какой именно, то оно распространяется на все обязательство. Если поручительство дано въ исполненіи договора, въ особенности въ платежѣ суммы, то поручитель отвѣтствуетъ за исполненіе его, при неисправности или несостоятельности

(332) Ст. 1536—1539, 1543 и 1548, тамъ же.

содержателя, хотя неисправность или несостоятельность послѣдовала прежде или послѣ срока до истеченія десятилѣтней давности; онъ отвѣчаетъ нетолько въ платежѣ оброчной суммы, но и процентовъ, если будетъ увѣдомленъ по срокѣ обязательства чрезъ нотаріуса, маклера или присутственное мѣсто. Въ черниговской и полтавской губерніяхъ поручитель отвѣчаетъ за неисправнаго содержателя и въ томъ случаѣ, если онъ не признанъ несостоятельнымъ, но и тутъ онъ долженъ обязаться принять на себя удовлетвореніе хозяина въ случаѣ неисполненія на срокъ обязательства. Если поручительство принято на срокъ, то поручитель отвѣчаетъ немедленно при наступленіи срока, однако подъ условіемъ, чтобы обязательство было предъявлено ко взысканію не позже мѣсяца по наступленіи срока, иначе онъ освобождается отъ всякой отвѣтственности. Поручительство устанавливается подписью поручителя на самомъ обязательствѣ, послѣ подписи содержателя; въ надписи должны быть изложены всѣ условія поручительства, принимается ли оно въ части или во всемъ обязательствѣ, на срокъ или нѣтъ ([333]).

Втораго рода поручительство или заключаемое частными лицами съ присутственными мѣстами допускается: 1) при отдачѣ въ оброчное содержаніе казеннаго строенія ([334]); 2) при отдачѣ въ содержаніе почтовыхъ станцій государственнымъ и помѣщичьимъ крестьянамъ ([335]); 3) оброчныхъ статей въ Сибири купцамъ; 4) оброчныхъ городскихъ и казенныхъ статей въ закавказскомъ краѣ, если оброчная сумма простирается до 300 р. сер. въ годъ и если желающихъ представить залогъ не явилось ([336]); 5) при отдачѣ казенныхъ участковъ и оброчныхъ статей малоземельнымъ селеніямъ государственныхъ крестьянъ ([337]); 6) питейныхъ сборовъ свыше 3. 000 р., если 3 поручителя купцы 2 гильдіи, и до 12. 000, если они 1 и 2 гильдій, и если, въ томъ и другомъ случаѣ, они не принадлежатъ къ городамъ, состоящимъ на льготѣ, и сами не участвуютъ въ содержаніи этихъ сборовъ ([338]). Могутъ ли узаконенія о поручительствѣ втораго рода быть примѣнены къ другимъ предметамъ

([333]) Ст. 155—1562, X т., ч. 1-й, Зак. Гражд.—([334]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 49.—([335]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1563 п.3 и 5.—([336]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., примѣчаніе 1 и 2 къ 46 ст.—([337]) Ст. 62, тамъ же.—([338]) Т. V, Уст. пит. сбор., ст. 101 и 102.

оброчнаго содержанія, сверхъ исчисленныхъ здѣсь, т. е. принимаютъ ли они герменевтическое распространительное объясненіе (interpetatio extensiva) или они составляютъ тѣ специальныя узаконенія, которыя, подобно приведеннымъ выше, примѣняются лишь къ случаямъ, положительно въ нихъ обозначеннымъ?—вопросъ, разрѣшающійся легко. Узаконенія, допускающія поручительство втораго рода, по словесному смыслу и разуму своему, опредѣляя случаи поручительства и лицъ, отъ коихъ оно можетъ быть принято въ томъ или другомъ предпріятіи, даже сумму, до которой оно можетъ простираться, являются до такой степени специальными, что не оставляютъ сомнѣнія невозможности распространительнаго герменевтическаго объясненія. Это положеніе я могу подтвердить дѣлами изъ моей юридической практики, по которымъ поручительство было отвергнуто при установленіи оброчнаго содержанія городскихъ имуществъ. Однако при такой специальности разсматриваемыхъ здѣсь узаконеній, нужно различать два обстоятельства: должно ли поручительство замѣнить установленный залогъ или служить подкрѣпленіемъ самаго залога. Залога замѣнить или даже дополнить оно не можетъ. Но если установленный закономъ залогъ представленъ и сверхъ его дается еще поручительство; то едва ли его можно отвергнуть. Другой вопросъ: сохраняетъ ли силу поручительство, *вмѣсто залога*, въ такомъ предпріятіи, которое его не допускаетъ? Несомнѣнно сохраняетъ, и только при недостаточности его, отвѣтственность падаетъ на того, кто принялъ поручительство вмѣсто залога. Наконецъ, поручительство переходитъ на наслѣдниковъ, если они получили отъ умершаго поручителя имущество ([339]).

Третіе средство обезпеченія оброчнаго содержанія есть *неустойка*. Она, подобно поручительству, бываетъ двухъ родовъ: 1) устанавливаемая частными лицами или частными обществами и 2) устанавливаемая частными лицами при заключеніи договора съ присутственными мѣстами и съ правительственными властями. Въ первомъ случаѣ она допускается безусловно, т. е. она можетъ равняться и превосходить сумму оброчнаго платежа или цѣнность оброчнаго имущества; только въ черниговской и полтавской губерніяхъ огра-

---

([339]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1569.

ничивается суммою обязательства и выше ея не допускается. Особенное свойство неустойки заключается въ томъ, что взысканіемъ ея самое обязательство по договору не уничтожается, если въ договорѣ не объяснено, что платежъ неустойки прекращаетъ его и что она переходитъ на наслѣдниковъ, которые получили имущество отъ оброчнаго содержателя. Но и здѣсь для черниговской и полтавской губерній сдѣлано изъятіе: наслѣдственность неустойки допускается лишь тогда, если искъ о ней начатъ при жизни оброчнаго содержателя или если въ самомъ договорѣ она распространена на наслѣдниковъ (340). При свойствѣ неустойки—служить какъ бы понудительнымъ средствомъ и штрафомъ за неисполненіе, а не обезпечивать собственно обязательство, она представляетъ во всякомъ случаѣ значительныя выгоды, не лишая права требовать исполненія договора во всемъ объемѣ; но, съ другой стороны, при несостоятельности оброчнаго содержателя не ведетъ ни къ какому результату, уступаетъ поручительству и ведетъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ и договоръ при несостоятельности. Такимъ образомъ, неустойка въ договорахъ оброчнаго содержанія между частными лицами имѣетъ хорошую и дурную матеріальную сторону: она уплачивается сверхъ оброчной суммы или вознагражденія за другіе убытки, простирается на все имущество содержателя и если установлена въ суммѣ равной или превышающей даже самое обязательство, то значительно вознаграждаетъ хозяина оброчнаго имущества и, слѣдовательно, служитъ очень вѣрнымъ обезпеченіемъ договора; но, съ другой стороны, уступаетъ при несостоятельности поручительству. Неустойка однако принимаетъ свойства поручительства при состоятельности поручителей, если ее примутъ на себя не оброчной содержатель, а лица посторонніе, невступающія въ обязательство.

Втораго рода неустойка, или устанавливаемая при заключеніи договора частнымъ лицомъ съ присутственными мѣстами или правительственными властями, принимаетъ всѣ свойства поручительства этого послѣдняго рода: она устанавливается закономъ только для извѣстныхъ случаевъ, не принимаетъ распространительнаго герменевтическаго толкованія, можетъ служить подкрѣпленіемъ зало-

(340) Ст. 1583—1856 т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд.

га, но ни дополненіемъ, ни замѣненіемъ его, не теряетъ силы, если принята вмѣсто залога въ томъ случаѣ, когда законъ не разрѣшаетъ ее, и ведетъ къ той же отвѣтственности допустившаго неустойку вмѣсто залога, какъ и поручительство. Особенное свойство этого рода неустойки есть то, что она не превышаетъ полпроцента въ мѣсяцъ или шести въ годъ со всей суммы обязательства ([341]) и обращается иногда не въ пользу казны, а въ пользу приказовъ общественнаго призрѣнія и не увеличивается процентами при просрочкѣ ([342]).

Залогъ и *закладъ* самыя вѣрныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя ограниченныя средства къ обезпеченію договора. Вѣрны они потому, что не подлежатъ случайности: состоятельности или несостоятельности содержателя и, находясь всегда на лице, вознаграждаютъ хозяина. Ограничены они потому, что не распространяютъ никогда обязательства, заключеннаго между частными лицами, на прочее имущество содержателя и по продажѣ ихъ, въ большей или меньшей суммѣ противъ установленнаго платежа, освобождаютъ содержателя частнаго имущества или права отъ дальнѣйшей отвѣтственности ([343]). Принимаются они предпочтительно предъ поручительствомъ при заключеніи договоровъ частныхъ лицъ съ присутственными мѣстами и правительственными властями, положительно опредѣлены закономъ въ свойствахъ и суммѣ ихъ, и въ этомъ случаѣ имѣютъ то особенное свойство, что по продажѣ залога, представленнаго не содержателемъ, залогодатель освобождается отъ дальнѣйшей отвѣтственности ([344]), но всякое имущество самого содержателя, при недостаточности его собственнаго залога, кажется, поступаетъ на удовлетвореніе казеннаго иска ([345]). Другія общія условія залога: закладывать можно только собственное имущество или съ согласія и по довѣренности хозяина его ([346]); недѣйствителенъ залогъ имущества, состоящаго во временномъ или пожизненномъ пользованіи ([347]); находящагося подъ запрещеніемъ ([348]); запо-

---

([341]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Граж., ст. 1576—1580.—([342]) Т. XIII, Учр. общ. призр. ст. 313 п. 6; т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 97 и 98.—([343]) Т. X, ч. 2-й, Судопр. Гражд., ст. 2155 и ч. 1-й, Зак. Граж., примѣч. къ 1653 ст.—([344]) Т. X, ч. 2-й, Зак. Граж., ст. 1998.—([345]) Ср. ст. 99, Уст. каз. обр. ст., т. VIII, ч. 1-й, ст. 1992 и 1995, Зак. Граж.—([346]) Т. X, ч. 1й, Зак. Гражд., ст. 1627 и 1629 п. 1.—([347]) Ст. 1629, п. 2, тамъ же.—([348]) Ст. 1630, п. 1, тамъ же.

вѣднаго ([349]); крѣпостныхъ людей безъ земли ([350]); имѣній безумнаго и малолѣтняго безъ разрѣшенія сената ([351]); поссессіоннаго безъ разрѣшенія министерства финансовъ ([352]); такихъ казенныхъ земель, которыя отданы подъ условіемъ заселенія или хозяйственныхъ заведеній, прежде исполненія этого условія ([353]); принадлежащаго казначеямъ, безъ разрѣшенія ихъ начальства и съ нарушеніемъ установленныхъ правилъ ([354]); нераздѣльнаго имущества съ раздробленіемъ, напримѣръ заводовъ, фабрикъ, лавокъ, участковъ земли свободныхъ хлѣбопашцевъ менѣе 8 десятинъ ([355]); ожидаемаго по наслѣдству ([356]); духовныхъ имѣній римско-католическаго исповѣданія, безъ высочайшаго соизволенія ([357]), равно лютеранскаго и армяно-грегоріанскаго ни въ какомъ случаѣ ([358]) и вообще состоящихъ въ государственной, общественной и вещественной собственности ([359]). Обязанность оброчнаго содержателя, въ исполненіи договора, при его несостоятельности или смерти, переходитъ на наслѣдниковъ, получившихъ заложенное имѣніе, и на тѣхъ, которые дали довѣренности оброчному содержателю представить ихъ имѣнія въ залогъ. Въ такихъ случаяхъ вызываются наслѣдники или залогодатели къ исполненію обязательства и если не явятся въ срокъ или откажутся отъ исполненія обязательства, то не въ правѣ возражать противъ продажи имѣнія, законно совершенной и противъ разсчетовъ при удовлетвореніи хозяина оброчнаго имущества или права, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ по объявленіи имъ неисправности оброчнаго содержателя, но залогодатели имѣютъ право указать на извѣстное имъ свободное имущество содержателя, на которое тогда и обращается искъ ([260]). Это общія положенія о залогахъ и закладахъ. Въ частности же ихъ слѣдуетъ, также какъ поручительство и неустойку, раздѣлить на два рода: на залоги и заклады, принимаемые частными лицами и принимаемые присутственными мѣстами и правительственными лицами. Для пер-

([349]) Ст. 488, X т., ч. 1-й, Зак. Гражд.—([350]) Ст. 1637 тамъ же.—([351]) Ст. 281, 376, 377 и примѣч. тамъ же.—([352]) Т. XI, ч. 1-й, Уст. промышл. ст. 62 и 63; также т. X, ч. 1-й, Зак. Граж. ст. 1933 п. 1, ст. 1638.—([353]) Ст. 1393 п. 2 съ 1638, тамъ же.—([354]) Ст. 1393 съ 1638, тамъ же.—([355]) Ст. 1396 п. 1 и 3 съ 1638, тамъ же.—([356]) Ст. 1389 съ 1638, тамъ же.—([357]) Т. IX, ч. 1-й, Управл. дух. дѣл. ин. исп. ст. 118.—([358]) Ст. 606 и 1012, тамъ же.—([359]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд. ст. 1386 и 1387 съ 1638.—([260]) Ст. 1966, 1967, 1970, 1972, 1977, 1995 тамъ же.

наго рода обезпеченія залогъ и закладъ подпадаетъ именно тому ограниченію, о которомъ мы уже сказали, т. е. лишаетъ хозяина права распространять требованіе на прочее имущество оброчнаго содержателя, напротивъ по продажѣ считается полнымъ удовлетвореніемъ иска. Сумма залога или заклада для частныхъ договоровъ не опредѣлена и, слѣдовательно, подобно неустойкѣ, можетъ быть меньше стоимости обязательства и превосходить ее. Но залогъ недвижимаго имущества между частными лицами имѣетъ еще слѣдующія ограниченія: недвижимое имѣніе залагается только тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ, по своему званію, право владѣть имъ, посему непринадлежащія къ потомственному дворянству не могутъ принять въ залогъ населеннаго имѣнія ([361]). При залогѣ втораго рода или установленнаго въ договорахъ съ присутственными мѣстами опредѣлено закономъ, какія именно имущества могутъ быть приняты въ обезпеченіе оброчнаго содержанія и до какой суммы долженъ простираться залогъ и закладъ ([362]).

Надзоръ за пользованіемъ оброчнаго содержателя истекаетъ или изъ самыхъ имущественныхъ правъ установителя содержанія или изъ договора или изъ закона. По праву собственности, владѣнія, пользованія, распоряженія и управленія установитель содержанія, собственникъ ли онъ, владѣлецъ, пользователь или только распорядитель или управитель, имѣетъ полное право наблюдать, чтобы оброчный содержатель пользовался предоставленнымъ ему имуществомъ или правомъ на точномъ основаніи договора и, въ случаѣ отступленія его отъ обязательства, можетъ требовать прекращенія содержанія за нарушеніе договора. Но если содержатель, оставаясь вѣрнымъ договору, ухудшаетъ или обезсиливаетъ имущество, то установитель содержанія лишенъ права требовать прекращенія его, такъ какъ отъ его усмотрѣнія зависѣло заключить такой договоръ. Надзоръ этотъ еще болѣе усиливается, если онъ установленъ самимъ договоромъ, въ которомъ могутъ быть опредѣлены время и порядокъ наблюденія, вмѣшательство хозяина или установителя оброчнаго содержанія въ распоряженія содержателя, самая зависимость дѣйствій его отъ согласія хозяина. Такого рода надзоръ обширнѣе того, который истекаетъ изъ однихъ правъ имуществен-

([361]) Ст. 1628, X т., ч. 1-й Зак. Гражд.,—([362]) См. вышеприведенныя узаконенія объ имуществахъ, допускаемыхъ въ залогъ.

выхъ, такъ какъ не только при отступленіи отъ договора, но и при нарушеніи условій на счетъ самаго надзора, оброчный содержатель можетъ быть лишенъ предоставленнаго ему имущества или права, т. е. надзоръ этотъ заключаетъ въ себѣ и права, истекающія изъ собственности, владѣнія, пользованія, распоряженія и управленія, и еще особенныя права, установленныя договоромъ. Однако далѣе этихъ правъ установитель содержанія идти не можетъ и долженъ придерживаться буквально договора. Надзоръ, предписываемый закономъ при оброчномъ содержаніи предметовъ собственности государственной и имуществъ, состоящихъ въ зависимой собственности частныхъ лицъ, подкрѣпляется иногда и договоромъ; но и безъ договора онъ имѣетъ полную силу, какъ установленный закономъ. Такъ при отдачѣ въ содержаніе оброчныхъ статей назначено ежегодное имъ свидѣтельство и сверхъ того постоянное наблюденіе, чтобы содержатель пользовался статьею «не отступая отъ правилъ контракта» (363); такъ подробныя правила такого надзора за казенными имѣніями, состоящими въ хозяйственномъ управленіи временныхъ владѣльцевъ, положительно разъяснены въ законѣ (364). За тѣмъ, надзоръ за содержаніемъ предметовъ собственности общественной и вещественной закономъ не устанавливается. Изъ моей юридической практики однако мнѣ извѣстны случаи, совершенно противоположные въ этомъ отношеніи: иногда подвергался взысканію содержатель городской оброчной статьи за разстройство ея, а не лица, отдавшія ему статью въ содержаніе, откуда слѣдуетъ заключить, что лица эти не были обязаны надзоромъ. Но, съ другой стороны, при несостоятельности такого содержателя отвѣтственность за разстройство оброчной статьи относима была на лицъ, на обязанности коихъ лежало завѣдываніе городскими имуществами, откуда слѣдуетъ заключить, что надзоръ тутъ предполагался. Поэтому необходимо допустить распространительное герменевтическое объясненіе закона при оброчномъ содержаніи предметовъ послѣднихъ двухъ собственностей и вообще принять правиломъ, что всякое оброчное содержаніе, установленное присутственными мѣстами и должностными лицами или съ

(363) Т. VIII, ч. 1-II, Уст. каз. обр. ст., ст. 70—74.—(364) Ст. 25—26, тамъ же, и т. II, Общ. губ. учр. ст. 1949—1958, 1967—1970, 2154—2156, 2230—2236, 2238, 2239.

разрѣшенія ихъ, въ имуществахъ, ввѣренныхъ ихъ завѣдыванію, подчиняется надзору, истекающему изъ закона.

III. Сроки оброчнаго содержанія.

Оброчное содержаніе бываетъ: 1) безсрочное, 2) безпереоброчное. 3) срочное.

Хотя въ законѣ первые два вида называются безсрочнымъ или безпереоброчнымъ содержаніемъ; но по свойству того и другаго, наука должна сдѣлать между ними различіе, такъ какъ они представляютъ, въ отношеніи продолженія своего существованія, два различныя имущественныя положенія. Первое установляется, какъ исключеніе изъ общихъ правилъ, однимъ высочайшимъ повелѣніемъ въ государственной собственности и устанавливается *навсегда* ([365]), почему его необходимо назвать не только безсрочнымъ, но и продолжающимся до уничтоженія самаго предмета или до пресѣченія всего потомства оброчнаго содержателя. Второе содержаніе устанавливается до наступленія извѣстнаго событія. Это послѣднее допускается въ двухъ случаяхъ: а) когда государственнымъ крестьянамъ предоставляется изъ послѣдняго оброка статья оброчная до утвержденія ея въ надѣлъ за ними или до исключенія изъ числа статей оброчныхъ; б) когда о земляхъ, застроенныхъ частными лицами, возникаетъ споръ, то до рѣшенія его судебнымъ порядкомъ частныя лица удерживаютъ эти земли «безпереоброчно» ([366]). Какъ первый видъ содержанія безсрочнаго, такъ и второй безпереоброчнаго составляютъ исключеніе, не совсѣмъ свойственное этому имущественному положенію; ибо по общему вышеобъясненному свойству его срокъ есть непремѣнное условіе установленія его. Далѣе, опредѣленіе срока есть то родовое отличіе, которое лежитъ между оброчнымъ содержаніемъ и пользованіемъ, такъ какъ это послѣднее въ самомъ законѣ называется иногда вѣчнымъ и потомственнымъ пользованіемъ ([367]). Установляя такое различіе между оброчнымъ содержаніемъ и пользованіемъ въ отношеніи срока, законъ не объясняетъ другихъ между ними различій. Почему наука обязана приступить къ изысканію ихъ. Безпе-

([365]) Т. VIII. ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 76 и 77.—([366]) Ст. 76 и 78, тамъ же.—([367]) Напримѣръ, между прочимъ, примѣч. 1 къ 76 ст. того же устава. См. также изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ, ст. III, стр. 79—83.

реоброчное содержаніе, составляя продолженіе обыкновеннаго срочнаго содержанія, должно, потому самому, заключать въ себѣ всѣ тѣ свойства, которыя оно проявляло до перехода въ безпереоброчное, съ тою только разницею, что оброчная плата не измѣняется, какъ самъ законъ говоритъ: предоставляется «изъ послѣдняго оброка» или «безъ переоброчки» ([368]). Сверхъ того при помянутомъ возникшемъ спорѣ не измѣняется субъектъ содержанія. Слѣдовательно, остальныя свойства этого имущественнаго положенія не различаются отъ обыкновеннаго срочнаго содержанія. Здѣсь поэтому возраждается только одинъ вопросъ: что значитъ этотъ споръ, обращающій срочное содержаніе въ безпереоброчное и какъ онъ возможенъ при *условіяхъ* существующаго договора? Законъ говоритъ только о казенныхъ земляхъ, застроенныхъ или заселенныхъ частными лицами, и состоявшихъ въ ихъ оброчномъ содержаніи ([369]). Поэтому непремѣнное условіе здѣсь есть предшествовавшее установленіе обыкновеннаго срочнаго содержанія. Это предположеніе подтверждается и указомъ правительствующаго сената, 30 ноября 1805 г. ([370]), изъ котораго извлечено вошедшее въ Сводъ узаконеніе. Споръ, объясненный въ указѣ сената, возникъ изъ того, что частныя лица присвоивали себѣ во владѣніе «оброчныя статьи», состоявшія въ окладѣ, заселивъ ихъ и устроивъ хозяйственныя заведенія. Однако устройство на оброчной статьѣ селенія, т. е. заселеніе ея, не обращаетъ содержанія срочнаго въ безпереоброчное; ибо содержатель обязывается закономъ, по окончаніи содержанія, снести селеніе; въ противномъ случаѣ подвергается взысканію, установленному за насильственное владѣніе чужими землями ([371]). Поэтому недостаточно одного заселенія или устройства хозяйственныхъ заведеній: необходимо, чтобы содержатель предъявлялъ на оброчную статью, вслѣдствіе заселенія ея, право владѣнія. При стеченіи такихъ обстоятельствъ, проявляется насильственное завладѣніе. Оно можетъ быть уничтожено полицейскимъ, а не судебнымъ порядкомъ, только тогда, если искъ о завладѣніи предъявленъ въ теченіе 10 недѣль со времени завладѣнія; въ противномъ случаѣ дѣло передается поли-

([368]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст.каз. обр. ст., ст. 78.—([369]) Таже статья въ концѣ.—([370]) Перв. Полн. Собр. Зак. т. XXIII, N 21.954.—([371]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 100.

ціею въ судебное мѣсто ([372]), а при передачѣ дѣла, о недвижимомъ имуществѣ, въ судъ, оно оставляется до рѣшенія спора за тѣмъ, у кого было при началѣ его ([373]). Такъ только можетъ возникнуть подобное содержаніе. Другихъ причинъ оставленія оброчной статьи за содержателемъ далѣе срока нельзя и предположить, и въ законахъ нашихъ другихъ примѣровъ обращенія содержанія заселенной или застроенной оброчной статьи въ содержаніе безпереоброчное нигдѣ не приводится. Поэтому должно остановиться на объясненномъ случаѣ. Изъ всего же изложеннаго здѣсь слѣдуетъ вывести заключеніе, что безпереоброчное содержаніе устанавливается, во *первыхъ*, вслѣдствіе предположенія правительства, объ отводѣ оброчной статьи въ надѣлъ государственнымъ крестьянамъ; во *вторыхъ*, вслѣдствіе недосмотра лицъ, обязанныхъ закономъ за охраненіемъ силы срочнаго оброчнаго содержанія, допущенія ими заселенія и застройки и непредъявленія, въ теченіе 10 недѣль, иска, о возстановленіи правъ казны на оброчную статью. За тѣмъ, всѣ свойства срочнаго содержанія не измѣняются, какъ можно заключить и изъ 78 ст. Уст. каз. обр. ст., т. VIII, ч. 2-й.

Безсрочное оброчное содержаніе устанавливается, напротивъ, въ одномъ только случаѣ, когда послѣдуетъ на то высочайшее повелѣніе ([374]). Но этотъ случай распадается на два: 1) когда высочайшимъ повелѣніемъ устанавливается безсрочное продолженіе уже существовавшаго оброчнаго содержанія срочнаго; 2) когда оно устанавливается вновь. Первый видъ составляетъ продолженіе прежде существовавшаго содержанія, подчиняется всѣмъ условіямъ этого послѣдняго и, слѣдовательно, сохраняетъ всѣ его свойства, если на измѣненіе ихъ не послѣдуетъ высочайшая воля. Второй видъ, принадлежа къ исключенію и въ этомъ даже исключительномъ случаѣ, долженъ быть разсматриваемъ на основаніи высочайшаго повелѣнія, т. е. если безсрочное оброчное содержаніе устанавливается со всѣми свойствами срочнаго, то между ними не возникаетъ никакого различія въ существѣ самого права; если же высочайшею волею допущены измѣненія, то въ нихъ

([372]) Т. X, ч. 2-й, Судопр. Гражд., ст. 10.—([373]) Ст. 679—682, тамъ же.— ([374]) Т. VIII, ч. 2-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 76 и 78.

именно и должно заключаться различіе. Поэтому наука не можетъ опредѣлить общихъ свойствъ его, которыя и необходимо объяснять въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особо. Можно только, въ общихъ соображеніяхъ, положительно сказать, что такого рода оброчное содержаніе не есть пользованіе, не смотря на большое между ними сходство; ибо законодателю не было вовсе необходимости говорить о содержаніи тамъ, гдѣ онъ разумѣлъ пользованіе. Для разъясненія этого вывода приведемъ примѣры. Оброчный содержатель обязанъ, прежде всего, вносить въ казну оброкъ, установленный на торгахъ, подчиняется надзору со стороны лицъ, назначенныхъ для того правительствомъ и общимъ положеніемъ закона о содержаніи оброчномъ срочномъ. Если всѣ эти условія измѣнены высочайшимъ повелѣніемъ, т. е. если оброкъ установленъ по оцѣнкѣ или по высочайшему усмотрѣнію, если онъ вовсе отмѣненъ, если надзоръ ослабленъ или также отмѣненъ, если условія содержанія постановлены другія, чѣмъ какія бываютъ обыкновенно при содержаніи; то здѣсь возникаетъ уже пользованіе. Поэтому будетъ правильнымъ тотъ выводъ, что безсрочное содержаніе, несоставляющее продолженія уже существовавшаго или устанавливаемое вновь, должно проявлять хотя нѣкоторыя свойства срочнаго содержанія, иначе оно обратится въ пользованіе, совершенно другое имущественное право ([375]).

До сихъ поръ говорили мы о безпереоброчномъ и безсрочномъ оброчномъ содержаніи въ собственности государственной. Могутъ ли они быть допущены въ остальныхъ видахъ собственности, какъ частной, общественной или вещественной? Въ первой изъ нихъ возможно только безпереоброчное содержаніе, вслѣдствіе заселенія и застройки оброчной статьи, предъявленія на нее содержателемъ правъ владѣнія и пропущенія хозяиномъ 10 недѣль, назначенныхъ для возстановленія правъ его порядкомъ полицейскимъ. Конечно, хозяинъ или владѣлецъ имущества властенъ оставить оброчную статью за содержателемъ съ прежнимъ оброкомъ; но это будетъ уже не продолженіе, а возобновленіе содержанія, по причинѣ вновь заключеннаго договора. Высочайшее же повелѣніе ни въ какомъ случаѣ, безъ воли хозяина, не

([375]) Изслѣдованія объ имущ. или вещ. правахъ, ст. III.

можетъ касаться оброчнаго содержанія въ имуществѣ частномъ, такъ какъ одинъ хозяинъ имѣетъ на него исключительное и независимое ни отъ кого право. Тоже слѣдуетъ сказать о частномъ владѣльцѣ Пользователь, распорядитель и управитель хотя въ общемъ положеніи устраняютъ также постороннее вліяніе, но подчиняются условіямъ права, предоставленнаго имъ хозяиномъ имущества. Но если хозяинъ или владѣлецъ изъявляютъ согласіе или будутъ сами просить высочайшаго соизволенія на установленіе подобнаго рода содержанія, и высочайшее соизволеніе послѣдуетъ; то въ этомъ совершенно исключительномъ случаѣ возникнетъ безсрочное содержаніе, подобно установляемому высочайшимъ повелѣніемъ въ собственности частной. Общественная и вещественная собственность становятся, въ этомъ отношеніи, въ средину между собственностію государственною и частною, такъ какъ вліянія правительства на нихъ отвергать нельзя, даже противъ воли тѣхъ, за кѣмъ записаны эти имущества, а съ другой стороны слѣдуетъ допустить возможность ходатайства о высочайшемъ повелѣніи на установленіе такого безсрочнаго содержанія.

Самое близкое къ безсрочному содержанію представляетъ оброчное содержаніе земель башкирскихъ, гдѣ открыты руды: ихъ разрѣшено отдавать въ содержаніе подъ разработку рудъ, на 30 лѣтъ и «на весьма значительное время» ([376]). Строго говоря, тутъ нельзя предположить собственно безсрочнаго содержанія въ томъ смыслѣ, въ какомъ это послѣднее разсмотрѣно нами выше, такъ какъ законъ устанавливаетъ «значительное время», слѣдовательно предполагаетъ срокъ. Равномѣрно слѣдуетъ отвергнуть и безпереоброчное содержаніе въ смыслѣ опредѣленія окончанію его какого-либо событія, напримѣръ истощеніе рудъ совершенное или до извѣстной степени, потому что законъ положительно требуетъ назначенія времени или срока, хотя и весьма значительнаго, но все же времени. Слѣдовательно, близкое свойство содержанія рудныхъ земель башкирскаго племени съ содержаніемъ безсрочнымъ заключается лишь *въ самомъ продолжительномъ времени*, какое только законъ допускаетъ для срочнаго оброчнаго содержанія, почему его должно считать срочнымъ.

([376]) Ст. 1719, X т., ч.1-й, Зак. Гражд.

Еще болѣе приближается къ безсрочному содержанію, а не безпереоброчному, но въ смыслѣ однако неизмѣненія только субъекта, содержаніе гостинницъ, ресторацій, кофейныхъ домовъ и харчевень въ городахъ: для продолженія его содержатель обязанъ только замѣнять ежегодно выдаваемое ему думою или ратушею свидѣтельство ([377]) и подчиняться возвышенію оброчной платы, чему были примѣры ([378]). За тѣмъ содержаніе его можетъ прекратиться лишь при его неисправности или уменьшеніи правительствомъ числа этихъ заведеній въ городѣ или вслѣдствіе невзятія свидѣтельства.

Срочное содержаніе являетъ два вида: по содержанію правъ и по содержанію имуществъ. Время оброчнаго содержанія правъ законъ не вездѣ устанавливаетъ, но изъ юридической практики мнѣ извѣстно, что установители этого содержанія, при молчаніи закона, придерживаются срока, предписаннаго закономъ для содержанія другихъ подобныхъ правъ. Такое дѣйствіе установителей наука законовѣдѣнія должна считать совершенно правильнымъ при отсутствіи общаго закона. Частные случаи опредѣленія срока содержанія правъ закономъ слѣдующіе: для питейныхъ сборовъ ([379]), для еврейскихъ коробочныхъ сборовъ ([380]) и для трактировъ въ городахъ ([381])—четырехлѣтній. На этомъ основаніи отдаются, сколько мнѣ извѣстно изъ юридической практики, въ четырехлѣтнее оброчное содержаніе сборы съ городскихъ вѣсовъ и мѣръ, мостовъ и перевозовъ. Этому общему правилу, кажется, должны слѣдовать установители содержанія сборовъ съ перевозовъ въ селеніяхъ казачьихъ войскъ, такъ какъ законъ не опредѣляетъ срока, и частныя лица въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ подобные сборы допущены. Исключеніе изъ этого четырехлѣтняго срока составляетъ содержаніе почтовыхъ станцій и гостинницъ на нихъ, срокъ котораго продолжается 12 лѣтъ ([382]). Особенное свойство исчисленныхъ здѣсь сроковъ есть то, что они, большею частію, уменьшены быть не могутъ, также какъ и увеличены. Такимъ образомъ четырехлѣтній терминъ для

([377]) Т. XII, ч. 2-й, Уст. гор. и сел. хоз., прилож. къ 31 ст., пунк. 167.—([378]) Исторія Министерства Вн. Дѣл., ч. 2, кн. 1, стр. 521; первое Полн. Собр. Зак., т. XXXVII, N 28586, § 13, т. XXXVIII, N 29404.—([379]) Т. V, Уст. пит. сб., ст. 53.—([380]) Уст. под., тамъ же, прилож. къ 281 ст., п. 29.—([381]) Т. VII, ч. 2-й, Уст. гор. и сел. хоз., прилож. къ 31 ст. п. 167.—([382]) Т. XII, ч. 1-й, Уст. почт., ст. 53 и 250.

содержанія питейныхъ и коробочныхъ сборовъ, а также трактировъ городскихъ, равно какъ двѣнадцатилѣтній для почтовыхъ станцій и гостинницъ на нихъ — неизмѣняемы, не допуская ни сокращенія, ни распространенія времени. Остальныя права изъ разсматриваемыхъ нами могутъ, кажется, быть отдаваемы въ содержаніе на меньшіе сроки, и четырехлѣтній терминъ будетъ для нихъ только крайнимъ предѣломъ, далѣе котораго оброкъ правъ продолжаться не долженъ по одному и тому же контракту. Предположеніе это основывается на молчаніи закона, относительно срока ихъ содержанія, и изъ юридической практики мнѣ неизвѣстенъ ни одинъ случай дальнѣйшаго термина. Совершенно иное представляетъ оброчное содержаніе имуществъ: для него законъ опредѣляетъ лишь крайніе предѣлы существованія, не воспрещая сроковъ кратчайшихъ. Это свойство оброчнаго содержанія имуществъ есть общее, изъ котораго сдѣлано одно исключеніе для запасныхъ войсковыхъ земель казачьихъ войскъ, на содержаніе коихъ назначается закономъ меньшій и крайній срокъ, именно отъ 10 до 20 лѣтъ ([383]). Нѣкоторые предметы имѣютъ двойные сроки, но также составляющіе только крайніе предѣлы: въ казачьихъ земляхъ участки для устройства мельницъ отдаются въ содержаніе до 24, съ разрѣшенія главнаго мѣстнаго начальства, и до 99, съ разрѣшенія военнаго министра ([384]); въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ свободные казенные участки предоставляются подъ разныя хозяйственныя и мануфактурныя заведенія на тѣ же сроки ([385]). Меньшій терминъ въ обоихъ этихъ случаяхъ допускается съ согласія контрагентовъ. Другія имущества подчинены только однороднымъ должайшимъ срокамъ, составляющимъ крайній предѣлъ содержанія. Сроки эти суть: четырехлѣтній для оброчныхъ промысловъ сибирскихъ обывателей разныхъ сословій и мезенскихъ самоѣдовъ ([386]); шестилѣтній для запасныхъ земель въ имѣніяхъ, пожалованныхъ на правѣ маіората въ западныхъ губерніяхъ ([387]); двѣнадцатилѣтній для частныхъ имуществъ вообще ([388]), для существующихъ уже мельницъ въ земляхъ оренбургскаго казачьяго

([383]) Т. XII, ч. 2-й, Уст. казач. сел., ст. 190.—([384]) Прилож. къ 147 ст., п. 3, тамъ же.—([385]) Уст. гор. и сел. хоз., тамъ же, ст. 108, п. 2.—([386]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Граж., ст. 1728.—([387]) Ст. 1692, тамъ же.—([388]) Таже статья.—

войска ([389]), для казенныхъ оброчныхъ статей ([390]), для земель, принадлежащихъ городамъ ([391]), для излишнихъ калмыцкихъ земель ([392]); для имуществъ, принадлежащихъ архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и церквамъ ([393]); для мірскихъ общественныхъ оброчныхъ статей государственныхъ крестьянъ ([394]) и для общественныхъ башкирскихъ земель ([395]). По аналогіи слѣдуетъ къ этому сроку причислить слѣдующія еще имущества, для оброчнаго содержанія которыхъ законъ не предписываетъ прямо крайняго предѣла: фабрики, заводы, земельные участки, рыбныя ловли, мельницы и тому подобныя заведенія въ имѣніяхъ помѣщичьихъ ([396]); дворовыя, лавочныя, мельничныя и прочія, предназначенныя для хозяйственныхъ заведеній, мѣста подъ устройство дворовъ, лавокъ, мельницъ и т. д. ([397]). Относительно этихъ послѣднихъ возможенъ споръ по неясности закона, гдѣ сказано, что мѣста эти отдаются въ содержаніе «изъ выстройки на счетъ наемщика съ тѣмъ, чтобы онъ, въ теченіе *условленнаго числа лѣтъ*, пользовался выстроеннымъ зданіемъ, а по прошествіи срока все выстроенное поступило бы въ собственность хозяина». Какъ велико должно быть число лѣтъ, законъ не опредѣляетъ. Но какъ здѣсь идетъ рѣчь о частныхъ имуществахъ и эти послѣднія отдаются въ содержаніе лишь на 12 лѣтъ, то и ихъ можно, кажется, ограничить этимъ временемъ. Двадцатичетырехлѣтній срокъ установленъ для содержанія: участковъ въ оренбургскомъ казачьемъ войскѣ, отводимыхъ подъ устройство мельницъ ([398]); тридцатилѣтній для благопріобрѣтенныхъ пустопорожнихъ частныхъ земель, отдаваемыхъ подъ фабрики и заводы, равно какъ и подъ дачи въ двадцатипятиверстномъ разстояніи отъ обѣихъ столицъ ([399]); пятидесятилѣтній подъ устройство мельницъ, фабрикъ и другихъ заведеній на общественныхъ земляхъ государственныхъ крестьянъ ([400]).

Столь разнообразные сроки доказываютъ, что общихъ положе-

([389]) Ст. 1694, X т., ч. 1-й, Зак. Гражд.—([390]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 56.—([391]) Т. XII, ч. 2-й, город. и сел. хоз., ст. 43 п. 4 и 6.—([392]) Т. IX, Зак. Сост., прилож. къ 1336 ст. п. 4.—([393]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1711.—([394]) Т. XII, ч. 1-й, Уст. каз. сел., ст. 197.—([395]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1715 и 1718.—([396]) Ст. 1695, тамъ же.—([397]) Ст. 1697, тамъ же.—([398]) Ст. 1694, тамъ же.—([399]) Ст. 1693, тамъ же.—([400]) Т. XII, ч. 2-й, Уст. каз. сел., ст. 171 и 182.

ній, относительно времени продолженія оброчнаго содержанія, въ законахъ нѣтъ; о содержаніи многихъ предметовъ нѣтъ даже и частныхъ постановленій. Тутъ возникаютъ вопросы: 1) чѣмъ руководствовался законодатель при установленіи сроковъ? 2) почему ихъ не опредѣлено для многихъ предметовъ?—На первый вопросъ очень затруднительно отвѣчать, такъ какъ законъ не даетъ разъясненія, а изслѣдователь права не находитъ ни юридическаго, ни историческаго основанія. Почему, напримѣръ, частныя имущества должны отдаваться въ оброчное содержаніе не свыше 12 лѣтъ, а запасныя земли въ имѣніяхъ, пожалованныхъ на правѣ маіората въ западныхъ губерніяхъ, не свыше 6 лѣтъ? Отчего промыслы сибирскихъ обывателей и мезенскихъ самоѣдовъ ограничиваются въ содержаніи четырьмя годами? Отчего въ однихъ случаяхъ допускается срокъ 30, въ другихъ 50, въ третьихъ 99 лѣтъ, въ иныхъ 4 года? Отчего такое разнообразіе и на чемъ оно основано? Почему именно ни больше, ни меньше? Если бы, напримѣръ, установленъ былъ десятилѣтній срокъ, можно было бы объяснить его соображеніями о земской давности. Но почему именно этого срока не опредѣлено, а другіе? Какая собственно мысль лежитъ въ основаніи счета лѣтъ оброчному содержанію? Всѣхъ этихъ сомнѣній и вопросовъ разрѣшить нельзя ни по духу нашего законодательства, ни по соображенію съ другими юридическими числами, встрѣчающимися въ законахъ. Замѣтно только одно: законодатель руководствовался при опредѣленіи сроковъ оброчному содержанію иногда хозяйственными, а иногда финансовыми видами. Хозяйственные виды замѣтны при отдачѣ въ содержаніе земель подъ разныя застройки, особенно подъ заведенія. Тоже можно сказать и вообще объ имуществахъ недвижимыхъ, такъ какъ земля и оброчныя статьи, съ умноженіемъ народонаселенія и распространеніемъ промышленности, становятся дороже, доходы ихъ возвышаются и, слѣдовательно, должна возвыситься оброчная плата. Такія соображенія имѣлъ несомнѣнно законодатель. Но и самыя исчисленія доходовъ и стоимости имуществъ производятся по принятому обычаю, для опредѣленія средняго числа посредствомъ десятилѣтняго разсчета. Поэтому десятилѣтній счетъ имѣлъ бы мѣсто и при хозяйственныхъ соображеніяхъ, тогда какъ двѣнадцатилѣтній, шестилѣтній и прочее не выражаютъ ничего. Продолжительнѣйшіе

сроки, тридцатилѣтній, пятидесятилѣтній и девяностодевятилѣтній, объясняются значительными расходами, которые содержатель долженъ употребить, чтобы устроить заведеніе и тѣми доходами, коими ему нужно вознаградить себя за трудъ и капиталъ. Но и тутъ было необходимо установить двойной, тройной и такъ далѣе десятилѣтній срокъ; ибо только тогда бы лежала въ основаніи его юридическая мысль. За тѣмъ, шести и двѣнадцатилѣтній срокъ совершенно необъяснимы, а неопредѣленіе вовсе срока тамъ, гдѣ, по всѣмъ соображеніямъ, ему слѣдовало быть, еще болѣе затрудняетъ изслѣдованіе права и ведетъ къ недоумѣніямъ и ошибкамъ въ практикѣ. Четырехлѣтній срокъ, установленный для содержанія разныхъ сборовъ, истекаетъ въ собственности государственной очевидно изъ финансовыхъ соображеній, но изъ какихъ именно, при молчаніи закона, судить нельзя. Быть можетъ, при установленіи сроковъ имѣлись въ виду и временныя и мѣстныя соображенія, но какія именно, также въ законѣ не разъяснено. Между тѣмъ опредѣленіе срока есть одно изъ важнѣйшихъ элементовъ оброчнаго содержанія, отличающее его отъ другихъ имущественныхъ проявленій права, есть особенное основное его свойство, которое даетъ ему самостоятельное значеніе въ кругу другихъ имущественныхъ положеній и правъ. Но и этого сознанія нѣтъ въ законѣ, смѣшивающемъ часто оброчное содержаніе съ наймомъ и даже съ пользованіемъ. При такомъ состояніи нашихъ законоположеній о срокѣ содержанія оброчнаго, приходишь къ тому убѣжденію, что и эта его часть, какъ и другія, вошла въ законодательство сырымъ матеріаломъ, безъ всякой разработки.

Въ заключеніе этого отдѣла остается отвѣтить еще на одинъ вопросъ: за чѣмъ вообще установленъ срокъ оброчному содержанію и не лучше ли предоставить его, по крайней мѣрѣ въ собственности частной, добровольному соглашенію контрагентовъ? На первый взглядъ, казалось бы можно отвѣчать утвердительно, т. е. что обоюдное согласіе договаривающихся легко опредѣляло бы, при каждомъ случаѣ, время продолженія содержанію. Но при болѣе глубокомъ разсмотрѣніи предмета, необходимо отвѣчать отрицательно, такъ какъ, при отсутствіи продолжительнѣйшихъ сроковъ или крайнихъ предѣловъ времени существованія оброчному содержанію, оно могло легко устанавливаться въ замѣнъ передачи собственности однимъ лицомъ

другому, и, слѣдовательно, вело бы къ злоупотребленіямъ, коихъ примѣры были въ остзейскихъ губерніяхъ, гдѣ люди недворянскаго званія пріобрѣтали въ собственность имущества дворянскія посредствомъ оброчнаго содержанія, которому назначали, по обоюдному согласію, девяностодевятилѣтній срокъ. Точно также и незаселенныя части заповѣдныхъ имѣній легко переходили бы къ оброчнымъ содержателямъ въ вѣчное и потомственное владѣніе въ ущербъ роду, для котораго имѣніе обращено въ заповѣдное, и всякое вообще имущество передавалось бы въ собственность другаго тѣмъ же средствомъ, для избѣжанія платы крѣпостныхъ пошлинъ и прочее. Для устраненія этихъ и подобныхъ имъ злоупотребленій, необходимо было ограничить личный произволъ, но ограниченіе это должно бы быть также непроизвольное, а основанное на общей идеѣ, сообразно съ другими юридическими числами или хозяйственными и финансовыми началами, понятными для науки и въ практическомъ примѣненіи.

IV. Права и обязанности въ оброчномъ содержаніи.

Права и обязанности, возникающія изъ установленія оброчнаго содержанія, рождаютъ три темы: права и обязанности 1) хозяина, владѣльца и пользователя, 2) установителя, распорядителя и управителя, 3) оброчнаго содержателя.

Права первыхъ трехъ заключаются, по свойству ихъ имущественныхъ правъ, въ извлеченіи выгодъ изъ оброчнаго содержанія, какого бы рода онѣ ни были, т. е. въ полученіи оброчной платы, въ улучшеніи земли, пріобрѣтеніи построенныхъ на ней заведеній и прочее, потомъ въ надзорѣ, въ правѣ удаленія оброчнаго содержателя отъ содержанія за нарушеніе договора, во взысканіяхъ убытковъ, происходящихъ отъ неисполненія, отступленія или нарушенія договора, наконецъ, въ тѣхъ особенныхъ выгодахъ, которыя устанавливаются въ вознагражденіе за ущербъ, порчу и самую гибель имущества ([401]). Эти послѣднія выгоды однако не подразумѣваются, а должны быть опредѣлены договоромъ, иначе хозяинъ можетъ ихъ лишиться, такъ напримѣръ содер-

([401]) Т. X, ч. 1-й Зак. Гражд., ст. 1691.

жатель платитъ хозяину только тогда цѣну дома, сгорѣвшаго отъ пожара, когда къ тому обязуется договоромъ и если доказано будетъ, что пожаръ произошелъ отъ вины его ([402]). Обязанность хозяина, установленная закономъ, есть одна: лишеніе его права отказать содержателю въ содержаніи до наступленія условленнаго срока ([403]). Другія его обязанности истекаютъ изъ самаго существа оброчнаго содержанія: предоставленіе содержателю извлекать выгоды изъ содержимаго предмета, на основаніи контракта, непривлеченіе его къ тяжбамъ, искамъ, уплатѣ разныхъ сборовъ и исполненію повинностей по предмету, отданному въ содержаніе, если эти обязанности не отнесены договоромъ на содержателя; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ, на хозяинѣ остается отвѣтственность за нихъ предъ правительствомъ, которое не входитъ ни въ какія сношенія съ оброчнымъ содержателемъ, за исключеніемъ предметовъ собственности зависимой ([404]). Остальныя обязанности могутъ быть установлены договоромъ.

Права вторыхъ трехъ, или установителя оброчнаго содержанія, распорядителя и управителя имѣніемъ, тѣже, какъ и хозяина, владѣльца и пользователя, съ тою только разницею, что выгоды изъ оброчнаго содержанія они извлекаютъ не для себя, а для тѣхъ лицъ, которыхъ заступаютъ въ имуществѣ. Обязанности же ихъ ничѣмъ не различаются отъ обязанностей этихъ послѣднихъ, за исключеніемъ лежащей на нихъ по имуществу отвѣтственности предъ хозяиномъ, владѣльцемъ или пользователемъ.

Права и обязанности оброчнаго содержанія истекаютъ во первыхъ изъ высочайшаго повелѣнія, которымъ оно установляется, во вторыхъ изъ договора, въ третьихъ изъ самаго свойства имущества или права, отданнаго въ оброчное содержаніе. Устанавливаемое высочайшимъ повелѣніемъ, оно должно быть объясняемо и осуществляемо преимущественно по смыслу высочайшаго указа, грамоты или рескрипта, которыми оно учреждается или по правиламъ особыхъ уставовъ, изданныхъ для извѣстныхъ родовъ оброчнаго содержанія, и только въ слу-

---

([402]) Ст. 1707, X т., ч. 1-й, Зак. Гражд.—([403]) Ст. 1705, тамъ же.—([404]) См. выше объ этихъ обязанностяхъ.

чаяхъ самыхъ сомнительныхъ или когда въ указѣ, грамотѣ или рескриптѣ не назначенъ объемъ его или когда оно, по свойству своему, не подходитъ подъ сказанные уставы, можно прибѣгать къ общимъ правиламъ герменевтики и къ общимъ узаконеніямъ. Оброчное содержаніе, устанавливаемое договоромъ, объясняется и осуществляется также по словесному смыслу договора ([405]). Сила такого акта столь обширна, что онъ не нарушается даже въ томъ случаѣ, если присутственныя мѣста и должностныя лица заключатъ его въ ущербъ казны ([406]). Не смотря однако на объясненную здѣсь силу договора, изъ юридической практики мнѣ извѣстны случаи совершеннаго его уничтоженія и отмѣны нѣкоторыхъ договорныхъ статей. Договоръ, заключенный съ оброчнымъ содержателемъ мѣстными властями, при соблюденіи всѣхъ формальностей, предписанныхъ закономъ, былъ совершенно уничтоженъ высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, потому что опредѣленное имъ количество оброчной платы превышало ту сумму, на которую мѣстныя власти имѣли право заключить договоръ, безъ разрѣшенія высшаго начальства. Отмѣна нѣкоторыхъ статей договора послѣдовала по указу сената, такъ какъ статьи эти были противны существующимъ законамъ. Именно, городская дума отдала частному лицу въ оброчное содержаніе городскіе вѣсы и мѣры, воспретивъ въ договорѣ жителямъ города и иногороднымъ употреблять свои собственные или частные, принадлежащіе покупщику или продавцу или ихъ знакомымъ. Запрещеніе это было противно 52 ст. Уст. город. и сел. хоз. т. XII ч. 2-й, гдѣ сказано: «предоставляется на волю каждаго, безъ всякаго принужденія, взвѣшиваніе продуктовъ и товаровъ на общественныхъ вѣсахъ, перемѣръ оныхъ общественными мѣрами и употребленіе по своей торговлѣ собственныхъ вѣсовъ и мѣръ узаконеннаго достоинства и заклейменныхъ». Изъ этого видно, что договоръ долженъ быть непремѣнно заключаемъ согласно съ законами, изданными для оброчнаго содержанія, и что въ противномъ случаѣ онъ уничтожается или во всемъ объемѣ ([407]), или въ нѣкоторыхъ частяхъ. Договоръ же, заключенный правильно, сохраняет-

([405]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1536—1538.—([406]) Ст. 1537, тамъ же.—([407]) Ст. 1529, тамъ же.

ся во всей точности ([408]). Другія преимущества, истекающія изъ договора для оброчнаго содержателя, состоятъ еще въ томъ, что, при невозможности объяснить его существующими на этотъ предметъ правилами, онъ объясняется въ пользу оброчнаго содержателя ([409]). Мнѣ однакоже извѣстно, также изъ юридической практики, что для разрѣшенія недоумѣній, возникавшихъ изъ договора по оброчному содержанію, присутственныя мѣста прибѣгаютъ къ торговымъ листамъ, предъявляемымъ на торгахъ и подписываемымъ лицами, изъявляющими желаніе взять имущество или право въ оброчное содержаніе, въ томъ числѣ, разумѣется, и лицемъ, за которымъ оброчная статья осталась, вслѣдствіе предложенной имъ высшей платы или выгоднѣйшихъ условій, т. е. самимъ оброчнымъ содержателемъ.

Такимъ образомъ высочайшее повелѣніе, относящіеся къ оброчному содержанію законы, договоръ и торговые листы опредѣляютъ права и обязанности оброчнаго содержателя. Но здѣсь очень важно еще свойство самаго имущества и права, отдаваемаго въ содержаніе, а также свойство самой собственности, въ которой содержаніе устанавливается, и принадлежностей имущества. Объ этихъ свойствахъ подробно говорено въ первой главѣ нашихъ изслѣдованій, а потому, во избѣжаніе повтореній, упоминаемъ только, что свойства эти должны быть принимаемы въ соображеніе при осуществленіи правъ и обязанностей оброчнаго содержанія, точно также, какъ они принимаются въ соображеніе при установленіи его.

Высочайшее повелѣніе, относящіеся къ извѣстному роду оброчнаго содержанія законы, договоръ, свойство имуществъ и правъ, отдаваемыхъ въ содержаніе, и свойство имущественныхъ принадлежностей и самой собственности, въ которой устанавливается содержаніе, опредѣляютъ права и обязанности содержателя *частныя*, имѣющія силу лишь въ данныхъ случаяхъ, отдѣльно взятыхъ. Но есть еще права и обязанности *общія*, проявляющіяся или во всѣхъ родахъ этого имущественнаго положенія или только въ извѣстныхъ собственностяхъ. Къ этимъ общимъ правамъ принадлежатъ:

1) Право передачи содержанія другому. Здѣсь нужно различать

([408]) Ст. 1537, т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд.—([409]) ст. 1539, тамъ же.

однако собственность частную, вещественную, общественную и государственную. Право передачи другому содержанія, установленнаго въ первой собственности, подразумѣвается, если въ договорѣ ничего не сказано объ немъ ([410]) и только тогда исключается изъ правъ содержателя, если онъ въ актѣ установленія положительно лишенъ этой власти. О собственности вещественной нѣтъ въ законѣ положеній, касательно этого предмета, но, кажется, и въ ней передача содержанія должна быть допущена на такихъ точно основаніяхъ, какъ и въ частномъ имуществѣ, съ тою лишь разницею, что при содержаніи въ собственности вещественной, состоящей подъ надзоромъ должностныхъ лицъ, необходимо согласіе ихъ, тогда какъ въ имуществахъ частныхъ согласія установителя вовсе не требуется ([411]). Предположеніе о возможности передачи оброчнаго содержанія другому въ собственности вещественной основано на томъ, что она допускается въ содержаніи изъ собственности общественной и государственной, безъ всякаго ограниченія, но подъ условіемъ согласія властей, установляющихъ содержаніе ([412]). Изъ этого правила есть только одно исключеніе, относящееся къ казеннымъ имѣніямъ, состоящимъ въ хозяйственномъ управленіи временныхъ владѣльцевъ, которые лишены права передачи содержанія этихъ имѣній другимъ лицамъ ([413]). Эти же правила примѣнимы равномѣрно и къ содержанію правъ: такъ передаются отъ одного лица другому питейные сборы ([414]), коробочные сборы ([415]), почтовыя станціи ([416]), трактиры ([417]) и, сколько мнѣ извѣстно, изъ юридической практики, городскіе вѣсы и мѣры. Подъ именемъ такой передачи слѣдуетъ разумѣть не одну простую уступку права, но продажу, другіе способы отчужденія и самое предоставленіе содержанія посредствомъ духовнаго завѣщанія ([418]).

2) Право удержанія содержателемъ за собою содержанія и въ томъ случаѣ, если частное имѣніе, въ которомъ оно установлено, подвергается описи и публичной продажѣ. Тутъ однако должно

([401]) Журн. Министерства Юстиціи, 1859 г., N IV, стр. 30.—([411]) Стр. 16—30, тамъ же.—([412]) Т. XII, ч. 2-й, Уст. город. и сель. хоз., ст. 43, п. 3, ст. 108, п. 30.—([413]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. нас. им., ст. 31.—([414]) Т. V, Уст. пит. сб., ст. 293.—([415]) Уст. под., тамъ же, приложеніе, къ 281 ст., п. 35.—([416]) Т. XII, ч. 1-й, Уст. почт., ст. 214.—([417]) Тамъ же, Уст. город. и сельск. хоз., прилож. къ 31 ст., п. 23, примѣч.—([418]) Тамъ же, ст. 108, п. 30.

различать два случая: а) если содержаніе установлено до описи имѣнія и наложенія запрещенія, то права содержателя сохраняютъ силу до истеченія срока, означеннаго въ договорѣ; б) но если содержаніе установлено послѣ наложенія на имѣніе запрещенія, права содержателя теряютъ силу и прежде срока (419).

3) Право удержанія содержанія казенныхъ земель, отданныхъ подъ устройство разныхъ заведеній, и послѣ срока, безъ производства новыхъ торговъ, но съ опредѣленіемъ платы по десятилѣтней сложности дохода, которая однако не можетъ быть ниже той, которую уже платилъ содержатель (420).

4) Право наслѣдства въ оброчномъ содержаніи, какъ и во всѣхъ имущественныхъ правахъ,—по общему правилу, что къ наслѣдникамъ переходятъ съ имуществомъ права и обязанности оставившаго наслѣдство (421). Лица и установленія, призываемыя къ наслѣдству оброчнаго содержанія, могутъ быть: а) наслѣдники содержателя, ближайшіе къ нему по законному родству (422), б) наслѣдники, назначенные имъ духовнымъ завѣщаніемъ (423), г) ввѣрившіе содержателю свою собственность для представленія въ обезпеченіе исправности содержанія (424), д) государственная казна (425), е) городъ, коего обывателемъ былъ содержатель (426), ж) разныя установленія, какъ учебныя, духовныя, комитетъ заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, общественные городскіе банки и прочее (427). Изъ нихъ прежде всего призываются къ наслѣдству оброчнаго содержанія наслѣдники по духовному завѣщанію, такъ какъ оброчное содержаніе не принадлежитъ къ имуществамъ родовымъ; за ними слѣдуютъ наслѣдники по родству, потомъ залогодатели. Государственная казна наслѣдуетъ всѣ имущественныя права и обязанности тѣхъ лицъ, которыхъ родъ прекратился и имѣнія ихъ сдѣлались выморочными, за исключеніемъ выморочныхъ имѣній, предоставляемыхъ городамъ и установленіямъ. Принимая наслѣдство, казна обязана продолжать оброчное содержаніе, если оно не установлено въ самой государственной собственности, такъ какъ въ

---

(419) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 2033.—(420) Т. XII, ч. 2-й, Уст. гор. и сел. хоз., ст. 108, п. 20.—(421) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1259.—(422) Ст. 1121, тамъ же.—(423) Ст. 1084, тамъ же.—(424) Ст. 1970, тамъ же.—(425) Ст. 1167, тамъ же.—(426) Ст. 1172, тамъ же.—(427) Тамъ же, ст. 1168, 1171, 1173—1178.

подобномъ случаѣ казна имѣетъ на такую оброчную статью высшее право—право собственности. Городъ, наслѣдующій своему гражданину, долженъ продолжать и оброчное содержаніе, но, также какъ и казна и по тѣмъ же причинамъ, освобождается отъ этой обязанности, если содержаніе установлено въ принадлежащемъ ему имуществѣ. То же самое можно сказать и объ установленіяхъ, учебныхъ, духовныхъ и прочее. Права и обязанности умершаго переходятъ обыкновенно къ его наслѣдникамъ въ томъ случаѣ, если они примутъ наслѣдство; но если послѣ него не останется никакого имущества, то освобождаются отъ всѣхъ обязательствъ умершаго. Оброчное содержаніе имѣетъ однако то свойство, что и наслѣдники, неполучившіе никакого наслѣдства, могутъ, если пожелаютъ, продолжать содержаніе, при нежеланіи же освобождаются отъ него, особенно, если въ обезпеченіе содержанія былъ представленъ залогъ и они отказались отъ наслѣдства въ залогѣ.

Къ общимъ обязанностямъ оброчнаго содержателя принадлежатъ: 1) непремѣнное обязательство продолжать содержаніе до истеченія срока, на которое оно установлено (428); 2) точное исполненіе договора (429).

V. *Прекращеніе оброчнаго содержанія.*

Оброчное содержаніе прекращается двоякимъ образомъ: а) въ лицѣ самого содержателя, б) совершенно, безъ отношенія къ чьей-либо личности.

Въ лицѣ содержателя оно прекращается: 1) переуступкою содержанія другому (430); 2) обращеніемъ всѣхъ его имуществъ въ конкурсную массу за долги (431); 3) поступленіемъ въ опеку имѣнія его, описаннаго за долги (432), за расточительность, и жестокое обращеніе съ крестьянами въ оброчныхъ населенныхъ имѣніяхъ (433), за дозволеніе, данное въ третій разъ еврею содержать на

(428) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1705.—(429) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 25; т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1536.—(430) Журн. Мин. Юст., 1859 г., N 4, стр. 16—31.—(431) Т. X, ч. 2-й, Судопр. Граж., ст. 1010; т. XI, ч. 2-й Зак. Тор. ст. 1931.—(432) Т. X, ч. 2-й, Судопр. Гражд., ст. 2024 и слѣд.—(433) Т. XIV, ч. 2-й, Уст. предуп. и пресѣч. прест., ст. 238, 431 и 432.

участкѣ кабакъ, шинокъ или другое запрещенное заведеніе (434), за невозвращеніе изъ-за границы въ срокъ (435); 4) смертію его (436).

1) Переуступка или передача оброчнаго содержанія, принадлежащая къ общимъ правамъ содержателя, возможна, какъ объяснено выше, при всѣхъ видахъ собственности или съ согласія или безъ согласія установителя, но она должна быть произведена непремѣнно посредствомъ законно совершеннаго акта (437).

2) Поступленіе всѣхъ имуществъ оброчнаго содержателя, при его несостоятельности, въ конкурсную массу и въ завѣдываніе конкурснаго управленія, лишаетъ его правъ и обязанностей, истекающихъ изъ высочайшаго повелѣнія или договора, установившихъ содержаніе (438).

3) Поступленіе имѣній его въ опеку за долги имѣетъ тѣ же послѣдствія (439); но взятіе имѣнія въ опеку за расточительность, жестокое обращеніе съ крестьянами въ имѣніяхъ населенныхъ, дозволеніе, еврею данное въ третій разъ, содержать на оброчной статьѣ недозволенное заведеніе, и невозвращеніе изъ-за границы въ срокъ лишаетъ его только права непосредственнаго завѣдыванія оброчнымъ содержаніемъ, такъ какъ выгоды отъ содержанія остаются за нимъ (440).

4) Смерть содержателя бываетъ четырехъ родовъ: естественная, уголовная, политическая и гражданская; слѣдствіе ея есть лишеніе содержателя личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прекращеніе въ его лицѣ содержанія, которое переходитъ къ наслѣдникамъ его (441).

Примѣчаніе. Уголовная смерть есть смертная казнь за государственныя (442) и карантинныя преступленія (443); политическая, замѣняющая по особому высочайшему соизволенію, смертную казнь, есть лишеніе всѣхъ личныхъ и имущественныхъ правъ, въ томъ числѣ и права оброчнаго содержанія (444); гражданская смерть выражается осужденіемъ въ ссылку на каторжную работу, а также на поселеніе въ Сибирь и на Кавказъ (445). Всѣ эти виды

(434) Т. XV, Зак. Угол., ст. 775.—(435) Тамъ же, ст. 368 и 369.—(436) См. ниже.—(437) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. нас. им., прилож. къ 3 примѣч. 2 ст., п. 29 и 30.—(438) Т. X, ч. 2-й Судопр. Гражд., ст. 1005 и 1010; Т. XI, ч. 2-й Зак. Торг., ст. 193—1958.—(439) Т. X, ч. 2-й Судопр. Гражд., ст. 2024.—(440) Т. XIV, Уст. пред. и пресѣч. прест., ст. 138 и 433; т. XV, Зак. Угол., ст. 368 въ концѣ.—(441) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1222 п. 1, 1254; т. XV, Зак. Угол., ст. 19, п. 1, ст. 20, 29, 30, 75.—(442) Т. XV, Зак. Угол., ст. 275—278, 283, 287, 288.—(443) Тамъ же, ст. 1044.—(444) Тамъ же, ст. 75 съ 29.—(445) Тамъ же, ст. 19, п. 2, 3 и 4, ст. 29, 30 и 32.

смерти влекутъ за собою по имуществу тѣ же послѣдствія, какъ и естественная смерть, прекращающая содержаніе только въ лицѣ содержателя.

Оброчное содержаніе прекращается совершенно: 1) истеченіемъ срока, на которое оно установлено, 2) неисполненіемъ договора со стороны содержателя, 3) устраненіемъ причины, подавшей поводъ къ установленію содержанія, 4) гибелью имущества, составляющаго предметъ его, 5) истощеніемъ выгодъ, для которыхъ имущество отдано въ содержаніе, 6) отказомъ отъ содержанія, 7) пріобрѣтеніемъ оброчной статьи въ собственность, 8) земскою давностію, 9) конфискаціею имущества содержателя, 10) смертію администратора или временнаго владѣльца казенныхъ имѣній, отданныхъ ему въ хозяйственное управленіе.

1) Истеченіе времени, на которое установлено оброчное содержаніе, прекращаетъ его на основаніи заключеннаго договора и по самому срочному свойству содержанія (446). Хотя содержаніе снова можетъ быть возобновлено на прежнихъ условіяхъ, чему есть въ законѣ примѣры (447), но такое возстановленіе не есть ни въ какомъ случаѣ продолженіе прежняго содержанія, напротивъ представляетъ юридически новое право, которое не можетъ ни опираться на прежнемъ, ни имѣть прямой связи съ нимъ: всѣ права и обязанности содержателя разрѣшаются на основаніи новаго акта установленія; прежній же актъ можетъ только служить для разъясненій новаго (448).

2) Неисполненіе договора со стороны содержателя влечетъ за собою прекращеніе предоставленнаго ему права. Установитель властенъ просить объ удаленіи содержателя отъ содержанія, со взысканіемъ съ него штрафовъ и убытковъ (449); но содержатель освобождается отъ всякой отвѣтственности при неисполненіи имъ договора, если оно произошло вслѣдствіе вторженія непріятеля захвата непріятелемъ необходимыхъ принадлежностей содержимаго имущества, истребленія этихъ вещей по распоряженіямъ правительства, зависящимъ отъ военныхъ и другихъ обстоятельствъ и препятствующимъ исполненію договора, гибели предметовъ (напримѣръ мельницъ, заводовъ, фабрикъ и прочее), происшедшей

---

(446) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. нас. им., ст. 78.—(447) Т. XII, ч. 2-й, Уст. гор. и сел. хоз. ст. 108 п. 20.—(448) Пунктъ 21-й той же статьи.—(449) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 95.

отъ бури, молніи и другихъ причинъ, независящихъ вовсе отъ человѣка ([450]).

3) Устраненіе причины, подавшей поводъ къ установленію содержанія, бываетъ только при одномъ безпереоброчномъ содержаніи, т. е. когда содержатель, застроившій и заселившій оброчный участокъ, предъявитъ на него право владѣнія и искъ его или будетъ отвергнутъ или признанъ правильнымъ со стороны судебныхъ мѣстъ. Въ первомъ случаѣ онъ удаляется отъ содержанія, во второмъ содержимое имущество обращается въ собственность, или когда предоставленныя государственнымъ крестьянамъ безъ переоброчки земли поступаютъ въ надѣлъ имъ ([451]).

4) Гибель имущества даетъ право содержателю прекратить всѣ обязанности свои, истекающія отъ содержанія, если по акту установленія не падастъ на него отвѣтственность за такую гибель ([452]), какъ это бываетъ при наймѣ дома ([453]). Но гибель содержимаго предмета отъ вторженія непріятеля, истребленіе его или необходимыхъ его принадлежностей по распоряженію правительства, истребленіе ихъ бурей, молніею, наводненіемъ и прочее освобождаетъ содержателя отъ его обязанностей и всякой отвѣтственности ([454]).

5) Истощеніе выгодъ, для извлеченія коихъ установлено содержаніе, прекращаетъ его: 1) если въ актѣ установленія помѣщено условіе объ этомъ обстоятельствѣ ([455]); 2) если содержаніе установлено безсрочно, по высочайшему повелѣнію; тутъ содержатель можетъ просить объ освобожденіи его отъ содержанія, если актомъ установленія не воспрещено ему этого.

6) Отказъ содержателя можетъ послѣдовать при неисполненіи договора со стороны установителя. Тутъ два случая: или установитель не сдалъ содержателю оброчной статьи въ томъ видѣ, въ какомъ постановлено договоромъ, или если онъ нарушилъ условія, на основаніи которыхъ отдалъ имущество въ содержаніе. Тогда отъ воли содержателя зависитъ требовать прекращенія содержанія съ вознагражденіемъ убытковъ ([456]).

7) Пріобрѣтеніе содержателемъ или наслѣдникомъ его содержи-

([450]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1988.—([451]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. обр. ст., ст. 76, п. 2 и 78.—([452]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1691.—([453]) Тамъ же, ст. 1707.—([454]) Тамъ же, ст. 1988.—([455]) Тамъ же, ст. 1691.—([456]) Тамъ же, ст. 1547.

маго предмета, по наслѣдству, дару, надѣленію или другими законными способами въ собственность, прекращаетъ содержаніе, такъ какъ содержимое имущество дѣлается тогда собственностію, а для содержанія непремѣнно необходимо чужое имущество.

8) Земская давность прекращаетъ содержаніе, какъ и другія права. Это можетъ произойти въ такомъ случаѣ, если изъ заключеннаго на содержаніе договора не сдѣлано никакого употребленія, въ теченіе 10 лѣтъ, со дня утвержденія его установленнымъ порядкомъ ([457]). Но тутъ два непремѣнныхъ условія: а) чтобы изъ договора дѣйствительно не сдѣлано было никакого употребленія, въ теченіе 10 лѣтъ, и б) чтобы установитель не нарушилъ давности ни исковымъ прошеніемъ, поданнымъ въ какое-либо присутственное мѣсто, ни какими-либо другими распоряженіями, сопряженными съ перепискою и дѣлопроизводствомъ ([458]), за исключеніемъ явочнаго прошенія, которое не нарушаетъ земской давности ([459]).

9) Конфискація имуществъ оброчнаго содержателя за бунтъ, заговоръ противъ Верховной Власти и за государственную измѣну, лишая содержателя всѣхъ вещественныхъ правъ, какъ въ родовомъ, такъ и въ благопріобрѣтенномъ имѣніи, влечетъ за собою и прекращеніе оброчнаго содержанія, какъ права имущественнаго ([460]).

10) Смерть администратора или временнаго владѣльца казеннаго имѣнія, отданнаго ему въ хозяйственное управленіе, прекращаетъ также этотъ видъ содержанія, такъ какъ наслѣдники его имѣютъ право продолжать содержаніе только до перваго экономическаго термина, на дальнѣйшее же продолженіе они должны имѣть согласіе правительства, которое въ правѣ отказать имъ въ томъ, если встрѣтитъ какія-либо препятствія, или предположитъ перевести имѣніе на поземельное оброчное положеніе ([461]).

Н. ВАРАДИНОВЪ.

([457]) Т. X, ч. 1-й, Зак. Гражд., ст. 1549.—([458]) Т. X, ч. 2-й, Уст. Гражд. Судопр., ст. 213.—([459]) Примѣч. къ той же статьѣ съ 263.—([460]) Т. XV, Зак. Угол., ст. 289.—([461]) Т. VIII, ч. 1-й, Уст. каз. нас. им., ст. 79.

Примѣчаніе. Статья эта написана на основаніи узаконеній, вошедшихъ въ Сводъ Законовъ 1857 г. Послѣ того изданы нѣкоторыя постановленія, измѣняющія оброчное содержаніе въ частныхъ населенныхъ имѣніяхъ, отношеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ по оброчному содержанію, вѣчное или безсрочное содержаніе нѣкоторыхъ казенныхъ и общественныхъ имуществъ. Хотя эти постановленія не измѣняютъ *существа* и *значенія* оброчнаго содержанія, которымъ именно посвящена статья, но объ нихъ будутъ представлены въ одной изъ слѣдующихъ книгъ Архива дополнительныя свѣдѣнія.

ЛЕКЦІЯ, ЧИТАННАЯ ПРОФЕССОРОМЪ ЛАВРОВСКИМЪ ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, 18 января 1861 года (*).

Подвергаясь общему въ нашихъ университетахъ обыкновенію, читать, по возвращеніи изъ-заграничнаго путешествія, первую лекцію въ присутствіи разнообразныхъ посѣтителей, значительная часть которыхъ, нерѣдко, совершенно чужда излагаемому спеціальному предмету, преподаватель невольно поставленъ въ необходимость уклоняться, на этотъ разъ, отъ своего спеціализма и выбрать такую сторону предмета, которая-бы, касаясь свѣдѣній общихъ, была занимательна, ежели уже не для всѣхъ, то хотя для большинства этихъ разнообразныхъ посѣтителей. Не профессору, конечно, университета, тѣмъ болѣе, сидящему на каѳедрѣ, быть равнодушнымъ къ потерѣ времени тѣми, кто явился къ нему въ аудиторію. При такомъ отношеніи, наиболѣе пригоднымъ предметомъ показалось мнѣ *опредѣленіе современной цѣли поѣздки въ славянскія земли*. Устойчивость у насъ принадлежитъ далеко не одной общественной жизни; она проникаетъ часто во всѣ сферы и жизни умственной, овладѣвая даже и университетами. Въ силу таковой устойчивости, идетъ, по однажды заведенному порядку, и опредѣленіе упомянутой цѣли, хотя подчинившійся ей офиціально и скоро подмѣтить ея излишество, какъ цѣли исключительной или главной, и въ тоже время увидитъ потребность замѣнить ее другою, не менѣе ближайшею къ нему, всецѣло осуществимою и которая, при томъ, бросается сама на глаза, которой нѣтъ нужды и отыскивать, потому что она охватываетъ собою со всѣхъ сторонъ ту жизнь, въ которую пришлось вамъ войти хотя одной ногою.

Этотъ уходъ цѣли впередъ, существенная перемѣна ея, неразлучная съ движеніемъ жизни и нашей и нашихъ соплеменниковъ, не могутъ, впрочемъ, давать повода къ обвиненію, при вопросѣ о славянствѣ, университетскихъ преподавателей въ застоѣ среди нихъ старыхъ понятій объ этой цѣли, въ неподвижности примѣненія ихъ къ представившемуся случаю и въ позднѣйшее время: не

(*) Это была первая лекція профессора Лавровскаго, читанная имъ по возвращеніи изъ-за границы, по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій.

отъ нихъ зависѣла, въ послѣдніе 15 лѣтъ, невозможность слѣдить за развитіемъ жизни почти 30 милліоновъ нашихъ соплеменниковъ, а обстоятельства внѣшнія сопоставились такъ, что отняты были средства ловить, хотя отрывочныя, данныя о дѣйствительномъ положеніи ихъ въ печатномъ словѣ ихъ самихъ. Оставалось пользоваться замѣтками, а подъ часъ и разглагольствованіями о Славянахъ—о ихъ жизни умственной, нравственной, общественной и о стремленіяхъ политическихъ,—изъ книгъ западнаго міра, по преимуществу нѣмецкихъ. Безпристрастный судъ надъ извѣстіями въ нихъ, оцѣнка добросовѣстности или безпристрастія ихъ авторовъ ждетъ насъ впереди: предметъ этотъ слишкомъ обширенъ, вопросъ чрезвычайно важенъ, предубѣжденіе въ пользу слишкомъ широко въ насъ, чтобы остановиться на этомъ тотчасъ-же, въ часовой лекціи. Въ настоящій моментъ, Славянинъ можетъ сожалѣть лишь о томъ, что читающій русскій міръ не оставался лучше въ полномъ невѣжествѣ: для него было бы полезнѣе оно уже потому, что не приходилось бы теперь выбивать изъ головъ чужихъ мыслей, обратившихся въ мнѣнія. Руководство подобными источниками свѣдѣній о Славянахъ, не мудрено, только въ состояніи было еще сильнѣе сдавить прежнія ограниченныя цѣли, налагавшіяся на нашихъ предшественниковъ въ путешествіи по землямъ славянскимъ, не обошедшія и насъ, довольно позднихъ ихъ въ этомъ преемниковъ. За то тѣмъ прямѣе обязанность послѣднихъ выяснить испытанную несостоятельность старыхъ цѣлей и существенную потребность новыхъ.

Вотъ сторона, которая, думается мнѣ, не должна быть безъ интереса и для случайныхъ посѣтителей, потому что относится она къ оцѣнкѣ воззрѣнія на живой предметъ всякаго общества, претендующаго на образованіе, которая заключаетъ въ себѣ положительную пользу и для спеціальныхъ слушателей, знакомя ихъ съ существенными вопросами, составляющими основаніе современной жизни Славянъ внѣ нашего отечества. Ее-то и рѣшился я избрать.

Обыкновеніе посылать въ славянскія земли на казенный счетъ,—а русскіе люди, до послѣдняго времени, и заглядывали въ славянскія земли только на казенной счетъ,—родилось у насъ чисто изъ цѣлей языковѣдѣнія, и притомъ, должно сказать откровенно, во-

все не въ силу сознанія важности славянскихъ языковъ и литературъ для основательнаго изслѣдованія нашего роднаго языка, а скорѣе изъ простой подражательности, быть можетъ, даже и вслѣдствіе нѣкотораго стыда, что мы, все-таки, хотя и по одному имени, Славяне, и между тѣмъ не имѣли ничего и формально славянскаго въ образованіи своемъ, тогда какъ на западѣ, выражавшемъ и выражающемъ къ славянству болѣе враждебныя чувства, чѣмъ привязанность, или даже равнодушіе, появились уже каѳедры славянскихъ языковъ и въ Парижѣ, и въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ.

Каковы бы, впрочемъ, ни были побужденія, для насъ любопытно то, что каѳедры славянскія въ Россіи учредились позднѣе другихъ государствъ и одинъ изъ сильныхъ толчковъ для такого учрежденія данъ западнымъ Славяниномъ. Мнѣ пріятно вспомнить объ немъ и теперь, и указать на его заслугу хоть бы для тѣхъ, въ комъ хранятся еще слѣды уваженія къ племенной самобытности и кто, такимъ образомъ, не можетъ быть безчувственнымъ къ учрежденію всего, что имѣетъ прямое отношеніе къ водворенію и упроченію этой самобытности.

Чехъ, Вячеславъ Вячеславичъ Ганка, кончина котораго оплакивается, безъ сомнѣнія, всѣми не русскими Славянами, еще съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія началъ свою дѣятельную переписку съ управлявшими министерствомъ народнаго просвѣщенія: Шишковымъ, Ливеномъ и Уваровымъ; въ ней доказывалъ онъ, убѣждалъ и просилъ, какъ неуклонно строгій и послѣдовательный патріотъ славянскій, распространить изученіе славянства и въ нашемъ отечествѣ. Только рѣшимость послѣдняго изъ министровъ осуществила, наконецъ, планы Ганки.

Неудавшійся вызовъ славистовъ съ запада побудилъ правительство отправить въ земли славянскія своихъ кандидатовъ на только что учрежденныя каѳедры. Какая цѣль могла быть возложена на этихъ кандидатовъ? Разумѣется только та, на которую указывалъ намъ западъ и легкость достиженія *только* которой среди Славянъ успѣла дойти до нашихъ собственныхъ ушей и глазъ.

На западѣ, къ концу тридцатыхъ годовъ, организовалась уже наука сравнительнаго языкознанія. Въ составъ ея нашли Нѣмцы необходимымъ ввести и славянскіе языки. Какъ ни слабъ былъ этотъ вводъ, какъ ни отрывочны были факты славянскіе въ систе-

матическихъ трудахъ по сравнительной лингвистикѣ, но и этого было уже достаточно, чтобы убѣдить всякій разсуждающій русскій умъ, что мы не знаемъ своего языка, что правильное пониманіе судьбы и свойствъ его тѣсно связано съ знаніемъ языка цѣлаго племени, часть котораго составляетъ русскій народъ. Тоже самое и по отношенію къ древней литературѣ русской, отразившей въ себѣ черты самобытной народной жизни, и нравственной, и умственной и поэтической.—Изученіе славянскихъ языковъ, такимъ образомъ, стало потребностію для изученія русскаго языка и правильнаго взгляда на древнюю русскую литературу.

Западное славянство донесло до нашихъ глазъ и ушей свѣдѣнія о многосторонней и плодовитой тамъ разработкѣ языковъ славянскихъ. Наши уши и глаза схватили внѣшній фактъ, наружную сторону филологической дѣятельности: внутренняго ея значенія иноязычный западъ указать не могъ, потому что не понималъ тогда еще и самъ, а Славяне принуждены были таить его отъ запада.—Объяснимся.

Съ самаго конца прошлаго столѣтія, вслѣдствіе политической передвижки въ Европѣ, проснулись забитые и окованные съ ногъ до головы Славяне австрійскіе и турецкіе. Проснувшись, стали припоминать себя: кто они, что съ ними было, есть теперь и что́ *должно* быть потомъ. Люди передовые, люди сердца и ума, наскоро рѣшили въ головѣ эти вопросы. Въ результатѣ рѣшенія оказалась необходимость провести самосознаніе въ массу, развить и образовать ее, естественно, въ томъ духѣ, какой единственно можетъ служить спасительнымъ залогомъ народной независимости и общественнаго благоденствія. Но средство надобно было избрать и употребить умно, хитро, чтобы не вызвать на преждевременное противодѣйствіе правительствъ, изъ которыхъ у одного обратилось въ потѣшную страсть забивать тѣло, прежде чѣмъ созрѣетъ въ немъ какая-либо мысль, другое же стало чувствовать успокоительное самонаслажденіе въ отучненіи тѣла до той степени, при которой почти не возможно движеніе всякой мысли, тѣмъ болѣе народной: а малѣйшій проблескъ послѣдней, какъ бы ни была она чиста и благодѣтельна, всегда приводилъ это правительство въ предсмертныя конвульсіи. Средства вышли самыя тихія, невинныя—обработка языка, изслѣдованія археологическія и историческія. Сначала даже и

органомъ для такой дѣятельности былъ взятъ нѣмецкій языкъ, и правительство австрійское, подъ которымъ, по преимуществу развилась эта дѣятельность, не только не выражало неудовольствія, но еще радовалось, расчитывая на растрату силъ и трудовъ въ пыльныхъ архивахъ и кабинетахъ такими людьми, которые, при другой дѣятельности, пожалуй, могли бы напомнить о конвульсіяхъ. Но, вотъ, нѣмецкій языкъ и устрачился; съ тѣмъ вмѣстѣ и наука изъ кабинетовъ, посредствомъ миніатюрныхъ книжекъ, начала переходить въ народъ, и послѣдній мало по малу проникался тою же любовію и уваженіемъ къ своему родному, тѣми же чувствами и сознаніемъ своего родства къ цѣлому племени, какія были руководителями ихъ авторовъ. Мысль о необходимости связи между разбросанными судьбою и разорванными насиліемъ членами одной семьи дѣлалась все общее и прояснялась тѣмъ больше, чѣмъ очевиднѣе признавалась необходимость держаться противъ соединенія соединеніемъ. Къ началу двадцатыхъ годовъ, прочность и сознательность народнаго убѣжденія созрѣли до того, что и печатно высказалось мнѣніе о необходимости литературнаго единства между Славянами. Какъ ни исключительно держался языка и умственно литературной жизни Славянъ въ этомъ мнѣніи, авторъ его, безсмертный Колляръ, но оно встревожило далеко не одно австрійское правительство: цѣлая Германія поднялась съ воплями противъ литературнаго *панславизма*, въ которомъ ей такъ грозно представился и *панславизмъ* политическій, готовый отнять у ея сыновъ даровой и сытный кусокъ хлѣба среди Славянъ-тружениковъ и у самой похитить оскорбительно-кичливое господство надъ славянскими частями, самовольно вдавленными въ германскій бундъ.

Къ счастію, притворныхъ воплей и преднамѣреннаго страха Нѣмцевъ не разслышали въ Россіи, быть можетъ потому, что къ тому времени скопилось не мало поважнѣе дѣлъ; а Нѣмцы, вѣрно, боялись лѣзть съ этими воплями и страхами въ Россію, опасаясь задѣть и въ ней самой какую-нибудь славянскую струну. Кончилось тѣмъ, что у невѣдомыхъ почти дотолѣ намъ Славянъ мы подмѣтили лишь легкую возможность основательно приготовить избранныхъ кандидатовъ для занятія каѳедръ *нарѣчій* славянскихъ.

И поѣхали они къ началу сороковаго года къ Славянамъ для изученія ихъ языка, народной словесности, для чтенія старинныхъ

памятниковъ и ознакомленія съ древностями. Все это въ ту пору было для насъ закрытою еще новостію и книга ино-славянская, чешская или сербская, должна была поражать тогда, конечно, особеннымъ изумленіемъ, когда и теперь, не взирая на двадцатилѣтіе каѳедръ славянскихъ, не рѣдко приходится встрѣчать въ русскомъ человѣкѣ, при видѣ подобной книги и прочтеніи изъ нея двухъ-трехъ словъ, удивленіе, сходное съ тѣмъ, какое описываютъ намъ путешественники въ дикихъ народахъ, когда открываютъ передъ ихъ глазами блестящія европейскія бездѣлушки изъ стекла.

Выборъ кандидатовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ выборовъ, какими рѣдко можемъ хвалиться мы.

То были: Прейсъ, Бодянскій и Срезневскій.

Добросовѣстность выполненія ими цѣли поѣздки и теперь еще наполняетъ восторгомъ помнящихъ ихъ Славянъ. Далеко не во всѣхъ случаяхъ приходилось имъ пользоваться готовыми трудами и по тѣмъ частямъ, какія относились непосредственно къ ихъ цѣли: новость славянской науки и на западѣ, неизбѣжная, при бѣдности народа, малочисленность двигателей и представителей ея, само собою, ограничивали быстроту ея всесторонняго развитія. Часто и наши путешественники должны были довольствоваться лишь указаніями и совѣтами туземныхъ ученыхъ и собирать и обработывать сами. Лучшимъ свидѣтельствомъ добросовѣстной поѣздки ихъ служатъ послѣдующіе ученые труды ихъ, спеціально важные и для остальныхъ Славянъ.

Я не исключаю отсюда и четвертаго путешественника, г. Григоровича, отправившагося вскорѣ, по возвращеніи троихъ-первыхъ.

Явившись на родину, они съ полнымъ успѣхомъ проводили въ общество, хотя и крайне малочисленными его членами, свои обширныя и основательныя свѣдѣнія, въ томъ преимущественно направленіи, съ какимъ отправлены были за границу и какое составляло главнѣйшій предметъ ихъ занятій тамъ.

Невозможно, разумѣется, думать, чтобы отъ нихъ скрылась внутренняя сторона историко-филологической жизни ученыхъ западныхъ славистовъ, чтобы они не проникли или не узнали народно-общественнаго значенія такого археологическо-лингвистическаго движенія. Но закрытость этого значенія и на западѣ, мѣстны

условія невозможности развить его въ тогдашнее время между нами, специальная приготовленность ихъ въ оффиціальномъ направленіи и, наконецъ, справедливое сознаніе предварительнаго его преимущества дали положительный и чуть-ли не исключительный у насъ перевѣсъ филологическому воззрѣнію на славистику.

Въ то время, какъ славянскія наши каѳедры расширяли болѣе и болѣе славянскую филологію въ Россіи, вводя на новую и прямую дорогу разработку и самаго языка отечественнаго и старой словесности русской съ народною, у западныхъ соплеменниковъ, у учителей, сокрытая сторона язычныхъ и археологическихъ поисковъ все глубже и глубже проникала въ массу и, съ каждымъ годомъ, ярче и рѣзче стала пробиваться наружу. Таить ее отъ постороннихъ глазъ сдѣлалось уже невозможнымъ, даже и независимо отъ той неумолимой подозрительности, съ какою посторонній глазъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ Славянъ и особено Чеховъ, какъ первыхъ воскресителей идеи славянской и безукоризненно послѣдовательныхъ, мирныхъ и разумнѣйшихъ руководителей въ ея распространеніи у остальныхъ соплеменниковъ. Тамъ трудно утаить мысль, гдѣ сдѣлалась она общимъ достояніемъ и гдѣ легла въ основу воспитанія и образованія всего новаго поколѣнія. И громче начала высказываться задушевная идея о единствѣ славянскомъ, положительнѣе и точнѣе стали обнародываться статистическія данныя о количествѣ Славянъ; историческія изслѣдованія слишкомъ наглядно выставили прежнюю самобытность ихъ жизни и довольство народное, раскрывъ въ ту же пору зло отъ разъединенія, давшаго легкія средства уничтожить и то и другое исконному недоброжелателю, издавна раздроблявшему Славянъ и съ незапамятныхъ поръ сплотившемуся противъ нихъ въ одну массу.

Германія, въ ту пору пока одна она, понятно, и съ выселкомъ своимъ австрійскимъ, задумалась надъ этимъ не на шутку; путешествіе у Славянъ, на счетъ правительственный, нѣкоторыхъ Руссовъ, успѣвшихъ мимоходомъ забросить, въ своихъ отчетахъ и другихъ печатныхъ статьяхъ, нѣсколько мыслей о *дѣйствительномъ* положеніи Славянъ, а не о томъ, какое сообщали и сообщаютъ германскіе политики, удвоило ея ужасъ: въ пугливомъ воображеніи ея нарисовалась тотчасъ картина племеннаго единства Славянъ, на которой первое мѣсто занимаютъ, и безъ того опасные

ей, Руссы. Такъ мало знали тогда своихъ питомцевъ Нѣмцы, и такое недовѣріе внушалъ имъ испугъ къ прочности ихъ собственной системы нашего неславянскаго воспитанія! Надобно было принять рѣшительныя мѣры, и вотъ пошло ходить перо и дѣйствовать фантазія; посыпались брошюры и цѣлыя книги изъ германскихъ типографій о панславизмѣ уже не литературномъ, а политическомъ. Неразлучными спутниками такого фиктивнаго панславизма сдѣлались для западной половины запада—гроза цивилизаціи, наплывъ азіатскаго варварства, готоваго стереть съ лица земли всѣ признаки европейской образованности, для восточной—революціонный духъ, стремящійся перевернуть все верхъ дномъ, безъ разбора правъ и правды, даже съ дерзкимъ неуваженіемъ къ глубокомысленнымъ германскимъ системамъ государственнаго устройства. Тамъ, куда не достигали такія сочиненія, или гдѣ не было охоты читать ихъ, прибѣгали къ словеснымъ внушеніямъ; постоянство въ этомъ случаѣ успѣвало уничтожать первоначальное отвращеніе или невниманіе къ подобнымъ внушеніямъ, и въ 1846 году, и на нашей западной границѣ стояло уже страшилище панславистическое, подобное тѣмъ уродливымъ пугаламъ, какими отгоняютъ поселяне галокъ и воробьевъ въ своихъ садахъ и огородахъ.

Дѣйствительно, мы повѣрили на слово всему, что говорилось и писалось съ запада о панславизмѣ, не смотря даже на очевидныя крайне нелестныя выдумки и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касалось насъ самихъ. Да и странно было бы не повѣрить тутъ, когда нельзя было выслушать голоса обвиненныхъ: а мы привыкли быть слишкомъ покорными учениками запада, чтобы не вѣрить ему безусловно и тогда, когда ложь его находится передъ глазами. Естественнымъ слѣдствіемъ послушнаго довѣрія произошла остановка выѣзда отъ насъ къ Славянамъ, а цензура туземныхъ правительствъ ихъ позаботилась устранить изъ книгъ славянскихъ все, что выходило изъ круга исключительнаго языковѣдѣнія или археологическихъ розысканій.

Прошло 18 лѣтъ, а у насъ сохранилось о Славянахъ тоже мнѣніе, что къ нимъ можно ѣздить только за изученіемъ языковъ славянскихъ, да за собраніемъ сказокъ и басней народныхъ; и хотя сорокъ восьмой-девятой годы выпустили не мало книгъ, газетъ

и брошюръ славянскихъ, изъ которыхъ ясно выглядывала истинная жизнь Славянъ и опредѣлительно выяснялись ихъ общественныя цѣли и стремленія, столь противоположныя неумолкаемымъ донесеніямъ нѣмецкимъ и столь успокоительныя по своей законности и миролюбію для каждаго, кто не обратилъ въ завѣтный принципъ охоты насильственно навязывать другимъ народамъ свою народность; тѣмъ не менѣе, все это прошло у насъ незамѣченнымъ; мы не остановились и на нѣмецкихъ статьяхъ, писанныхъ Славянами для большей понятности и нѣкоторыхъ Славянъ.

Наступила снова пора оффиціальнаго отъѣзда къ Славянамъ. Высказалась таже и оффиціальная цѣль. И поѣхали новые путешественники усовершенствовать себя въ славянской филологіи. Какой же результатъ? Напрасно ѣздить за тѣмъ, что есть у насъ самихъ, и притомъ въ нехудшемъ видѣ. Разсмотримъ это обстоятельство.

Начнемъ съ университетскаго преподаванія славистики на западѣ. Она держится въ настоящее время въ Вѣнѣ, Прагѣ, Копенгагенѣ, Парижѣ, и изъ Берлина перешла въ прошломъ году въ Бреславль. Въ Вѣнѣ и Прагѣ правительство австрійское давно уже приняло на себя самую удушливую опеку надъ каѳедрами славянскими, и преподаваніе въ нихъ, не смотря на глубокую ученость профессоровъ, Миклошича и Гатталы, и изумительное ихъ трудолюбіе, свелось въ ту сухую, хотя и строго точную, систему звуковъ и формъ грамматическихъ, какая несравненно успѣшнѣе усвоивается изъ печатаемыхъ ими книгъ, чѣмъ изъ живаго слова. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о профессорѣ чешской исторіи въ Прагѣ, г. Томкѣ, которому позволяется чтеніе только древнѣйшей исторіи, XI-го, XII-го столѣтія, равно и профессорѣ чешскихъ древностей, г. Воцелѣ, тамъ же. Все, что скажется ими новаго, въ стѣнахъ университета, является напечатаннымъ въ книгахъ немедленно; а такія книги пропускаются и къ намъ и свободно могутъ быть изучаемы. Въ Копенгагенѣ и Бреславлѣ читается пока единственно польскій языкъ и можно ожидать только въ будущемъ отъ профессоровъ, копенгагенскаго Шмидта и бреславскаго Цыбульскаго, расширенія объема преподаванія и на другія нарѣчія славянскія; но трудно надѣяться, судя по доселѣшнимъ трудамъ обоихъ, чтобы это преподаваніе когда-нибудь перешло границы

лингвистики. Стоитъ ли упоминать о парижской каѳедрѣ? Она приняла характеръ болѣе забавы публики, и восторженно-фантастическіе возгласы, для которыхъ давно найдено излишнимъ справляться съ истиною, разумѣется, не въ состояніи удовлетворить никакой цѣли, кромѣ, пожалуй, возможности убить праздное время.

Но, скажутъ, остается народная словесность, старинные памятники, которыми намъ необходимо воспользоваться для объясненія собственной своей жизни. Не намъ, въ настоящее время, приходится учить всѣхъ Славянъ, не исключая и турецкихъ, сберегать народныя произведенія посредствомъ печатанія и изслѣдовать старину быта всѣхъ Славянъ. Россія, при всемъ своемъ богатствѣ, при свободѣ развитія народности, едва-ли можетъ еще и теперь сравняться съ бѣдными и сдавленными соплеменниками точностію, полнотою и обиліемъ изданій всѣхъ родовъ народной словесности. Рѣдкій годъ проходитъ, чтобы не вышло у нихъ новаго сборника пѣсенъ, или сказокъ, или пословицъ. Да и ученая разработка этихъ предметовъ немалою долею можетъ послужить образцемъ для насъ самихъ. Не менѣе жива дѣятельность и относительно обнародованія и изслѣдованія древнихъ памятниковъ, не только церковно-славянскихъ, но и русскихъ или непосредственнѣе относящихся къ Россіи. При мнѣ вышелъ въ Вѣнѣ нашъ Несторъ, съ филологическимъ обслѣдованіемъ Миклошича; готовилось и другое изданіе въ Прагѣ; въ мою бытность вышло въ Прагѣ и Слово о Полку Игоревомъ, съ учеными объясненіями, едва-ли не ставящими позади всѣ извѣстные доселѣ въ Россіи. При мнѣ выдалъ Миклошичъ и 1-й томъ документовъ греческихъ патріарховъ, главнѣйшимъ образомъ касающихся церкви и іерархіи русской. Это тѣ документы, которые давно извѣстны по имени въ Россіи и о напечатаніи которыхъ нѣсколько лѣтъ *думали* мы. Такимъ образомъ, и съ этой стороны, намъ нечего дѣлать у Славянъ: имъ ближе извѣстна мѣстность и народъ; не менѣе, если не больше въ нихъ противъ насъ спеціалистовъ, и любви къ народности славянской и умѣнья собирать все, что важно и необходимо; на столько же хватитъ у нихъ и знанія современныхъ требованій, чтобы приготовить полезное и обработанное изданіе. А пользоваться такими изданіями никто не стѣсняетъ насъ и здѣсь, на Руси, лишь бы доставало охоты и способности. И вотъ тутъ-то, въ добросовѣстнѣй-

шей передачѣ того, что сдѣлано у Славянъ въ пору перваго путешествія нашихъ славистовъ, въ постоянномъ вниманіи къ тому, что дѣлалось потомъ у Славянъ, дѣлается и теперь, въ охотѣ и способности пользоваться всѣмъ, что выходитъ тамъ, и лежитъ высокая заслуга первыхъ нашихъ путешественниковъ въ славянскія земли.

Что же остается послѣ этого? Значитъ, нѣтъ надобности и ѣздить къ Славянамъ, съ ученою цѣлію; нѣтъ нужды тратить и денегъ казенныхъ на посылку къ намъ профессоровъ и готовящихся въ профессоры? Я далекъ отъ отверженія педагогической цѣли, наблюденія за способами преподаванія науки; сторона эта слишкомъ важна, и не мнѣ, испытавшему цѣнность ея, возставать противъ нея. Но способъ преподаванія составляетъ общую цѣль для каждаго наставника; а въ настоящемъ случаѣ мы имѣетъ въ виду спеціализмъ слависта. Нѣтъ, остается еще много; есть другія цѣли и настоитъ крайняя потребность въ отправленіи къ Славянамъ русскихъ людей. Цѣли эти тѣмъ важнѣе для насъ, чѣмъ ближе касаются насъ и чѣмъ невозможнѣе достигать ихъ посредствомъ печати. Въ общихъ словахъ могутъ быть выражены онѣ слѣдующимъ образомъ: *необходимо отбросить ложныя понятія о нынѣшнемъ славянствѣ, господствующія въ нашихъ умахъ со словъ запада, вглядѣться самимъ въ жизнь соплеменниковъ и опредѣлить значеніе ея собственнымъ опытомъ и наблюдательностью.*

Необходимость такой цѣли отвергать не имѣетъ права даже и тотъ, кто привыкъ обращать взоръ свой къ Славянамъ менѣе чѣмъ съ равнодушіемъ, потому что у подобнаго человѣка, по преимуществу, вертятся на устахъ слова *истина* и *гуманность*, а нигдѣ такъ не страдаютъ истина и гуманность, какъ въ нашихъ знаніяхъ и мнѣніяхъ о славянскихъ народахъ.

Какія свѣдѣнія сообщалъ и сообщаетъ намъ о Славянахъ западъ? Считаемъ долгомъ при этомъ замѣтить, что подъ западомъ, въ данномъ случаѣ, слѣдуетъ разумѣть почти исключительно германскій народъ и притомъ въ тѣсномъ значеніи этого слова: Нѣмцы—ближайшіе сосѣди Славянъ; политическіе интересы ихъ поставлены были ими же въ неразрывную связь съ интересами послѣднихъ; вся исторія ихъ переплетена, въ самыхъ главнѣйшихъ эпохахъ, столкновеніями съ Славянами,—естественнѣе всего отъ нихъ и

ожидать точнаго знакомства съ своими сосѣдями и ознакомленія съ ними остальныхъ народовъ. Нѣмцы и не уступили своего права другимъ, стараясь даже предупредить попытки ихъ.

Нельзя не уважать трудолюбія и учености германскихъ Нѣмцевъ; было бы преступленіемъ не выставлять на видъ, при всякомъ случаѣ, громадныхъ заслугъ ихъ въ добросовѣстнѣйшемъ представительствѣ успѣховъ каждой науки, и мы слишкомъ цѣнимъ эти заслуги, чтобы не ставить ихъ на первый планъ и съ точки зрѣнія собственнаго своего специализма. Но, въ тоже время, да не осудятъ они Славянина за невниманіе, неуваженіе, негодованіе къ ихъ политикамъ въ дѣлѣ славянскомъ, къ ихъ авторамъ множества книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей, въ которыхъ разсматривается вопросъ славянскій и которыми переполнена литература нѣмецкая.

Послѣдніе годы особенно богаты подобными произведеніями: новая жизнь Славянъ на западѣ, съ ея законными домогательствами, усилила до напряженія дѣятельность политиковъ нѣмецкихъ. Они выпускаютъ одну за другою книгу или брошюру, въ которыхъ одна и таже основа, съ различными только варіаціями выраженій, облекается въ самыя разнообразныя оглавленія: das Slawenthum, die westslawischen Völker, die panslawistische Tendenzen, oesterreichisch oder russisch и т. п.

Было бы потерею времени, подробно излагать мысли каждаго подобнаго сочиненія. Мы постараемся только собрать тѣ общія черты, какія одинаковы во всѣхъ и которыя рѣзко характеризуютъ взглядъ на славянство.

Общая мысль всюду заключается въ томъ, что Славяне обязаны всѣмъ своимъ существованіемъ Нѣмцамъ; что вліяніемъ ихъ устроилась у нихъ государственная жизнь, правильная администрація и современное образованіе; что только тамъ замѣтно и въ древнюю пору среди Славянъ доброе, человѣческое, гдѣ дѣйствовали они подъ непосредственнымъ веденіемъ представителя—Нѣмца. Изъ этой мысли сами собою вытекаютъ въ нѣмецко-политическихъ теоріяхъ и заключенія, какъ относительно характера народовъ славянскихъ, такъ и необходимости будущаго политическаго ихъ устройства. Въ характеристикѣ Славяне прямо отчисляются въ разрядъ той низшей рассы, въ которой нѣтъ ни оригинальности, ни

изобрѣтательности, ни творчества, ни способности законодательной, ни политическаго воззрѣнія; которая создана быть лишь послушною исполнительницею предначертаній высшей рассы, нѣмецкой, подвижной, трудолюбивой, ловкой, несущей съ собою свѣтъ истины и благо всему человѣчеству. Практическое приложеніе такого взгляда понятно: напрасно славянскіе народы и домогаются какой-то самобытности; она не можетъ быть и мыслима у нихъ безъ Нѣмцевъ, потому что Славяне могутъ быть только domestiken, tagelöhner, das geringe Volk. Но Нѣмецъ вездѣ аккуратенъ и доказателенъ. Надобно доказать ему правильность взгляда и исторіею народовъ славянскихъ: и сыплются у него доказательства, для несвѣдущаго человѣка тѣмъ несомнѣнно прочнѣйшія, что онъ увидитъ тутъ и имена, и годы, и числа, даже ссылки на памятники.

Вступленіе Славянъ въ государственную жизнь, въ силу нѣмецкихъ доводовъ, произошло подъ нѣмецкимъ господствомъ. Зачѣмъ высказывать то, что Нѣмцы никогда-бы не допустили до государственной жизни Славянъ, если бы она зависѣла отъ нихъ; фактъ совершился, государства составились и надобно тутъ искать чего-нибудь нѣмецкаго. Но бо́льшая часть ихъ образовалась уже въ эпоху борьбы племенной Славянъ съ Нѣмцами; какъ-быть? Есть полумиѳическая личность Само, соединившаго въ одно-цѣлое Чеховъ, Морававъ, Хорутанъ и Хорватовъ, и бившаго во всѣ стороны одинаково и Аваровъ и Нѣмцевъ—пусть же Само будетъ Нѣмцемъ, тѣмъ болѣе, что родословіе его и происхожденіе покрыты неизвѣстностью. Есть русское государство съ Варягами, разумѣется Нѣмцами, ну и довольно. Само да Рюрикъ съ братьями, чего больше; и государственною жизнью стали всѣ Славяне обязанными Нѣмцамъ. Съ сихъ поръ начинается у нихъ и нравственно-духовная жизнь. Но нравственно-духовная жизнь отразилась у Славянъ и прежде, въ системѣ языческой религіи и въ миѳическихъ вѣрованіяхъ,—и не смотря на то, что основаніе первой и послѣднихъ у всѣхъ народовъ индо-европейскихъ одно и тоже, что очевиднѣе всего доказывается спеціальными трудами учеными самихъ же Нѣмцевъ, Нѣмецъ-политикъ торжественно объявляетъ, въ 1860 году, den Thor und alle andere Götter nahmen die Slaven von den Skandinaviern ab. Обработка древнѣйшихъ памятниковъ славянскаго законодательства, указывающая такъ положительно на единство

и общность юридическаго быта всѣхъ древнихъ Славянъ, не могла, конечно, задержать авторовъ упомянутыхъ новѣйшихъ сочиненій отъ признанія исключительно господства нѣмецкихъ началъ въ законодательствѣ славянскомъ.—Въ распространеніи христіанства Славяне руководились единственно чужими проповѣдниками; они не имѣли ни апостоловъ своихъ, ни мучениковъ, ни мыслителей религіозныхъ. Все это шло къ нимъ отъ Нѣмцевъ и Романцевъ. Къ чему вспоминать въ настоящія минуты особенно влiятельныя имена св. Кирилла и Меѳодія, распространившихъ частью непосредственными своими проповѣдями, частью посредствомъ учениковъ своихъ христіанскую вѣру почти между всѣми Славянами. Для насъ можетъ быть забавно только порицаніе упорства Славянъ сѣверно-западныхъ, которые охотнѣе gingen Jahrhunderte lang für das Heidenthum in den Tod, чѣмъ рѣшались принимать новое ученіе изъ рукъ цивилизаторовъ нѣмецкихъ. Порицателямъ недурно было-бы вникнуть поглубже въ причины добровольнаго пріема христіанства отъ славянскихъ проповѣдниковъ, да остановиться на слѣдующемъ выраженіи Прибыслава, князя сѣверо-западныхъ Славянъ, какое высказалъ онъ епископу нѣмецкому, въ отвѣтъ на его осужденіе въ упорствѣ язычниковъ Славянъ, въ 1155 году: «Какъ намъ ступить на этотъ путь (которой указывалъ епископъ) окруженнымъ и опутаннымъ столькими бѣдствіями? И чтобы ты могъ понять нашу напасть, выслушай терпѣливо мои слова: властители наши такъ жестоко насъ угнетаютъ, что, при податяхъ и тяжкомъ рабствѣ, на насъ наложенныхъ, намъ смерть лучше жизни. Вотъ въ нынѣшнемъ году, мы, жители маленькаго уголка земли, заплатили 1000 марокъ герцогу, а графу сверхъ того еще столько сотенъ марокъ, а все-таки мы ихъ не удовлетворили, и всякій день насъ давятъ и выжимаютъ изъ насъ до изнеможенія. Когда же намъ досугъ думать объ этой новой вѣрѣ, какъ намъ строить церкви и принимать крещеніе, когда намъ всякій день приходится помышлять о бѣгствѣ? Если бы по крайней мѣрѣ было куда бѣжать! Перейти за Травну,—и тамъ такая же напасть, удалиться къ Пѣнѣ-рѣкѣ,—напасть все таже. Что же остается намъ другое, какъ, покидая землю, броситься на море и жить среди волнъ? И развѣ наша вина, что, изгнанные изъ родины, мы сдѣлали море не безопаснымъ и стали брать деньги съ Датчанъ и съ купцовъ, кото-

рые плаваютъ по морю? Развѣ это не вина властителей, которые выгоняютъ?» На это епископъ замѣтилъ, осудивши строго властителей, что еслибы Славяне сдѣлались истинными христіанами, то и имъ было бы лучше, какъ Саксонцамъ, которыхъ также преслѣдовали въ пору язычества. Князь не оставилъ безъ возраженія и этого замѣчанія: «Если господину герцогу (саксонскому) и тебѣ благоугодно, чтобы у насъ былъ одинаковый съ графомъ (гольштинскимъ, пограничнымъ начальникомъ Саксовъ) порядокъ и строй, то пусть намъ дадутъ право Саксовъ относительно поземельныхъ владѣній и доходовъ, и мы охотно будемъ христіанами, станемъ строить церкви и платить должную десятину». Послѣ этого уѣхалъ нашъ епископъ, говоритъ Гельмольдъ, присутствовавшій при всемъ разговорѣ. Мудрено ли послѣ этого, что на увѣщанія и угрозы нѣмецкихъ просвѣтителей, Славяне отвѣчали, какъ свидѣтельствуетъ Сефридъ, жизнеписатель Оттона Бамбергскаго: «что намъ за дѣло до васъ? мы не оставимъ законовъ отцовъ нашихъ; мы довольны своею вѣрою. У христіанъ есть воры, есть злодѣи, обрубаютъ ноги, выкалываютъ глаза, всякія злодѣйства и казни творятся христіаниномъ противъ христіанина». Мудрено ли теперь понять, что и наши западные соплеменники рѣшались лучше погибнуть, чѣмъ сдѣлаться *такими* христіанами и войти въ жестокое рабство своихъ обратителей.

Но для чего нынѣшнему нѣмецкому политику справляться съ источниками и своей собственной исторіей, когда дѣло касается Славянъ; для бóльшей силы, ему надобно и христіанство навязать отъ Нѣмцевъ, хотя живущіе Славяне потому, быть можетъ, и живутъ, что судьба привела имъ избавиться отъ обратителей нѣмецкихъ.

Стоитъ ли говорить о торговлѣ и промышленности? Тутъ все уже чисто нѣмецкое, съ нѣмецкимъ происхожденіемъ явилась и тѣ исконные города славянскіе, которые съ первыхъ дней исторіи славянской прославились своею торговлею: не избѣжалъ этого и нашъ Новгородъ — die alte russische Republik, eine skandinawische Stadtgründung mit Gesetzen von gleichem Ursprunge,—Нѣмецъ забылъ, что уже изъ Новгорода отправлены послы для призыва Варяговъ, пожалуй, если ужъ непремѣнно хочется, хоть и Скандинавцевъ; а славный Дубровникъ, по западному—Рагуза, столь извѣстный сво-

нии контрактами торговыми на образцово-славянскомъ языкѣ и въ XII и въ XIII вв., и позднѣе торжественно признававшій въ XIV столѣтіи свое славянство, при признаньи сербскаго царя, Душана, своимъ покровителемъ, имѣлъ, по убѣжденіямъ германской политики, главными дѣятелями Нѣмцевъ, Римлянъ, да Итальянцевъ. Всего этого мало; самое имя славянское должно изгнать изъ исторіи, чтобы дать большій просторъ нѣмецкому,—и, вотъ, съ высоты своего политическаго глубокомыслія и безпристрастія, одинъ изъ Нѣмцевъ, нѣсколько мѣсяцевъ сему назадъ, прокричалъ печатно, что въ XIV—XVI столѣтіяхъ ein völliger Stillstand der slawischen Welt herrscht. Selbst der Name der Slawen wird fast kaum mehr genannt, wie zur Zeit der Griechen und Römer!—и это говорится о томъ времени, когда юговостокъ Европы двигался по волѣ царя сербскаго, когда сама византійская имперія видѣла единственное для себя спасеніе въ родственныхъ своихъ съ нимъ связяхъ и въ его дружелюбіи, когда и западные владѣтели спѣшили войти съ нимъ въ близкія и пріятельскія сношенія; о времени, когда, съ другой стороны, земля чешская, давши отъ себя римско-нѣмецкой имперіи императоровъ, представляла образецъ умственнаго, нравственнаго и административнаго развитія, когда въ ея университетъ стекались со всѣхъ концовъ Европы, когда тамъ жилъ и дѣйствовалъ одинъ изъ величайшихъ провозвѣстниковъ идеи свѣта и истины, Гуссъ, даже въ то время, когда Чехія и Чехи были извѣстны на отдаленнѣйшихъ углахъ тогдашняго міра, когда ломались соединенныя силы почти всей западной Европы отъ ударовъ горсти людей, отстаивавшихъ въ XV в. то святое и возвышенное начало, которому суждено начать осуществляться лишь въ послѣдніе годы! Все это нейдетъ къ цѣлямъ нѣмецкаго политика. Подрывая всякія способности въ славянской національности, онъ громко утверждаетъ, что, какъ въ старое время господствующіе классы, составляющіе душу государства, горожане, дворянство, правители, или безъ исключенія или главнѣйшимъ образомъ, у всѣхъ Славянъ принадлежатъ германскому племени, такъ и въ настоящее время самостоятельныя государства славянскія не могутъ ни на шагъ обойтись безъ нѣмецкихъ дипломатовъ, государственныхъ мужей, полководцевъ и администраторовъ. Жалко, что при этомъ онъ не сдѣлалъ оцѣнки подобнымъ благодѣтелямъ славянскимъ.

Можно было бы удесятерить нѣмецко-политическія положенія въ этомъ родѣ, выводимыя изъ исторіи славянскихъ народовъ, и, разумѣется, основанныя или на отвлеченной фантазіи или на преувеличеніяхъ, свойственныхъ лишь людямъ, которые поставили, во что бы то ни стало, затемнить истину и провести во вліятельный политическій міръ собственныя свои цѣли. Но канва слишкомъ однообразна, чтобы допустить возможность разнообразія въ рисункѣ.

Канва же эта направлена всецѣло на упроченіе нѣмецкаго владычества; отсюда понятна и цѣль ея—убѣдить и европейскій міръ и, ежели возможно, самихъ Славянъ въ тщетѣ и даже положительномъ вредѣ отъ домогательства послѣднихъ какой-то самостоятельности.

Но домогательства идутъ своимъ чередомъ, безостановочно,—и политики нѣмецкіе позволяютъ себѣ во всеуслышаніе завершать неспособность славянскую жить безъ помочей нѣмецкихъ; отсутствіе въ природѣ ихъ необходимыхъ условій для правильной и цивилизованной жизни государственной, картиною грозы и опасности цѣлости политической и образованія европейскаго, коль скоро, дѣйствительно, удалось бы Славянамъ выйти изъ-подъ заботливой опеки нѣмецкой. Впрочемъ, путы, обхватывающіе со всѣхъ сторонъ Славянъ австрійско-турецкихъ, на столько прочны въ глазахъ нѣмецкихъ политиковъ, что они не очень-то много страшатся движенія ближайшихъ и непосредственныхъ своихъ сосѣдей, тѣмъ болѣе, что давно уже разумные и прозорливые ихъ предки позаботились вбить промежду тамошними Славянами чужеродныя клинья, которыя въ искусныхъ рукахъ ловко препятствуютъ соединенію однородныхъ частей.

Имъ не даетъ покоя и сна нашъ востокъ: въ этомъ случаѣ, они судятъ по себѣ, будучи проникнуты племенною любовію и единствомъ; они боятся, чтобъ подобныя же чувства какъ-нибудь не пробудились и у насъ,—и послѣднимъ словомъ своихъ политическихъ умозрѣній бьютъ безпощадно насъ передъ остальными Славянами, а остальныхъ Славянъ передъ нашими глазами, не щадя крѣпкихъ эпитетовъ и выставляя такіе замыслы, о какихъ, быть можетъ, и къ сожалѣнію, не снилось ни той, ни другой сторонѣ.

Вотъ что даетъ намъ западъ. Что же мы? Да что же остается

намъ, какъ не вѣрить всему безусловно и изъ покорнаго угожденія западу не стараться наперерывъ доказать ему, что на насъ не можетъ падать обвиненіе, потому что мы нимало не принадлежимъ къ Славянамъ, у насъ все особенное, не славянское. И дѣйствительно, поочередно передѣлываемся мы въ Нѣмца, Француза, Англичанина, словомъ во все, только утратили, кажется, способность быть тѣмъ, къ чему призвало насъ происхожденіе и исторія.

Къ намъ ближе относится наука, и мы взглянемъ бѣгло, какая жертва приносится нами истинѣ въ неуклонномъ нашемъ слѣдованіи по проложенной тропѣ въ ней на западѣ.

Преподаваніе всеобщей исторіи составляетъ одну изъ самыхъ видныхъ задачъ въ народномъ образованіи. Не будемъ, конечно, упрекать никого въ томъ, что въ основаніи этой науки лежатъ, по преимуществу, системы нѣмецкія, что общій характеръ, общее направленіе ея взяты цѣликомъ изъ обильныхъ курсовъ нѣмецкихъ. Скорѣе отъ души поблагодаримъ Нѣмцевъ за ихъ изумительное трудолюбіе и за тѣ глубокіе результаты въ изслѣдованіяхъ историческихъ, какими смѣло можемъ пользоваться и мы, еще юный народъ въ учебномъ образованіи. Но нѣмецкій взглядъ на славянство извѣстенъ; онъ коснулся и системы всеобщей исторіи; тридцать милліоновъ западныхъ и южныхъ Славянъ изъ нея исключены, какъ будто ихъ и не существовало въ многовѣковой жизни Европы. Какъ будто?—спросите вы, да мы знаемъ, что это такъ. Откуда знаете вы это, позвольте спросить васъ, въ свою очередь. Вѣдь подобныя свѣдѣнія вы извлекли изъ тѣхъ курсовъ, о которыхъ мы говоримъ. Заглянули-ли вы сами въ обильные источники исторіи европейской, съ цѣлію опредѣлить значеніе въ ней элемента славянскаго; прочитали-ли вы хоть сколько-нибудь спеціальные источники исторіи славянской, чтобы опредѣлить взглядъ самихъ славянъ на свою жизнь; наконецъ, познакомились-ли вы съ позднѣйшими сочиненіями Славянъ, по своей исторіи? Не думая нисколько обижать ни себя ни васъ, я отвѣчу прямо отрицательно: нѣтъ, мы этого ничего не сдѣлали и даже не дѣлали. А кому же дѣлать это? Вотъ сторона исторіи, которая открываетъ намъ дорогу къ самостоятельной работѣ ученой: отъ запада мы уже не дождемся этого, а повторять его неправды или молчаніе о себѣ крайне унизительно. Что жатва на этомъ полѣ не останется безплодною, луч-

шимъ свидѣтельствомъ могутъ служить труды, особенно послѣдніе, историка чешскаго Палацкаго, такъ блистательно доказавшаго центральное значеніе, для всей западной Европы, Чехіи въ XV столѣтія, именно въ томъ вѣкѣ, въ которомъ, какъ слышали мы, Нѣмцы думаютъ не видѣть и имени Славянъ въ исторіи. И грустно припоминать, какъ одинъ изъ университетскихъ историковъ русскихъ, будучи въ Прагѣ, нашелъ для себя возможнымъ ограничиться только часовою бесѣдою съ исторіографомъ чешскимъ; ясно, что онъ не зналъ трудовъ его, какъ упустилъ изъ вниманія и то, что тутъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, обѣщаетъ плода устный разговоръ, потому что далеко не все можетъ явиться въ печати, въ Австріи. Но на всеобщей исторіи остановиться нельзя. Излишне приводить доказательства невозможности объяснить и правильно понять, со всѣхъ сторонъ, исторію и отечественнаго права, въ древнее время, безъ изслѣдованія и знакомства съ исторіею законодательства у другихъ Славянъ. А такая исторія представляетъ еще у насъ tabulam rasam, на которой только виднѣются какія-то отдѣльныя неявственныя черты. Мнѣ думается, что не безъ пользы осталось бы вниманіе къ юридической жизни Славянъ и для права другихъ народовъ, которое занимаетъ наше общество больше, чѣмъ свое собственное. Какъ не спеціалистъ, я не могу говорить объ этомъ утвердительно, но укажу на бывшій со мною въ Прагѣ случай, который далъ мнѣ поводъ къ такой догадкѣ.

Въ ноябрѣ, 1859 года, мнѣ впервые удалось свидѣться съ Шафарикомъ. Представленъ былъ я ему вмѣстѣ съ русскимъ молодымъ юристомъ, имя котораго пользуется громкою извѣстностію и уваженіемъ въ нашей литературѣ. Старецъ-славистъ, привыкшій дорожить всякою минутою, выбралъ для разговора такой предметъ, который одинаково былъ важенъ и для филолога и для юриста. То было время, когда еще длился процессъ о подлинности древнѣйшихъ памятниковъ письменности чешской, заподозрѣнныхъ нѣмецкою политикою не одной Австріи. Видно было, что обвиненіе въ подлогѣ образцовыхъ произведеній древнѣйшей словесности чешской, краледворской рукописи и суда Любушина, близко касалось сердца знаменитаго старика, и онъ усиливался доискаться такого свидѣтельства подлинности ихъ, какое бы не допускало сомнѣнія и въ самой пристрастной головѣ. Не мудрено, такимъ обра-

вомъ, что Шафарикъ тотчасъ же заговорилъ о памятникахъ и остановился, съ свойственною ему пытливостію, на юридической сторонѣ суда любушина, въ которомъ законъ о правѣ первородства признается на сеймѣ чешскомъ нѣмецкимъ закономъ, въ противоположность славянскому—общаго владѣнія имуществомъ или ровнаго раздѣла между всѣми наслѣдниками. «Вотъ вопросъ, который можетъ многое рѣшить, сказалъ Шафарикъ; я спрашивалъ уже многихъ здѣшнихъ юристовъ, сносился и съ германскими,—и всѣ они отвергали глубокую древность такого закона у Нѣмцевъ; а если такъ, то судъ любушинъ не можетъ уже быть памятникомъ ни XI-го, ни X-го, тѣмъ менѣе IX-го столѣтія». За тѣмъ онъ обратился къ моему соотечественнику, юристу, и спросилъ его мнѣнія. Какъ знакомый съ юридическою нѣмецкою литературою, послѣдній перебралъ нѣсколько именъ и объявилъ, что общее мнѣніе относитъ начало закона о первородствѣ къ XIII столѣтію. «Да, такъ отвѣчали мнѣ и Нѣмцы, замѣтилъ Шафарикъ, но вотъ какія сомнѣнія родились во мнѣ, при намѣренной переборкѣ древнѣйшихъ свидѣтельствъ», и, снова перемѣнивши нѣмецкую рѣчь, на которой нашелъ онъ почему-то приличнѣйшимъ бесѣдовать съ юристомъ, на чешскую, сталъ высказывать свои сомнѣнія, облекая ихъ въ положительныя указанія древнѣйшими свидѣтельствами невѣрности взгляда Нѣмцевъ на собственное ихъ законодательство, въ данномъ случаѣ. Сначала привелъ онъ лѣтописи сѣверно-германскія, за тѣмъ средне-нѣмецкія, проводя ихъ по отдѣльнымъ нѣмецкимъ поколѣніямъ, и, въ заключеніе, прочиталъ наизусть нѣсколько строкъ изъ тацитовой Германіи, гдѣ всюду прямо говорится о правѣ первородства у значительной части поколѣній германскихъ и въ первомъ, и въ шестомъ, и въ восьмомъ столѣтіяхъ по рождествѣ христовѣ. И что особенно важно, между поколѣніями нѣмецкими съ такимъ закономъ, рисуется и то, которое было ближайшимъ сосѣдомъ Чехіи. Шафарикъ исполнилъ нашу просьбу, и черезъ недѣлю его статья объ этомъ была уже отпечатана въ пражскихъ газетахъ. Естественно, послѣ этого, было подумать и мнѣ: сколько, быть можетъ, заключено въ остаткахъ древней славянской жизни такихъ фактовъ, которые пригодились бы для подобнаго же освѣтленія жизни и другихъ народовъ. И опять стыдно было бы уступать право доискиваться такихъ фактовъ чуждымъ славянству народамъ

и опасно, какъ скоро эти факты будутъ задѣвать ту или другую сторону славянской жизни. Едва-ли меньшая обязанность вникнуть поглубже въ дѣло славянское лежитъ и на политикахъ нашихъ. Вѣдь утверждать настоятельно и громоносно о необходимости какъ можно шире и основательнѣе знакомиться съ ходомъ политики западной полезно и спасительно лишь въ томъ случаѣ, когда мы, воспользовавшись знакомствомъ своимъ, обратимъ его на ближайшую свою пользу и привнесемъ въ нее ту новую сторону, которой западъ не коснется, или намѣренно исказитъ. Въ противномъ случаѣ, такое утвержденіе носитъ само въ себѣ безвыходность неуклоннаго слѣдованія чужому, близкаго къ самой рабской подражательности. И французскій политикъ прежде всего остается Французомъ и изъ своего отечества смотритъ на политику, тоже Нѣмецъ и еще болѣе Англичанинъ; неужели только Славянинъ, или, за отсутствіемъ самостоятельности остальныхъ Славянъ, кромѣ русскихъ, неужели только русскій политикъ долженъ оцѣнять политику изъ Англіи, Франціи, Пруссіи или Италіи и никогда изъ Россіи. Странно, а между тѣмъ такъ, и все это происходитъ отъ того, что мы, подражая во всемъ чужому, не подражаемъ ему именно въ томъ, въ чемъ прежде всего имѣемъ мы нужду подражать, въ любви къ своему родному, въ готовности направить пріобрѣтенныя свѣдѣнія на собственную свою почву. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ привелось говорить съ однимъ изъ русскихъ ученыхъ о политикѣ европейской въ юговосточныхъ странахъ Европы. Какъ подробно передавалъ онъ мысли Англичанъ и остальнаго запада объ этой политикѣ, какъ жарко защищалъ онъ ихъ, эти мысли, положеніемъ и мнѣніемъ самихъ народовъ въ упомянутыхъ странахъ! Трудно, по видимому, и думать о возможности другаго взгляда: свѣтъ у него такъ и блещетъ съ запада, а тьма съ другаго конца. А между тѣмъ, какъ бы просвѣтлѣла эта тьма и помрачился свѣтъ, еслибы онъ заблагоразсудилъ, для бо́льшей правдивости своихъ спеціальныхъ свѣдѣній, заглянуть и въ другую сторону извѣстій, и справился бы самъ съ мнѣніями тѣхъ народовъ, которыхъ мнѣнія почерпнулъ онъ изъ неизмѣнныхъ своихъ источниковъ, обратившихся ему въ евангеліе. Взглядъ политическій подверженъ не менѣе другаго эгоистическимъ наклонностямъ правительствъ и народовъ, и взглядъ англійскій или нѣмецкій было бы

непростительно принимать за непреложную норму для каждаго взгляда.

Что же Славяне? Сдавленные корыстными видами запада, оставленные въ забвеніи своими, и не чувствуя болѣе ни силъ, ни охоты тянуть иноязычное бремя, давящее такъ неумолимо жестоко все ихъ родное, они, естественно, подумали о соединеніи между собою, какъ единственномъ залогѣ законной самостоятельности своей народности. Старая вражда религіозная исчезаетъ; различіе поколѣнное перестаетъ уже служить поводомъ къ несогласіямъ: католикъ, протестантъ и православный въ Австріи дѣлаются истинными братьями; Хорваты, Сербы, Чехи, Мораване и Словаки сливаются въ одно славянство, съ тѣмъ убѣжденіемъ, что и въ единствѣ каждый изъ этихъ народовъ свободно долженъ располагать своею народностію; нѣтъ господства или преобладанія одного надъ другимъ; всюду признается неизбѣжною та полная равноправность, въ которой такъ постоянно и беззаконно, не взирая на торжественныя обѣщанія, отказывало имъ правительство. Съ тѣмъ вмѣстѣ, соединенный взоръ ихъ обращается съ братскою заботливостію на югъ Дуная, гдѣ такъ безжалостно терзаются милліоны, благодаря своекорыстной и чуждой всякой тѣни справедливости политикѣ западно-европейской. Тотъ панславизмъ, о которомъ нѣкогда умышленно возвѣщали политики нѣмецкіе, съ возможно-фантастическими страхами, во всеуслышаніе европейское, теперь, въ самомъ дѣлѣ, все больше входитъ въ жизнь, хотя и по неволѣ ограничиваетъ связь только одною югозападною половиною. Чехъ, столь блистательно заправлявшій центромъ учено-литературной дѣятельности славянской, явился столь же образцовымъ руководителемъ и новаго направленія, уже чисто политическаго. Напрасно властолюбивый сосѣдъ и собственный домохозяинъ трубятъ объ опасности, о какомъ-то разрушительномъ взрывѣ: имъ должны быть очень хорошо извѣстны средства и пути, какими устроивается единство славянское, какъ и то, что при подобныхъ средствахъ нѣтъ мѣста революціоннымъ замысламъ или беззаконному оскорбленію правъ какой-бы то ни было другой народности. Основаніемъ современной жизни Славянъ служитъ образованіе, и надобно удивляться той распространенности его успѣха, какая замѣтна въ самыхъ заброшенныхъ уголкахъ чешско-моравскихъ поселеній. Она

проникаетъ обычнымъ твердымъ путемъ и между Хорватами, Сербами и Словаками, переносясь посредствомъ книги и отдѣльныхъ личностей, не задумывающаяся надъ самопожертвованіемъ, и далеко за Дунай, во владѣнія Славянъ турецкихъ. Пробужденіе сознанія во всемъ народѣ, освѣтлѣніе его жизни истиннымъ образованіемъ, во всѣхъ сферахъ,—вотъ каково орудіе нынѣшняго австрійскаго панславизма, къ которому приближается съ недавней поры и славянство турецкое; духъ всеславянскаго братства, готовность взаимнаго содѣйствія и помощи, убѣжденіе въ необходимости союза,—вотъ результаты этого панславизма, стремящагося съ каждымъ годомъ привлечь и остальные народы славянскіе въ общій союзъ, ежели не политическій, то умственно-нравственный и литературный.

Я указалъ на общій характеръ современнаго настроенія западно-южныхъ Славянъ. Подробности могли бы составлять цѣлый курсъ, а не часовую лекцію. Для насъ, въ настоящую минуту, важна нравственная и политическая его сторона, которая, думаю, настолько высока, чтобы не оставаться къ ней равнодушнымъ, еще менѣе питаться заблужденіями иноземцевъ, тѣмъ болѣе, что дѣло касается 30 милліоновъ нашихъ соплеменниковъ, отъ которыхъ, какъ-бы мы ни увлекались иностраннымъ, какъ-бы ни уклонялись отъ своего роднаго, ничто не въ состояніи отдѣлить насъ: связь единства происхожденія и уваженіе къ своей народности съ каждымъ годомъ получаютъ все бо́льшую силу и значеніе и тамъ, откуда привыкли брать мы образцы для всей своей жизни. Не отстанемъ же отъ другихъ народовъ и въ этомъ, и если въ послѣдніе мѣсяцы, въ берлинскомъ университетѣ, нашли необходимымъ учредить особое изданіе, съ единственною цѣлію способствовать воспитанію молодаго поколѣнія *въ духѣ народномъ*, то позаботимся мы хотя о правильнѣйшемъ понятіи на счетъ своихъ соплеменниковъ, которые неразлучны отъ нашей народности:

«kość z kosci ojców naszych ród jeden składamy
i jednym wszędzie duchem oddychamy».

П. Лавровскій.

Записка о городѣ Калязинѣ.

Достоинство записокъ подобнаго рода составляютъ: полнота и достовѣрность сообщаемыхъ свѣдѣній. Не ручаясь за первое, потому что мы пользовались только доступнымъ для насъ, мы осмѣлимся поручиться за послѣднее въ томъ смыслѣ, что всѣ цифры взяты нами, съ дипломатической точностью, изъ отчетовъ присутственныхъ мѣстъ; всѣ выводы сдѣланы на основаніи двадцатилѣтнихъ, строго-добросовѣстныхъ, наблюденій. Быть можетъ, многое и ускользнуло отъ насъ, и намъ представлялось и нами представлено не совсѣмъ отчетливо, по крайней мѣрѣ можемъ сказать, что ничто намѣренно не истолковано нами превратно, ничему не дано иное значеніе, противъ того, какое оно имѣетъ въ дѣйствительности. Безконечно будемъ рады, если найдутся люди, которые неполноты восполнятъ, недостатки исправятъ, ошибки обличатъ, и такимъ образомъ со временемъ составится и самая полная и самая точная монографія г. Калязина. А если составленная нами записка какимъ нибудь образомъ доставитъ пользу г. Калязину, то трудъ нашъ будетъ вознагражденъ съ избыткомъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА Г. КАЛЯЗИНЪ СЪ УѢЗДОМЪ.

Мѣстность, занимаемая въ настоящее время г. Калязиномъ съ уѣздомъ, принадлежала въ XII вѣкѣ суздальцамъ. Кто первый положилъ основаніе населенію этой мѣстности и въ какое время,—объ этомъ исторія и преданіе безмолвны. Несомнѣнно одно, что когда развивалось и усилилось суздальское княженіе, и особенно, когда между нимъ и новгородцами возгорѣлись войны, суздальцамъ не возможно было не заселить и не укрѣпить нѣкоторыхъ мѣстъ, лежащихъ на дорогѣ къ Суздалю, или вблизи границъ новгородскихъ владѣній. Естественной границей между тѣми и другими была Волга; и тамъ, гдѣ предполагались наибольшія удобства для переправы черезъ нее,—тамъ, на той и другой сторонѣ, должны были явиться укрѣпленія, болѣе или менѣе надежный оплотъ противъ внезапныхъ вторженій. Лучшими путями сообщеній въ тѣ времена были рѣки; съ тою же цѣлію нельзя было не поставить укрѣпленій при устьяхъ рѣкъ, которыя вели во внутренность владѣній, или къ стольному городу княжества. При устьѣ рѣки являлось укрѣпленіе; нельзя было не явиться ему и на противоположномъ берегу. Врагъ той или другой рѣкой спустится въ Волгу и, тутъже переправившись черезъ нее, можетъ вторгнуться въ чуждыя владѣнія; но тутъ стоитъ укрѣпленіе и переправа для него затрудняется. Такъ должно было быть; такъ безъ сомнѣнія и было. И вотъ почему отъ Твери почти вплоть до Ярославля, по обѣимъ сторонамъ Волги, столько городищъ! Ни одна, сколько-нибудь значительная, рѣка не оставалась въ своемъ устьѣ безъ укрѣпленія; воспоминанія о семъ доселѣ сохранились въ названіяхъ этихъ мѣстъ *городищами*. Такъ напр. при устьѣ р. Дубны—городище, теперь село Дубенское городище; противъ него остатки вала, окоповъ, которые доселѣ называются городищемъ; при устьѣ Хотчи—городокъ, теперь село Бѣл-городокъ; при устьѣ Медвѣдицы—весьма значительные остатки городищъ и укрѣпленій: на противоположномъ берегу отъ села Пухлимскаго, на пространствѣ девяти верстъ, почти непрерывная цѣпь окоповъ и укрѣпленій, явно сдѣланныхъ руками человѣческими, которые и доселѣ называются городищами (тутъ же и доселѣ существуетъ и деревня Го-

родище). И понятно, почему суздальцы надѣлали здѣсь столько укрѣпленій: р. Медвѣдицей особенно часто спускались новгородцы, и устье этой рѣки было для нихъ сборнымъ пунктомъ (1). При устьѣ Нерли цѣлый городъ—Константинъ (иначе Кстятинъ; теперь село Скнятинъ), при устьѣ Жабни Калязинъ и пр. и пр. Что это не одни предположенія и догадки, свидѣтельствуютъ лѣтописцы. По берегамъ Волги въ XII вѣкѣ уже были города. «Изяславъ иде на Гюргя... и много воеваша людей Гюргево и по Волгѣ взяша шестъ городокъ» (2), и пр. «Поидоша по Волзѣ воююче и пожгоша Шешю, и Дубну, и Кснятинъ, и все Поволожье» (3) и пр.

Такимъ образомъ, не прибѣгая ни къ какимъ безполезнымъ догадкамъ, мы видимъ, что въ XII вѣкѣ на берегахъ Волги, которые въ настоящее время принадлежатъ калязинскому уѣзду, были уже города (4), городки и селенія. Но они были и не только по берегамъ Волги. Такъ село Константиново на Жабнѣ (въ 3-хъ верстахъ отъ г. Калязина) и д. Манипино (въ 12 в. отъ Калязина) были еще въ XII вѣкѣ и пр. и пр. Слѣдовательно, мѣстность, занимаемая въ настоящее время калязинскимъ уѣздомъ, въ XII вѣкѣ больше или меньше уже была заселена.

Предъ страшнымъ нашествіемъ татаръ населеніе этой мѣстности значительно развилось и усилилось. Городки и городища сдѣлались людными городами. Такъ Кснятинъ заключалъ въ себѣ два монастыря и много церквей; Бѣлгородокъ монастырь и много церквей, Калязинъ также и пр. Правда, объ этомъ говоритъ только преданіе. Но съ этимъ преданіемъ невольно соглашаешься, видя, какое значительное пространство занимали окопы кругомъ напр. Кснятина и Бѣл-городка. Было много монастырей и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, несомнѣнно (что докажется въ своемъ мѣстѣ),—былъ монастырь на Нерли, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь слобода Троицко-нерльская; былъ монастырь на р. Жабнѣ, гдѣ те-

(1) «Вел. князь ждалъ Ростислава на устьѣ Медвѣдицы 4 дня». Ист. Кар., II, 316. И еще раньше тоже самое, какъ напр. въ войнѣ Мстислава съ Олегомъ, въ 1096 г. Кар., II, 68.—(2). Въ 1148 г. Нов. пер. лѣт. стр. 10.—(3) Въ 1216 г. тамъ же, стр. 34.—(4) Именно города. Такъ объ Скнятинѣ прямо сказано, что Георгій въ 1134 г. основалъ на устьѣ Нерли городъ Константинъ. Кар., II, пр. 260.—(5) Да и лѣтописцы не противъ этого преданія, хотя и не называютъ всѣхъ городовъ по именамъ. Такъ, татарами отъ Переславля до Торжка сожжено четырнадцатъ городовъ, кромѣ свободъ и погостовъ.

перь д. Ульяново,—въ память чего и досслѣ стоитъ часовня; былъ монастырь (казанскій) близь с. Апухтина, на мѣстѣ котораго, среди пахатнаго поля, стоитъ теперь часовня; близь с. Пухлимскаго (на Волгѣ) развалины двухъ монастырей; монастырь Капшинъ, гдѣ теперь село, и пр. и пр.

И всѣ эти города и монастыри погибли въ страшный погромъ татарскій (1237 г.)!«И идоша, говоритъ лѣтописецъ, (татары) на Переславль-залѣсскій и тотъ взяша, и отолѣ всю ту страну поплѣниша даже и до Торжку и нѣсть мѣста, ни веси, ни селъ тацѣхъ, иже не воеваша на суждальской землѣ, и взято городовъ 14 опрочь слободъ и погостовъ» (6). Четырнадцать городовъ, по всей вѣроятности поволжскихъ, потому что путь для татаръ, отъ Переславля до Торжка, возможенъ былъ одинъ — по Волгѣ, кромѣ селъ и деревень! Людно же была заселена эта мѣстность!

Впослѣдствіи, нѣкоторые изъ погромленныхъ городовъ и селеній возникли изъ пеплу и развалинъ, и во время Михаила Ярославича вся эта мѣстность принадлежала тверскому княженію. По смерти Михаила Ярославича, по раздѣлу, она досталась меньшому сыну его Василью, князю кашинскому. Въ 1327 г. татары еще разъ прошли здѣсь съ огнемъ и мечемъ, и оставили однѣ кровавыя развалины. Все было опустошено. Большая часть жителей истреблена; другіе отведены въ неволю. Даже князь суздальскій участвовалъ въ этой страшно-кровавой карѣ Узбека, и не пощадилъ достоянія предковъ своихъ. Трудно предположить, чтобы послѣ такихъ ужасныхъ погромовъ города и селенія, занимавшіе эту мѣстность, могли когда - либо придти въ цвѣтущее состояніе. А если и возникали которые, то, вслѣдствіе распрей потомковъ Михаила Ярославича между собой и ссоръ ихъ съ князьями московскими, терпѣли тѣ же бѣдствія, какъ и прежде, но только въ меньшей степени. Вотъ почему прежде бывшіе города сдѣлались ничтожными селеніями, и здѣсь, на Волгѣ, лишь одному Калязину суждено впослѣдствіи сдѣлаться городомъ. Вотъ почему среди лѣсовъ окружающихъ (или точнѣе: окружавшихъ лѣтъ 30 — 50 назадъ) Калязинъ, Талдомъ, Дубну, встрѣчаемъ столько развалинъ, столько несомнѣн-

(6) Кар. III, пр. 364.

ныхъ признаковъ, что тутъ воздѣлывалась когда-то земля; находишь столько послѣдовъ жилья человѣческаго. Были тутъ селенія и—сожжены. Жили тутъ люди и—истреблены; и на почвѣ, увлаженной ихъ кровью, поросли лѣса, отопляющіе и согрѣвающіе теперь Калязинъ.

Въ 1541 г., послѣ покоренія Твери Іоанномъ III, Кашинъ и вмѣстѣ съ нимъ вся эта мѣстность, что теперь зовется калязинскимъ уѣздомъ, поступили во владѣніе князя московскаго.

Калязинъ возникъ слѣдующимъ образомъ. Послѣ втораго татарскаго погрома, на развалинахъ монастыря «Николы-на Жабнѣ», тамъ, гдѣ теперь соборная церковь г. Калязина, ревнителями подвиговъ вновь былъ устроенъ монастырь; близь него поселились тѣ, которые успѣли спастись отъ страшнаго бѣдствія, и составили монастырскую слободу. Далѣе, за р. Жабней, тамъ, гдѣ теперь третья часть города, явилось также селеніе Пирогово и, съ устроеніемъ церкви, сдѣлалось селомъ. Но противоположный берегъ Волги покрывался еще непроходимымъ лѣсомъ.

Сюда, въ чащу этого лѣса, явился въ половинѣ XV вѣка подвижникъ, преподобный Макарій, и положилъ основаніе монастырю. Его строго-подвижническая жизнь привлекла къ нему много сподвижниковъ и доставила ему обширныя средства къ распространенію и увеличенію монастыря. Къ концу его жизни монастырь, обогащенный богатыми вкладами князей, былъ уже въ самомъ цвѣтущемъ положеніи.

Къ числу самыхъ первыхъ вкладовъ принадлежалъ собственно калязинскій монастырь — «св. Николы-на Жабнѣ». Вотъ что писалъ въ своей грамотѣ князь Борисъ Александровичъ тверской: «милости ради святыя Троицы пожаловалъ есми игумена Макарія збратьею его . . . монастырь св. Николы на Жабнѣ и сземлями и что кнему *изстари* потягло» (7). Вслѣдствіе этой грамоты калязин-

(7) Подлинная въ монастырскомъ архивѣ. Словомъ: *изстари* вполнѣ опровергается ни на чемъ не основанное мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ, что Калязинъ началъ свое существованіе съ пр. Макарія. Когда онъ только полагалъ основаніе своему монастырю, м. Николы уже существовалъ и имѣлъ угодья, которыя *изстари* къ нему потягли. Значитъ, и самый монастырь существовалъ *изстари*, задолго прежде, чѣмъ явился сюда пр. Макарій.

ская слобода сдѣлалась собственностью Макаріева м.; монастырь Николы обращенъ въ приходскую церковь для нея. Въ 1511 году село Пирогово княземъ дмитровскимъ Юрьемъ Ивановичемъ отдано также Макаріеву монастырю (⁸). Такимъ образомъ соединились три части, изъ которыхъ въ настоящее время состоитъ городъ.

Къ концу XVI вѣка почти двѣ трети селъ и деревень (⁹), составляющихъ теперь калязинскій уѣздъ, принадлежали Макаріеву монастырю. Онъ пріобрѣлъ ихъ посредствомъ вкладовъ, мѣнъ и купли.

Въ смутное время два раза прошли здѣсь поляки, опустошая и истребляя. Въ 1609 г., кромѣ прочаго, они разграбили и сожгли Николаевскую слободу и Пирогово. Но имъ отплатилъ за то князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ, разбивъ ихъ на берегахъ Жабни и оттѣснивъ до Рябова монастыря (теперь село верстахъ въ 16 отъ Калязина). Въ 1610 г. они пробрались за Волгу и уже безнаказанно предали тамъ все конечной гибели. Не спасся и монастырь пр. Макарія, долго и крѣпко защищаемый Жеребцовымъ. Игуменъ, братья и всѣ люди избиты; монастырское имущество разграблено; монастырь выжженъ. Одинаковой участи подверглись и г.г. Кашинъ и Бѣжецкъ съ уѣздами ихъ.

Въ гражданскомъ управленіи Калязинъ и тѣ селенія, которыя лежали отъ Нерли къ Волгѣ, принадлежали къ кашинскому уѣзду; управлялись воеводской канцеляріи въ Угличѣ. Селенія за Нерлью зависѣли отъ Переяславля. Послѣ отнятія крестьянъ отъ монастырей, Калязинъ получилъ названіе *экономической слободы*. 20-го февраля 1776 г. сдѣланъ городомъ. Села и деревни, въ томъ самомъ видѣ какъ теперь, составили уѣздъ его.

(⁸) Подлинная грамота въ монастырскомъ архивѣ. Вмѣстѣ съ Пироговымъ отдано с. Константиново и много другихъ селеній по Жабнѣ.

(⁹) Изъ жалованныхъ, мѣновыхъ и купчихъ грамотъ, хранящихся въ м. архивѣ, видно, что селенія, изъ которыхъ теперь состоитъ калязинскій уѣздъ, уже были въ XV вѣкѣ и, что довольно замѣчательно, число жителей въ нѣкоторыхъ было не менѣе, чѣмъ теперь, а въ нѣкоторыхъ даже болѣе.

ГОРОДЪ КАЛЯЗИНЪ.

Калязинъ расположенъ на открытомъ, ровномъ, прекрасномъ мѣстоположеніи. Первая и вторая части города раздѣляются Волгою ([10]); третья отдѣлена отъ второй Жабней. Первая часть окаймляется сосновымъ боромъ,—остаткомъ того непроходимаго бора, въ чащѣ котораго подвизался пр. Макарій; за второй частью, вверхъ по Волгѣ, также сосновый боръ, пережившій много вѣковъ. Къ истинному несчастію, оба эти бора, важные для калязинцевъ и по воспоминаніямъ и особенно въ гигіеническомъ отношеніи, обречены конечному уничтоженію. Чрезъ недолгое время кругомъ Калязина, на пространствѣ многихъ десятковъ верстъ, будетъ степь.

Калязинъ отъ Твери во 168 верстахъ, отъ Кашина въ 20, отъ Москвы во 162 — прямой дорогой на Троицкую лавру. Пароходство сблизило его съ Тверью такъ, что весной, при полой водѣ, переѣздъ совершается въ 14—16 часовъ.

Всѣ три части города занимаютъ пространство: въ длину 2 версты 150 саж., въ ширину 2 версты. Онъ раздѣляется на 63 квартала и имѣетъ 32 улицы. Въ немъ: а) соборъ (двѣ церкви) и при немъ кладбище съ церковью; б) монастырь; в) двѣ приходскихъ церкви съ кладбищенскими церквами (всѣ церкви каменныя); г) зданій: принадлежащихъ разнымъ казеннымъ вѣдомствамъ 4 каменныхъ, три деревянныхъ; городскихъ общественныхъ 3 каменныхъ, 3 деревянныхъ; частныхъ 82 каменныхъ, 707 деревянныхъ.

Городъ владѣетъ значительнымъ количествомъ земли. Именно:

1) Внутри городской черты: подъ постройками: 96 десятинъ 1713 саж.; подъ садами и огородами: 157 дес. 1583 саж.; подъ улицами, площадями и рѣкою: 160 д. 197 саж. Всего: 414 дес. 1093 саж.

2) Внѣ городской черты: подъ общественнымъ пастьбищемъ: 425 дес. 1898 саж.; подъ фабриками и заводами: 10 дес. 1757 саж.; подъ огородами: 9 дес. 980 саж.; подъ лугами: 134 дес. 1851 саж.; подъ пашней: 486 дес. 1288 саж.; неудобной: 84 дес. 1825 саж. Всего: 1151 дес. 2399 с.

---

[10] Переправа черезъ Волгу, для конныхъ на самолетѣ, для пѣшихъ на лодкѣ содержится почти всегда исправно.

Значитъ, городу принадлежитъ всей земли: 1566 дес. 1092 саж. Число жителей въ городѣ въ 1859 г. было:

		мужеск.	женск.	всего.
дворянъ	потомственныхъ . .	24	19	43
	личныхъ	59	58	117
Канцелярскихъ служителей		29	5	34
	духовныхъ	100	75	175
Почетныхъ гражданъ		10	7	17
купцовъ	мѣстныхъ	385	379	764
	иногородныхъ . . .	—	—	—
мѣщанъ	мѣстныхъ	2362	2764	5126
	иногородныхъ . . .	6	3	9
солдатъ	разныхъ командъ . .	647	70	717
	кантонистовъ	38	—	38
	безсрочно-отпускныхъ	52	19	71
	отставныхъ	48	99	147
крестьянъ	государственныхъ .	253	79	332
	помѣщичьихъ.	39	11	50
	дворовыхъ	27	9	36
	иностранцевъ	2	3	5
монастырскихъ	штатныхъ	71	59	130
	Всего	4152	3659	7811

Слѣдовательно, за исключеніемъ пришлыхъ, собственно калязинскихъ гражданъ въ 1859 г. было: 2757 муж.,3150 женск., всего 5907.

Въ 1858 году цифра калязинскаго народонаселенія представлялась въ слѣдующемъ видѣ:

		мужеск.	женск.	всего.
дворянъ	потомственныхъ . .	7	1	8
	личныхъ	12	6	18
канцелярскихъ служителей		22	9	31
	духовныхъ	103	73	176
почетныхъ гражданъ		10	8	18
купцовъ	мѣстныхъ	297	291	588
	иногородныхъ . . .	1	—	1

мѣщанъ	мѣстныхъ	2295	2190	4485
	иногородныхъ	5	—	5
солдатъ	разныхъ командъ . .	582	79	661
	кантонистовъ	53	—	53
	безсрочно-отпускныхъ.	65	19	84
	отставныхъ	59	135	194
крестьянъ	государственныхъ . .	276	98	374
	помѣщичьихъ	37	15	52
	дворовыхъ	22	15	37
	иностранцевъ	1	3	4
	Всего	3847	2942	6789

Слѣдовательно, за исключеніемъ пришлыхъ, собственно калязинскихъ гражданъ въ 1858 году было: 2602 м., 2489 ж., всего: 5091. Въ слѣдующемъ расчетѣ мы будемъ брать цифру этого года; потому что имѣли случай повѣрить ее съ исповѣдными вѣдомостями г. Калязина. Что до цифры 1859 года, то она кажется намъ очень подозрительною, хотя и доставлена изъ присутственнаго мѣста. Едвали и вся вѣдомость не составлена, если не для очистки совѣсти, то для очистки бумаги. Вообще, какъ мы близко знаемъ, большая часть статистическихъ свѣдѣній сочиняется, а не собирается и не повѣряется на мѣстѣ. Отсюда такая невообразимая путаница въ свѣдѣніяхъ, такая нескладица и несоразмѣрность въ цифрахъ одного года въ сравненіи съ другимъ.

Чтобы точнѣе судить о движеніи народонаселенія въ г. Калязинѣ, представимъ еще нѣсколько цифръ. Именно, означимъ число жителей за одинъ годъ прошедшаго столѣтія и за нѣсколько лѣтъ до и послѣ холеры, 1848 года.

	Общее число жителей.		Родилось.		Умерло.	
	Мужск.	Женск.	Мужск.	Женск.	Мужск.	Жен.
Въ 1783 году . . .	1685	1757	Не	из	вѣст	но.
— 1846 — . . .	2922	3116	137	132	137	125
— 1847 — . .	2911	3124	147	130	158	122
— 1849 — . . .	2845	3050	229	221	150	133
— 1850 — . . .	2843	3060	119	112	121	112
— 1852 — . . .	2869	3350	133	137	111	98
— 1855 — . . .	2997	2736	151	163	160	161

Рѣзкая несоразмѣрность въ годичныхъ цифрахъ женскаго народонаселенія объясняется періодическимъ наплывомъ въ городъ крестьянокъ и солдатокъ, зависящимъ отъ движенія стоящаго здѣсь полка. Если полкъ сосредоточивается въ городѣ и вблизи его, то женское народонаселеніе увеличивается на цѣлыя сотни. Если онъ размѣщается по всему уѣзду, то оно уменьшается въ такой же степени и т. п.

Что до гражданъ-собственно, то въ 1855 году было: 2571 муж., 2474 жен., всего 5035. Слѣдовательно, съ 1855 по 1859-й число жителей увеличилось на 31 м., 15 ж., всего на 46, т. е. чистой прибыли на каждый годъ было меньше чѣмъ по 12 чел. обоихъ половъ. Такимъ образомъ, собственно городское народонаселеніе дало чистой прибыли меньше, чѣмъ четверть процента. Между тѣмъ въ эти годы не было ни эпидемій, ни иныхъ причинъ усиленной смертности. Все шло, какъ въ прежніе годы, какъ идетъ и теперь. Чѣмъ же объясняется такой ничтожный приростъ жителей? Необыкновенной смертностью дѣтей, изъ которыхъ двѣ трети гибнетъ на первомъ же году своей жизни; изъ остальныхъ сдвали три на десять достигаетъ совершеннолѣтія. Отчего происходитъ это, мы достаточно объяснили въ брошюрѣ: «объ училищахъ для дѣвицъ въ уѣздныхъ городахъ».

Чтобы описаніе города имѣло всю нужную полноту, какая только въ нашей возможности и средствахъ, опишемъ сначала соборъ, монастырь, приходскія церкви и богоугодныя заведенія; а за тѣмъ перейдемъ и ко внутреннему быту города.

1. Соборъ во имя святителя Николая.

Въ 1849 г., при обновленіи соборной Николаевской церкви, найдены подъ престоломъ четыре древнихъ антиминса и храмозданная запись. Эта находка даетъ намъ возможность сказать нѣсколько словъ о прошедшей судьбѣ его.

Долго ли существовала церковь, созданная при возобновленіи монастыря послѣ вторагo татарскаго погрома, неизвѣстно; потому что на антиминсѣ подъ № 1 всей надписи прочесть невозможно; а отъ этого нельзя опредѣлить и времени построенія новой церкви. Въ 1526 году, вѣроятно за ветхостью прежней, устроена и освящена новая. Въ 1551 г. она передѣлана и освящена снова. Въ

съ этой колокольни для устроенія у себя такой же; но измѣненія, хотя небольшія, въ частностяхъ и небрежность въ исполненіи весьма много повредили цѣлому. Большій колоколъ на соборной колокольнѣ въ 501 пудъ. Въ колокольнѣ свѣчная лавочка. Прежде она отдавалась въ аренду, и, за исключеніемъ казенной отсылочной суммы, доставляла собору до 300 р. дохода и арендатору до 500 рублей въ годъ. Но лѣтъ восемь тому назадъ поступила подъ прямое завѣдываніе соборнаго старосты. Съ тѣмъ вмѣстѣ прекратились и доходы отъ нея собору, хотя отсылочная сумма почти не увеличилась. Куда за тѣмъ поступаютъ остатки, которыхъ по самой меньшей мѣрѣ должно положить до 700 р. въ годъ, вѣдаютъ наблюдающіе за свѣчной продажей. Вообще должно замѣтить, что если при свѣчной продажѣ допущена монополія, то безусловно необходимъ строжайшій контроль не одного только мѣстнаго чиноначалія. Будетъ ли прибыльная сумма, которая въ иныхъ городахъ, какъ мы положительно знаемъ, доходитъ до двухъ тысячь рублей, отсылаема куда слѣдуетъ; поступитъ ли въ пользу церкви, при которой устроена свѣчная лавочка, во всякомъ случаѣ она должна быть подчинена строжайшему и, по возможности, безкорыстному надзору лучшихъ гражданъ города, а не одного только или двухъ лицъ. Правда, свѣчную продажу каждомѣсячно должны свидѣтельствовать мѣстные священно и церковнослужители; но этого, какъ мы положительно также знаемъ, почти нигдѣ не дѣлается; а обыкновенно подписываются въ концѣ года вѣдомости, что бы ни было въ нихъ написано. Отсюда ничѣмъ не ограниченный произволъ въ употребленіи суммъ свѣчныхъ лавочекъ, доходящій иногда до того, что въ иной нѣтъ ни свѣчь въ надлежащемъ количествѣ, ни денегъ; случается даже, что иная еще обременена долгами, не смотря на то, что продажа свѣчь производится на наличныя деньги и доставляетъ 15—20% чистой прибыли.

Къ Николаевскому собору принадлежитъ кладбищенская Вознесенская церковь, трехпрестольная, построенная въ 1783 году. Она вся теплая и весьма помѣстительная. Необыкновенная привязанность, которую всегда обнаруживаютъ калязинцы къ мѣсту, гдѣ покоятся ихъ предки и гдѣ на вѣкъ упокоятся они сами, причиною, что и эта церковь устроена весьма хорошо, по крайней мѣрѣ не хуже главной соборной. Всѣ мѣстные образа также укра-

шены серебряными вызолочеными ризами; утварь и ризница также полны и хороши, какъ и въ соборѣ. Къ сожалѣнію, все хорошее въ этой церкви, особенно на взглядъ человѣка, который въ первый разъ входитъ въ нее, пропадаетъ изъ-за крайняго безвкусія, съ которымъ изукрашены стѣны. Къ общему сожалѣнію, это сдѣлано въ недавнее время и нѣтъ надежды, чтобы скоро уничтожилось и замѣнилось лучшимъ, тѣмъ болѣе, что страсть къ самой яркой пестротѣ преобладаетъ въ жителяхъ города.

Колокольня при этой церкви, уступая соборной въ вышинѣ, не уступаетъ ей въ красотѣ и изяществѣ архитектуры. Трудно придумать что-нибудь лучшее при построеніи зданій этого рода въ необширныхъ размѣрахъ; и ее, безъ малѣйшаго преувеличенія, можно представить въ образецъ для колоколенъ при сельскихъ церквахъ, взамѣнъ этихъ нелѣпѣйшихъ уродовъ, которые сочиняются особенно въ послѣднее время. И ея планъ и устройство также принадлежатъ мѣстнымъ артистамъ.

Причта при соборѣ въ 1694 году было два, какъ видно изъ надписи, высѣченной на камнѣ въ стѣнѣ, при входѣ въ Николаевскую церковь съ западной стороны. Въ 1764 году, по штату, положено три причта. Въ 1853 году прибавленъ четвертый. Жалованья причетъ не получаетъ, а пользуется пособіями отъ прихожанъ, которыя точно не опредѣлены, а условливаются положеніемъ дѣлъ, промышленныхъ и торговыхъ, у самихъ прихожанъ. Въ прежнія времена, которыя такъ хороши были для калязинцевъ по торговлѣ и промышленности, и пособія, получаемыя причтомъ, были весьма достаточны; въ послѣднее время, при крайнемъ оскудѣніи города, и положеніе причта сдѣлалось весьма незавиднымъ. Пособія дѣлаются самыя незначительныя; цѣнность на всѣ жизненныя потребности страшно возвысилась; постороннихъ средствъ нѣтъ никакихъ, и оттого духовенство живетъ въ крайней нуждѣ. По крайней мѣрѣ оно имѣетъ хоть ту отраду, что не задавлено такъ, какъ напр. въ Кашинѣ или Бѣжецкѣ; съ нимъ не обращаются съ наглостью и дерзостью, которыя въ этихъ городахъ доведены до послѣдней возможной степени, и изъ которыхъ тамъ духовенство сдѣлалось раболѣпнѣе всякаго пролетарія.

2. *Монастырь пр. Макарія.*

Страсть къ уединенной, подвижнической жизни въ нашей благословенной отчизнѣ достигла крайнихъ своихъ предѣловъ въ XIV вѣкѣ. Отвсюду—изъ палатъ княжескихъ и боярскихъ и изъ хижинъ земледѣльцевъ бѣжали въ монастыри и пустыни тѣ, которые искали единаго на потребу, для которыхъ міръ и его блага не имѣли никакой цѣны; потому что они умѣли цѣнить блага того міра, гдѣ жизнь не ограничивается ни временемъ, ни мѣстомъ, не исчисляется днями горя и годами страданій. Поэтому, ни въ одномъ вѣкѣ не основано столько монастырей, не явилось столько славныхъ подвижниковъ, какъ въ этомъ.

Въ половинѣ этого вѣка, неизвѣстно только въ которыхъ годахъ, у кашинскаго помѣщика Василья Кожина (11), изъ троихъ двое

(11) На основаніи семейной хроники г.г. Кожиныхъ, по всей вѣроятности сочиненной въ прошедшемъ вѣкѣ, когда преобладала страсть производить свой родъ непремѣнно отъ какого-нибудь выходца изъ иныхъ странъ, составители житія пр. Макарія считаютъ этого Василія внукомъ выходца изъ Швеціи Фаренсъ Баха или Батый-Франца. Фамилію Кожиныхъ они производятъ отъ того обстоятельства, что сынъ этого Франца, сражавшійся въ рядахъ моск. князя Василья Темнаго противъ Шемяки, убилъ подъ нимъ лошадь, снялъ съ него доспѣхи и представилъ ихъ князю московскому. Чтобы не усумнились въ его подвигѣ, онъ отсѣкъ у шемякиной лошади часть кожи, которую представилъ также князю, и за то названъ Кожа. Тоже самое доказывалъ и г. Савельевъ въ одномъ изъ журналовъ сороковыхъ годовъ (въ От. Зап., если память не обманываетъ). Но согласиться съ этимъ трудно, если несовсѣмъ невозможно: 1) Фамилія Кожа, Кожины была на Руси задолго до Фаренсъ-Баха какъ въ потомствѣ выходцевъ изъ чужихъ странъ, такъ настоящихъ русскихъ князей. Такъ въ потомствѣ в. к. Ростислава Мстиславича смоленскаго былъ князь Григорій Кожинъ (Времен. 1851, X, матер. стр. 58). Въ родѣ Свибловыхъ—Ѳедоръ Кожа съ потомствомъ Кожиныхъ (тамъ же стр. 105, 172, 173). Ужели всѣ эти Кожи и Кожины отсѣкали части отъ лошадей и получали отъ этого свое прозваніе? Если такъ, то отчегожъ нѣкоторые назывались: Корова, Кобыла, Свинья и т. п.? 2) Самый фактъ, т. е. чтобы у Шемяки было отнято оружіе и пр. не засвидѣтельствованъ исторіей. Онъ былъ разбитъ въ 1450 г., правда, но бѣжалъ, незахваченный никѣмъ. Лукъ, который хранится у г.г. Кожиныхъ, и который будто бы отнятъ былъ у Шемяки, не доказываетъ ничего; и едвали даже этотъ лукъ не самый рѣзкій анахронизмъ въ семейной хроникѣ ихъ. 3) Два нѣмца, носившіе имя Фаренсбаха, были въ русской службѣ; но ни одинъ изъ нихъ не могъ быть родоначальникомъ Кожиныхъ. Оба они появляются въ русской службѣ во второй поло-

сыновей пожелали оставить родной кровъ и посвятить себя подвижнической жизни. Благословивъ на дѣло святое старшаго—Григорья ([12]), они не захотѣли разстаться съ младшимъ—Матвѣемъ. Убѣжденный ихъ мольбами, онъ оставилъ свое намѣреніе и вступилъ въ бракъ съ Еленой Яхонтовой ([13]). Но Господь судилъ ему недолго наслаждаться семейной жизнью. Въ теченіи трехъ лѣтъ лишился онъ родителей и жены. Признавая въ этихъ потеряхъ волю Провидѣнія, призывающаго его на подвиги, онъ, проводивъ на вѣчный покой жену, удалился въ кашинскій Клобуковъ монастырь. Неизвѣстно, много ли времени пробылъ онъ въ этомъ монастырѣ. Безъ сомнѣнія, жажда глубочайшаго уединенія заставила его искать себѣ мѣста, особенно удобнаго для подвиговъ. И онъ нашелъ его на берегу Волги, въ чащѣ вѣковаго, непроходимаго бора, вблизи селеній Калязина и Пирогова; здѣсь поставилъ себѣ келью и положилъ основаніе монастырю. И скоро началъ распространяться основанный имъ монастырь; потому что, кромѣ семи ([14]) человѣкъ, пришедшихъ съ нимъ изъ Клобукова м., къ нему непрестан-

---

винѣ XVI вѣка; а мощи пр. Макарія уже открыты въ 1521 г. Кромѣ того, одинъ изъ нихъ, Дитрихъ, взятъ въ плѣнъ Шведами въ 1574 г., а другой, Георгій, бѣжалъ изъ русскаго стана, впослѣдствіи служилъ королю польскому и ознаменовалъ себя неудачной осадой Псковскаго Печерскаго м. Вѣроятнѣе, Кожины пошли отъ Свибловыхъ, родоначальникомъ которыхъ былъ «изъ нѣмецъ мужъ честенъ, по имени Ратша» (Врем. 1851 г., X, мат., стр. 102). Сколько можемъ припомнить, Кожины состоятъ въ свойствѣ съ Пушкиными и Бутурлиными; а эти тоже прямые потомки Ратши (тамъ же, стр. 168). Родословное дерево, которое хранится въ монастырѣ и у Кожиныхъ, не доказываетъ ничего; потому что сочинено въ концѣ прошедшаго вѣка Іосифомъ Ник. Кожинымъ, на основаніи личныхъ соображеній, а не какихъ-либо письменныхъ актовъ.

([12]) Неизвѣстно, гдѣ началъ онъ свои подвиги. Впослѣдствіи былъ архимандритомъ Отроча монастыря, а отсюда епископомъ тверскимъ и назывался Геннадіемъ (Ист. рос. іерар. т. 1, стр. 136).

([13]) Яхонтовы потомки нѣмца Дола, который служилъ тверск. кн. Александру Мих. (Вр. 51 г., X, мат., стр. 187), были сосѣди, по имѣніямъ, Кожинымъ. Супруга пр. Макарія погребена, вмѣстѣ съ родителями его, въ родовомъ ихъ имѣніи с. Кожинѣ. Впослѣдствіи надъ ихъ могилой устроена церковь.

([14]) Іосифа волоколамскаго «сказаніе о св. отцѣхъ въ монастырѣхъ русстѣхъ». Чт. въ Имп. Общ. др. 1847 г. № 7-й. Слѣдующія подробности о пр. Макаріѣ взяты изъ этого жъ сказанія.

но являлись новые подвижники, которыхъ онъ принималъ съ любовію, которымъ самъ помогалъ строить кельи и для которыхъ былъ образцомъ подвижничества. Первая церковь была построена деревянная, въ честь пр. Троицы.

Въ рукописномъ жизнеописаніи его, которое хранится въ монастырѣ и которое неизвѣстно кѣмъ и когда составлено (15), не замѣчено никакихъ особенныхъ чертъ его подвижничества. Но, въ замѣнъ этого, сохранилось свидѣтельство очевидца объ его дивныхъ подвигахъ и совершенствѣ монашеской жизни. Вотъ что, на память потомства, записалъ объ немъ Іосифъ волоколамскій, одинъ изъ подвижниковъ тоже славныхъ въ Россіи, посѣтившій большую часть русскихъ монастырей и, по собственному опыту и по примѣрамъ другихъ, умѣвшій судить объ дѣлахъ подобнаго рода. ...«Видѣхъ же и блаженнаго онаго старца Макарія, игумена и создателя монастыря калязинскаго... Толико совершени (онъ и сподвижники его) добродѣтелями и постническимъ и иноческимъ житіемъ, якоже и всѣмъ братіямъ приходити къ нимъ поученіе и пользу пріимати. Они же всѣхъ просвѣщающе, на полезная поучаху и иже въ добродѣтели живущихъ подтверждаху; а иже въ безчинство уклонившихся, таковымъ запрещающе и возбраняюще и не попущающе своимъ волямъ послѣдовати. И таково бысть тогда

(15) По всей вѣроятности въ началѣ прошедшаго вѣка. Если и было составлено житіе пр. Макарія кѣмъ-либо изъ его сподвижниковъ, то оно не могло сохраниться. Дотого ль было, чтобы сохранять его, когда святыя мощи подверглись поруганію отъ поляковъ. Нѣтъ, очевидно, что существующее теперь «житіе» произведеніе позднѣйшее; потому что все наполнено витіеватыми молитвами, бесѣдами, напр., пр. Макарія съ родителями и т. п., не говоря уже о сказкѣ касательно Каляги, которой никакъ не написалъ бы близкій ко времени пр. Макарія и, слѣдовательно, болѣе или менѣе знавшій исторію основанія монастыря. Нужна была вся изобрѣтательность какого-нибудь «закаленнаго ритора, чтобы изъ небывалаго Коляги вытянуть Калязинъ. Впрочемъ, бывали натягиванія и еще хитрѣе. Такъ, нѣкій господинъ производилъ слово: Калязинъ отъ «коло-язи», что дескать *около* этого мѣста, гдѣ Калязинъ, въ Волгѣ много *язей*, оттого и назвали: «Кол-язинъ». Чего только не выдумываютъ досужіе люди! Одинъ сочиняетъ Колягу и противъ всѣхъ правилъ языка вымучиваетъ изъ Коляги не *Колягинъ*, какъ бы слѣдовало, а Калязинъ. Другой сочиняетъ *язей*, о которыхъ въ Калязинѣ и не слыхивали, да еще и печатаетъ въ Чтеніяхъ Общества древностей! Видно, добрымъ людямъ дѣлать больше нечего.

въ монастыри оном благоговѣинство же и благочиніе, вся бо творяху по свидѣтельству отеческихъ и общежительныхъ преданій, якоже дивится великому оному старцу Митрофану Бывальцеву. Сей бо бяше тогда пришелъ отъ святыя горы аѳонскія; поживе бо во святѣй горѣ девять лѣтъ; глаголаше къ братіи, яко всуе трудихся и безъ успѣха шествовалъ толикъ путь еже во св. гору мимо калязина м.; мощно бо есть въ немъ живущимъ спастися, во всемъ бо здѣ творится подобно киновіямъ, иже во св. горѣ сущимъ».

Эти нѣсколько строкъ пр. Іосифа точнѣе и лучше характеризуютъ пр. Макарія, чѣмъ нѣсколько страницъ его жизнеописанія.

Молва о такомъ дивномъ подвижникѣ разнеслась быстро и далеко. Отвсюду стекались къ нему—одни за благословеніемъ и молитвой, другіе—чтобы подвизаться подъ руководствомъ его. Монастырь распространялся болѣе и болѣе, и пр. Макарій назначенъ былъ игуменомъ его. Годъ его поставленія неизвѣстенъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что это было ранѣе 1461 г. Въ грамотѣ тверск. кн. Бориса Александровича, которою отдавался Макаріеву м. монастырь «Николы на Жабнѣ», онъ названъ игуменомъ. Годъ на этой грамотѣ не означенъ; но Борисъ Ал. умеръ въ 1461 г.; слѣдовательно, преподобный Макарій поставленъ игумномъ еще прежде. Извѣстный путешественникъ за три моря—Аѳанасій тверитинъ, посѣтившій этого подвижника въ 1468 г., также называетъ его игуменомъ. Къ концу жизни пр. Макарія монастырь былъ совершенно устроенъ, богатый подвижниками, зданіями и землями. Кромѣ вкладовъ и пожертвованій, самъ пр. Макарій, мѣной и покупкой, пріобрѣталъ крестьянъ и земли. Въ монастырскомъ архивѣ доселѣ хранится нѣсколько мѣновыхъ и запродажныхъ грамотъ, подписанныхъ его рукой.

Пр. Макарій скончался 17-го марта 1483 года.

Слава о дивномъ подвижникѣ не умерла съ его смертью. Правило монашеской жизни, введенное имъ, и послѣ него поддерживалось нѣсколько времени во всей строгости. Вотъ почему, какъ самый монастырь, такъ и владѣнія его распространялись съ каждымъ годомъ. Еще не были открыты и прославлены мощи преподобнаго, а уже вся окрестность принадлежала его монастырю и крестьяне его считались тысячами. Естественно, прежнія церкви, деревянныя (кромѣ храма въ честь пр. Троицы, еще при жизни преподоб-

наго была устроена другая церковь—во имя князей-мучениковъ Бориса и Глѣба), уже казались скудными для этой обители и тѣсными для многочисленнаго братства. Поэтому рѣшились замѣнить ихъ каменными и начали съ Троицкой.

При копаніи рва для фундамента этой церкви, 14 мая 1521 г. ([16]), гробъ пр. Макарія былъ найденъ нестлѣвшимъ и поставленъ на время въ особенной часовнѣ. При вѣсти объ этомъ начали стекаться сюда больные разными недугами; явились чудеса. Обо всемъ этомъ было донесено особенно ревностному почитателю преподобнаго—князю Юрью Ивановичу. Онъ увѣдомилъ в. к. московскаго Василья Ивановича и митрополита. ([17]). Они потребовали, чтобы представлены были доказательства чудесъ бывшихъ отъ гроба преподобнаго; увѣрившись въ нихъ, отправили чудовскаго архимандрита Іону-Собину освидѣтельствовать самыя мощи. Вскрывши гробъ нашли, что тлѣніе не коснулось ни тѣла преподобнаго, ни одеждъ его; получившіе исцѣленіе, а ихъ было уже не мало, еще разъ засвидѣтельствовали о томъ, какъ и что было съ ними; обо всемъ этомъ Іона донесъ в. князю и митрополиту. Составленъ былъ соборъ, и на немъ пр. Макарій единогласно причисленъ къ лику святыхъ. Его мощи торжественно открыты и поставлены въ новой каменной церкви. Впрочемъ, празднованіе ему, первоначально, положено только мѣстное, въ одной его обители.

Послѣ открытія мощей, число молитвенниковъ преподобному увеличивалось съ каждымъ годомъ; умножились чудеса отъ раки его. Вотъ почему на соборѣ 1547 г., бывшемъ въ Москвѣ, опредѣлено: «пр. Макарію кол. (съ нѣкоторыми другими) праздновати по прежуложенному уставу св. отецъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ соборной церкви, и по всѣмъ св. церквамъ и по всѣмъ градомъ царства россійскаго пѣти и праздновати повсюду» ([18]).

Къ концу XVI вѣка обитель пр. Макарія находилась въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Этому особенно благопріятствовало благоговѣніе, которое питали князья и цари русскіе къ великому подвижни-

---

([16]) Кар., VI, 388.—([17]) Вѣроятно Варлаама, хотя въ укоп. житіи пр. Макарія и сказано—Даніила; потому что Варлаамъ былъ митрополитомъ до 17 декабря 1521 г. А если Даніилу, то, значитъ, мощи преподобнаго открыты не въ 1521 г, потому что Даніилъ митрополитомъ съ 27 фев. 1522 г.

([18]) Кар., IX, пр. 87.

ку калязинскому. Являясь сюда смиренными богомольцами, они оставляли богатые памятники своихъ посѣщеній. Такъ, напр., Грозный отдалъ въ эту обитель село Городище и всѣ селенія и пустоши, которыя принадлежали прежде знаменитому и несчастному князю суздальскому Александру Борисовичу Горбатому-шуйскому ([19]). Борисъ Өеодоровичъ Годуновъ, кромѣ прочихъ вкладовъ, пожертвовалъ серебряную раку для мощей преподобнаго, и пр. и пр.

Но начало XVII в., такъ горько страдное для Россіи, было бѣдственно и для Макаріева м. Спасенный разъ отъ гибели славнымъ Скопинымъ Шуйскимъ, который на противоположномъ берегу монастыря разбилъ Сапегу и Зборовскаго, онъ не выдержалъ осады Лисовскаго. Крѣпко и долго бился безстрашный защитникъ монастыря, воевода Жеребцовъ; но, наконецъ, палъ въ неравной битвѣ. Монастырь былъ взятъ, разграбленъ и выжженъ; игуменъ, братья и всѣ защищавшіе его избиты; мощи преподобнаго изъ раки выкинуты; рака и всѣ богатства увезены ([20]).

Прошла гроза, испепелившая Россію: на престолѣ ея возсѣлъ благословенный предокъ благословеннаго дома Романовыхъ и начала обновляться обитель пр. Макарія. Какъ и прежде, начали стекаться сюда толпы богомольцевъ; какъ и прежде, цари русскіе, благоговѣйные чтители памяти преподобнаго, обогащали обитель его. Царь Михаилъ Өеодоровичъ нѣсколькими грамотами подтвердилъ право на владѣніе отчинами и увеличилъ ихъ число. Тоже сдѣлалъ и царь Алексѣй Михайловичъ, любившій бывать здѣсь какъ для поклоненія мощамъ преподобнаго, такъ и для охоты въ борахъ, окружившихъ монастырь ([21]). А патріархъ Никонъ, въ память того, что провелъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ съ царицей и дворомъ (1654 г.),

---

([19]) Смерть котораго такъ поразительно-краснорѣчиво описалъ Карамзинъ, въ IX, стр. 47, изд. Эйнерл.—С. Городище въ 2-хъ верстахъ отъ Калязина на крутѣйшемъ берегу Волги. И вотъ до которыхъ поръ суздальскіе князья еще сохраняли часть своихъ родовыхъ владѣній въ калязинской мѣстности!

([20]) Ник. лѣт. 145.—Замѣтимъ, что ни по Скопинѣ, ни по Жеребцовѣ не совершается никакого поминовенія въ монастырѣ. Видно, славный подвигъ одного и жертва жизнью другаго не заслужили того, чтобы имена ихъ упоминались въ молитвѣ.

([21]) Онъ предписалъ даже указомъ, въ 1641 г., построить для этого особенныя палаты, которыя и были построены. Царскія и патріаршія палаты уничтожены въ началѣ настоящаго вѣка.

когда вся Москва бѣдствовала отъ страшной эпидеміи, учредилъ архимандрію. Первымъ архимандритомъ былъ Сергій.

Не прошло столѣтія послѣ страшнаго разгрому, и монастырь возсоздался, украсился и сдѣлался однимъ изъ самыхъ богатыхъ русскихъ монастырей. Все, что теперь есть лучшаго въ немъ, принадлежатъ XVII вѣку. Въ 1655 г. построенъ Троицкій соборъ; въ томъ же году больничная церковь Алексія человѣка Божія; въ 1644—48 ограда (22), въ 1699 г. серебряная рака, въ которой теперь почиваютъ мощи преподобнаго, и пр. и пр. Въ 1700 г. ему принадлежало 2165 дворовъ крестьянъ (23). Кромѣ того, нѣсколько мельницъ, озеръ, множество пустошей, подворья въ разныхъ городахъ. Одно изъ нихъ, въ Москвѣ на Никольской, и доселѣ принадлежитъ монастырю и составляетъ главную отрасль доходовъ монастырскихъ.

Такимъ остался онъ и доселѣ, возведенный, при учрежденіи штатовъ, на степень первокласнаго. Лишеніе крестьянъ, вслѣдствіе котораго много монастырей оскудѣло и даже совсѣмъ уничтожилось, не произвело сильнаго вліянія на судьбу его. Обладая неоцѣненнымъ сокровищемъ, мощами преподобнаго, онъ никогда не видѣлъ недостатка въ средствахъ къ своему улучшенію и украшенію. А ревность нѣкоторыхъ его настоятелей (24) прекрасно умѣла употребить эти средства. Такимъ образомъ, и въ настоящее время его можно отнести къ числу замѣчательнѣйшихъ обителей въ Россіи.

Къ сожалѣнію, по настоящее время нѣтъ полнаго, дѣльнаго описанія этого монастыря. Напечатанное въ недавнее время слишкомъ недалеко ушло отъ своего первообраза, рукописнаго житія, и оттого слишкомъ неудовлетворительно. А стоило бы заняться этимъ, какъ слѣдуетъ! Сколько, по всей вѣроятности, заключается драгоцѣннаго въ его ризницѣ—вкладовъ и пожертвованій цар-

(22) Мѣра ея: въ окружности слишкомъ 325 саж., въ вышину 3—4 саж., въ толщину 3 саж. Камень и известь были доставлены изъ г. Старицы.

(23) Описаніе Гос. Архива старыхъ дѣлъ, стр. 346. Число душъ не означено; но изъ монастырскихъ записокъ видно, что въ это время считалось ихъ до 13 тысячъ.

(24) Особенно Гедеона, умершаго въ Калязинѣ; Аѳанасія, что теперь архіепископъ казанскій и др. Но иные настоятели допускали *ошибки* въ употребленіи этихъ средствъ. Одна изъ самыхъ вопіющихъ ошибокъ—построеніе огромной гостинницы.

скихъ! Сколько, безъ сомнѣнія, есть любопытнаго въ его архивѣ! Настоятели его находились въ прямыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ царями и патріархами; сколько должно быть любопытнаго и важнаго въ перепискѣ между ними! Перифразировать, безъ повѣрки и настоящей критики, сочиненіе какого-нибудь ритора; добавить его кое-какими, случайно попавшими подъ перо, свѣдѣніями, еще слишкомъ неважное дѣло; подобный, легкій, трудъ можетъ удовлетворить только черезъ чуръ невзыскательнаго читателя.

3. *Приходскія церкви.*

Христорождественская, двухкомплектная, близъ монастыря. Она построена въ 1685 г. на счетъ монастыря для подмонастырской слободы. Со времени основанія и по настоящее время въ наружномъ ея видѣ не послѣдовало никакихъ значительныхъ измѣненій. Въ ней замѣчателенъ только образъ Божіей-матери троеручицы, старинный и чтимый калязинцами. Утварь и ризница хороши.

Къ ней принадлежала Крестовоздвиженская кладбищенская церковь, построенная въ 1787 г. Замѣчательнаго въ ней нѣтъ ничего.

Богоявленская церковь въ третьей части города; построена въ 1781 г. Не имѣя въ наружности своей ничего особеннаго, тѣмъ не менѣе она обращаетъ на себя вниманіе. Причиной этого— прекраснѣйшее мѣстоположеніе. Она стоитъ на высокомъ берегу, саженяхъ въ 200 отъ Волги, и какъ бы господствуетъ надъ всѣмъ городомъ. Отъ нея открываются обширнѣйшіе виды внизъ и вверхъ по Волгѣ. Въ церкви нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго. Есть образа, въ которыхъ можно подозрѣвать глубокую древность, но лишь подозрѣвать; потому что неразумная ревность все обновлять покрыла ихъ нѣсколькими слоями красокъ. Причетъ одинъ. Мѣстность близъ этой церкви замѣчательна тѣмъ, что здѣсь укрѣпились, въ 1609 г., Поляки, какъ на мѣстѣ неприступномъ съ противоположнаго берега Волги, гдѣ стоялъ лагеремъ Скопинъ; закипѣла самая страшная битва между ними. Сбитые съ этого пункта на низкіе и топкіе берега Жабни, поляки не выдержали и чрезъ пустыри и болота, что теперь зовутся Язвицами, бросились къ Рябову монастырю.

Богоявленской церкви принадлежитъ кладбищенская Введенская ц. построенная въ 1823 году.

Положеніе причтовъ Христорождественской и Богоявленской церквей таково же, какъ и соборнаго причта.

4. *Богоугодныя заведенія.*

Больница. Когда устроена она, неизвѣстно. Въ настоящее время помѣщается въ общественномъ домѣ, въ третьей части города, и содержится довольно сносно. Больные принимаются всѣхъ сословій, съ платой по 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Когда врачъ знаетъ свое дѣло и усерденъ къ дѣлу, тогда эта больница—прекраснѣйшее пособіе для людей съ недостаточнымъ состояніемъ и особенно для сельскихъ жителей, которые лишены всѣхъ средствъ и пособій въ случаѣ болѣзни. Къ сожалѣнію, подобные врачи—рѣдкость въ каждомъ уѣздномъ городѣ, и особенно въ Калязинѣ. Случалось, что попадали и прекраснѣйшіе врачи, но проживутъ года два-три и бѣгутъ отъ крайней дикости и неразвитости жителей города, которые на трудъ врача смотрятъ какъ на работу поденщика или мусорщика. Особенно, когда устроились такъ называемые больничные комитеты, ни одинъ, сколько-нибудь порядочный, врачъ не хочетъ быть городовымъ врачемъ въ Калязинѣ. И понятно почему. Кому нужно тратить умственныя и нравственныя силы на каждодневную борьбу съ членами комитета, которые дѣйствуютъ, какъ говорятъ у насъ, «кто во что гораздъ»? Какому врачу, искренно преданному своему дѣлу, не омерзѣютъ всѣ эти переписки, отписки, объясненія,—вся эта подъяческая мерзость, на которую онъ долженъ убивать большую часть своего времени? Какой достойный врачъ согласится подчиниться вліянію какого-нибудь бородатаго невѣжды, который лѣзетъ въ попечители больницы—съ единственною цѣлію: уклониться отъ городскихъ выборовъ и напялить на себя шитый золотомъ мундиръ; или иного господина, который смотритъ на себя, какъ на аристократа, а на врача, какъ на ничтожнаго плебея? Чтобы выносить все это, нужно имѣть или ослиное терпѣніе, или самому до нѣкоторой степени принадлежать къ разряду этихъ почтенныхъ животныхъ. Вообще, дѣла всѣхъ уѣздныхъ комитетовъ какъ-то не ладятся; они всегда какъ-то съумѣютъ достигнуть того, чего достигаютъ семь нянекъ при одномъ дитяти. Отчего это,—мы нѣсколько понимаемъ; но высказывать здѣсь не считаемъ умѣстнымъ. Скажемъ только, что

вѣрнѣйшій способъ разстроить какое угодно дѣло въ уѣздномъ городѣ,—назначить для него комитетъ.—И говоримъ это вслѣдствіе двадцатилѣтнихъ наблюденій надъ всяческими комитетами.

Что до калязинской больницы, то занимаемая ею мѣстность представляетъ всѣ удобства, чтобы быть ей образцовою въ своемъ родѣ. Мѣсто высокое, открытое, удаленное отъ всякаго шума и всѣхъ зловонныхъ міазмовъ города; на столько обширное, что можно развести порядочный садъ для больныхъ и т. п. Разумѣется, воспользоваться, какъ слѣдуетъ, всѣми этими удобствами комитету не приходитъ въ голову. Онъ считаетъ совершенно достаточнымъ, въ ожиданіи какого-нибудь ревизора, покрасить, побѣлить и т. п., что до самыхъ больныхъ, то стоитъ ли много думать объ этомъ людѣ? Даже больше. Въ задворныхъ строеніяхъ больницы умудрились отвести конюшни для стоящаго въ городѣ полка; а въ зданіяхъ пекарни для солдатъ, музыкальную школу и пр. Видно, для большей чистоты воздуха и для большаго спокойствія больныхъ!..

Чтобы судить, сколько пользы доставляетъ, для города и уѣзда, больница, представимъ цифры за нѣсколько лѣтъ. Замѣтимъ предварительно, что большинство больныхъ всегда инвалидные солдаты (6: 10), за тѣмъ мѣщане (3: 10) и наконецъ крестьяне (1: 10). Отчего такая несоразмѣрность въ цифрахъ?—Главнымъ образомъ оттого, что, вслѣдствіе премудрыхъ комитетскихъ распоряженій, всѣ слишкомъ неблагопріятно и даже подозрительно смотрятъ на больничное леченіе. Идутъ въ нее только тѣ, кому прикажутъ, или кого насильно свезутъ; а по доброй волѣ не рѣшается почти никто.

	Къ началу года было.	Поступило въ теч. года.	Выбыло.	Умерло.
Въ 1846 году	11	69	56	17
— 1847 —	7	79	64	11
— 1849 —	5	65	56	11
— 1850 —	3	77	71	7
— 1851 —	2	89	70	14
— 1852 —	7	88	77	12
— 1858 —	9	104	94	14
— 1859	5	79	52	19

Замѣтимъ, что выраженіе: «выбыло» не выражаетъ сущности дѣла. Выбываютъ не одни выздоровѣвшіе, а и тѣ, которые не видятъ для себя пользы въ больничномъ леченіи (разумѣется, кромѣ солдатъ) и неизлѣчимо больные, которые всегда предпочитаютъ умереть въ семьѣ, и тѣ, которые, пролежавъ напр. мѣсяцъ въ больницѣ, не имѣютъ возможности платить больше, и выбираются изъ больницы съ тѣмъ же, съ чѣмъ и явились въ нее и т. п. Такимъ образомъ, сообразивъ ничтожность годичной цифры въ больницѣ въ сравненіи съ тѣмъ, сколько умираетъ въ городѣ (объ уѣздѣ уже и не говоримъ) безъ всякихъ медицинскихъ пособій; сообразивъ еще большую ничтожность дѣйствительно вылеченныхъ, мы считаемъ себя въ правѣ сказать: не велико жъ благо доставляетъ калязинская больница, хоть и много у ней опекуновъ.

Скажемъ кстати нѣсколько словъ о больничной прислугѣ. Кто обыкновеннно нанимается для ухода за больными? Отставной или билетный солдатъ, бездомовый мѣщанинъ и тому подобный людъ, рѣдко честный, рѣдко трезвый и никогда на столько мягкій сердцемъ, чтобы благотворно вліять на больнаго. И еще, еслибъ такая прислуга была отрицательно полезна для больныхъ; нѣтъ, весьма нерѣдко она наноситъ положительный вредъ. Сколько разъ въ этой калязинской больницѣ мы были свидѣтелями такой грубости, дерзости и наглости, которыя самаго здороваго и хладнокровнаго вывели бы изъ терпѣнія! Чтожъ тутъ всѣ медицинскія пособія, и не калязинскія кое-какія, а даже настоящія? Кому неизвѣстно, что спокойствіе для больнаго если не важнѣе всякаго леченія, то, по крайней мѣрѣ, conditio sine qua non благотворнаго дѣйствія лекарствъ? «Но гдѣ взять такую прислугу? И коего какую насилу находимъ»,— обыкновенно говорили намъ въ калязинской больницѣ и во многихъ другихъ, которыя мы имѣли случай посѣщать.—Какъ! гдѣ взять? Да на великій подвигъ служенія страждущему человѣчеству самой природой создана женщина. Никакой мужчина, какъ бы ни былъ добръ въ душѣ, не въ состояніи возвыситься до такой степени самоотверженія, терпѣнія и безусловной готовности исполнять даже прихотливыя требованія больнаго, на какія способна женщина, даже и нисколько не развитая.—Нанимайте женщинъ, говорили мы. «О, какъ это можно?—Это не введено, не дозволено». И вотъ, на такомъ разумномъ основаніи, за больными могутъ хо-

дить и пьяные, и буйные, и нищіе-воры, по возможности обирающіе больныхъ... «Лучшей де прислуги нельзя найти». И правы: буква больничныхъ постановленій соблюдена...

Вотъ преимущества женской прислуги въ больницахъ передъ мужской: 1) она вдвое дешевле и, слѣдовательно, за ту самую сумму, какая теперь отпускается на больничную прислугу, можно имѣть ее вдвое больше, что существенно необходимо въ каждой уѣздной больницѣ; 2) женщина всегда трезва (конечно, за исключеніемъ состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, которыя ужъ никакъ не могутъ быть допущены ни для какой прислуги), и не проспитъ, пьяная, когда нужно давать лекарство, и не вольетъ дрожащей съ похмѣлья рукой вмѣсто 5, напр., 50 капель, какъ это случается нерѣдко; 3) уходъ женщины всегда дѣйствуетъ благотворнѣе на больнаго, чѣмъ уходъ мужчины, даже примѣрнаго поведенія; потому что она терпѣливѣе, самоотверженнѣе, мягче и кротче; 4) женщинъ ищущихъ работы вездѣ больше, чѣмъ мужчинъ; поэтому, если число больничной прислуги и ограничить тѣмъ, какое теперь существуетъ, то выборъ можно дѣлать строже, и не допускать кое-какихъ, нерѣдко извѣстныхъ безпорядочностью своего поведенія, какъ дѣлается теперь, лишь бы имѣть на лице надлежащее количество прислуги. Само собой разумѣется, что женщины должны быть нанимаемы путныя, извѣстныя своимъ хорошимъ поведеніемъ въ молодости и т. п.

Высказывая это, мы не имѣемъ большой надежды, чтобы наши мысли были приняты кѣмъ-либо и приведены въ исполненіе. «Не введено, не велѣно»,—непереходимый камень преткновенія для всяческихъ улучшеній, необходимость которыхъ видится и сознается на мѣстѣ и не понимается смотрящими на дѣло издали. Тѣмъ не менѣе мы рѣшились высказать, разсчитывая на свое родное, кровное: авось. Авось либо и не совсѣмъ пропадетъ высказанное нами.

Воспитательный домъ. Въ 1777 г., по распоряженію приказа общественнаго призрѣнія, въ Калязинѣ учреждены двѣ богадѣльни,—мужская и женская. Въ послѣднюю положено принимать на воспитаніе незаконнорожденныхъ дѣтей. Впослѣдствіи богадѣльни, неизвѣстно почему, уничтожены; но воспитательный домъ существуетъ и доселѣ. Достигается ли, и на сколько достигается цѣль,

съ какою учреждены эти домы, судить объ этомъ можно по слѣдующимъ цифрамъ.

	Въ началѣ года было.	Въ течеціи года пост.	Выбыло.	Умерло.
Въ 1846 году	6	30	—	29
— 1847 —	7	19	—	21
— 1850 —	5	20	—	19
— 1851 —	6	19	1	19
— 1852 —	5	28	—	28
— 1858 —	4	15	—	16
— 1859 —	3	15	—	17

Что̀ можетъ быть краснорѣчивѣе этихъ цифръ? Пропорція умирающихъ, за чрезвычайно рѣдкими исключеніями, равна пропорціи принимаемыхъ. Значитъ, принимаютъ не за тѣмъ, чтобы воспитывать, а за тѣмъ, чтобы морить, скорѣе или медленнѣе, судя по степени живучести младенца. Иначе и быть не можетъ. Въ двадцать слишкомъ лѣтъ, какъ мы знаемъ воспитательный домъ, примѣра не было, чтобы для ухода за младенцами нанята была хоть сколько-нибудь порядочная и честная женщина. Случалось, попадали явно пьяницы и распутныя. Отчего и почему, про то знаютъ тѣ, которые завѣдываютъ этимъ дѣломъ. Какого жь, послѣ этого, добра ждать отъ воспитательнаго дома? И при такихъ порядкахъ, т. е. безпорядкахъ, на что существуетъ онъ?

Годовыя цыфры незаконнорожденныхъ довольно значительны для такого небольшаго города, какъ Калязинъ. Но тутъ исчислены только тѣ, которые приносятся въ воспитательный домъ. Цифры эти увеличатся, если прибавить младенцевъ, подкидываемыхъ въ частные домы. Вотъ число ихъ: въ 1846 г.—9; въ 1847-мъ—3; въ 1850-мъ—2; въ 1851-мъ—2; въ 1852-мъ—5; въ 1858-мъ—6, въ 1859-мъ—4.

Съ глубочайшимъ сожалѣніемъ должно сказать, что распутныя матери бросаютъ эти несчастныя созданія на улицахъ, гдѣ зимой они замерзаютъ, а лѣтомъ дѣлаются добычей животныхъ, птицъ и т. п., кидаются въ рѣку и т. п. Такъ, изъ Пуды былъ вытащенъ младенецъ, брошенный въ корзинкѣ; близъ лавокъ найденъ былъ младенецъ весь исклеванный; въ лѣску, недалеко отъ города (близъ с. Не-

рехотскаго) были найдены тройни, изъ которыхъ одинъ съ забитымъ охлопками ртомъ, а двое съ веревочками на шеѣ; собаки уже принимались теребить ихъ. Да и тѣ, которые подкидываются къ домамъ, не всегда находятся цѣлыми и живыми. Невыразимо тяжело видѣть и слышать,—до чего, до какой ужасной степени нравственнаго растлѣнія можетъ дойти человѣкъ. Выше ли распутная мать, бросающая на вѣрную гибель своего младенца, животной самки? Нѣтъ; она ниже ее. И та бросаетъ дѣтенышей уже выкормивъ ихъ. «Но стыдъ имѣть незаконнорожденныхъ дѣтей, и особенно дѣвицѣ»? Нѣтъ, не стыдъ; трудно укрыться распутству, при всѣхъ возможныхъ предосторожностяхъ. Изъ ста развѣ одна въ состояніи такъ устроить дѣла свои, чтобы ни одинъ человѣческій глазъ не подмѣтилъ ихъ. А на девяносто девять, тайно или явно родятъ онѣ, равно падаетъ позоръ. Не столько стыдъ заставляетъ бросать дѣтей, сколько нежеланіе стѣснять себя ими и возможность, безъ заботъ и помѣхи, снова приняться за прежнее. И еще нѣкоторыя изъ этихъ преступныхъ матерей нѣсколько заслуживаютъ извиненія, по крайней мѣрѣ по суду человѣческому. Безвысходная нищета, неумѣніе честнымъ трудомъ пріобрѣсти честный кусокъ хлѣба, неизцѣльная зараза отъ окружающей ихъ среды и т. п., неудержимо толкаютъ ихъ въ погибельный омутъ. А что сказать о тѣхъ, которые пользуются такимъ положеніемъ и дѣлаютъ ихъ матерями, безъ малѣйшаго помысла объ отвѣтственности, если не передъ людьми, то передъ Богомъ? Думаетъ ли иной господинъ, что одно изъ страшнѣйшихъ преступленій—дѣтоубійство, падая на мать, всей своей тяжестью упадетъ на него, какъ на первоначальнаго виновника этого преступленія? Думаетъ ли иной господинъ, вмѣсто законной, Богомъ данной жены, пробавляющійся экономкой, или даже при законной женѣ заводящій посторонніе связи, и за тѣмъ предоставляющій сбывать свои произведенія, какъ и куда придется, что эти несчастныя произведенія станутъ нѣкогда неумолимо грозными обличителями его, и, предъ судомъ Нелицепріятнаго, потребуютъ вѣчнаго мщенія за попранныя и поруганныя права человѣчества, за уничиженные законы самого Бога? Нѣтъ, видно, ни о чемъ подобномъ не думается. Развратъ страшно растетъ съ каждымъ годомъ. Его уже не стыдятся; напротивъ, считаютъ дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, позволеннымъ и безотвѣтственнымъ. Число не-

счастныхъ женщинъ и дѣвицъ, жертвъ и орудій разврата, увеличивается съ каждымъ годомъ въ страшной пропорціи. Естественно, что и число незаконнорожденныхъ, дѣтоубійствъ послѣ или до рожденія должно увеличиваться.

Какія же средства противъ этого ужаснаго зла? По крайней мѣрѣ, ужъ если учреждены воспитательные домы, такъ открыть бы свободный пріемъ въ нихъ младенцевъ и за тѣмъ отдавать ихъ на воспитаніе въ крестьянскія семейства, какъ это дѣлается, напр., въ столицахъ. При такой мѣрѣ, матери не налагали бы на себя ужаснѣйшаго преступленія—дѣтоубійства, и хоть однимъ зломъ,—зломъ, такъ глубоко возмущающимъ душу, было бы меньше. Распутство отъ этого не увеличится; потому что о последствіяхъ его думаютъ уже тогда, какъ они обнаружатся; равно какъ и не уменьшится, какъ бы строго ни преслѣдовалъ его законъ: не будутъ родить, будутъ употреблять иныя средства для уничтоженія последствій отъ беспутной жизни, что, сплошь и рядомъ, дѣлается и теперь, и даже экономками иныхъ почтенныхъ господъ, у которыхъ есть возможность родить и воспитывать своихъ дѣтей.

ВНУТРЕННІЙ БЫТЪ ГОРОДА.

1) *Торговля.*

Торговля въ Калязинѣ въ XVII в. находилась въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. «Въ Никольской слободѣ,—такъ сказано въ грамотѣ царя Өедора Алексѣевича,—издавныхъ лѣтъ торгуютъ по четвергомъ, и противу того торжка въ Кашинѣ и во всемъ кашинскомъ уѣздѣ больши не будетъ» (26). Она процвѣтала и въ XVIII в., не смотря на сильное соперничество Кашина. Но съ самаго начала XIX в. она начала упадать. Первый подрывъ ей сдѣлалъ гор. Кашинъ. Нѣсколько семействъ этого города достали гдѣ-то секретъ изъ простаго чихирю фабриковать разныхъ сортовъ вина. Вслѣдствіе этой фабрикаціи капиталы тамъ начали быстро возрастать, что дало возможность вести заграничную торговлю хлѣбомъ. Отъ торговли виномъ и хлѣбомъ въ самое короткое время возникло нѣсколько

(26) О сборѣ пошлинъ монастырю пр. Макарія отъ 11 іюля 189/1681 г. Подлинная въ монастырскомъ архивѣ.

сильныхъ торговыхъ домовъ, которые дали сильное движеніе внутренней городовой торговлѣ. Всѣ, кто только хотѣлъ купить выгоднѣе, товаръ свѣжій, изъ Калязина обратились въ Кашинъ. Кромѣ того, вѣрный сбытъ хлѣба увлекъ туда же и всѣхъ крестьянъ, т. е. большую и лучшую часть покупщиковъ; естественно, что продавъ тамъ хлѣбъ, крестьяне запасались тамъ же и всѣмъ нужнымъ для себя. Далѣе, увеличеніе торговыхъ селъ кругомъ Калязина и въ самомъ центрѣ уѣзда нанесло еще большій вредъ торговлѣ собственно калязинской. Вотъ сколько ихъ кругомъ Калязина: Прилуки въ 21 в., Заозерье въ 27 в., Троица-нерль въ 24 в., въ центрѣ уѣзда с. Талдомъ, на границѣ уѣзда с. Кимра,—знаменитое по производству обуви всѣхъ сортовъ и по своей внутренней торговлѣ. Имѣя все подъ руками, крестьянинъ уже не имѣетъ нужды ѣхать въ городъ, гдѣ, кромѣ того, онъ и купитъ все по той же цѣнѣ, по какой продаютъ и по селамъ крестьяне, или даже не большей. Торговые крестьяне имѣютъ всю возможность продавать большую часть жизненныхъ потребностей по цѣнамъ меньшимъ противъ города: 1) Большею частію они торгуютъ въ анбарахъ при собственныхъ домахъ, и, слѣдовательно, ничего не платятъ за лавки; а если гдѣ и платятъ, то сущую бездѣлицу. 2) Покупка хлѣба всѣхъ сортовъ, масла, дегтю и пр. и пр., у нихъ всегда подъ руками и изъ первыхъ рукъ, слѣдовательно дешевле. 3) За товарами фабричными крестьянинъ съѣздитъ на своей лошади; слѣдовательно, и это обойдется ему дешевле. 4) Купецъ всѣ средства жизни имѣетъ отъ торговли и, слѣдовательно, на продаваемое долженъ наложить больше процентовъ, чѣмъ крестьянинъ, у котораго главныя потребности удовлетворяются домашними произведеніями отъ земли, скота и т. п. 5) Наконецъ, крестьянинъ, торгующій въ селѣ, несетъ несравненно меньше повинностей, чѣмъ купецъ даже третьей гильдіи. Вотъ почему торговля по селамъ вездѣ усилилась, а по городамъ ослабѣла или совсѣмъ упала. Окончательно торговля убита въ Калязинѣ пожаромъ 1846 г., истребившимъ весь гостиный дворъ. Неосторожное высѣканіе огня надъ порохомъ было причиной его; а взрывъ значительнаго количества пороха произвелъ то, что весь гостиный дворъ, прекрасно устроенный, въ нѣсколько минутъ былъ охваченъ пламенемъ. Спасти успѣли весьма немногіе и весьма немногое. Большая часть товаровъ истребле-

на огнемъ. Слѣдствіемъ было то, что двѣ трети торговцевъ лишились всякой возможности продолжать свои дѣла; а и тѣ, у которыхъ остались еще средства возобновить свою торговлю, должны были на время прекратить ее отъ неимѣнія мѣста, гдѣ торговать. Отъ этого и тѣ немногочисленные покупатели, которые оставались еще вѣрными Калязину, обратились въ Кашинъ и Угличъ.

Въ настоящее время въ Калязинѣ лишь только призракъ торговли. Торговцы съ горемъ пополамъ ведутъ свои дѣла и съ каждымъ годомъ уменьшается число ихъ. Лучшаго и ожидать нельзя. Для торговли нужны капиталы; а ихъ у большей части торговцевъ нѣтъ; по неволѣ они кредитуются вездѣ, гдѣ только можно. Но товаръ, взятый въ кредитъ, далеко не таковъ, какъ взятый на деньги,—онъ всегда низшаго достоинства, и даже весьма часто никуда негодный. И не смотря на то, онъ всегда продается дороже, чѣмъ хорошій; потому что кредитору, кромѣ нарицательной цѣны, должно платить еще проценты. Вотъ почему и въ настоящее время всѣ тѣ, которые только имѣютъ возможность, обращаются за покупками въ Москву, Кашинъ или Угличъ.

Въ тридцатыхъ годахъ еще хорошей поддержкой для торговли было то, что нѣкоторые изъ калязинцевъ имѣли дѣла съ с. петербургской биржей и часть своихъ закуповъ дѣлали въ Калязинѣ. Но это продолжалось немного времени. Быстро возвысилось отъ заграничной торговли нѣсколько домовъ; быстро и увяло—отъ торговыхъ ли невзгодъ, или отъ иныхъ причинъ. А и тѣ немногіе, которые остались, почти всѣ свои дѣла перевели въ другія мѣста; потому что рожь, овесъ и льняное сѣмя, что собиралось и покупалось въ Калязинѣ, въ послѣднее время родились такъ скудно, что для мѣстнаго употребленія было весьма недостаточно.

Чтобы судить о степени упадка калязинской торговли, мы снесемъ нѣсколько цифръ. Въ 1783 г. число купцовъ было: 1165 м. 1127 ж. Въ 1846 г. 312 м., 229 ж. Въ 1858 г. 297 м., 291 ж. Въ 1859 г. 385 м., 379 ж. Вотъ какое ничтожное количество въ сравненіи съ прошедшимъ вѣкомъ!

Купцовъ 2-й гильдіи въ 1858 г. было:—одинъ; третьей 67. Въ 1859 г. первой гильдіи—одинъ, второй одинъ, третьей 96.

Но ошибся бы тотъ, кто всѣхъ купцевъ третьей гильдіи счелъ бы людьми состоятельными. У двухъ третей этихъ купцевъ капиталы

объявляемые существуютъ только на бумагѣ; а въ дѣйствительности не существуетъ и тѣни какого-либо капитала. А если они и зачисляютъ себя въ купцы, то собственно и единственно изъ боязни солдатчины. Мы положительно знаемъ, что нѣкоторые изъ этихъ, такъ называемыхъ, купцовъ съ величайшими затрудненіями вносятъ даже гильдейскія повинности. Минуетъ опасность солдатчины, они снова дѣлаются мѣщанами.

Торговые дни въ Калязинѣ—воскресенье и четвергъ. Наибольшіе съѣзды (говоримъ—наибольшіе лишь только сравнительно; особеннаго значительнаго стеченія народа не бываетъ никогда, даже и въ ярмарки) бываютъ предъ праздниками Христова Рождества, Успенія пр. Богородицы и св. Николая; наименьшіе, кромѣ весенняго и осенняго бездорожья, во время лѣтнихъ работъ. Торговля, великъ-ли малъ-ли съѣздъ, все равно, бываетъ только до полудня. Къ четыремъ часамъ вечера торговая площадь дѣлается уже совершенно пустою; гдѣ-гдѣ мелькнетъ охотникъ до шумнаго веселья. Крестьяне привозятъ на торгъ произведенія своихъ полей и луговъ, а также и не хитрыя издѣлія свои: кадки, лукошки, рѣшета и т. п.; осенью: рожь, овесъ, живой и битый скотъ, масло и пр. Въ общей сложности, по оцѣнкѣ городской думы, въ каждый торговый день привозится ими на сумму до 60 р. Въ городѣ покупается ими обыкновенно: соль, крупа разныхъ сортовъ, пшеничная мука низшаго сорта, мыло, сукна и красный товаръ самыхъ низкихъ сортовъ и т. под.; къ праздникамъ: деревянное масло, сальныя свѣчи, рыба—судакъ и солонина; немногими: чай, сахаръ и что то, называемое сладкимъ-бѣлымъ (26), но ни подъ какой разрядъ винъ неподходящее, и пр.

---

(26) Кашинское произведеніе, на которое полицейской медицинѣ давно бы пора обратить вниманіе. Разлагая его нѣсколько разъ химически, мы всегда находили осадокъ свинцовыхъ окисей. Это даетъ поводъ думать, что отвратительная сладость этого вина производится посредствомъ какихъ-нибудь свинцовыхъ ингредіентовъ. Необыкновенная дешевизна,—30—35 к. за штофъ, причиной, что эта отвратительная помѣсь въ необыкновенномъ ходу между крестьянами. Понятно, что отъ нея, кромѣ величайшаго вреда, ничего больше быть не можетъ. Вообще, медицинская полиція безусловно строго должна бы смотрѣть за всѣми торговцами. Возьмемъ, напр., торговлю чаемъ и рыбой. Въ послѣднее время страшно развилась въ Калязинѣ торговля такъ называе-

Въ Калязинѣ три ярмарки: макарьевская, въ день пр. Макарія (17 марта) близь монастыря, никольская, 9-го мая, близь собора, и Десятая, въ десятую пятницу по Пасхѣ, близь монастыря. Каждая продолжается по суткамъ. Такой короткій срокъ причиной, что эти ярмарки совершенно ничтожны. Ни значительные торговцы не являются на нихъ, ни товаровъ поболѣе и поцѣннѣе не привозится. Купцы судятъ, и очень справедливо, что съ значительнымъ количествомъ товара сутки надо разбираться и сутки убираться; слѣдовательно, на торговлю не останется и часу. Поэтому, являются сюда торговцы лишь только изъ самыхъ близкихъ мѣстъ: изъ Кашина, изъ Углича и изъ села Заозерья, и то развѣ съ мелочами и съ тѣми товарами, которые на мѣстѣ уже не имѣютъ сбыта. А если случится въ день ярмарки дождь, то и этихъ товаровъ они не развязываютъ. Крестьяне привозятъ въ огромномъ количествѣ свои издѣлья, тѣже, что и на обыкновенные торги. Лишь торговля лошадьми, особенно въ макарьевскую (въ началѣ весны эта торговля вездѣ идетъ живѣе), и холстомъ поддерживаетъ нѣсколько ярмарки. Главные покупщики холста—заозерцы. Собственно городовая торговля, пріѣзжими и мѣстными торговцами, состоитъ въ продажѣ желѣзныхъ издѣлій, бумажныхъ и шерстяныхъ тканей самаго низкаго достоинства.

Прежде чѣмъ сдѣлаемъ окончательный выводъ о торговлѣ г. Калязина, представимъ сумму денежныхъ оборотовъ калязинскихъ

мымъ ржевскимъ чаемъ,—смѣсью контрабанднаго съ разными болотными травами, одуряющими и ядовитыми. Лучшимъ изъ жителей города чрезвычайно трудно достать немѣшаннаго; чтожъ, послѣ этого, отпускается крестьянамъ, за ихъ кровно-трудовыя деньги—чистѣйшая отрава. Точно такъ и рыба. Лучшіе сорта рѣдко безъ гнили и вони. Каковы жъ должны быть, напр., сѣлужина или сомовина, предназначаемыя собственно для крестьянъ? И чѣмъ должно это отзываться для народнаго здоровья?—Къ несчастію, всѣ полицейскія распоряженія совершенно парализируются вліяніемъ Твери. Стоитъ каждому изъ продавцовъ разной отравы, уличенному въ беззаконной продажѣ, похлопотать въ Твери и онъ дѣлается правымъ, а уличившіе его штрафуются и наказываются. Еслибъ было нужно, то мы, въ подтвержденіе словъ своихъ, могли бы представить нѣсколько самыхъ живыхъ фактовъ. Спору нѣтъ что и полиція нерѣдко употребляетъ во зло свою власть. Но, преслѣдуя за то ее, не нужно жъ покровительствовать и мошенническимъ торговцевъ.

торговцевъ въ ярмаркахъ и каждонедѣльныхъ торгахъ за нѣсколько лѣтъ.

	Общее число ярмарокъ, торговъ и базаровъ.	Денежный оборот. всей годовой торг. и съ ярмарками.
Въ 1847 году	107	50 852
— 1849 —	105	47.870
— 1850 —	105	44.987
— 1851 —	105	45.538
— 1852 —	105	44.732
— 1858 —	106	свѣдѣнія не доставлены
— 1859 —	106	

Остановимся на 1852 г., потому что сумма оборотовъ въ послѣдующіе года падастъ еще ниже и сдѣлаемъ расчетъ 44,732 р.— торговый оборотъ цѣлаго года въ Калязинѣ. Отчислимъ изъ этой суммы 3,700 р. (на столько по оцѣнкѣ думы продается товаровъ иногородными на ярмаркахъ); значитъ, оборотъ собственно калязинскій опредѣляется въ 41,032 р. Раздѣлимъ всю эту сумму на ярмарки, торги и базары; и чтожъ увидимъ? 41,032: 105=381 р. съ копѣйками. Теперь положимъ, что торгуютъ въ Калязинѣ 70 человѣкъ (беремъ среднее число торговцевъ); и такъ 381: 70=5 р. съ копѣйками. Слѣдовательно, каждый торговецъ выручаетъ пять рублей съ копѣйками въ торговый день, значитъ десять р. въ недѣлю. Положимъ, что онъ получаетъ десять процентовъ со всего денежнаго обороту, слѣдовательно въ недѣлю онъ получаетъ рубль съ небольшимъ и до 55 р. въ годъ. Изъ этой суммы онъ долженъ уплачивать всѣ свои повинности и содержать домъ и семейство!

Такимъ образомъ ясно, что городовая торговля въ Калязинѣ находится въ самомъ жалкомъ положеніи. И если бъ калязинцы ограничивались только ею, то въ городѣ не было бы ни одного семейства, которое имѣло бы хоть какое-нибудь состояніе. Къ счастью, есть предпріимчивые торговцы, которые внѣшними дѣлами стараются восполнить недостатокъ внутреннихъ. Одни изъ нихъ, впрочемъ такихъ весьма немного, служатъ приказчиками у иногородныхъ богатыхъ купцевъ; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ служенія, зашибаютъ копѣйку и начинаютъ собственныя дѣла, покупая на

низу хлѣбъ и доставляя его во всѣ тѣ мѣста, гдѣ окажется требованіе. Другіе ѣздятъ по ярмаркамъ: годовымъ—въ г. г. Старицу, Ржевъ, Мышкинъ, Тихвинъ и пр.; недѣльнымъ—въ с. с. Заозерье, Прилуки, Кимру, Троицу-нерль и пр. Торгующіе по ярмаркамъ имѣютъ то преимущество передъ тѣми, которые ограничиваются однимъ Калязиномъ, что обороты ихъ идутъ живѣе, значитъ, въ общей сложности доставляютъ больше процентовъ, такъ что ловкій торговецъ получаетъ до 30% въ годъ на оборотную сумму. Но за то такая торговля слишкомъ хлопотлива; каждый разъ привезенный товаръ нужно разобрать, потомъ убрать и т. д. Третьи скупаютъ вверху камень и или передѣлываютъ его въ известь, или продаютъ цѣликомъ въ Калязинѣ, Угличѣ и т. д. Нѣкоторые скупаютъ въ верховьяхъ рѣкъ Дубны и Медвѣдицы лѣсъ и дрова, сплавливаютъ въ Калязинъ и продаютъ врозницу. Нѣкоторые скупаютъ рогатый и мелкій скотъ въ окрестностяхъ, откармливаютъ, осенью бьютъ и доставляютъ въ Москву, Тверь и Петербургъ. Ѣздятъ также въ Украйну за лошадьми и продаютъ въ Калязинѣ коноводамъ и по ярмаркамъ. Есть, наконецъ, которые пускаются въ кабацкую торговлю. Но какъ основа ея—самое наглое мошенничество, то даже калязинцы, далеко не отличающіеся торговой честностью, съ глубочайшимъ пренебреженіемъ смотрятъ на кабацкихъ торговцовъ. И замѣчательный фактъ: случалось, такіе пріѣзжаютъ въ свой городъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ кабацкой торговли, съ порядочнымъ капиталомъ и начинаютъ иныя дѣла. И чтожъ? Лѣтъ въ пять-шесть дѣлаются совершенными нищими. «Прахомъ все проходитъ», какъ говорятъ въ Калязинѣ, въ объясненіе этого быстраго перехода отъ достаточнаго состоянія къ совершенной нищетѣ.

Въ Калязинѣ: 1 гостинница, 1 ресторація, 1 харчевня и 8 питейныхъ домовъ. Вотъ эти заведенія, и особенно послѣднія, къ сожалѣнію, процвѣтаютъ. Да, къ истинному, величайшему сожалѣнію, продажа водки увеличивается съ каждымъ годомъ въ страшной пропорціи. И ужь пусть бы, по крайней мѣрѣ, подъ именемъ водки продавалось что-либо, не убивающее физическія силы; нѣтъ, въ составъ этой микстуры, кромѣ главнаго элемента—воды, входятъ и одуряющія травы и разныя щелочи и т. п. И еще прежде все-таки добросовѣстнѣе велись водочныя дѣла; но въ послѣдніе два года злоупотребленія дошли до послѣдней возможной степени. Такъ, за

ядовитую смѣсь, въ самомъ основаніи разрушающую физическія силы, берется: 7 руб. ведро,—ведерной продажей, и 8 р. ведро—розничной продажи, т. е. за удовольствіе выпить рюмку отравы крестьянинъ долженъ заплатить 8 коп!... Нѣтъ ни малѣйшаго противодѣйствія этимъ страшнымъ злоупотребленіямъ! Такъ, на счетъ физическихъ и нравственныхъ силъ крестьянина толстѣетъ и богатѣетъ какая-нибудь погибельная личность! Такъ, высасываютъ изъ народа самые живые и питательные соки и подготовляется неизбѣжно и неотклонимо пролетаріатъ!!.

Главныя потребности жизни въ городѣ удовлетворяются частію привозомъ изъ уѣзда, частію изъ иныхъ городовъ. Пшеница, крупа просовая и гречневая, соль, соленая рыба и т. п., идутъ изъ низовыхъ городовъ и доставляются главнымъ образомъ по Волгѣ. Вотъ средняя цѣна нѣкоторыхъ товаровъ: мука пшеничная перваго сорта 6—10 р. за мѣшокъ, втораго 7—8 р., третьяго 4 р. 50 к.—5 р.; ржаная 60—70 к. за пудъ; овесъ и ячмень 50—60 к. за пудъ; говядина 2 р. 50 к.—3 р. за пудъ изъ лавокъ, 1 р. 50 к.—2 р. у крестьянъ; телятина и баранина 2 р.—2 р. 50 к. изъ лавокъ за пудъ, 1 р. 50 к.—2 р. у крестьянъ; свѣчи сальныя 5 р. 50 к.—6 р. за пудъ; гречневая крупа 80 к.—1 р. за пудъ; просовая 1 р. 20 к.—1 р. 50 к. за пудъ; дрова,—обыкновенная сажень аршиныхъ дровъ: березовыхъ 3 р.—3 р. 50 коп.; ольховыхъ 3 р.—3р. 20 к.; сосновыхъ и еловыхъ 2 р.—2 р. 50 к., осиновыхъ 1 р. 80 к.—2 р. Небольшая часть дровъ доставляется сосѣдними крестьянами, а главнымъ образомъ дрова пригоняютъ по Волгѣ съ р. р. Дубны, Медвѣдицы и притоковъ ихъ. Строевой лѣсъ пригоняется весь по Волгѣ съ этихъ же рѣкъ, а частію изъ верховьевъ Волги и всегда продается по высокой цѣнѣ; такъ девяти аршинное бревно шести вершковъ въ отрубѣ 65—80 к. и т. п.

Къ числу торговцовъ отнесемъ такъ называемыхъ *маяковъ*. Это—мѣщане, которые ѣздятъ по селеніямъ и скупаютъ все, что попадетъ. Главнымъ образомъ собираютъ они: шерсть, коровье масло, сунь, медъ, сушеные грибы и ягоды, яйца, холсты. Сбываютъ, гдѣ придется; а большею частію отвозятъ въ Москву. Они не ограничиваются тверской губерніею, а ѣздятъ во владимірскую, ярославскую, московскую, смоленскую и т. д.; преимущественно въ тѣ мѣста, гдѣ народъ проще и довѣрчивѣе. Вся эта торговля основана на самомъ нагломъ плутовствѣ и самыхъ дерзкихъ обманахъ, чего и

сами они не скрываютъ и еще хвалятся какой-нибудь особенно-ловкой продѣлкой. Обвѣсить, обмѣрить, обсчитать, не додать, а при возможности и украсть,—вотъ къ чему направлены всѣ усилія маяковъ. Понятно, что пріобрѣтаемое такими способами не пойдетъ въ прокъ. И нейдетъ—все пропивается и проматывается. Оттого ни одинъ маякъ не составляетъ себѣ состоянія, но послѣ нѣкоторыхъ лѣтъ торговли лишается и послѣдняго, что имѣлъ. Случается, что за черезъ-чуръ наглое мошенничество крестьяне раздѣлываются съ нимъ по своему и онъ возвращается домой умереть. Хуже всего то, что маякъ, лишившись всякой возможности маячить, уже не имѣетъ средствъ поправить своихъ дѣлъ. Довѣрія ему нѣтъ ни отъ кого никакого: ни прикащикомъ, ни сидѣльцемъ въ лавкѣ его уже не приметъ никто; съ ремеслами онъ незнакомъ; привычка къ жизни праздной, пьяной и распутной не позволяетъ ему заняться черными работами; и вотъ онъ прибѣгаетъ къ новому роду промышленности: воровства, грабежей, укрывательства и распродажи краденыхъ вещей и т. п. Такъ оканчиваютъ свою торговлю изъ десяти девять маяковъ.

II. Промышленность.

И промышленность, подобно торговлѣ, процвѣтала въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтій въ Калязинѣ. Нѣкоторые дома составили себѣ чрезъ нее значительное состояніе, которымъ и доселѣ поддерживаются. Въ послѣднее время она сильно ослабѣла. Выдѣлка крахмала, — главный предметъ калязинской промышленности, уже не доставляетъ тѣхъ выгодъ, какія доставляла прежде, а нѣкоторыхъ и совсѣмъ разорила. Это произошло отъ плохаго сбыта его, а причиной сами заводчики. Производство дурнаго крахмала и неаккуратность въ исполненіи условій и сдѣлокъ заставили фабрикантовъ Москвы и Иванова, куда наиболѣе идетъ крахмалъ, обратиться къ заводчикамъ другихъ городовъ. Примѣръ одного изъ нихъ (вполнѣ заслуживающаго, чтобы назвать его; это—купецъ Николай Петр. Сѣчниковъ, лучшій гражданинъ города), который не прибѣгаетъ къ продѣлкамъ подобнаго рода для сомнительнаго увеличенія барышей, который ведетъ дѣла свои на правилахъ безукоризненной честности и строжайшей аккуратности и за то не только всегда имѣетъ вѣрный сбытъ и по цѣнѣ высшей предъ всѣми (30—50 к. въ пудѣ), но даже

никогда не успѣваетъ приготовить всего требуемаго количества,— такой примѣръ никого не увлекаетъ къ подражанію. Вообще, въ калязинцахъ преобладаетъ очень вредное направленіе: страсть во что бы то ни стало, какими бы то ни было способами разжиться сейчасъ же. Вслѣдствіе этого, они стараются не объ упроченіи довѣрія себѣ, а о томъ, чтобы схватить возможно большіе барыши, еслибъ даже для этого пришлось обмануть самымъ наглымъ образомъ. Результатъ понятенъ. Съ большинствомъ заводчиковъ ни одинъ хорошій фабрикантъ не рѣшится имѣть дѣла. И когда крахмалъ, доставленный Свѣчниковымъ въ Москву, берется на расхватъ, безъ торговъ и перторжекъ, а по цѣнѣ имъ самимъ назначенной, они квасятъ свой крахмалъ по два и по три года, и кое-какъ по бочкѣ сбываютъ его. Чаще всего подобные заводчики мѣняютъ гнилой крахмалъ на гнилые ситцы, которыми и надѣляютъ неосторожныхъ покупателей, преимущественно крестьянокъ. Доходитъ нерѣдко и до того, что иному и глаза показать нельзя ни въ Москвѣ, ни въ Ивановѣ, нигдѣ, и вотъ, вмѣсто скораго обогащенія, онъ разоряется вконецъ. Такихъ примѣровъ, на нашемъ вѣку, въ Калязинѣ было не мало. Хуже всего то, что какъ примѣръ разумнаго и оттого весьма выгоднаго веденія дѣлъ не увлекаетъ къ подражанію, такъ и гибельные примѣры не устрашаютъ и не умудряютъ никого. Свернулся одинъ, въ слѣдъ за нимъ, тѣмъ же самымъ путемъ идутъ другой, пятый, десятый, безъ сомнѣнія расчитывая такъ: здѣсь со мною не будетъ такой бѣды, какъ бы безсовѣстно ни повелъ я свои дѣла.

Въ послѣднее время сдѣланы были попытки, на одномъ изъ заводовъ, приготовлять крахмалъ высшаго достоинства, такъ называемый рижскій. Но первыя попытки сопровождались несчастіями: лабораторія завода горѣла три раза. Не смотря на то, настойчивыя усилія заводчика (И. С. Канбина) восторжествовали и надъ несчастіями и надъ неудачами. Онъ, незнакомый научно даже съ началами химіи, собственными опытами добился цѣли, и производитъ крахмалъ, немного уступающій настоящему рижскому. Нужно пожелать только, чтобы, при веденіи своихъ дѣлъ, онъ принялъ систему Н. П. Свѣчникова, равно какъ и образъ жизни его. Чистота головы, особенно устроенной такъ счастливо, и чистота совѣсти—вѣрная порука самыхъ блестящихъ успѣховъ.

Кромѣ производства крахмала, кузнечество также шло весьма и успѣшно и прибыльно въ Калязинѣ. Особенно хороши были дѣла при устройствѣ Николаевской чугунной дороги, куда доставлялись, сотнями тысячъ, лопатки и другія желѣзныя издѣлія. Но и кузнечеству повредила также недобросовѣстность главныхъ производителей, жаждавшихъ въ возможно-короткое время нажить сотни тысячъ. Довѣріе потеряно, сбытъ затруднителенъ; оттого и работы уменьшились на двѣ трети. Къ большему несчастію, главные производители, вмѣсто усиленія своей дѣятельности, ударились въ кляузничество.

Вотъ вѣдомость о числѣ всѣхъ заводовъ въ настоящее время и о цѣнности выдѣлываемыхъ на нихъ произведеній. Оговоримся однакоже. Заводчики, по какимъ то невѣдомымъ причинамъ, не показываютъ настоящей цифры ни количества, ни цѣнности производимаго ими. Одинъ изъ членовъ тверскаго статистическаго комитета прошедшимъ лѣтомъ провелъ немало времени въ Калязинѣ, чтобы, во что бы то ни стало, добиться истины, и, не смотря на всѣ усилія, не могъ добиться ея вполнѣ: скрываютъ да и все!

	Число заводовъ.	На нихъ рабочихъ людей.	Цѣнность ежегодно выдѣлываемыхъ произведеній.
Крахмальныхъ	14	102	51.650 р.
Салотопенныхъ свѣчныхъ	2	6	4.500 —
Кожевенныхъ	3	24	26.320 —
Полотняныхъ	1	24	5.400 —
Паточныхъ	1	3	5.625 —
Воскобойныхъ	1	3	750 —
Пивоваренныхъ	1	5	3.641 — 40 к.
Гончарныхъ	2	4	300 —
Сусальныхъ	2	7	7.000 —
Красильныхъ	4	8	810 —
Маслобойныхъ	1	3	3.000 —
Известковыхъ печей	7	8	1.870 —
Мельницъ водяныхъ	1	6	3.000 —
— вѣтряныхъ	1	2	50 —

Рабочіе на всѣхъ этихъ заводахъ преимущественно подгородные крестьяне. Заработная плата: зимой 1 р. 20 к.—1 р. 50 к.; лѣтомъ 2 р.—2 р. 50 к. и до 3-хъ р. въ недѣлю. Одежда и хлѣбъ свой, харчи хозяйскія.

Крахмалъ, кромѣ Москвы и Иванова, отправляется иногда въ С. Петербургъ. Цѣнность его условливается цѣнностью пшеницы и рабочихъ. Сальныя свѣчи продаются въ городѣ и въ уѣздѣ; худшаго достоинства доставляются въ полкъ, квартирующій въ городѣ. Полотна и равендукъ всѣ идутъ въ Петербургъ. Патока продается частію на мѣстѣ, частію отпускается въ Кашинъ и Угличь, а болѣе продается въ Москвѣ. Производитель патоки тотъ же купецъ Свѣчниковъ, о которомъ мы сказали выше. Владѣя какимъ-то секретомъ, добытымъ собственными опытами, онъ производитъ патоку лучшаго достоинства; оттого она вездѣ продается дороже въ сравненіи съ патокой другихъ заводовъ, и производитель не успѣваетъ никогда удовлетворить всѣмъ требованіемъ. Изразцы, кромѣ сбыта на мѣстѣ, отпускаются въ Кашинъ, Бѣжецкъ, Угличь и уѣзды ихъ. Сусальныя произведенія главнымъ образомъ употребляются самими заводчиками, потому что они золотари по дереву и постоянно занимаются устройствомъ и золоченіемъ иконостасовъ. Известь, кромѣ мѣстнаго употребленія, сбывается въ уѣздѣ, въ г. г. Бѣжецкъ, Кашинъ, Угличь съ уѣздами ихъ. Камень для извести получается изъ Старицы.

Ремесленная промышленность.	Число.			Итого.	Цѣнность издѣлій потрехлѣтней сложности.
	Мастеровъ.	Подмастерьевъ.	Учениковъ.		
Портныхъ	36	8	2	46	2300 р.
Сапожниковъ	29	9	—	38	1520 —
Булочниковъ	31	1	—	32	1500 —
Кузнецовъ	64	40	28	132	7920 —
Маляровъ	38	15	3	56	3360 —
Столяровъ	30	17	5	52	2800 —
Гончаровъ и трубочистовъ.	13	3	1	17	820 —

Вообще ремесленники, за исключеніемъ кузнецовъ, не могутъ похвалиться особенною дѣятельностью, и честному, усидчивому труду предпочитаютъ иныя средства для пріобрѣтенія жизненныхъ потребностей. Такъ, сапожниковъ считается 38; но едва ли изъ нихъ треть такихъ, съ которыми можно имѣть дѣло порядочному человѣку. Оттого весьма немногіе ремесленники имѣютъ

порядочное состояніе; а большая часть ихъ живетъ въ крайней бѣдности.

Женщины и дѣвицы преимущественно занимаются плетеніемъ кружевъ,—работа мѣшкотная и весьма скудно вознаграждаемая. Кружева продаются на мѣстѣ и въ уѣздѣ; а также въ г. г. Кашинъ, Угличъ и въ с. Кимру.

Къ числу промышленниковъ должно отнести, такъ называемыхъ, лодочниковъ, купцовъ и мѣщанъ, на собственныхъ судахъ перевозящихъ чужіе товары по р. р. Волгѣ и Шекснѣ. Они покупаютъ суда разныхъ устройствъ и наименованій: барки, лодки, тихвинки и т. п. въ Калязинѣ, въ Рыбинскѣ, вездѣ, гдѣ только найдется возможность. Цѣнность судовъ въ послѣднее время, отъ повсемѣстнаго оскудѣнія лѣсовъ, чрезвычайно усилилась. Судно, десять лѣтъ тому назадъ, стоившее 100 р., теперь покупается уже за 250 и до 300 р. Вслѣдствіе этого число лодочныхъ промышленниковъ въ Калязинѣ уменьшилось больше чѣмъ на двѣ трети. Кладь преимущественно берется въ Рыбинскѣ уже по открытіи навигаціи; но случается, она берется и заранѣе у купцовъ ростовскихъ, кашинскихъ и т. п. Цѣны за перевозку условливаются цѣнностью найма коноводовъ и другихъ рабочихъ. Для лодочниковъ бываютъ года счастливые, когда въ Петербургѣ сильное требованіе на хлѣбъ. Тутъ цѣны за перевозку возвышаются и всѣ лодочники скоро находятъ себѣ дѣло. Въ такіе годы особенно ловкіе лодочники успѣваютъ зашибить себѣ копѣйку, и нѣкоторые даже начинаютъ покупать хлѣбъ, разумѣется, до первой невзгоды. Другіе годы несчастные, когда требованіе мало. Тутъ цѣны низки и, кромѣ того, лодочники проживаютъ безъ всякаго дѣла на мѣстѣ по нѣскольку мѣсяцевъ. Есть и еще обстоятельства, условливающія счастье или несчастье лодочниковъ. Такъ, въ случаѣ скотскаго падежа, лѣтомъ, лодочникамъ приходится на пути перенаймовать, нѣсколько разъ, такъ что къ Бѣлозерску, напр., они платятъ вдвое-трое противъ того, какъ нанимали въ Рыбинскѣ. Случается даже, что коноводы, лишившись своихъ лошадей, разбѣгаются. Въ такомъ случаѣ лодочнику самому приходится покупать лошадей по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ, а которыя уцѣлѣютъ—продавать по низкимъ. Доставивъ товаръ, куда слѣдовало, не кормить же даромъ лошадей и не проживать подолгу съ рабочими и судами въ ожиданіи настоя-

щей цѣны лошадямъ; нѣтъ, нужно сбыть немедленно по какой бы то ни было цѣнѣ. Въ случаѣ мелководія въ Шекснѣ, что бываетъ весьма часто, они должны стоять по нѣскольку недѣль на мѣстѣ, платя за все это время и рабочимъ и коноводамъ; или паузиться, т. е. перегружать товары въ болѣе легкія суда, что лежитъ на ихъ отвѣтственности. Въ случаѣ ранняго наступленія зимы, они должны, гдѣ захватитъ ихъ, выгрузить товаръ на берегъ, хранить его въ продолженіи всей зимы, весной опять нагрузить и доставить по назначенію. Во всѣхъ этихъ случаяхъ лодочникъ не только долженъ израсходовать всю полученную сумму за перевозку товаровъ, но еще и приплатить, иногда весьма немало, и своихъ. И подобныхъ случайностей, совершенно раззорительныхъ для лодочниковъ, бездна. Вотъ почему на одного счастливаго лодочника всегда десять несчастныхъ, которые лишились и лодокъ, и всего что имѣли прежде.

Что сказать вообще о промышленныхъ дѣлахъ Калязина?

Среднюю цифру годовыхъ оборотовъ въ заводской промышленности можно опредѣлить во 115,000 р. Цифра какъ будто и утѣшительна. Но мы положительно знаемъ и можемъ сказать, что не больше одной трети этой суммы принадлежитъ собственно калязинцамъ, прочее берется въ кредитъ, со всѣми невыгодами и неудобствами подобныхъ операцій, особенно когда кредитующіеся не пользуются безусловнымъ довѣріемъ. Калязинскимъ промышленникамъ, за исключеніемъ купца Н. Свѣчникова, отпускается не то что имъ нужно, а то что не нужно кредитующему, и, какъ онъ и это даже считаетъ рискомъ, то всегда съ тяжелыми условіями. Отсюда промышленникъ теряетъ при покупкѣ товара и въ невыгодныхъ условіяхъ платежа; не говоря уже о томъ, что выдѣланное изъ дурнаго матерьяла сбывается и чрезвычайно трудно и по цѣнамъ низкимъ. Итогъ для большинства промышленниковъ состоитъ въ томъ, что они лишь только, лучше или хуже, пропитываются и въ продолженіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ не въ состояніи составить себѣ какой-нибудь капиталъ.

Какія же средства поднять промышленныя дѣла въ Калязинѣ? Одно и единственное: строжайшая, безусловная, безукоризненная честность. Если не введется она въ основаніе всѣхъ дѣлъ, то Калязинъ будетъ только падать, пока не дойдетъ до совершенной нищеты.

III. Земледѣліе и скотоводство.

Въ Калязинѣ обработывается:	Пространство земель.		Цѣнность произведеній по трехлѣтней сложности.	
	Десятины.	Сажени.	Рубли.	Коп.
Земель огородныхъ и садовыхъ . .	171	558	800	75
Пахотныхъ земель	486	1288	8828	40
Кромѣ того сѣнокосныхъ луговъ. .	134	1851	1265	40

Занимающихся земледѣліемъ и огородничествомъ: 155 хозяйствъ; 227 муж. и 262 женск., всего: 489.

Земля могла бы служить прекраснымъ пособіемъ для низшихъ сословій города. При недостаткѣ какой-либо особенно выгодной мѣстной промышленности, она вполнѣ обезпечивала бы существованіе многихъ семействъ. Но, къ сожалѣнію, земледѣліе находится въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. Въ отчетахъ думы, средній урожай хлѣбовъ показывается обыкновенно: самдругъ и сам-другъ съ половиною. И дѣйствительно, больше самтретій онъ никогда не бываетъ. Жаловаться на землю, и особенно въ первой части города, не возможно; она вся удобна для хлѣбопашества и могла бы приносить несравненно большіе урожаи. Чтожъ причиной этого?

1. Дурная обработка. Земля обработывается, большею частію, не самими владѣльцами, а по найму сосѣдними крестьянами, и притомъ почти всегда безъ всякаго надзора. Понятно, что наемный работникъ, безъ хозяйскаго глаза, не обременитъ себя излишнимъ усиліемъ для обдѣлки земли. Сдѣлать поскорѣе,—вотъ о чемъ главная его забота. Слѣдовательно, онъ дѣлаетъ кое-какъ.

2. Самое недостаточное удобреніе. Въ городѣ, среднимъ числомъ, можно положить всего скота: лошадей до 110, крупнаго рогатаго скота до 400, а всего до 520 штукъ. Изъ этого общаго числа нужно исключить двѣ трети скота, принадлежащаго невладѣющимъ землей. Слѣдовательно, у землевладѣльцевъ собственно скота до 174 штукъ, крупнаго и мелкаго. Теперь положимъ въ каждомъ полѣ по 162 десятины. Отчислимъ то, что нужно для

удобренія огородной земли каждаго. И останется не больше, какъ по одному животному на десятину слишкомъ. Понятно, что при ничтожномъ удобреніи, такая земля, какова во всей нашей мѣстности, хорошаго урожая дать не можетъ. Примѣръ сосѣднихъ крестьянъ,—которые, не довольствуясь собственнымъ удобреніемъ, всегда значительнымъ, потому что они всегда держатъ скота по три и больше крупныхъ животныхъ на десятину, еще покупаютъ его у всѣхъ жителей города, невладѣющихъ землей,—не дѣйствуетъ. Родится сам-другъ,—и ладно, не смотря на то, что у подгородныхъ крестьянъ, за исключеніемъ бѣдствій отъ червя, засухи и т. п., сам-семъ считается неудовлетворительнымъ урожаемъ.

Огородничество. Есть мѣста, гдѣ огородничество служитъ вѣрнымъ и богатымъ источникомъ доходовъ, такъ напр. въ Ростовѣ, въ Порѣчьѣ, ростовскаго уѣзда, и т. п.; у насъ этого нѣтъ, не смотря на то, что нѣтъ недостатка въ загородной землѣ, и самой удобной для огородничества. Изъ цѣлаго города нашелся одинъ, который обратилъ на это вниманіе. Сначала отъ неопытности труды его скудно вознаграждались; но съ каждымъ годомъ труды его шли лучше; а въ послѣднее время идутъ весьма хорошо. Но примѣръ его не подѣйствовалъ на другихъ и ни въ комъ не возбудилъ соревнованія. Еще, еслибъ сбытъ огородныхъ произведеній былъ у насъ сомнителемъ,—это могло бы нѣкоторымъ образомъ оправдывать нежеланіе заняться огородничествомъ; а то у насъ сбытъ всегда вѣренъ, и притомъ на мѣстѣ. Въ Калязинѣ городовыя мѣста весьма невелики (10 саж. поперегъ и 25 длины; тутъ для стройки и для огорода и для чего угодно). Кромѣ того, они еще раздроблены: на одномъ мѣстѣ живутъ два, нерѣдко и три семейства; слѣдовательно, на каждое достается по самому ничтожному клочку земли; и эти клочки удобриваются и воздѣлываются почти вездѣ плохо. Оттого рѣшительно ни одно семейство не продовольствуетъ себя собственными огородными произведеніями; всѣ до одного покупаютъ капусту, картофель, лукъ и рѣдьку, морковь, словомъ всѣ огородныя овощи. И все это въ огромномъ количествѣ привозится изъ Ростова, Переяславля, с. Порѣчья и окрестныхъ деревень. Еслижь барышники находятъ расчетъ ѣздить за 70 и за 100 верстъ за огородными произведеніями, не смотря на то, что привезенное, какъ не свѣжее, продается

всегда несравненно дешевле того, какъ продаетъ мѣстный огородникъ, то, значитъ, труды тѣхъ, которые занялись бы огородничествомъ на самомъ мѣстѣ, всегда вознаграждались бы хорошо и безъ дальнихъ хлопотъ, потому что все это разбиралось бы въ огородѣ. Нежелающіе трудиться могутъ возразить: если явится еще нѣсколько огородниковъ, то цѣны на произведенія могутъ упасть. Нѣтъ, если явится еще девять огородниковъ, и всѣ они будутъ производить столько, сколько производитъ существующій теперь, и тогда только-только что развѣ будетъ достаточно для Калязина. Слѣдовательно, цѣны никакъ не могутъ упасть на столько, чтобы не вознаграждали труда. Падаютъ цѣны на излишекъ, а не на существенно необходимое. И кромѣ того, развѣ не важно то, что всѣ эти деньги, которыя теперь по неволѣ идутъ въ иныя мѣста, оставались бы въ Калязинѣ. Расходясь по рукамъ рабочихъ, онѣ давали бы имъ средства имѣть всегда вѣрный и, главное, честный кусокъ хлѣба. Притомъ, огородничество можетъ быть дѣломъ женщинъ и дѣвицъ. Въ настоящее время дѣятельность ихъ ничтожна; отъ этого крайняя бѣдность; безвыходная бѣдность всегда идетъ обруку съ порокомъ: слѣдовательно, дать имъ занятіе, которое поглощало бы ихъ время и обезпечивало нужды, значило бы спасать ихъ отъ порока, который имѣетъ такое страшно-губительное вліяніе на бытъ семейный. Но мы говорили о потребленіи огородныхъ произведеній собственно жителями Калязина, имѣющими хоть какіе-нибудь огороды; а сколько семействъ, которыя не имѣютъ и вершка земли! Такъ, всѣ чиновники, крестьяне, солдаты, которыхъ всегда проживаетъ въ городѣ за тысячу человѣкъ. А какой страшный недостатокъ чувствуется въ этихъ произведеніяхъ, и до какой невѣроятной цѣны доходятъ они, когда въ городѣ стоитъ полкъ, что бываетъ почти постоянно! Достаточно сказать, что весьма нерѣдко капуста, напр., привозится изъ Москвы.—Нѣтъ, неправы тѣ, которые пренебрегаютъ этимъ занятіемъ: сами себя добровольно, и притомъ неизвинительно, лишаютъ они вѣрныхъ средствъ жизни.

Садоводство, какъ промыселъ, у насъ не существуетъ. Въ городѣ есть нѣсколько небольшихъ садовъ; но они считаются уже чѣмъ-то въ родѣ роскоши и принадлежатъ садоводамъ по страсти, хоть и безъ знанія дѣла. А между тѣмъ это было бы занятіемъ

небезполезнымъ. Яблоки привозятся къ намъ изъ-подъ Москвы, изъ Ржева, изъ кашинскаго уѣзда и продаются всегда по высокимъ цѣнамъ; ягоды доставляются изъ уѣзда и тоже всегда въ цѣнѣ. Будь все это на мѣстѣ, все имѣло бы вѣрный сбытъ. Еслибъ даже былъ излишекъ, и тутъ труды не пропали бы даромъ; потому что у насъ всегда есть возможность доставлять все что угодно въ Угличь, Мышкинъ и далѣе, гдѣ тоже нѣтъ, или почти нѣтъ садовъ. Находятъ же наши промышленники выгоднымъ купить яблоки верстъ за 100—150, привести въ Калязинъ, здѣсь погрузить въ лодки и продавать въ низовыхъ городахъ. Находятъ же ржевитяне выгоднымъ всѣ свои загородныя земли занять садоводствомъ.—Но у нихъ земля для этого удобнѣе? Правда.—Однако же нѣтъ такой неблагодарной земли, съ которою не совладѣлъ бы трудъ усердный и устойчивый; а калязинская не принадлежитъ къ числу самой неблагодарной, хотя и не ровняется со ржевской въ удобствахъ для садоводства. Побольше труда,—и садъ, безъ сомнѣнія, разведется, въ чемъ собственнымъ опытомъ имѣлъ случай убѣдиться пишущій эти строки. На обыкновенномъ, по величинѣ, огородномъ мѣстѣ и, по свойству земли, едва ли нехудшемъ изъ цѣлаго города, онъ, двумя своими руками, и притомъ работая не больше двухъ-трехъ часовъ въ сутки, въ теченіи пяти лѣтъ развелъ довольно порядочный садикъ, который лѣтъ черезъ пять можетъ приносить рублей до 30 доходу въ годъ; а дальше—больше. Значитъ, если заняться этимъ постоянно и притомъ на загородной землѣ, которая несравнено удобнѣе городовой, то въ теченіи пяти-шести лѣтъ можно развести значительный по доходамъ садъ. Еще примѣръ. Въ одной изъ заводскихъ деревень крестьянинъ, не оставляя обыкновенныхъ своихъ занятій, развелъ садъ; въ настоящее время онъ отъ продажи деревъ и плодовъ имѣетъ до ста р. дохода; слѣдовательно, если онъ лѣтъ пять употребилъ на разведеніе его, то трудъ его вознаграждается достаточно. Садъ, при небольшой поддержкѣ, еще лѣтъ 30—40 будетъ давать ему вѣрный доходъ. И развести садъ въ Калязинѣ такъ удобно! Если не отъ сѣмянъ, что не стоитъ ничего, и лишь потребуетъ болѣе продолжительнаго времени, то всякую весну привозится сюда по нѣскольку тысячъ яблонь двухъ, трехъ и четырехлѣтнихъ изъ Ржева и каждую осень изъ разныхъ мѣстъ владимірской губерніи. Прода-

ются эти яблоки по цѣнамъ весьма невысокимъ: до двухъ рублей за десятокъ лучшіе сорта—на выборъ и 1 р.—1 р. 25 к. къ ряду.

Будемъ надѣяться, что калязинцы со временемъ трудамъ легкимъ, почти всегда малоцѣннымъ, будутъ предпочитать труды тяжелые, но за то вѣрнѣе обезпечивающіе ихъ благостояніе, что они поймутъ, наконецъ, цѣну земли своей и будутъ извлекать изъ нее достаточныя средства къ своему существованію. Полевыя работы собственными руками, увеличеніе и улучшеніе скотоводства; огородничество въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ теперь, занятіе садами всѣхъ этихъ мѣстъ, которыя пропадаютъ въ настоящее время даромъ (напр. въ третьей части и на, такъ называемой, Веренской) и, поросшія репейниковъ, крапивой и чертополохомъ, не доставляютъ и клочка травы для скота,—вотъ что поможетъ низшему сословію города выйти изъ этого тяжкаго положенія скудости, въ какомъ оно теперь, а не эта горькая торговля, за которою они гонятся, и не промыслы по сторонамъ, быть можетъ и несовсѣмъ безвыгодныя для промышляющихъ, но рѣшительно безполезныя для семействъ ихъ. Займись глава семейства огородомъ, садомъ,—съ нимъ вмѣстѣ заняты жена и дѣти; значитъ, жена и дѣти, много или мало, но уже пріобрѣтаютъ нужное для себя и тѣмъ помогаютъ ему; а главное, дѣти сызмала привыкаютъ къ труду и порядку. А теперь? Хозяинъ дома сидитъ въ лавчонкѣ, или, что еще хуже, маячитъ гдѣ-нибудь, и дѣти, лѣтъ до 12 и даже до 15, съ утра до ночи безъ надзора и безъ страха шляются, гдѣ пришлось и, не знакомясь ни съ какимъ трудомъ, ни съ какимъ ремесломъ, на практикѣ изучаютъ искусство плутовать, воровать и буйствовать и готовить себя въ будущіе маяки. Не даромъ тѣ купцы, у которыхъ дѣла идутъ хорошо, въ мальчики и сидѣльцы предпочтительно берутъ крестьянскихъ мальчиковъ и съ величайшей неохотой калязинскихъ; тоже и въ прикащики принимаютъ крестьянъ и почти никогда калязинскихъ мѣщанъ.

Будемъ надѣяться, что все это измѣнится; но скоро ли? И много ли еще времени наши надежды будутъ не дальше, какъ pia desideria. Про то знаетъ Богъ.

IV. ДОХОДЫ, РАСХОДЫ И ДЕНЕЖНЫЕ СБОРЫ.

Главнымъ источникомъ городскихъ доходовъ прежде былъ гостиный дворъ. Пока существовалъ онъ, не только всѣ городскіе расходы покрывались, но составлялся запасный капиталъ и составился не малый. Съ уничтоженіемъ его, въ доходахъ обнаружился значительный дефицитъ. Далѣе, слѣдуютъ другія несчастія города, и расходъ уже превышаетъ доходъ. Чтобы видѣть, въ какой пропорціи шло это, представимъ сравнительную вѣдомость городскихъ доходовъ и расходовъ за нѣсколько лѣтъ.

	Остатокъ отъ прежнихъ лѣтъ.		Доходы.		Расходы.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Въ 1846 году.	10035	75½	9180	1	8063	19¼
— 1847 —	11151	97¼	5724	62½	9066	48¼
— 1849 —	7285	71½	6539	15½	6803	28¾
— 1850 —	7016	58¼	5962	88¼	5948	15½
— 1851 —	7031	31	7659	87¼	7658	24
— 1852 —	7032	94¼	6674	87¼	6658	30¼

Въ послѣдующіе года, чтобы видѣть яснѣе движеніе городскихъ суммъ, мы представляемъ перечень всѣхъ доходовъ и расходовъ.

Доходы.	Въ 1855 г.		Въ 1858 г.		Въ 1859 г.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Съ городскихъ имуществъ и оброч. статей	2725	12½	3820	69	4210	78
Съ владѣльцевъ недвиж. имуществами	518	14	—	—	—	—
Съ промышленниковъ . .	989	92	1038	75	661	70
Налоговъ косвенныхъ . .	224	62¼	296	84	605	49¼
Налоговъ вспомогательныхъ	162	85½	162	85½	162	85½
Доходовъ мелочныхъ и случайныхъ	1107	38¾	81	5½	3115	59¾

Слѣдовательно, доходы города до 1856 г., по трехлѣтней сложности, составляли въ годъ 5,728 р. 5 к. По 1859 г. 5,400 р. 19 к.

Капиталъ города къ 1-му января 1856 г. отъ прежнихъ лѣтъ состоялъ изъ 6,456 р. 47½ к.; къ 1-му января 1859 г., 1,921 р. 37¼ к.

Расходы.	Въ 1855 г.		Въ 1858 г.		Въ 1859 г.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
На содержаніе мѣстъ и лицъ город. управленія . .	2986	45¾	2887	88	3675	16½
На содержаніе городскихъ имуществъ и наемъ помѣщеній	576	45½	669	19	603	94¼
На наружное благоустройство города	334	86¼	279	71	483	47
На выдачу воинскимъ чинамъ квартирныхъ денегъ и другія издержки по военной части	51	91	50	90	121	50
На содержаніе учебныхъ и благотворит. заведеній .	1086	64	1081	43	1122	64
На уплату долговъ и составленіе запаснаго капитала	14	71	13	89	16	10
На мелочные расходы . .	1050	21½	600	16	406	83¾
Расходъ единоврем. . . .	—	—	—	—	234	52

Слѣдовательно, расходы города до 1856 г., по трехлѣтней сложности, составляли въ годъ 6,101 р. 25 к. Значитъ, оказывался дефицитъ: 373 р. 20 к. По 1859 г. 5,484 р. 16 к. Значитъ, оказался дефицитъ: 83 р. 97 к.

Единственное средство привести городскіе доходы въ настоящее положеніе—возстановить гостиный дворъ. Къ счастію, послѣ безчисленныхъ проволочекъ и непростительной безпечности городскихъ головъ, за это дѣло начинаютъ приниматься. Этимъ Калязинъ обязанъ настойчивой заботливости начальника губерніи. На возстановленіе сдѣлано пособіе изъ казны въ 15 тысячь рублей.

Денежные сборы.	Въ 1853 г.		Въ 1854 г.		Въ 1855 г.		Среднимъ числомъ ежегодно.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Государственному казначейству подушной подати	4932	39	5365	71	5385	94	5228	1¼
На земскія повинности по всѣмъ родамъ ихъ . . .	1462	0¼	1763	93¾	1775	38½	1667	40¾
На рекрутскую повинность . . .	—	—	1017	—	—	—	339	—
Въ городскіе доходы	518	14	—	—	—	—	172	71¼

Къ 1-му января 1856 г., на городскихъ жителяхъ числилось въ недоимкѣ платежей: государственному казначейству 2692 р. 97 к., на земскія повинности 877 р. 19¼ к., на рекрутскія повинности 212 р. 88 к.; всего 3743 р. 4¼.

	Въ 1856 г.		Въ 1857 г.		Въ 1858 г.		Среднее число ежегодно.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп
Государ. казначейству подушной подати. . .	5337	15	5372	85	5448	53	5397	84
На земскія повинности по всѣмъ родамъ ихъ. . .	1657	90¾	1636	32	1679	99	1658	15½
На рекрутскія повинности . . .	339	60	—	—	—	—	339	60
Въ городскіе доходы сборовъ не было.								

Къ 1-му января 1859 г. на городскихъ жителяхъ было въ недоимкѣ на рекрутскую повинность 82 р. 35 к. За тѣмъ, всѣ прочіе сборы были удовлетворительны. Слѣдовательно, эта часть въ Калязинѣ улучшилась.

Замѣтимъ, что хотя сборовъ въ городскіе доходы и не показано въ послѣдніе годы, но мы положительно знаемъ, что сборы, и довольно значительные, съ жителей были. Такъ, бралась сумма

отъ 200 и болѣе рублей съ каждаго мѣщанина, поступающаго въ купечество. Такъ, собирались, со всѣми возможными натяжками, пожертвованія при взносѣ капиталовъ, при выборахъ въ городскія должности, при перепискѣ изъ одного города въ другой и т. п. Ни цѣли этихъ сборовъ, ни суммы ихъ, при всѣхъ усиліяхъ, мы дознаться не могли; а дознаться было бы необходимо, потому что цифра итога должна быть очень крупная. Правда, дознаться трудно, потому что пожертвованія требовались и получались лично головой, съ глазу и на глазъ, безъ росписокъ. Но трудное не есть невозможное. Если большинство лучшихъ гражданъ покажетъ, а оно безъ всякаго сомнѣнія покажетъ, что это было, то и до цифры и до употребленія ея добраться будетъ можно.

V. ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Наше правительство, всегда заботливое о благѣ всѣхъ подданныхъ своихъ, давно уже употребляетъ всѣ мѣры къ распространенію просвѣщенія между народомъ. Но тяжело принималось оно въ началѣ; черезъ чуръ медленно развивалось впослѣдствіи, не смотря на то, что отъ глубокой древности народъ сознавалъ всю необходимость его, и свое сознаніе выразилъ въ поговоркѣ: «ученье свѣтъ, неученье тьма». Даже въ послѣднее время, не смотря на всю энергію смотрителя училищъ, все еще дѣло народнаго образованія идетъ не такъ, какъ бы ему слѣдовало. Смотритель направилъ дѣла учебныя такъ, что учениками переполнились училища; но встрѣтились препятствія, почти неодолимыя, въ увеличеніи матерьяльныхъ средствъ для содержанія училищъ. Прослѣдимъ, какъ шло дѣло народнаго образованія въ Калязинѣ съ самаго начала по настоящее время.

Въ 1777 г., по распоряженію приказа общественнаго призрѣнія, въ Калязинѣ учреждено училище для мѣщанскихъ и купеческихъ дѣтей. Ученики не являлись. Вслѣдствіе этого въ 1794 г. училище закрыто. Въ 1796 г. снова открыто малое народное училище.

Но въ первые три года по открытіи дѣла училищныя шли чрезвычайно плохо. Учениковъ было слишкомъ мало, да и тѣ, которые были, классы посѣщали весьма рѣдко, какъ жаловался директору учитель Кочеровъ. И вотъ что, между прочимъ, отвѣчалъ ему

директоръ Толмачевъ (отъ 16 февр. 1804 г.):... «вы говорите, что ученики съ давняго времени не ходятъ въ классъ...; должно ихъ понуждать; а изъ партикулярныхъ училищъ, запретивъ ихъ съ пособіемъ городничаго, призвать въ училище; а буде поупрямятся, предоставить природной ихъ грубости; и буде силъ вашихъ не достанетъ оную преодолѣть, то пусть ввергаютъ себя съ малолѣтства въ родъ гибельный». А между тѣмъ изъ дѣлъ того времени видно, что какъ мѣстные учители употребляли всѣ свои усилія умножать приходскія училища и число учениковъ, такъ и директоръ Толмачевъ содѣйствовалъ имъ въ томъ всѣми мѣрами: и наградами, и поощреніями, и совѣтами. Но предубѣжденіе противъ училищъ было еще слишкомъ сильно. Мальчиковъ предпочитали отдавать частнымъ учителямъ, причетникамъ, солдатамъ и даже солдаткамъ. Быть можетъ, это было еще и потому, что отъ гражданъ требовалось (предп. дир. отъ 31 окт. 1805 г.), чтобы они строили домы для училищъ; во избѣжаніе такихъ издержекъ, ни пользы, ни необходимости которыхъ они еще не въ состояніи были понять, они и уклонялись отъ отдачи своихъ дѣтей въ училища.

Не смотря однакоже на всѣ противодѣйствія со стороны гражданъ, въ Калязинѣ, въ 1805 г., было уже два приходскихъ училища: николаевское и христорождественское. Матерьяльныя средства, которыми могли располагать они, были совершенно ничтожны. Такъ до самаго 1810 г. на каждое отпускалось изъ думы по сту рублей асс., изъ которыхъ: 60 руб. на жаловалье учителю, 30 на квартиру и дрова и 10 на всѣ училищныя нужды.

Въ маѣ 1805 г. открыто уѣздное училище. Въ концѣ этого года въ немъ было уже два класса. Но успѣхъ все-таки не соотвѣтствовалъ той заботливости, съ которою правительство старалось развить общественное образованіе. Вотъ почему и директоръ Геннигъ предписывалъ (отъ 28 янв. 1808 г.) мѣстному смотрителю: «подать мѣстному начальству прошеніе о строжайшемъ запрещеніи домашнихъ, въ Калязинѣ находящихся, училищъ, яко противныхъ волѣ Государя Императора и успѣху народнаго просвѣщенія». «Въ теченіи двухъ лѣтъ, писалъ онъ еще, не было ни одного ученика кончившаго съ похвалою ученіе». Вслѣдствіе такого настойчиваго дѣйствованія директора и энергическихъ мѣръ мѣстнаго начальства, училища стали наполняться.

Усердіе учителей, возбуждаемое и поддерживаемое директоромъ Геннигомъ, наконецъ отразилось во вліяніи на общество, полезномъ въ отношеніи матерьяльныхъ училищныхъ средствъ. Явились жертвователи, особенно на публичныхъ испытаніяхъ, и каждогодно пожертвованія доходили до ста, а иногда и болѣе рублей. Публичныя испытанія сопровождались возможною торжественностью; лучшіе ученики награждались книгами и листами,—эти, и подобныя этимъ, мѣры не оставались безъ благотворныхъ послѣдствій. Если большинство городскаго народонаселенія еще не освободилось отъ своихъ нелѣпыхъ предубѣжденій противъ училищнаго образованія, то лучшіе граждане города уже охотно отдавали въ нихъ своихъ дѣтей. Въ числѣ первыхъ, съ отличіемъ кончившихъ полный курсъ, мы видимъ тѣхъ, которые впослѣдствіи сдѣлались честью и красой города и, въ свою очередь, принесли много пользы калязинскимъ училищамъ. Нельзя не замѣтить при этомъ, что, просматривая отчеты объ ученикахъ того времени, — отличныхъ, удостоившихся помѣщенія въ золотую раму, и неисправимыхъ, попавшихся въ черную, видимъ, какъ вѣрно цѣнимы они были, и какъ вѣрны они остались сами себѣ на всю жизнь. Бывшіе въ золотой—сдѣлались почетнѣйшими гражданами города; бывшіе въ черной—всѣ до одного несчастно сгибли. Еслибъ нужно было, то можно было бы исчислить по именамъ.

Въ 1811 г. дир. Геннигъ, лично обозрѣвавшій училища, имѣлъ утѣшеніе видѣть, что его усиленная заботливость въ Калязинѣ уже начала приносить, если не обильные, то по крайней мѣрѣ здоровые плоды. Учениковъ было еще не много; но образованіе уже принималось, и прочно. Онъ засвидѣтельствовалъ это въ донесеніи училищному, при московскомъ университетѣ, комитету, отъ котораго калязинскимъ смотрителю и учителямъ и была объявлена благодарность. Съ радостью скажемъ при этомъ, что Калязинъ былъ одинъ изъ трехъ городовъ, вполнѣ удовлетворившихъ справедливыя требованія и ожиданія Геннига; прочія училища тверской губерніи получили строгій выговоръ за нерадѣніе.

Такимъ образомъ имена директоровъ Толмачева и особенно Геннига должны быть вѣчно памятными въ нашихъ уѣздныхъ

училищахъ. Ихъ усиліямъ, и какимъ усиліямъ?—чтобы судить объ нихъ, нужно просмотрѣть только ихъ предписанія, до мельчайшихъ подробностей обнимавшія первоначальное устройство и дальнѣйшее развитіе народнаго образованія,—наши уѣздные города обязаны тѣмъ, что просвѣщеніе не заглохло при самомъ началѣ отъ слѣпаго предубѣжденія, а принялось и, больше или меньше, развилось. Особенно замѣтно, что «магистръ Иванъ Давидовичъ Геннигъ» былъ человѣкъ съ обширнымъ образованіемъ. Изъ его требованій и подтвержденій видно, что онъ хотѣлъ сдѣлать сначала изъ учителей, а потомъ и изъ учениковъ постоянныхъ собирателей свѣдѣній историческихъ, статистическихъ, топографическихъ, метеорологическихъ, не только въ городѣ, но и во всемъ уѣздѣ (предп. отъ 20 окт. 1808 г.). Онъ требовалъ, чтобы при училищѣ была заведена «историческая тетрадь», въ которой записывалось бы все, что только случалось замѣчательнаго въ городѣ и въ уѣздѣ. «Я васъ прошу, писалъ онъ (отъ 12 марта 1807 г.), при педагогическихъ совѣтованіяхъ завести особенную историческую тетрадь, въ коей означать можете все то, что достопамятнаго въ теченіи мѣсяца случилось» и пр. Какой обширный и дальновидный взглядъ на науку! Почти за пятдесятъ лѣтъ, онъ требовалъ того, на что лишь теперь начинаютъ обращать настоящее вниманіе и то далеко не вездѣ. Будь понято и исполнено его требованіе, сколько матеріяловъ и какихъ драгоцѣнныхъ матеріяловъ, каждое училище представило бы наукѣ. Но оно, къ истинному сожалѣнію, не было ни понято, ни, разумѣется, исполнено. Даже теперь, когда всѣ учители и смотрители, больше или меньше, вкусили отъ науки, ни въ одномъ училищѣ тверской губерніи, что мы положительно знаемъ, нѣтъ никакой исторической записки, въ настоящемъ значеніи этого слова; не ведутся никакія наблюденія и не собираются никакія свѣдѣнія. Видно пройдетъ еще лѣтъ пятдесятъ, пока требованіе Геннига не приведется въ исполненіе. Далѣе, Геннигъ требовалъ, чтобы неуклонно и въ скоромъ времени были пріобрѣтены и въ строжайшемъ порядкѣ держались «инструменты, глобусы, учебныя и служащія къ преподаванію наукъ книги», были заведены библіотеки, «чтобы въ училищѣ соблюдаема была опрятность; были заведены золотыя для прилежныхъ и черныя для неисправимыхъ

учениковъ рамы; чтобы употребить всѣ усилія пріобрѣсть для уѣзднаго училища казенный домъ», и пр. и пр. Такъ, имена подобныхъ, скромныхъ и безвѣстныхъ, но благороднѣйшихъ должны быть навсегда памятными, и память ихъ должна увѣковѣчиваться въ училищахъ, если не бюстами и портретами, то, по крайней мѣрѣ, имена ихъ должны быть въ золотыхъ рамахъ.

Въ 1814 г. въ уѣздномъ училищѣ были: смотритель и три учителя (учитель рисованія калязинскій мѣщанинъ). Училище помѣщалось въ нанятомъ домѣ. Сумма училища, изъ пожертвованій и экономическихъ, возрасла до 4745 р. асс. Приходскихъ было два, и въ нихъ два учителя. Въ приходскія училища начинали ходить дѣвочки. На содержаніе приходскихъ училищъ дума увеличила сумму до 350 р. асс. въ годъ. Прибавимъ, что, по настоянію Геннига, учителей и оканчивающихъ курсъ учениковъ, съ 1811 г., начали учить прививать оспу,—благодѣтельнѣйшая для города мѣра, еслибъ только она продолжалась непрерывно. Ревность учителей поддерживаема была, кромѣ вниманія и одобренія начальства, и денежными, почти каждогодными, наградами.

Въ $\frac{1813}{1814}$ учебномъ году цифра учениковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ началѣ учебнаго года въ уѣздномъ училищѣ 29 уч., въ продолженіи года выбыло 6, кончило курсъ 3; въ приходскихъ 79. Въ $18\frac{14}{15}$ учебномъ году въ уѣздномъ училищѣ въ началѣ года 31, выбыло 18; кончило курсъ 2; въ приходскихъ 89.

Въ слѣдующіе за тѣмъ годы въ ходѣ училищныхъ дѣлъ не замѣтно ни особеннаго успѣха, ни упадка. Число учениковъ въ приходскихъ училищахъ при началѣ учебнаго года возрастало иногда до 89 (въ $18\frac{14}{15}$ г.); къ концу года ихъ выбывало 25—30 ч. Въ уѣздныхъ училищахъ при началѣ учебнаго года бывало по 35 (въ $18\frac{15}{16}$ г.); середи года выбывало 15—20; оканчивало курсъ 2 — 5 уч. Между прочимъ, и плата, положенная въ 1819 г. почти со всѣхъ учениковъ за ученье (съ приходскихъ по 4 р., съ уѣздныхъ по 8 р. въ годъ), въ соединеніи съ расходами на покупку учебниковъ, которые, на бѣду, и мѣнялись еще довольно часто, была причиною, что ученики или преждевременно выбывали изъ училищъ, или совсѣмъ не поступали въ нихъ.

Считалось достаточнымъ, какъ и доселѣ считается многими, чтобы мальчикъ умѣлъ порядочно читать, мало-мальски писать и считать; затѣмъ, все прочее—роскошь, годная только для богатыхъ. Вотъ почему мальчикъ берется изъ приходскаго, если онъ такъ успѣлъ въ этомъ; а нѣтъ, такъ изъ уѣзднаго, не дожидаясь окончанія курса, а какъ пришлось. Бывали и бываютъ и такіе сердобольные родители, которые мальчика, съ прекрасными способностями, съ отличною ревностью къ ученью, вырываютъ изъ училища черезъ годъ-два ученья изъ боязни, что онъ заучится. И этимъ сердоболіемъ отличаются тѣ самые родители, которые всего менѣе могутъ дать дѣтямъ своимъ должное направленіе. Оттого, взятыя ими изъ училища дѣти предоставляются полному произволу въ дѣлахъ, безъ малѣйшаго надзора. Все доброе, что успѣютъ имъ передать въ училищѣ, глохнетъ и начисто уничтожается въ два-три года праздной и буйной жизни, и они дѣлаются такими же дикарями, такими же неисправимыми негодяями, какъ и никогда не бывавшіе въ училищѣ.

1841 г. былъ особенно счастливъ для уѣзднаго училища. Въ этомъ году пріобрѣтенъ для него каменный двуэтажный домъ за 5000 р. сер. Отдѣланный, онъ представляетъ всѣ удобства для училища: помѣстителенъ, сухъ и теплъ, какъ нельзя и требовать больше. Кромѣ того, самое мѣсто, которое онъ занимаетъ, какъ нельзя болѣе удобно для училища: оно стоитъ въ самомъ центрѣ города.

Приходскія училища и прежде помѣщались и доселѣ помѣщаются въ квартирахъ, что всегда соединено съ чрезвычайными неудобствами; потому что квартиру совершенно годную для училища и найти весьма трудно и нанять стоитъ весьма дорого, что невозможно по крайне ограниченнымъ средствамъ, назначаемымъ думою на содержаніе приходскихъ училищъ. Нужно прибавить, что въ третьей части города совершенно необходимо особенное приходское училище. Отъ второй она отдѣляется значительнымъ пространствомъ и, кромѣ того, р. Жабней. Это представляетъ такое неудобство, что лишь весьма немногіе рѣшаются преодолѣвать его и ходить въ николаевское училище. Между тѣмъ населеніе въ третьей части не меньше, чѣмъ въ заволжской; слѣдовательно, будь тутъ особенное училище, учениковъ всегда могло бы быть до 50, если небольше.

Худшимъ временемъ для калязинскихъ училищъ было директорство г. Коншина. Человѣкъ безъ науки, безъ малѣйшихъ педагогическихъ понятій и притомъ съ необъятными претензіями и съ разными стремленіями, онъ направлялъ всю свою дѣятельность на перестройки, передѣлки, и т. п. Въ его то время пріобрѣли особенное значеніе смотрители, доползшіе до смотрительства разными кривыми путями, способные смотрѣть только за чистотою замковъ и половъ, составлять разныя смѣты и т. п., и не только неспособные двигать впередъ народное образованіе, но даже имѣть объ немъ хотя какое-нибудь понятіе. Въ это время и калязинское училище потеряло много изъ того благотворнаго вліянія на городское народонаселеніе, которымъ оно пользовалось прежде.

Чтобы составить себѣ болѣе ясное понятіе о ходѣ училищнаго образованія, представимъ среднюю цифру учениковъ съ 1815 г. по 1855-й годъ.

	Среднее число учениковъ.				
	Въ уѣздномъ училищѣ.				Въ приходскихъ.
	Въ началѣ учеб. года.	Выбывшихъ среди года.	При окончаніи курса.	Окончившіе курсъ.	
Съ 1815 г. по 1825 г.	30	15	15	6	60
— 1825 — — 1835 —	48	18	30	5	75
— 1835 — — 1845 —	65	25	40	4	88
— 1845 — — 1855 —	60	18	42	3	85

За тѣмъ представляемъ вѣдомость о числѣ учениковъ съ 1855 г. по настоящее время.

Въ уѣздномъ училищѣ.	Въ началѣ учебнаго года.	Выбыло до окончанія года.	Къ концу года.	Кончившіе курсъ.
Въ 1855 году	65	10	47	8
— 1856 —	60	14	42	9
— 1857 —	60	5	47	8
— 1858 —	72	20	49	3
— 1859 —	92	—	—	—

Нужно замѣтить, что въ графѣ: «къ концу года» означены только тѣ, которые дѣйствительно состояли на лицѣ. Случается, и нерѣдко, ученикъ въ весеннiе и лѣтнiе мѣсяцы вдругъ перестаетъ ходить въ классъ, но съ началомъ слѣдующаго учебнаго года онъ снова появляется. Поэтому онъ и не причисляется ни къ выбывшимъ, ни къ состоящимъ на лицѣ. Отсюда и кажущаяся неточность въ цифрахъ. Тоже самое и въ приходскихъ училищахъ.

Въ приходскихъ училищахъ.	Въ началѣ учебнаго года.	Выбывшихъ.	Къ концу года.
Въ 1855 году.	124	28	96
— 1856 —	151	7	144
— 1857 —	146	9	137
— 1858 —	160	19	141
— 1859 —	174	—	—

Нельзя не обратить вниманiя на цифры двухъ послѣднихъ лѣтъ какъ въ уѣздномъ, такъ и въ приходскихъ училищахъ: онѣ слишкомъ замѣтно увеличились. И этимъ училище обязано новому смотрителю, который съ перваго же разу, какъ только поступилъ, повелъ такъ училищныя дѣла, что всѣхъ мальчиковъ, учившихся у частныхъ учителей, поспѣшили перевести въ училище. Въ послѣднее время дошло до того, что въ николаевское училище и принимать стало нельзя по крайней тѣснотѣ помѣщенiя. Смотритель употребляетъ всѣ усилiя, чтобы открыть особенное училище въ третьей части, и тѣмъ дать возможность учиться всѣмъ желающимъ; чѣмъ кончатся эти усилiя—еще неизвѣстно. Къ истинному несчастiю, въ ходъ училищныхъ дѣлъ и образованiя втирается нѣкая личность, въ послѣднее время поселившаяся въ Калязинѣ; одна изъ тѣхъ откупныхъ личностей, вся цѣль жизни которыхъ высасывать изъ народа кровь и самые живые соки. Съ какими цѣлями? Явно, чтобы и училище забрать въ свои руки и имъ вертѣть по произволу своей дикой, откупщичьей фантазiи. Какiя же могутъ быть иныя цѣли у подобныхъ личностей? Ужь конечно не добрыя и благонамѣренныя; потому что откупщикъ и благонамѣренность — два понятiя также несоединимыя, какъ тьма

и свѣтъ, ложь и правда, зло и добро. И если это сбудется, то смѣло можно предсказать полное и совершенное разстройство училищныхъ дѣлъ; потому что откупная система годится только для кабаковъ, а ужь никакъ не для училищъ.

Къ величайшему сожалѣнію, въ Калязинѣ нѣтъ училища для дѣвочекъ. Потребность учить ихъ чувствуется, и всѣ дѣвочки изъ лучшихъ и среднихъ домовъ учатся у частныхъ учителей и учительницъ. Плата за это берется: *за выучку* (техническій терминъ; значитъ — выучить читать бѣгло церковную и гражданскую печать и кое-какъ писать) 4—6 р. Дѣвочка можетъ выучиться въ годъ, или въ два-три года; плата не увеличивается. Полезно ли для дѣвочекъ это ученье? Не обинуясь и положительно говоримъ: безконечно вредно, не оттого, что онѣ учатся, а оттого, у *кого* учатся. Что за людъ эти учители и учительницы? Преимущественно причетники и жены ихъ. Но гаже, безнравственнѣе, отвратительнѣе этого-люда нѣтъ и ничего не можетъ быть. И вотъ подъ чьимъ вліяніемъ раскрываются первыя впечатлѣнія дѣвочки, будущей жены и матери семейства! И вотъ гдѣ основаніе тѣхъ жалобъ, которыя съ каждымъ годомъ слышатся чаще и чаще, жалобъ на то, что какъ только начали учить дѣвочекъ грамотѣ, распущенность дѣвицъ и даже развратъ начали увеличиваться въ страшной пропорціи! Отъ подобныхъ учителей и учительницъ развѣ можно ожидать чего-нибудь лучшаго? Вотъ почему и вездѣ и въ Калязинѣ, безъ малѣйшей пощады, сжегши на кострѣ этотъ погибельный людъ, существенно, необходимо устроить училища для дѣвочекъ, чтобы въ нихъ спасти отъ нравственнаго растлѣнія какъ тѣхъ дѣвочекъ, которыя имѣютъ уже несчастіе учиться теперь, такъ и тѣхъ, которыя судьбой обречены на неисходное невѣжество. Если даже и предположить, чего въ Калязинѣ нѣтъ, что учитель или учительница повыше этого люда, то все таки слишкомъ ничтожна польза отъ всего ихъ ученья. У всѣхъ у нихъ забота одна—поскорѣе отдѣлаться отъ дѣвочки, т. е. поскорѣе выучить кое-какъ читать и писать; а что до религіозно-нравственнаго развитія ученицы, это не входитъ въ кругъ ихъ занятій. А между тѣмъ это-то и важнѣе всего, а собственно для Калязина и нужнѣе всего. Примѣръ мальчиковъ, изъ которыхъ двѣ трети, при поступленіи въ училище, не знаютъ ни одной молитвы, не говоря уже о чемъ-либо большемъ—служитъ горькимъ убѣжденіемъ въ

томъ, что у большинства городскаго населенія нѣтъ семейнаго, собственно материнскаго воспитанія дѣтей, того воспитанія, началомъ и исходомъ котораго полагается молитва. Оно и быть не можетъ. По какому-то странному, нелѣпому предразсудку, въ Калязинѣ (да и не вездѣ ли по уѣзднымъ городамъ?) считается предосудительнымъ для дѣвицы ходить въ церковь до замужества. Тѣ немногіе изъ священниковъ, которые понимаютъ всю глубину зла отъ этого предразсудка, почти безуспѣшно борются съ нимъ,—такъ крѣпко укоренился онъ; едва ли больше пяти семействъ вняли ихъ настойчивымъ убѣжденіямъ. Не посѣщая церкви, ничему доброму не наученная матерью и, такимъ образомъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія не только о предметахъ вѣры, но и о нужнѣйшихъ молитвахъ, дѣвица выходитъ замужъ и дѣлается сама матерью. Тутъ она ходитъ, случается, и нерѣдко въ церковь; но ей ужъ не до того, чтобы изучать хоть молитвы: и поздно, да и всѣ мысли ея поглощены заботами семейными. И вотъ даже лучшая мать, по примѣру своей матери и бабушки, заботится лишь о томъ, чтобы дѣти ея были сыты и одѣты, да не были кривы и слѣпы; о нравственномъ безобразіи она и не помышляетъ; объ образованіи души, безъ котораго такъ легко увлекается человѣкъ на широкую дорогу порока, особенно въ молодости, ей и на мысль никогда не приходитъ. Такъ, глубочайшее невѣжество и переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Но вотъ дѣвочки учатся читать,—хорошо: быть можетъ, между чтеніями попадутся и молитвы, и онѣ заучатъ ихъ; а понять духъ молитвы? Сами онѣ не въ состояніи; учители и учительницы не могутъ передать того, чего сами не понимаютъ; а еслибъ и случилось, что понимаютъ сколько-нибудь, такъ не радились толковать. Такъ молитва и останется для нихъ наборомъ непонятныхъ (славянскихъ) словъ, безъ значенія, безъ внутренняго смысла; и будутъ онѣ болтать ихъ, да еще и исковеркавши самымъ немилосердымъ образомъ (о, еслибъ можно было передать въ печати, до чего доходитъ это коверканье!), однимъ языкомъ, не соединяя съ ними никакого понятія. А нравственное развитіе?—О немъ и помышленія ни у кого нѣтъ. Такъ, превышая матерей въ томъ, что знаютъ грамотѣ, въ отношеніи нравственномъ онѣ будутъ продолженія своихъ матерей и бабушекъ. Разумѣется, есть исключенія. Есть семейства, по тѣмъ или другимъ причинамъ, сближенныя съ своимъ священникомъ. Посѣ-

щая часто такія семейства, онъ имѣетъ возможность слѣдить за нравственнымъ развитіемъ дѣтей и направлять его къ добру; но такихъ семействъ слишкомъ немного, а большинство именно таково, какъ мы описали. Чѣмъ же и какъ искоренить то зло, болѣе страшное, болѣе гибельное, чѣмъ самая бѣдность. Одно и единственное средство—образованіе училищъ, въ которыхъ дѣвочки были бы заботливо ознакомляваемы съ началами вѣры и нравственности. Училище будетъ для нихъ преддверіемъ церкви. Постыдный предразсудокъ, отчуждающій дѣвицу отъ общественной молитвы въ тѣ лѣта, когда воспріимчивость такъ сильна, когда всякое зерно, доброе и злое, брошенное въ юную душу, такъ легко принимается и такъ быстро развивается, уничтожится; такимъ образомъ церковь дополнитъ то, чему начало положитъ училище. Такъ образуются матери христіанки, въ строгомъ значеніи этого слова, и будущія поколѣнія будутъ имѣть то, безъ чего всѣ училища не въ состояніи сдѣлать изъ мальчика человѣка въ настоящемъ смыслѣ,—будутъ имѣть материнское воспитаніе. Могутъ сказать: недостатокъ его для мальчиковъ восполняется въ училищахъ преподаваніемъ Закона Божія. Такъ, Законъ Божій преподается, иногда весьма усердно; мальчики и отвѣчаютъ удовлетворительно и разсказываютъ такъ, что пріятно слушать. Но развѣ въ этомъ все дѣло. Главное,—приложеніе всего этого къ жизни; за этимъ-то законоучитель и не можетъ никакъ слѣдить. Мальчикъ скроменъ, послушливъ, честенъ въ классѣ; но какъ узнаетъ законоучитель: отъ сознанія ли, что это въ высшей степени важно, необходимо для человѣка, мальчикъ таковъ, или изъ одной боязни наказанія? Все это повѣряется только внѣ училища, и доступно преимущественно глазамъ матери. И чтожь, если мать не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о нравственномъ достоинствѣ человѣка. Что, если она равнодушно смотритъ на самые рѣзкіе, возмутительные поступки сына. А сколько такихъ матерей, разсуждающихъ, напр., слѣдующимъ образомъ: «что еще съ него требовать,—малъ, въ его годы мы и сами были нелучше» и т. п.! Что, если она или отецъ сами поощряютъ (а какъ нерѣдко бываетъ это!), и примѣромъ и словами, своего сына къ разнымъ продѣлкамъ. На чьей сторонѣ останется перевѣсъ—законоучителя или родителей? Безъ сомнѣнія, на сторонѣ послѣднихъ. Иначе и быть не можетъ. И по естественному порядку, сынъ въ тѣ годы, когда еще не

можетъ дать себѣ яснаго отчета въ добрѣ и злѣ, скорѣе послушаетъ родителей, чѣмъ чужаго человѣка; психологически извѣстно, что человѣкъ отъ дѣтства и до старости легче увлекается ко злу, чѣмъ къ добру; да и потому еще, что законоучителя мальчикъ слушаетъ года два-три, и то по нѣскольку часовъ въ недѣлю, родителей же видитъ и слышитъ отъ перваго пониманія вещей до того времени, когда укоренится въ немъ то или другое направленіе. Говоримъ не по теоріи, а убѣжденные собственнымъ, многолѣтнимъ опытомъ. Какъ часто любуешься успѣхами и добрымъ поведеніемъ мальчика въ училищѣ; повстрѣчаешься съ нимъ лѣтъ черезъ пять—десятъ, и не узнаешь его, и съ горькимъ изумленіемъ спрашиваешь себя: ужели это тотъ самый, что былъ въ училищѣ. Такъ страшно измѣнился онъ нравственно! Чего жь недоставало къ его училищному образованію. Сначала материнскаго воспитанія, которое подготовило бы его къ урокамъ законоучителя, такъ чтобы онъ бросалъ доброе сѣмя не въ тернъ и репейникъ; а потомъ материнскаго надзора, который содѣйствовалъ бы законоучителю, пока мальчикъ въ училищѣ, и продолжалъ дѣло духовнаго развитія, когда онъ выйдетъ изъ училища. Такъ, материнскаго воспитанія и надзора ничто ни замѣнить, ни восполнить не можетъ. И съ этой точки зрѣнія образованіе дѣвочекъ несравненно важнѣе, чѣмъ мальчиковъ; потому что вліяніе матери на дѣтей и дѣйствуетъ сильнѣе и врѣзывается глубже, чѣмъ отца. Отецъ семейства можетъ быть прекрасной нравственности; но большею частію занятія его внѣ дома, и не на его глазахъ развиваются дѣти. Послѣ цѣлодневной дѣятельности, усталый и измученный, возвращается онъ домой, и не до того ему, чтобы потребовать отчета, чѣмъ и какъ были заняты дѣти, да и голова его полна заботами о внѣшнемъ благостояніи дома. Вотъ отчего такъ нерѣдко у прекрасныхъ отцевъ—безпутныя дѣти! Слѣдовательно, обязанность первоначальнаго воспитанія вполнѣ и безраздѣльно лежитъ на матери, и основаніе того, чѣмъ будетъ человѣкъ, кладется ею. Образуйте мать, развейте въ ней сознаніе нравственности и долга,—и изъ нѣдръ семейства разольются въ общество честь, правда, взаимная расположенность, любовь къ труду, порядку; а вслѣдствіе этого разольется и благосостояніе въ обществѣ, въ городѣ.

Такъ, если бъ явился благодѣтель для Калязина,—не какая-нибудь

откупная личность, бросающая пыль въ глаза копѣечными благотвореніями и грабящая сотни, тысячи рублей, а благодѣтель настоящій, который искренно, безъ всякой задней мысли, захотѣлъ бы возстановить благосостояніе города на прочномъ основаніи, то онъ могъ бы достигнуть своей прекрасной цѣли только и единственно распространеніемъ истиннаго, христіанскаго просвѣщенія въ массѣ народа и преимущественно въ матеряхъ семействъ—настоящихъ, на сколько это возможно и, главное, будущихъ, которымъ, пока онѣ дѣти, есть вся возможность дать должное. Пусть образуется училище, въ которомъ дѣвочки могли бы быть отъ 10 лѣтъ до 14, въ эти важнѣйшіе для будущаго годы ихъ жизни, подъ строгимъ надзоромъ безукоризненно-честныхъ воспитательницъ и способнаго и ревностнаго къ добру священника,—и все иначе пойдетъ въ быту семейномъ и общественномъ; и явится поколѣніе честно-дѣятельное, умное, на добро, на благо себѣ и другимъ. Тогда отцы и матери не будутъ такъ отчаянно горевать и плакать о томъ, что не знаютъ куда дѣться въ своими сынками,—невообразимо буйной вольницей теперь,—никто де ихъ не только не нанимаетъ за деньги, но даже не принимаетъ къ себѣ даромъ; съ охотой, радостью каждый возметъ къ себѣ тогда мальчика; довѣрчиво сдѣлаетъ его своимъ приказчикомъ и, не обманувшись въ своемъ довѣріи, дастъ средства производить собственныя дѣла. Тогда... словомъ, тогда процвѣтетъ Калязинъ, какъ не цвѣлъ никогда прежде, и, что важнѣе всего, процвѣтетъ не на годъ, не на десять лѣтъ, а доколѣ Господь судилъ ему стоять.

Просвѣщеніе поддерживается полезными книгами; но Калязинъ ими чрезвычайно бѣденъ. Общественной библіотеки нѣтъ; есть два-три частныя небольшія собранія книгъ; но онѣ недоступны для большинства. Журналы выписываются, но лицами не принадлежащими собственно къ калязинскому гражданству. Такъ смотритель училищъ и законоучитель выписываютъ всѣ лучшіе журналы и газеты, такъ исправникъ выписываетъ тоже почти всѣ. Но кругъ ихъ читателей ограничивается только *своими*. Изъ калязинцевъ собственно ни одинъ не выписываетъ ни одного журнала, и лишь одинъ получаетъ «Сѣверную Пчелу». Жажда новостей удовлетворяется чтеніемъ газетъ въ трактирахъ, въ которые выписываютъ: М. Вѣдомости, С. П. Б. Вѣдомости и Сынъ Отечества—по одному

экземпляру. Торговцы, нерѣдко по цѣлымъ днямъ просиживающіе безъ всякаго дѣла въ своихъ лавкахъ и лавчонкахъ, убиваютъ время на собираніе и распространеніе всяческихъ сплетенъ, на потѣхи въ родѣ борьбы, кулачнаго боя и т. п.; немногіе читаютъ: Поль де Кока, безсмысленныя сочиненія Сю, Дюма, и тому подобныя произведенія французской и русской школы, привозимыя букинистами на ярмарки и продаваемыя не дороже оберточной бумаги. Вообще, въ этомъ отношеніи,—въ потребности чтенія дѣльнаго, Калязинъ стоитъ на самой низкой степени. Находились люди, которые предлагали торговцамъ даромъ пользоваться своими книгами и журналами,—желающихъ не оказывалось. Даже «Семейная Бесѣда», лучшій журналъ для народнаго чтенія, продаваемый по баснословно дешевой цѣнѣ, и на тотъ не нашлось охотниковъ, какъ ни хлопоталъ объ распространеніи его одинъ изъ священниковъ.

VI. РЕЛИГІОЗНОСТЬ И НРАВСТВЕННОСТЬ.

Въ отношеніи религіозномъ утѣшительно сказать объ Калязинѣ, что въ немъ нѣтъ и никогда не было ни одного раскольника; тѣмъ утѣшительнѣе, что эта язва существуетъ въ г. Кашинѣ и с. с. Кимрѣ и Заозерьѣ, съ которыми Калязинцы имѣютъ постоянныя торговыя и даже родственныя сношенія, и страшно развилась въ самомъ калязинскомъ уѣздѣ. Этого мало, что нѣтъ ни одного раскольника: всѣ калязинцы съ глубокимъ отвращеніемъ говорятъ объ раскольникахъ, особенно сектъ безпоповыхъ; примѣра не было, чтобы кто-либо рѣшился отдать свою дочь въ раскольничью семью, и въ двадцать слишкомъ лѣтъ, какъ мы знаемъ Калязинъ, только двѣ невѣсты взяты изъ такихъ семей (изъ Ростова и изъ Кимры), но и то съ условіемъ, чтобы онѣ сдѣлались сейчасъ же православными, что, за исключеніемъ раскольничьяго сложенія пальцевъ для креста, и исполнено. Такимъ образомъ есть достаточное основаніе надѣяться, что Калязинъ навсегда останется чистымъ отъ этой погибельной язвы.

Но и при этой крѣпкой привязанности калязинцевъ къ церкви православной, нельзя сказать объ нихъ, т. е. о большинствѣ, чтобы жизнь ихъ всегда, во всемъ и вполнѣ была сообразна съ ученіемъ христовымъ и съ постановленіями церкви. Есть семейства

истинно—въ душѣ, въ сердцѣ, во всей жизни благочестивыя; но такихъ слишкомъ немного; есть семейства, въ которыхъ благочестіе только внѣшнее, которое все ограничивается соблюденіемъ обрядовъ, хожденіемъ въ церковь и усердіемъ къ церковному благолѣпію, но нисколько не отражается въ дѣлахъ, въ поведеніи, въ жизни,—такихъ большинство; и есть наконецъ семейства, къ счастію такихъ немного, въ которыхъ не замѣтно благочестія ни внѣшняго, ни внутренняго. Слѣдовательно, въ отношеніи религіозномъ, въ Калязинѣ тоже самое, что вѣроятно и вездѣ, за исключеніемъ раскольниковъ.

Въ несчастіяхъ калязинцы, volentes-nolentes, обращаются къ Богу. Послѣ несчастій даютъ разные обѣты, во избѣжаніе новыхъ, и долго послѣ исполняютъ ихъ. Такъ, послѣ каждаго пожара, въ день несчастія, поднимать иконы изъ церкви, служить молебны на улицахъ и въ домахъ;—этотъ день для нихъ праздникомъ. Точно такъ, поднимаютъ иконы въ улицу въ день, въ которой прекратилась въ ней холера; напр., среди улицы служатъ водосвятный молебенъ, кропятъ всѣ домы и пр. и пр. А какъ разныхъ несчастій, въ разныя времена, въ Калязинѣ было весьма не мало, то почти каждая улица и большая часть домовъ имѣютъ свои праздники. Но, къ величайшему сожалѣнію, и эти проявленія вѣры не проникаютъ глубоко въ жизнь. Если нельзя назвать ихъ чисто внѣшними, то, по всей справедливости, они заслуживаютъ названіе одностороннихъ. Несчастія заставляютъ несравненно усерднѣе молиться, но не исправляютъ, по крайней мѣрѣ не исправляютъ замѣтно, отъ того, что подвигло Господа послать то или другое наказаніе. Выздоровѣвшій больной, безъ всякихъ измѣненій, продолжаетъ свою жизнь по прежнему; на торговцевъ, которые не совсѣмъ честно и безукоризненно вели свои дѣла, не подѣйствовалъ грозный урокъ въ пожарѣ лавокъ и ихъ товаровъ. Какъ только нашли они средства возобновить свои дѣла, принялись за прежнюю систему увеличивать барыши прежними способами и мѣрами. Погорѣвшій строитъ новый домъ, и преспокойно живетъ и дѣйствуетъ по старому.

Есть особенность въ Калязинѣ, изъ старины глубокой дошедшая до насъ и сохраняющаяся крѣпко: необыкновенное усердіе молиться за умершихъ. Во дни памяти ихъ никакая дурная погода, ни

самая страшная мятель не въ состояніи удержать родныхъ-живыхъ отъ того, чтобы пойти на кладбище и помолиться на могилѣ почившаго. Подъ снѣгомъ и дождемъ, при 25° морозу, терпѣливо стоятъ они до тѣхъ поръ, пока придетъ священникъ и прочтетъ обыкновенныя заупокойныя молитвы. Но и этотъ прекрасный обычай, перешедшій даже въ законъ своего рода, слишкомъ много теряетъ своего значенія отъ того, какъ выполняется онъ. На могилахъ никогда не замѣтно благоговѣйнаго молчанія, этого вѣрнаго признака, что человѣкъ глубоко проникнутъ мыслью, гдѣ и за чѣмъ онъ. Въ страшной обители мертвыхъ, которую человѣкъ съ сознаніемъ не можетъ посѣщать безъ сильнаго душевнаго волненія, гдѣ въ страшныхъ образахъ возстаютъ передъ нимъ его собственная смерть, его прошедшая и будущая жизнь, гдѣ онъ невольно погружается весь въ самаго себя,—у насъ всегда говоръ о домашнихъ дрязгахъ, о всякомъ вздорѣ. Такъ этотъ прекрасный обычай, завѣщанный стариной, худо понимается у насъ, хоть и держится крѣпко. Такъ и въ этомъ, болѣе или менѣе, одна внѣшность.

Изъ всего, доселѣ сказаннаго, можно составить нѣкоторое понятіе о нравственномъ состояніи города. Укажемъ еще на нѣкоторыя черты, особенно рѣзко бросающіяся въ глаза.

Горькіе плоды отъ дурнаго воспитанія дѣтей созрѣваютъ скорѣе всего для родителей. Не много, очень не много у насъ тѣхъ благословенныхъ семействъ, въ которыхъ царствуетъ искренній, сердечный миръ, невозмущаемый никогда ссорами. Въ большей части— нескончаемые раздоры. Грубое, до жестокости, обращеніе дѣтей съ родителями, совершенное неповиновеніе имъ—у насъ дѣло до того обыкновенное, что это никого не удивляетъ и не возмущаетъ. И можетъ ли быть иначе? «Учи дѣтей, говоритъ простонародная пословица, пока они лежатъ поперегъ лавки, лягутъ вдоль,—тебя станутъ учить». У насъ не исполняется первое; за то, къ ничѣмъ непоправимому горю, буквально исполняется послѣднее. Въ пятнадцать лѣтъ сынъ *учитъ*, принимая это слово въ худшемъ значеніи, мать; въ двадцать начинаетъ учить отца. Разумѣется, противъ этого принимаются мѣры. Но что̀ всѣ мѣры, и самыя энергическія, если онѣ несвоевременны, поздны? Онѣ рѣшительно безполезны. Онѣ большею частію оканчиваются тѣмъ, что сынъ бросаетъ со-

всѣмъ родителей и дѣлается совершенно чуждымъ для нихъ. А если это почему-нибудь не удастся ему, то родителямъ нелегче оттого. Онъ дѣлается бичемъ ихъ. Идти во всемъ наперекоръ ихъ волѣ, ихъ желаніямъ, обращается наконецъ ему въ привычку. Родители побьются, такъ и бросятъ наконецъ, обливаясь горькими, но безполезными слезами. И такъ человѣкъ упрямо-несознателенъ, когда понимающій дѣло объяснитъ имъ, отчего это несчастіе, они никогда не соглашаются съ этимъ объясненіемъ, а всегда утверждаютъ: «ужь Господь зародилъ такого дурнаго сына». Случается, нѣкоторые родители употребляютъ болѣе строгія и крутыя мѣры, при посредствѣ мѣстнаго начальства; но и ими очень рѣдко достигаютъ они своей цѣли; а большею частію сынъ, послѣ особенно крутыхъ мѣръ, ожесточается совершенно, дѣлается отъявленнымъ негодяемъ и, какъ неисправимый, отдается въ солдаты, или самъ уходитъ охотой. Бываютъ тихіе отъ природы; выросши, они не бичуютъ своихъ родителей и не оскорбляютъ ихъ грубостями и непослушаніемъ, но и мало доставляютъ утѣшенія. Въ дѣтствѣ ненаученные ничему, или почти ничему, они съ трудомъ пропитываютъ сами себя, а родители должны биться до гробовой доски, чтобы не умереть съ голоду и холоду. Исключенія и въ этомъ, какъ и во всемъ, есть; случается, изъ дерзкаго, непочтительнаго мальчика со временемъ дѣлается самый покорный, самый заботливый о благѣ родителей сынъ; но, какъ исключенія, такіе случаи рѣдки.

Безпутный сынъ никогда не сдѣлается добрымъ отцемъ,—съ сознаніемъ всей важности своихъ обязанностей. Поэтому, наживя собственныхъ дѣтей и воспитавъ ихъ, какъ самъ былъ воспитанъ, онъ также казнится отъ нихъ, и терпитъ то же, что отъ него терпѣли его родители. Такъ идетъ поколѣніе за поколѣніемъ. Горькій опытъ одного не научаетъ другаго—быть умнѣе, распознать въ чемъ зло и принять нужныя мѣры противъ него.

Дурной сынъ никогда не будетъ добрымъ братомъ. Такъ, у насъ мало такихъ семействъ, въ которыхъ два-три брата жили бы въ одномъ семействѣ и согласно. Еще бываетъ, что при жизни родителей нѣсколько братьевъ, хоть и непрестанно ссорятся, но живутъ вмѣстѣ; а умрутъ они—братья спѣшатъ дѣлиться. И не всегда эти раздѣлы оканчиваются миролюбиво; большею частію

между братьями начинаются тяжбы и судбища. Раждается вражда жестокая и безпощадная, которая оканчивается иногда лишь съ жизнію котораго-либо изъ братьевъ. Вслѣдствіе этой вражды, тяжба принимаетъ видъ мести, которая не склоняется ни на какія убѣжденія къ миролюбію. И тутъ, съ цѣлію удовлетворить мести, измучить другъ друга судбищами, они нерѣдко иждиваютъ на тяжбы все наслѣдіе родителей.

Есть однакожъ черта, которая нѣсколько миритъ съ этимъ отсутствіемъ любви между братьями. Если у нихъ есть взрослая сестра, то они, какъ можно скорѣе, стараются выдать ее замужъ. Иногда для этого пріостанавливаются раздѣломъ; а если раздѣлятся, то, мирно или немирно сдѣлается это, все таки выдаютъ ее общими силами. Случается, нужно отдать ее въ самый разгаръ ссоры; и тутъ, при посредствѣ какой-нибудь умной родственницы, приданое дѣлается общими силами. Ссорящіеся не сойдутся на свадьбѣ сестры, а свадебные расходы дѣлятъ между собой. Послѣ, каждый изъ нихъ посѣщаетъ сестру, но лишь стараются не столкнуться между собой. Значитъ, въ нихъ все таки таится потребность любви родственной, и они обращаютъ ее на сестру, которая, какъ существо слабѣйшее, не могла участвовать въ ссорахъ ихъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что семейственный бытъ въ большей части жителей Калязина, и особенно бѣднѣйшаго класса, долженъ быть преобразованъ радикально. Съ чего должно начать это преобразованіе, мы сказали выше. Прибавимъ только, что къ числу причинъ настоящей бѣдности у насъ должно отнести и это разъединеніе семействъ. Какъ ни плохи у насъ торговыя и промышленныя дѣла, а все же семейства, состоящія изъ двоихъ-троихъ братьевъ, согласныхъ между собою, если не составляютъ капиталовъ, то по крайней мѣрѣ живутъ безбѣдно. Разъединеніе семействъ, не говоря уже о бѣдныхъ, даже и богатыхъ, всегда служитъ признакомъ упадка ихъ. Причина этого такъ очевидна, что не считаемъ и нужнымъ распространяться объ ней.

Человѣкъ, не научившійся миролюбію въ семействѣ, не можетъ быть миролюбивымъ и въ обществѣ. Вотъ почему у насъ и нѣтъ того, чѣмъ держится, отъ чего процвѣтаетъ всякое общество: нѣтъ единодушія, нѣтъ взаимой готовности спѣшить другъ другу на помощь въ случаѣ нужды. И пусть бы только не было этого; а то во

многихъ и многихъ замѣчается ничѣмъ неизвинимое желаніе—вредить дѣламъ другаго. Вотъ нѣсколько грустныхъ, но справедливыхъ фактовъ. Торговецъ, не имѣющій собственнаго капитала, пріобрѣтаетъ гдѣ-нибудь кредитъ. Ловко и изворотливо ведетъ онъ свои дѣла и довѣріе къ нему увеличивается, и состояніе его поправляется. Но вѣритель сталкивается гдѣ-нибудь съ другимъ калязинцемъ и, естественно, распрашиваетъ о своемъ должникѣ. Тутъ употребляется все: и самая черная клевета, и самыя злостныя выходки противъ должника, чтобы только лишить его довѣрія. Испуганный довѣритель круто принимается за своего должника, и убиваетъ его дѣла и состояніе при самомъ началѣ развитія ихъ. Промышленникъ дѣлаетъ какой-нибудь значительный подрядъ. Польза отъ этого несомнѣнна для него. Но узнаютъ другіе и употребляютъ тѣже продѣлки, или сбиваютъ цѣну до того, что подрядившійся долженъ бросить все дѣло, или повести его съ убыткомъ для себя. На торгахъ къ арендованію, напр., мельницы, пригородныхъ земель, калязинецъ уступитъ скорѣе всякому другому, чѣмъ согражданину, и пр., и пр. Такъ, вредя одинъ другому, черня одинъ другаго, они подрываютъ взаимно свое благосостояніе. Нетакъ бываетъ въ обществѣ благоустроенномъ: тамъ каждый членъ крѣпко поддерживаетъ одинъ другаго. Видитъ, что другой бѣдствуетъ, онъ спѣшитъ помочь ему собственными средствами, или старается доставить ему кредитъ. Видитъ, что у другаго начинаютъ дѣла идти хорошо, онъ всѣми силами своими, всѣмъ вліяніемъ своимъ поддерживаетъ ихъ и содѣйствуетъ успѣху. И если онъ не всегда дѣйствуетъ такимъ образомъ по чистой, искренней любви къ другому, то, покрайней мѣрѣ, по вѣрному разсчету. Пусть дѣла его такъ хороши, что и желать больше нельзя; но онъ знаетъ, что во всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ столько случайностей, которыхъ никакой умъ, никакая опытность не въ состояніи предвидѣть, что не сегодня, такъ завтра и въ его дѣлахъ можетъ произойти разстройство; и ему потребуются чужая помощь, чужая поддержка. И онъ несомнѣнно получитъ ихъ или отъ тѣхъ, которымъ самъ помогалъ, или отъ другихъ, которые разсчитываютъ такимъ же образомъ Такъ и возвышаются одинъ за другимъ, и образуютъ на прочномъ основаніи торговый, или промышленный городъ.

Не смотря однакожъ на все это, къ чести калязинцевъ должно ска-

зать, что изъ среды ихъ доселѣ не бывало ни одного злостнаго банкрота. Всѣ бѣды, всѣ невзгоды они несутъ на себѣ; бываютъ несостоятельные, но несчастные, въ самомъ строгомъ значеніи этого слова. И тутъ они спѣшатъ представить въ уплату своихъ долговъ все, что имѣютъ—до послѣдняго салопа жены, до послѣдней чайной ложки, что такъ удобно было бы скрыть. Обыкновенно они остаются только - только что не въ такомъ положеніи, въ какомъ мать родила; но за то не пропадаютъ по цѣлымъ годамъ безъ вѣсти, и не боятся встрѣчи съ кѣмъ угодно, и съ самими довѣрителями. И никто, даже человѣкъ съ пуританской честностью, не рѣшается бросить имъ въ лице насмѣшку или укоръ; всякій, напротивъ, въ утѣшеніе имъ говоритъ: «счастье и несчастье отъ Бога». Оговоримся впрочемъ. Мы говоримъ собственно о калязинцахъ, т. е. о взросшихъ и ведущихъ дѣла свои въ Калязинѣ. Что до выходцевъ изъ Калязина, напр. въ Москву, то мы отрѣкаемся отъ нихъ и словомъ и дѣломъ; потому что наглѣе и безсовѣстнѣе такихъ трудно и представить что-либо.

Скажемъ нѣсколько словъ и о той язвѣ, которою, больше или меньше, заражены всѣ небольшіе города, но которая едвали гдѣ раскинулась такъ широко и глубоко, какъ въ Калязинѣ,—о страсти къ сплетнямъ. Сплетни преимущественно принадлежность женщинъ. Но особенность Калязина состоитъ въ томъ, что въ немъ есть мужчины, всю жизнь спеціально посвятившіе этому благородному и полезному занятію,—плетенію кружевъ изъ былей и небылицъ. Это—людъ праздный, никакимъ дѣломъ незанятый и, къ несчастію, еще дѣдами обезпеченный имѣніями—въ домахъ, земляхъ и т. п. Они бродятъ по лавкамъ, по берегу Волги, всюду, гдѣ только можно что-либо услышать. За тѣмъ, собранные матерьялы передаютъ кружевницамъ. Къ чести ли коренныхъ жительницъ города, или это должно отнести къ ихъ тупоумію, но только онѣ далеко не бойкія и не хитрыя мастерицы въ этомъ прекрасномъ искусствѣ: сплетни чаще всего опутываютъ ихъ самихъ и больше всего вредятъ ихъ собственному быту семейному. Но за то отличаются пришлыя, преимущественно изъ такъ называемыхъ благородныхъ—разныхъ сортовъ, особенно когда удается имъ прожить лѣтъ десятокъ въ городѣ. Между ними сплетни дѣлаются чѣмъ-то въ родѣ ремесла; и такъ усердно, такъ неутомимо трудятся онѣ надъ

нимъ, какъ, вѣрно, никогда ихъ мужья не трудятся надъ своимъ дѣломъ. И не мудрено: все же *барыни*, въ провинціальномъ значеніи этого слова, т. е. тотъ разрядъ прекраснаго пола, который, безъ всякаго образованія, безъ всякой наклонности къ труду, и даже еще съ отвращеніемъ къ нему, при самыхъ ничтожныхъ жизненныхъ средствахъ, не знаетъ, куда и какъ убить свое время. И въ самомъ дѣлѣ, куда дѣваться съ такой обузой, какъ семь дней въ недѣлѣ. Не усѣсться же дома за рукодѣлье! Нужно бродить—одна до другой, или цѣлой компаніей, напр., около пароходной пристани, или просто по улицамъ. А собравшись гурьбой, о чемъ бесѣдовать, когда ни у которой ни одной дѣльной мысли и не водилось и не родилось въ головѣ. По неволѣ примется за репутацію другаго,—перваго, который попался на глаза или на языкъ. Есть даже такія артистки, которыя употребляютъ для этого экстраординарныя средства: онѣ разсылаютъ своихъ дѣвокъ, если имѣютъ, или работницъ выслушивать и подслушивать всюду, гдѣ только можно; приглашаютъ къ себѣ такъ называемыхъ богомолокъ, которыя, подъ видомъ благочестія, посѣщаютъ семейства, вкрадываются въ довѣренность и узнаютъ всѣ семейственныя тайны; и не щадятъ угощеній, чтобы узнать все, что соберутъ и выпытаютъ тѣ; въ церквахъ онѣ нарочно остаются отъ одной обѣдни до другой, сидятъ среди старухъ, особенно извѣстныхъ своей болтливостью, и даже среди нищихъ, которые, ходя по цѣлому городу, имѣютъ возможность скорѣе другихъ узнавать, гдѣ что сдѣлалось и замѣняютъ для города полицейскую газету, и пр. и пр. И послѣ, по канвѣ собранныхъ свѣдѣній, какія яркія картины рисуютъ онѣ! Если въ этихъ картинахъ всегда не достаетъ вѣрности рисунка, то ужъ не жалѣется красокъ. И чего только не знаютъ эти артистки! Онѣ знаютъ, въ которомъ часу кто встаетъ, ложится, когда и что обѣдаетъ, куда ходитъ: едва ли даже не знаютъ, о чемъ думаетъ, по крайней мѣрѣ, не затрудняясь, всегда скажутъ, кто что намѣренъ дѣлать черезъ день, черезъ недѣлю, черезъ годъ. Бѣда, когда сойдутся двѣ-три такихъ артистки; а это по пословицѣ: similis simili gaudet, бываетъ непрестанно; тутъ всякій, маломальски порядочный человѣкъ, разобранъ и разложенъ такъ, какъ не удается ни одному анатому; тутъ взвѣшано, оцѣнено и переоцѣнено все, отъ его умственныхъ способностей и нравствен-

ныхъ свойствъ до самыхъ физическихъ потребностей и способовъ къ удовлетворенію ихъ; всему дается свое толкованіе, свое значеніе и, разумѣется, всегда превратныя,—иначе сплетня потеряла бы свою силу и значеніе; тутъ нѣтъ пощады ни самому честному, ни самому благонамѣренному человѣку: найдутъ и въ немъ пятна; а не найдутъ—выдумаютъ, и распустятъ по городу то, чего ему и въ самомъ безтолковомъ снѣ не представлялось; о чемъ у него и въ помыслѣ никогда не бывало. Чтобы судить о степени зла отъ этой язвы, довольно сказать, что сплетнями нерѣдко прекраснѣйшая репутація растерзывается; предается на общій позоръ имя, которое должно бы служить украшеніемъ, славой и честью города; закидываютъ грязью самыя благія, самыя чистыя, самыя общеполезныя намѣренія и предпріятія; вносятъ раздоръ въ самыя устроенныя семейства, и пр. и пр. Къ счастію для Калязина, такія артистки въ послѣднее время повывелись: которыя умерли, которыя переѣхали въ другія мѣста (—и вотъ что значитъ быть истиннымъ артистомъ,—нѣкоторыя, живя за сотни верстъ и далѣе, знаютъ все: и что дѣлается и даже чего не дѣлается въ Калязинѣ): остались двѣ-три, и то не изъ бойкихъ. А лѣтъ за пятнадцать былъ цѣлый ареопагъ ихъ. Да пошлетъ Господь холеру и на послѣднихъ!

Два слова о суевѣріяхъ. Суевѣрій грубыхъ, бросающихся въ глаза, въ Калязинѣ нѣтъ. О дняхъ счастливыхъ и несчастныхъ у насъ понятія не имѣютъ. Лѣтъ за двадцать вѣрили встрѣчамъ. Но вотъ какой, по видимому ничтожный, случай уничтожилъ и это суевѣріе. Мѣстный протоіерей шелъ къ литургіи. Изъ-за угла вывернулся ему навстрѣчу купецъ, и только лишь хотѣлъ было повернуть назадъ, протоіерей его остановилъ. «Куда такъ торопишься», спросилъ его.—На ярмарку въ Кимру. «Зачѣмъ же повернулъ назадъ». Купецъ смѣшался. «Вотъ-что, продолжалъ протоіерей, какъ нарочно у меня случись въ карманѣ 50 р. асс. Даю тебѣ эти деньги и благословеніе,—поѣзжай, торгуй и на мою долю, но ступай прямо и отъ поповъ никогда не бѣгай». Тотъ поѣхалъ и торговалъ счастливо, какъ никогда прежде. Упросилъ оставить деньги на другую, на третью и т. д. ярмарки,—чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Въ настоящее время онъ одинъ изъ лучшихъ торговцевъ города и самъ разсказываетъ объ этомъ случаѣ. Такимъ образомъ

одинъ случай уничтожилъ, можетъ быть издавна гнѣздившееся, суевѣріе.

Въ нижнихъ слояхъ еще вѣрятъ порчамъ отъ лихихъ людей. Въ припадкахъ отъ падучей болѣзни или просто въ дурачествахъ молодыхъ женщинъ ищутъ знахарей. Чтобы нечистая сила поселялась въ домахъ, коренные Калязинцы не вѣрятъ и даже смѣются надъ этимъ. Такъ, когда въ одномъ изъ кабаковъ, впродолженіи нѣсколькихъ ночей, слышался шумъ и стукъ, и завѣдывающіе водочными дѣлами призвали на помощь *знающаго*, это возбудило хохотъ въ цѣломъ городѣ.

Нельзя однакожъ сказать, чтобы въ Калязинѣ не было шарлатановъ, которые, изъ легковѣрія людскаго, извлекаютъ себѣ выгоды. Они есть, хотя ихъ и немного. Такъ есть шарлатанъ, пользующій отъ запоя. Къ нему возятъ издалека и его возятъ преимущественно въ Москву. Но ни одинъ Калязинецъ не обратится къ нему никогда, видя, что вся его семья отъ жены и до меньшой снохи горьчайшія.

VII. НАРѢЧІЕ.

Рѣчь въ Калязинѣ чистая великорусская, съ нѣкоторыми оттѣнками въ нарѣчіи. Если принять дѣленіе великорусскихъ нарѣчій Сахарова, то нарѣчіе калязинское примыкаетъ къ суздальскому. И дѣйствительно, въ звукахъ говора калязинскаго и суздальскаго слышится что-то родственное: ясно, что Калязинъ пошелъ отъ Суздаля и долго составлялъ съ нимъ единое. И вотъ что весьма замѣчательно: не говоря уже о внѣшнихъ измѣненіяхъ, въ народѣ измѣняются нравы, обычаи, самая жизнь; все особенно рѣзкое, чѣмъ отличалось одно племя отъ другаго, со временемъ сглаживается, все подводится, наконецъ, подъ одинъ общій уровень; лишь одно нарѣчіе остается всегда неизмѣннымъ и во всей цѣлости передается изъ вѣка въ вѣкъ, впродолженіи многихъ вѣковъ. Присматривайтесь самымъ зоркимъ глазомъ ко внѣшней и внутренней жизни всѣхъ великорусскихъ городовъ и вы не замѣтите въ нихъ слишкомъ рѣзкаго различія, по крайней мѣрѣ такого, которое бы черезъ чуръ бросалось въ глаза. Прислушайтесь къ говору ихъ, и вы сейчасъ же скажете: все это одинъ народъ, но разныхъ племенъ

И отчего эта, вѣками несокрушимая, привязанность къ родному нарѣчію, и только одному нарѣчію. Калязинцы, по дѣламъ торговымъ и промышленнымъ, бываютъ всюду, и чаще всего въ Москвѣ. Есть семейства, которыя по десяткамъ лѣтъ живутъ въ иныхъ городахъ. Многіе могли бы и, кажется, должны бы были усвоить себѣ нарѣчіе иное, напр. московское; нѣтъ, гдѣбъ они ни жили, своему нарѣчію они не измѣняютъ отъ дѣтства и до гробовой доски. Калязинецъ въ Москвѣ и Петербургѣ узнается изъ сотни и изъ тысячи туземцевъ. Отчего это? Предоставляемъ рѣшить физіологамъ, филологамъ, историкамъ,—кому угодно.

Укажемъ на особенно рѣзкія отличія калязинскаго нарѣчія.

Здѣсь главную роль играетъ буква *О*. Вездѣ, гдѣ только стоитъ она въ словахъ, сохраняетъ свой чистый, неизмѣнный звукъ, и никогда, ни въ одномъ словѣ не переходитъ ни въ *А* крѣпкое, какъ въ Твери, ни въ *А* смягченное (среднее между О и А), какъ въ Москвѣ. Но эта буква и не произносится никогда такъ крѣпко, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ она просто терзаетъ непривычный слухъ. Такъ слово голова: въ селеніяхъ калязинскаго уѣзда, прилежащихъ суздальскому и переславльскому: го́ло́ва—съ самыхъ крѣпкимъ удареніемъ надъ обоими *О*, въ Старицѣ га́ла́ва,—тутъ крѣпко звучитъ А; московское произношеніе трудно выразить на письмѣ; въ Калязинѣ: голова,—*О* вполнѣ сохраняетъ свой звукъ, но легкій, и удареніе на него не дѣлается. Мо́ло́ко́ въ присуздальскихъ селеніяхъ; ма́ла́ко—въ Старицѣ; мо̀ло̀ко́—въ Калязинѣ и пр.

Буква *Е* въ началѣ и въ срединѣ словъ произносится большею частію какъ йіо. Еще—йіощіо, стекло—стйіокло, ведро—вйіодро и т. п. Въ концѣ глаголовъ йіо звучитъ крѣпче: сидитйіо, ходитйіо, торгуйіотъ, гуляйіотъ; особенно когда къ глаголу прибавляется *те*: пойдем-тйіо, сядем-тйіо и т. п. Но если *те* прибавляется къ другимъ частямъ рѣчи, то *Е* сохраняетъ свой звукъ.

Въ глаголахъ повелительнаго наклоненія прибавляется *си*: дай-си, пожалуй-си, не ходи-си, сдѣлай-си, когда хотятъ выразить, что хоть и просятъ другаго о чемъ-нибудь, или приказываютъ что, но исполненіе предоставляютъ на волю его. *Си* въ такомъ случаѣ равносильно французскому s'il vous plait; дай, не ходи, сдѣлай, если тебѣ угодно.

Въ мѣстоименіяхъ мнѣ, тебѣ, себѣ, всегда прибавляется *ка*. «Приходи-си сегодня. Мнѣ-ка некогда. Тебѣ-ка все некогда».

Тка прибавляется къ нарѣчіямъ и частицамъ: воно-тка, ужетка, и т. п.

Дательный падежъ множ. всегда безъ исключенія замѣняется творительнымъ и наоборотъ. «Вотъ гостинецъ вашими дѣтьми; снесите его ими. Ахъ какъ я радъ вами. Приказали васъ просить къ себѣ съ сыновьямъ, дочерямъ и со всѣмъ гостямъ вашимъ. Чѣмъ торгуешь? Ягодамъ, яблокамъ, пряникамъ».

Есть особенныя слова, употребляемыя, впрочемъ, только старухами: голомятаки—давно; угорно—страшно; неугорно—нестрашно; сивонитъ—вѣтеръ дуетъ съ сѣвера; колоторить—перебываться кое чѣмъ; колотырка — мелочная торговка; блудяшки — игрушки; жбанъ—кружка и т. п. У поденщиковъ есть слово: *дуванить*. Оно значитъ: дѣлить заработанныя деньги и непремѣнно съ водкой.

Есть слова, употребляемыя не въ собственномъ значеніи. Впрочемъ, это употребляется какъ будто для изящества рѣчи и лишь тѣми, которые хотятъ выказать, что они образованнѣе другихъ и могутъ говорить не спроста. Напр. «тянуть канитель»—безъ всякой пользы и нужды продолжать какое-либо дѣло.

Для составленія превосходной степени всегда употребляется слово: *больно*; больно хорошо, больно ладно, живетъ больно счастливо. Кажется, дикое сочетаніе словъ: *счастливо* и *больно;* но оно вошло въ духъ языка и не замѣняется ничѣмъ другимъ. Говорятъ же въ Старицѣ: *дрянно*—хорошо; въ Бѣжецкѣ идіотизмы такъ крѣпко въѣлись въ народный говоръ, что какъ ни странны они, а не сглаживаются ни временемъ, ни просвѣщеніемъ, и кто разгадаетъ отчего степень, напр., хорошаго увеличиваетъ слово: *дрянной* (—гадкій, скверный) въ одной мѣстности, слово: *больной* — въ другой, и, безъ сомнѣнія, множество другихъ словъ въ другихъ мѣстностяхъ. Ни въ чемъ, и особенно въ образованіи языка, случайностей быть не можетъ. Фразу можно выковать на бумагѣ и пустить въ книгѣ; но ввести ее въ говоръ простонародья,—на это не станетъ силъ ни у какого мудреца. Каждое сочетаніе словъ берется изъ жизненныхъ явленій. Но тутъ то и запятая! Ужли въ одной мѣстности все было такъ *дрянно*, въ другой такъ *больно* и т. п., что въѣлись въ духъ народнаго

языка, какъ выраженіе всего, что выходитъ изъ обыкновеннаго строя, изъ обыденнаго хода вещей.

VIII. ОБЫЧАИ.

Въ Калязинѣ доселѣ неизмѣннымъ сохраняется то, что составляло одну изъ отличительныхъ чертъ Славянъ—гостепріимство. Мало городовъ, гдѣбъ оно развито было въ такой обширной степени, какъ здѣсь; по крайней мѣрѣ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ, лишь Мышкинъ отличается тѣмъ же. Поди въ Калязинѣ въ любой домъ и, за дѣломъ пришелъ или нѣтъ, безъ угощенія не выпустятъ. И какого угощенія! Самаго усерднаго, отъ котораго нѣтъ ни силъ, ни средствъ уклониться. Вошли вы въ домъ, знакомый иль нѣтъ—все равно, хозяинъ не о томъ заботится, чтобы узнать, что причиной вашего посѣщенія, а чтобы скорѣе попотчивать васъ, и за тѣмъ, все семейство на ногахъ, въ страшныхъ суетахъ и хлопотахъ. Вы хотѣли бы поскорѣе объяснить дѣло, за которымъ пришли: «нѣтъ, позвольте; такъ не водится»...И является неизбѣжный самоваръ; за нимъ закуска, и пр. и пр. Послѣ всѣхъ этихъ церемоній, нерѣдко очень утомительныхъ, особенно для занятаго дѣломъ, вы можете объясняться. Но если вы не приняли угощенія, лучше не начинайте никакого дѣла: вы обидѣли хозяина и ни въ чемъ съ нимъ не сговорите. Когдажь, исполнивъ все, къ полному удовольствію хозяина, вы откланиваетесь ему, васъ провожаетъ все семейство до дверей, и усерднѣйше просятъ жаловать впередъ. Вы не застали хозяина, — нѣтъ нужды: васъ точно также радушно приметъ и усердно угоститъ хозяйка. «Принять не могутъ»,—это выраженіе у насъ неслыханное, невѣроятное. «Дома хозяинъ»? Нѣтъ.—«Ахъ, какъ жаль»...—Все равно, домъ—дома, милости просимъ.—Конечно, такъ принимаются тѣ, которыхъ въ семьѣ знаютъ. Для лица чуждаго, и особенно пріѣхавшаго изъ Твери чиновника—Калязинцы дикари. Разумѣется, все это дѣлается въ семействахъ, которыя имѣютъ состояніе. Бѣдные примутъ также радушно; но не угостятъ по причинѣ очень понятной. Исключеніе въ этомъ случаѣ за содержателями постоялыхъ дворовъ. Ну, ужь тутъ у насъ, какъ и вездѣ, будьте осторожны и не склоняйтесь на ласковую рѣчь, если не имѣете привычки

кидать на вѣтеръ свои деньги. Договоръ за все—отъ комнаты и до воды для умыванья, единственное средство разсчитаться съ содержателемъ безъ ссоры.

Страсть къ гостепріимству особенно выражается во время праздниковъ, имянинъ и при нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ. Не принять и не угостить въ праздникъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ считается чѣмъ то въ родѣ грѣха, по крайней мѣрѣ дѣломъ самымъ не извинительнымъ. Родился младенецъ, умеръ кто-нибудь, большой или малый—все равно, обѣдъ, на который сзываются всѣ, и дальнѣйшіе родные. Въ третій, въ двадцатый, въ сороковой дни, въ годины, въ полугодины—тоже самое. И вотъ до чего доходитъ нерѣдко: ради этихъ обѣдовъ закладывается и даже продается послѣднее. И напрасно кто захотѣлъ бы убѣждать ихъ—прекратить эти безполезныя издержки: «нельзя, такъ заведено»,—вотъ отвѣтъ ихъ на всѣ убѣжденія.

Можно бы подумать, что при этомъ въ Калязинѣ сильно развито пьянство. Нѣтъ, эта позорная и погибельная страсть во всеобщемъ презрѣніи. Есть преданные ей, но такихъ не много, и то изъ бѣднѣйшаго класса. Очень рѣдко бываетъ, чтобы кто-нибудь, не говоримъ уже изъ лучшихъ, но и изъ среднихъ, при какомъ бы то ни было случаѣ, позволилъ себѣ лишнее до того, чтобы забыть себя. Угощенія здѣсь весьма радушны и усердны; но рѣдко гдѣ они переходятъ въ оргіи. Изъ женщинъ весьма немногія пьютъ вино, и изо ста одна употребляетъ водку. Вообще, женщина нравственно стоитъ здѣсь несравненно выше мужчины. Въ двадцать слишкомъ лѣтъ, какъ мы знаемъ близко Калязинъ, не было ни одного случая, отъ котораго нужно бы было краснѣть за калязинскую женщину, разумѣется, изъ хорошаго дома.

Свадьбы отличаются у насъ отъ другихъ мѣстъ тѣмъ, что при нихъ у насъ не бываетъ никакихъ суевѣрныхъ обрядовъ и ни малѣйшихъ странностей. Онѣ устроиваются слѣдующимъ образомъ. Избравъ себѣ невѣсту, женихъ объявляетъ о томъ родителямъ. Если они согласны, то посылаютъ свататься ближайшую изъ родственницъ. Если невѣста и ея родители непрочь отъ предлагаемаго союза, то даютъ роспись приданому. Затѣмъ, въ домъ жениха собираются всѣ родные и разсматриваютъ роспись; приписываютъ въ ней чего, по ихъ мнѣнію, недостаетъ, измѣняютъ,

пересылаются нѣсколько разъ съ родителями невѣсты, словомъ, торгуются до послѣдней возможности. Порѣшивъ, наконецъ, общимъ совѣтомъ той и другой стороны, дѣло о приданомъ, старѣйшіе изъ родныхъ жениха идутъ въ домъ невѣсты, ударяютъ по рукамъ и молятся Богу. Невѣста посылаетъ жениху платокъ,—первая степень обязательности предположеннаго союза. «Дали платъ», значитъ дѣло рѣшено начисто. Еслибъ случилось послѣ «плата» которой-либо сторонѣ отказаться, то она обязана платить издержки за все, до послѣдней выпитой чашки чаю. А что расходовалось до «плата», то въ счетъ нейдетъ. Въ условленный вечеръ женихъ, съ ближайшими родными, идетъ къ невѣстѣ. Тамъ благословляютъ жениха и невѣсту родители того и другой образомъ; далѣе слѣдуетъ угощеніе, которое оканчивается ужиномъ. Это сговоръ частный, семейный. Въ ближайшій за тѣмъ праздникъ назначается сидѣнье—сговоръ болѣе торжественный. Къ невѣстѣ идутъ всѣ родные жениха и всегда съ священникомъ. Священникъ благословляетъ ихъ; помолвленные садятся, а всѣ прочіе стоятъ; начинается обмѣнъ хлѣба-соли (почти всегда крендели), подарковъ; затѣмъ все, какъ и на первомъ вечерѣ. Все это идетъ чрезвычайно чинно и серьезно. Вся церемонія, начинаясь часовъ въ 8—9 вечера, оканчивается часа въ 2—3 за полночь. Послѣ ужина родные жениха идутъ по домамъ; остается онъ одинъ съ дружкой и начинаются пѣсни, пляски и т. п., что и продолжается до поздняго утра. Въ слѣдующіе дни, до самой свадьбы, женихъ ходитъ къ невѣстѣ завтракать, а по вечерамъ, или точнѣе по ночамъ у нее бываютъ дѣвишники, собраніе молодежи того и другаго пола, съ музыкой, пѣснями, играми, ряжеными, и пр. и пр. Говорятъ, что тутъ иногда и не безъ скандальныхъ исторій. Наканунѣ свадьбы родные жениха и невѣсты ходятъ на кладбище и служатъ панихиду по умершимъ; а вечеромъ къ жениху собираются товарищи, ходятъ съ нимъ въ баню, угощаются и прощаются съ нимъ. У невѣсты тоже самое. Въ этожь время привозится къ жениху приданое невѣсты, во главѣ всего постель. Поѣздъ дѣлается какъ можно торжественнѣе. Женихъ съ священникомъ и ближайшими родными ѣдетъ къ невѣстѣ; здѣсь еще разъ благословляютъ ихъ священникъ и родители невѣсты; далѣе жениху представляются подарки отъ матери и ближайшихъ родственницъ невѣсты, большею частію рубашка съ

принадлежностями, холстъ, разубранный лентами и т. п. При этомъ подается угощеніе, но лишь для виду; никто изъ пріѣхавшихъ не коснется ни до чего. При всей брачной церемоніи—ничего, отзывающагося примѣтами. Говорятъ, что въ былыя времена много было при этомъ суевѣрныхъ обрядовъ. Но бывшій здѣсь протоіерей Н. А. Зосимовскій (да не забудется въ Калязинѣ это имя—лучшаго изъ протоіереевъ!) уничтожилъ всё—до простыхъ примѣтъ. Такъ много значитъ одинъ умный священникъ въ городѣ! По окончаніи брачной церемоніи, въ домѣ жениха встрѣчаютъ новобрачныхъ—отецъ съ образомъ, мать съ хлѣбомъ-солью у воротъ; ближайшая родственница разстилаетъ холстъ и по нему вводятъ ихъ въ домъ. Здѣсь опять благословляютъ ихъ священникъ и родители жениха; по окончаніи поздравленій, новобрачныхъ ведутъ въ спальню, гдѣ подается имъ чай. Послѣ общаго чаю, ужинъ, потому что свадьбы всегда совершаются часовъ въ 5—8 вечера. Ужинъ всегда продолжается часа два—три; пышность угощенія измѣряется количествомъ блюдъ, число которыхъ нерѣдко заходитъ за двадцать и никогда не бываетъ менѣе пятнадцати. На другой день ужинъ для всѣхъ родныхъ, съ обѣихъ сторонъ, въ домѣ молодаго; на третій—тоже въ домѣ родителей молодой. Днемъ—шумъ, пѣсни, пляски, переряживанья въ томъ и другомъ домѣ; не довольствуясь этимъ, ходятъ по улицамъ также съ пѣснями, плясками, переряженные, и пр. и пр. Послѣднее собраніе дѣлается у новобрачныхъ, дней черезъ пять послѣ брака; затѣмъ все входитъ въ свою обычную колею. Въ первый, послѣ того, праздничный день молодые идутъ въ церковь съ родителями и, въ благодарность Господу, служатъ молебенъ. Такъ свадьбы въ Калязинѣ и начинаются и оканчиваются молитвой. Правда, во время свадьбы пошумятъ, попоютъ, попляшутъ, побранятся, помирятся, и пр. и пр.; такъ не льзя же безъ этого: свадьба дивный пиръ.

Святки проводятся въ Калязинѣ шумно, чтобы не сказать буйно. Днемъ на всѣхъ улицахъ и переулкахъ сидитъ, стоитъ, кружится молодежь обоихъ половъ; имѣющіе лошадей катаются; по ночамъ вездѣ пѣсни, пляски, хохотъ. Нелѣпѣйшее обыкновеніе—переряживаться, лѣтъ за десять существовало у насъ во всей силѣ: ряженые толпами бродили по улицамъ; заходили въ домы; здѣсь предавались самому буйному веселью; слышались самыя пошлыя, не-

лѣныя, грязныя остроты и шутки; въ домѣ, по выраженію самихъ хозяевъ, дѣлался содомъ; такъ, переходя изъ дома въ домъ, проводили всѣ ночи. Въ послѣднее время, благодаря настойчивымъ убѣжденіямъ нѣкоторыхъ изъ священниковъ, это безумное обыкновеніе значительно ослабѣло. Изъ домовъ порядочныхъ уже не рядится никто, и ряженые въ такіе домы не пускаются. Оно еще крѣпится между нижнимъ классомъ, куда такъ медленно проникаютъ образованіе и свѣтъ самыхъ чистыхъ, самыхъ благонамѣренныхъ убѣжденій.

Отъ старины глубокой сохранился у насъ обычай молодежи обоихъ половъ: проводить осеннія ночи на улицахъ съ пѣснями и разными играми. Дурныхъ послѣдствій отъ этихъ гуляній было много. Вотъ почему этотъ обычай, въ послѣднее время, поддерживается лишь низшимъ классомъ, и ни одна дѣвица изъ порядочнаго дома не участвуетъ въ этихъ гуляньяхъ. Даже и раннимъ вечеромъ такія дѣвицы отпускаются гулять по улицамъ не иначе, какъ съ замужней родственницей. Главныя гулянья послѣ Сергіева дня (25-го сентября). Тутъ преимущественно женихи высматриваютъ себѣ невѣстъ.

Обычай гадать во время святокъ существуетъ въ Калязинѣ; но не больше, какъ средство посмѣяться, и ничего суевѣрнаго съ этимъ не соединяется.

Обыкновеніе прощаться въ послѣднее воскресенье передъ великимъ постомъ сохраняется. Но съ этимъ обыкновеніемъ, прекраснѣйшимъ по цѣли, съ которою оно установлено, не соединяется никакого внутренняго значенія. Не бывало ни разу, чтобы, послѣ подобныхъ прощаній, враги примирились истинно и искренно; чтобы ими прекратились ссоры, неудовольствія и тяжбы. Раскланяются, разцѣлуются, а назавтра опять за прежнія судьбища.

Обычай кормить въ праздники нищихъ существуетъ. Къ этому присоединяются нѣкоторыя особенности, такъ напр. купцемъ Н. М. Суворовымъ раздаются 8 ноября вариги, носки и чулки шерстяныя всѣмъ нищимъ, сколько бы ихъ ни собралось, которыхъ и собирается до трехъ сотъ человѣкъ. Въ послѣднее время раздается отъ имени купца Н. М. Полежаева по пуду муки, по мѣрѣ крупъ въ мѣсяцъ на каждаго, кто отъ своего приходскаго священника представитъ записку о бѣдности. Кромѣ того, имъ же

выдается по пуду мяса и муки пшеничной втораго сорта передъ великими праздниками и по сажени дровъ.

Было обыкновеніе посылать передъ праздниками въ острогъ деньги, пироги, мясо и т. п., но съ устройствомъ тюремнаго комитета прекратилось.

Въ заключеніе скажемъ о прекраснѣйшемъ обычаѣ, доселѣ сохранившемся въ Калязинѣ. Въ Пасху каждый считаетъ обязанностью сходить къ мощамъ преп. Макарія—«постосоваться» (похристосоваться). Не служа молебна, какъ въ другое время, а просто, послѣ нѣсколькихъ поклоновъ, прикладываются къ мощамъ со словами: «Христосъ воскресе». Точно такъ ходятъ «стосоваться» на могилы родныхъ. И это дѣлается прежде стосованья съ живыми, именно въ самый первый день Пасхи. Основаніе этого обычая—глубокая вѣра въ жизнь загробную. Въ день воскресенія нѣтъ мертвыхъ, всѣ живы, отъ умершаго—прославленнаго, пр. Макарія, и до тѣхъ, прахъ которыхъ давно смѣшался съ землей.

IX. НЕСЧАСТІЯ.

Въ послѣднее время Калязинъ испыталъ много несчастій, которыя, въ общей сложности, съ разными другими невыгодами, надолго подорвали благосостояніе города. Начнемъ съ пожаровъ.

Въ маѣ 1842 года сгорѣло лучшихъ 18 домовъ въ центрѣ города. Пожаръ начался въ полковой больницѣ, въ самую полночь. Распространился онъ чрезвычайно быстро, потому что передъ нимъ долго стояла сухая погода; а тутъ разъигрался еще самый страшный вѣтеръ. Немногіе успѣли спасти кое-что изъ имѣній; большая часть едва успѣла спасти семейства, и все добро, которое наживалось десятками лѣтъ, сгибло въ пламени. Лѣтъ въ десять пожарище кое-какъ застроили, но больше чѣмъ половина погорѣвшихъ изъ состоянія посредственнаго перешли въ состояніе самое скудное.

Въ августѣ 1846 г. сгорѣлъ гостиный дворъ. О причинѣ пожара и объ несчастныхъ послѣдствіяхъ его сказано выше. Сгорѣли 55 нумеровъ лавокъ и товаровъ на сумму 79,672 р. 94½ коп. Къ большему несчастію города, гостиный дворъ доселѣ еще не возстановленъ, не смотря на то, что правительство сдѣлало пособіе въ

15 тысячъ р. сер. Сначала принялись было горячо за это дѣло, но были остановки за строительной коммиссіей. Дальше пошелъ разладъ между самыми гражданами. Наконецъ, были головы, для которыхъ благосостояніе города стояло на самомъ послѣднемъ планѣ ихъ дѣйствій. И лишь теперь настоящимъ образомъ приступаютъ къ возстановленію гостинаго двора, да и то благодаря самымъ энергическимъ мѣрамъ начальника губерніи.

Въ маѣ 1849 г. сгорѣли въ первой части 92 дома на сумму 24,584 р. При порывистомъ бурномъ вѣтрѣ пламя разлилось быстро, такъ-что такая значительная масса домовъ сгорѣла не больше какъ въ четыре часа. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что головни летали за Волгу, въ третью часть, и тамъ загоралось до 10 домовъ, но чрезвычайными усиліями не дали развиться и усилиться пламени. Еще къ счастью, это было днемъ, и при такомъ страшномъ пожарищѣ не погибъ никто. Положеніе погорѣвшихъ, и особенно въ первые два года послѣ несчастія, было ужасно. Они жили по два и по три года въ землянкахъ, въ наскоро и кое-какъ сколоченныхъ анбарахъ, баняхъ и т. п. Даже и теперь они далеко еще не всѣ устроились. Треть изъ погорѣвшихъ буквально пошла поміру и уже не возстановится никогда.

Въ декабрѣ 1850 г. сгорѣлъ домъ на сумму 430 р. Этотъ домъ только-что былъ выстроенъ послѣ прошлогодняго пожара и сгорѣлъ наканунѣ того, какъ хотѣли было въ него переходить.

Въ 1853 г. въ два пожара сгорѣли два зданія на сумму 1,577 р. 28¾ коп.

Въ 1854 г. также въ два пожара сгорѣли два зданія на сумму 13,816 р. Чрезвычайно странно, что три изъ этихъ пожаровъ были въ домахъ, занимаемыхъ конторой и преслѣдовали ее изъ дома въ домъ.

О мелкихъ пожарахъ, напр., кузницъ, сушиленъ на заводахъ и т. п., мы уже не говоримъ, потому что не проходитъ года, чтобы не было ихъ два, три и болѣе.

Изъ этого перечня видно, что пожарами Калязинъ не обиженъ; чтожъ сказать вообще по поводу ихъ?

Прежде всего, пожарная команда всегда находится въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Это сбродъ всякой сволочи, готовой на воровство, пьянство, буйство, и нисколько не способ-

ной на дѣйствія во время пожара. При хорошихъ лошадяхъ, инструментахъ, какъ это почти всегда въ Калязинѣ, они являются обыкновенно, когда огонь уже взялъ свою силу, и явившись, буквально больше мѣшаютъ, чѣмъ приносятъ пользы, потому что парализируютъ дѣйствія туземныхъ кузнецовъ, которые въ этихъ случаяхъ дѣйствуютъ изумительно. И доколѣ не разгонится вся эта сволочь; доколѣ вся пожарная часть не передастся въ полное распоряженіе города, дотолѣ всѣ издержки на пожарную команду трата безполезная. Изъ среды калязинцевъ можно набрать такую команду, которая своею неустрашимостью и ловкостью не уступитъ никакой столичной. Это не преувеличено, а доказывается опытомъ при каждомъ несчастіи, лишь бы не мѣшали имъ безтолковыми приказаніями и распоряженіями.

Причины пожара, какъ водится, не открываются никогда. Но и предосторожности противъ нихъ не берутся никакія. Укажемъ одинъ примѣръ величайшей небрежности. Въ настоящее время все куритъ, до послѣдняго поденщика, не говоря уже объ военныхъ. И гдѣ бъ курящему не пришлось, на улицѣ, на дворѣ и т. п., онъ бросаетъ окурокъ, не взявши даже на себя труда погасить его. Попавши въ щепы, въ солому и т. п., и раздутый вѣтромъ, что мудренаго, что онъ произведетъ пожаръ. По крайней мѣрѣ мы положительно знаемъ, что прошедшимъ лѣтомъ именно такимъ способомъ сожжена д. Ахтимнѣево—97 дворовъ. И еще если оговорить мѣщанина за такую небрежность, то онъ хоть смолчитъ, а извольте сказать офицеру. Боже спаси и помилуй!

Страхованье домовъ какъ-то не въ обыкновеніи въ г. Калязинѣ. Всего застраховано пять домовъ: да и то два изъ нихъ собственно потому, что понадобилось заложить въ савинскомъ банкѣ. Родное ли *авось*, бездна ли формальностей при началѣ страхованія причиной этого, рѣшить не умѣемъ. Выразимъ только желаніе, чтобы въ Калязинѣ, какъ и въ каждомъ уѣздномъ городѣ, введенъ былъ такой же порядокъ страхованія, какъ у казенныхъ крестьянъ: прекрасный и неисчислимо полезный порядокъ!

Теперь о страшнѣйшемъ бичѣ—холерѣ. Въ 1848 г. она надѣлала великихъ бѣдъ въ Калязинѣ. Недолго, только три мѣсяца, свирѣпствовала она здѣсь, но число жертвъ ея было весьма велико, по крайней мѣрѣ уничтожена ею четвертая

часть жителей. И что особенно замѣчательно и странно, она вырывала изъ семействъ тѣ самыя лица, которыми семейства держались и оставляла тѣхъ, отъ которыхъ были бы ради избавиться. Отъ этого выпало немалое число домовъ, прежде довольно устроенныхъ. Сиротство чрезвычайно увеличилось, потому что во многихъ семействахъ остались лишь дѣти. А съ этимъ вмѣстѣ страшно увеличилась и бѣдность. Было бы вполнѣ непростительно и неизвинительно не вспомнить при этомъ объ тѣхъ лицахъ, которыя съ самоотверженіемъ, къ какому только способенъ человѣкъ, старались вырывать жертвы у такого грознаго, безпощаднаго врага, каковъ холера: и многихъ вырвали. То были: городничій Василій Исаевичъ Конощевъ,—одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, одинъ изъ тѣхъ, которые въ настоящее эгоистическое время принадлежатъ къ явленіямъ рѣдкимъ и необыкновеннымъ; городовой врачъ Дмитрій Ал. Тихобразовъ,—простѣйшее и добрѣйшее существо, но вмѣстѣ и знатокъ своего дѣла, и городской голова Николай Мих. Полежаевъ. Описать все, что дѣлали они, не возможно; скажемъ только, что первый, не зная покоя ни днемъ, ни ночью, наблюдалъ, въ какомъ семействѣ появилась болѣзнь; за тѣмъ докторъ и голова, не откладывая ни на секунду, спѣшили въ это семейство оба—со всѣми лекарствами, со всѣми средствами, которые бы потребовались наскоро. Осмотрѣвъ больнаго, они тутъ же давали всѣ пособія: сами терли, если появлялись конвульсіи, сами давали лекарства и т. п. Всегда почти такъ случалось, что они не успѣютъ покончить съ однимъ больнымъ, имъ говорятъ уже о другихъ,—за Волгой, за Жабней. Тутъ остается голова,—туда спѣшитъ врачъ. И сколько вырвано ими изъ рукъ вѣрной смерти. Но за то первые двое не вынесли этой тревожной, неусыпной дѣятельности, и, изнемогши до послѣдней степени, сами сдѣлались жертвой холеры. Лучшимъ доказательствомъ того, до какой степени простирались благородство и безкорыстіе Конощева, можетъ служить то, что послѣ него въ цѣломъ домѣ осталось 20 к., и это послѣ двадцатилѣтней службы въ такихъ мѣстахъ, гдѣ другіе составляютъ себѣ значительное состояніе, да осталась еще жена, съ четырмя дочерми дѣвицами. Страшный примѣръ не остановилъ и не охладилъ дѣятельности головы. Пригласивъ на свой счетъ полковаго врача, онъ до конца холеры, также неуто-

мимо и также спасительно, ратовалъ съ этой эпидеміей. Но... но видно, что вышечеловѣческое самоотверженіе должно и награждаться не людьми.

Въ память того, что эта холера прекратилась шестаго августа, въ день Преображенія Господня, навсегда установленъ крестный ходъ кругомъ города.

Въ послѣдующія лѣта холера возобновлялась, но дѣйствовала, сравнительно, слабѣе. Холеринъ же едвали не навсегда свилъ себѣ гнѣздо въ Калязинѣ. Хуже всего то, что, при малѣйшей неосторожности, онъ переходитъ въ тифъ.

Изъ этого краткаго перечня можно видѣть, что перенесъ Калязинъ какихъ-нибудь лѣтъ въ 15—17. О бѣдствіяхъ прежде бывшихъ, и многихъ и горькихъ по послѣдствіямъ, мы уже не говоримъ; то какъ будто забылось; а слѣды послѣднихъ несчастій такъ еще живы и свѣжи! И долго не изгладятся они; долго Калязинъ не сдѣлается тѣмъ, чѣмъ былъ лѣтъ за сорокъ: да еще и сдѣлается ли когда, знаетъ одинъ Богъ.

Замѣтимъ здѣсь одну характористическую черту калязинцевъ,— безстрашіе во время самыхъ страшныхъ бѣдствій. Такъ небоязненно смотрѣли они въ глаза холерѣ. Мы знаемъ, что въ другихъ городахъ, какъ скоро заболѣетъ кто, его оставляютъ всѣ, кромѣ самыхъ близкихъ родныхъ; да и тѣ берутъ тысячи предосторожностей, когда нужно коснуться его. Мы видали, что умершаго отъ холеры, и не какаго-нибудь нищаго, а почетнаго, провожаютъ на вѣчный покой, кромѣ причта, лишь только два-три человѣка изъ самыхъ кровныхъ, да и тѣ стараются, по возможности, отдалиться отъ гроба. Ничего подобнаго не было въ Калязинѣ. Ктобъ ни заболѣлъ, какъ бы жестоки пароксизмы холеры ни были, на это не обращалось никакого вниманія. За больнымъ ходили свои и чужіе и не помышляли о всеобщемъ предразсудкѣ, что холера заразительна. Такъ было повсюду. Тожъ испыталъ на себѣ пишущій эти строки. Когда, вслѣдствіе изнеможенія отъ усиленной дѣятельности, и его одолѣла холера съ жесточайшими пароксизмами (какихъ я еще и не видывалъ, говорилъ врачъ, потерявшій было всякую надежду на спасеніе),—явились на помощь совершенно чужіе и въ такомъ количествѣ, что достало бы ихъ на пятерыхъ больныхъ; трое сутокъ, неустанно, трудились они, доколѣ не одолѣли врага.

И то были не изъ числа наскучившихъ жизнью, а которыхъ все привязываю къ жизни; къ счастью, ни одинъ изъ нихъ даже и не заболѣлъ. Быть можетъ, такое безстрашіе и было причиной, что холера прекратилась здѣсь въ началѣ августа, тогда какъ кругомъ свирѣпствовала до конца сентября.

X. ВЫГОДЫ И НЕВЫГОДЫ МѢСТОПОЛОЖЕНІЯ.

Для дѣлъ торговыхъ и промышленныхъ Калязинъ поставленъ весьма выгодно. Волга представляетъ всѣ удобства для сбыта какихъ бы то ни было мѣстныхъ произведеній, а также и для привоза всего, въ чемъ представляется нужда, для жизни ли, или для дѣлъ промышленныхъ, напр. пшеницы для передѣлки въ крахмалъ, и т. п. Волга доставляетъ сюда въ неурожайные годы хлѣбъ; и потому, если въ низовыхъ мѣстностяхъ урожаи хороши, то цѣны на хлѣбъ всѣхъ сортовъ не поднимаются слишкомъ высоко. Волга доставляетъ сюда соль, камень, строевой лѣсъ и дрова, безъ чего за эти предметы самой первой необходимости пришлось бы платить втрое; вчетверо дороже противъ настоящихъ, и то уже довольно высокихъ, цѣнъ. Когда въ биржу были значительныя требованія на сѣмя льняное, рожь и т. п., то мѣстные купцы не имѣли нужды ни въ излишнихъ заботахъ, ни въ расходахъ для перевозки ихъ. Крестьяне привозили къ самому дому; запродавъ, они высыпали ихъ тутъ же въ анбары, построенные на берегу Волги. За тѣмъ, по низкимъ и пологимъ мѣстамъ, а также въ устьѣ Жабни, купцы строили барки и лодки и грузили ихъ прямо изъ анбаровъ. Все это приносило великую пользу и для низшаго класса города: сколько требовалось рукъ для подсѣванія, насыпки, нагрузки, и пр. и пр.! Бывали весны, что чернорабочіе добывали въ день отъ рубля до рубля двадцати коп. серебромъ.

Но этажъ Волга, такъ благодѣтельная въ иные года для города, доставляетъ ему почти каждую весну много хлопотъ, а иногда и убытковъ. Вся первая часть расположена довольно низко; во второй по крайней мѣрѣ половина тоже. При весеннихъ разливахъ онѣ почти каждый разъ заливаются водой. Если вода поднимается не слишкомъ высоко, то все дѣло оканчивается страхомъ и хлопо-

тами при мѣрахъ предосторожности; развѣ гдѣ размоетъ печь, взломаетъ полъ, разнесетъ баню, или сковырнетъ лачужку. Еслижь она поднимается высоко, какъ напр. было въ 1855-мъ году, то горе жителямъ низкихъ и пологихъ мѣстъ! Домы низкіе одноэтажные покрываются водой и съ кровлей, двуэтажные заливаются водой больше чѣмъ на половину; жильцы должны выбираться сами и выбирать все; и какъ *авось* и здѣсь играетъ главную роль: авось вода не зальетъ, хоть она ужь и на порогѣ, то все дѣлается нескоро, кое какъ, точно на пожарѣ; отсюда ломка, трата вещей и т. п. Случается, жильцы изъ перваго этажа переберутся во второй,—вода тудажь; они на чердакъ, вода подступитъ подъ крышу, и держитъ ихъ тамъ сутокъ пять, семь и болѣе. И вотъ захваченные запасы истощены; средство сообщенія съ незатопленными одно—слуховое окно, но кричать не докричаться; лодки и плота нѣтъ: и сидятъ сутокъ подвое—трое безъ крупинки хлѣба. А начнетъ сбывать вода—новое горе: отъ печекъ однѣ развалины; полы всковерканы, углы осѣлись и пр. и пр. Словомъ, чтобы послѣ воды привести домъ въ надлежащее положеніе, нужно, по меньшей мѣрѣ, израсходовать треть того, что онъ стоитъ весь. Такъ одинъ купецъ выстроилъ новый домъ, что стоило ему 960 р. Въ девять лѣтъ на починки послѣ воды онъ израсходовалъ 1163 р. съ копѣйками (мы сами видѣли счеты). А кромѣ того, въ пятнадцать лѣтъ домъ совершенно издряхлѣлъ. И вотъ что значитъ привязанность къ наслѣдственному пепелищу: онъ собирается строить новый домъ и на томъ же мѣстѣ! «Авось не все такъ будетъ», разсуждаетъ онъ.

Впрочемъ, должно сказать правду, такъ высоко поднимается вода нечасто, въ пятьдесятъ лѣтъ раза два—три не болѣе. Въ 1852 г. возвышеніе воды было аршиномъ менѣе противъ 1855 г.; но въ такомъ положеніи она стояла девять дней и оттого бѣдъ надѣлала не менѣе. Хуже всего то, когда вода, вслѣдствіе спершагося на низу льду, хлынетъ вдругъ, какъ это было, напр., въ 1857 году. Зима была малоснѣжна и большой воды никто не ожидалъ, поэтому и предосторожностей никто не бралъ. И вдругъ, 3-го апрѣля, хлынула вода такъ, что съ 2 часовъ по 5 по полудни прибыло на два съ четвертью аршина, жильцы затопленныхъ домовъ едва успѣли убраться сами, а все въ домахъ: мебель, утварь хозяйственная и

т. п., было брошено на произволъ судьбы, т. е. воды, и разумѣется, послѣ оказалось, что многое унесено водой, а все оставшееся перепорчено.

Вообще, на десять лѣтъ нужно положить пять разливовъ, соединенныхъ съ бо́льшими или меньшими потерями и убытками; три соединенныхъ только съ хлопотами, и два, когда вода не выступаетъ изъ берего́въ. Предугадать, въ какой мѣрѣ будетъ разливъ и, слѣдовательно, взять всѣ нужныя предосторожности, невозможно. Такъ много причинъ, условливающихъ бо́льшее или меньшее возвышеніе воды, и притомъ причинъ неуловимыхъ для самаго точнаго наблюдателя! Напр. впродолженіи зимы выпадетъ очень много снѣгу; но таяніе его идетъ медленно, «пзморомъ», какъ говорятъ у насъ; дождя при этомъ не случится и вода въ Волгѣ поднимается не высоко. Послѣ малоснѣжной зимы таяніе начнется вдругъ отъ непрерывныхъ, впродолженіи двухъ-трехъ недѣль, дождей, и вода поднимается слишкомъ высоко, что и было въ 1855 году. Къ веснѣ 1860 года столько было вездѣ снѣгу, что мы, пожившіе достаточно на бѣломъ свѣтѣ, и не запомнимъ такого обилія. Всѣ ждали страшной воды и брали предосторожности противъ нее; само начальство заботливо предписывало полиціямъ, чтобы взяты были мѣры; а вода только что вышла изъ береговъ, и не потревожила никого. Кудажь дѣвались эти массы снѣгу? — «Да солнце съѣло», говорятъ старухи. Дѣйствительно, снѣгъ пропалъ незамѣтно: днемъ растаетъ, ночью вымерзнетъ; такъ и пропали страшныя массы его.

Близость Москвы имѣетъ также свои выгоды. Крахмалъ и патока, главнѣйшія произведенія города, преимущественно идутъ въ Москву. Доставка туда, особенно въ зимнее время, удобна, недолговременна и, главное, почти всегда недорога, по множеству пригородныхъ крестьянъ, промышляющихъ извозомъ. Все это промышленникамъ даетъ средства дѣлать скорые и выгодные обороты. Тудажь доставляются рожь, овесъ, ячмень, въ случаѣ возвышенія тамъ цѣнъ; слѣдовательно, лишекъ, когда онъ случится, не залеживается на мѣстѣ и не сбывается за безцѣнокъ. Тудажь везутся къ Рождеству мяса, что живьемъ, осенью, скупается въ уѣздѣ и откармливается на мѣстѣ; къ Пасхѣ—масло, яйца; впродолженіи всей зимы—холстъ, тряпье, пряжа, и пр. и пр. Оттуда

привозятся вещи какъ необходимыя для жизни, такъ и для удовлетворенія роскоши.

Но вотъ эта-то послѣдняя статья и составляетъ невыгоду немаловажную, или точнѣе, немалоцѣнную. Не получая ни одного журнала, мы не имѣемъ возможности слѣдить за нелѣпыми прихотями моды; но на бѣду, Москва почти подъ бокомъ, и моды сами преслѣдуютъ насъ—въ лицѣ торговцевъ, считающихъ необходимостью раза два-три въ годъ привезти самое новое, модное (безъ сомнѣнія много лѣтъ валявшееся у московскихъ торговцевъ), и въ лицѣ отцовъ и мужей, которые за каждую поѣздку что-нибудь да находятъ нужнымъ привезти и, разумѣется, опять самое модное. Вотъ тутъ и начинается кутерьма: какъ не раскупить всего новаго-привезеннаго, хоть старое и годилось бы еще лѣтъ на пять; какъ не приняться за перекройку и передѣлку еще недавно купленнаго, когда вотъ вчера привезли сдѣланное по самой послѣдней модѣ? Но эти покупки и передѣлки и уносятъ едвали неполовину годовыхъ доходовъ въ иномъ домѣ. Хуже всего то, что и въ бѣднѣйшемъ классѣ дѣвицы стараются угнаться за новымъ и за моднымъ, оттого на гуляньяхъ довольно трудно отличить дѣвицу, у которой отецъ торгуетъ довольно порядочно и, слѣдовательно, можетъ одѣвать свою дочь, отъ дѣвицы, у которой мать ходитъ по міру и, которая, поэтому должна одѣваться сама, какъ умѣетъ и какъ знаетъ. Какими способами это дѣлается, угадать не мудрено, а говорить не стоитъ.

О неудобствахъ отъ близости городовъ и торговыхъ селъ мы уже говорили. А удобствъ изъ этого для Калязина почти никакихъ.

XI. КЛИМАТИЧЕСКІЯ, АТМОСФЕРНЫЯ И ДРУГІЯ ЗАМѢТКИ.

Расположенный на мѣстѣ ровномъ, хотя и не очень высокомъ, но весьма сухомъ, при двухъ рѣкахъ, Калязинъ заключаетъ въ себѣ много удобствъ для жизни собственно физической. Жители его не подвергаются никакимъ болѣзнямъ, которыя условливались бы самой мѣстностью. Даже наносныя болѣзни, какъ напр. tiphus febris nervosa—большею частію изъ Москвы, typhus abdominalis contagiosus—изъ Рыбинска и т. п., въ немъ не развиваются съ

особеннымъ ожесточеніемъ, а всегда прекращаются очень скоро. Исключеніе въ этомъ случаѣ, по настоящее время, остается за одной холерой. Поэтому старики въ 70, 80 и болѣе лѣтъ здѣсь явленіе самое обыкновенное; а самая глубокая старость не переходитъ въ ту дряхлость, на которую смотрѣть и больно и жалко; бодрость и крѣпость стариковъ въ Калязинѣ вошли въ поговорку. Даже правило, постановленное для женщинъ, что сорокъ лѣтъ— весь ихъ вѣкъ, здѣсь должно измѣниться въ слѣдующее: «шестьдесятъ лѣтъ—женскій вѣкъ». Въ сорокъ лѣтъ женщина здѣсь еще въ полномъ развитіи силъ и преисправно носитъ дѣтей. Конечно, и здѣсь неизбѣжны исключенія; случается, мужчины и женщины умираютъ въ ранней молодости; но какъ это случается нечасто, и притомъ причиной преждевременной смерти почти всегда бываетъ собственная неосторожность, то мы и имѣемъ право сказать, что климатическія условія въ Калязинѣ—всѣ въ пользу физической жизни. Даже смертность дѣтей, которая въ иныя лѣта бываетъ здѣсь весьма значительна,—отъ пяти до семи на десять, не противъ этого. Эта смертность усиливается въ концѣ іюня и въ началѣ іюля, т. е. когда въ огородахъ особенно много всякой зелени. Совершенное невниманіе матерей къ тому, что дѣлаютъ дѣти ихъ, даетъ имъ возможность съ утра до ночи рыскать по полямъ, огородамъ и худо защищеннымъ садамъ. Незрѣлыя ягоды, едва завязавшіеся яблоки, лукъ, конскій щавель и т. п., все это опустошается и поглощается съ невообразимой жадностью; а неизбѣжное слѣдствіе этого—кровавые поносы и гибель дѣтей.

Вообще въ Калязинѣ народъ здоровый, крѣпкій, но не красивый собой. Съ грустью и крѣпкой болью сердца скажемъ, что усиливающійся развратъ въ самомъ источникѣ изсушаетъ жизненныя силы городскаго народонаселенія. Siphylis, прежде ограничивавшійся отребіемъ человѣчества, начинаетъ проникать и въ хорошія семейства. Главный проводникъ его—мужская молодежь. Безъ настоящаго воспитанія, безъ нравственнаго образованія, праздная и своевольная, эта молодежъ, къ несчастью, почти всегда можетъ располагать бóльшими или меньшими средствами (напр. стянуть въ лавкѣ у отца рубль-другой, надуть покупателя и т. п., ничего не стоитъ), и, безсмысленно кидаясь въ омутъ порока, заражается сама и вноситъ заразу въ семью. Хуже всего то, что къ пособію

врача прибѣгаютъ только тогда, когда уже поправить бѣды нельзя; а въ началѣ обращаются къ шарлатанамъ, которые, употребляя одни внѣшнія средства, загоняютъ ядъ въ самую глубь организма.

Времена года у насъ измѣняются не одинаково, т. е. не въ одни и тѣ же числа наступаютъ весна, зима и т. п. Поэтому, для опредѣленія ихъ, мы возьмемъ среднія числа, и это тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что нами ведется поденная записка съ 1839 года.

Весна, разумѣя подъ этимъ очищеніе полей отъ снѣгу, рѣкъ ото льду и появленіе первой растительности, наступаетъ 15—25 ч. апрѣля, и это наступленіе самое благопріятное, и самое благовременное и самое благотворное. Когда морозы дружно держатся до половины апрѣля, то морозы во вторую половину этого мѣсяца и въ началѣ мая бываютъ рѣдко, и то ничтожны. Работы въ поляхъ начинаются своевременно и производятся безъ торопливости. Посѣвъ гороха оканчивается къ 30 апрѣля, овса къ 2—7 ч. ч. мая, ячменя къ 10 мая, и т. д. Если при томъ выпадутъ дожди безъ сивера (ненастье съ сѣв. зап. вѣтромъ), то растенія оживаютъ и развиваются быстро. Въ самыхъ первыхъ числахъ мая кустарники (смородина, крыжовникъ и пр.) уже цвѣтутъ и даже яблоки, вишни и пр. зацвѣтаетъ. Случается, весна наступаетъ въ самомъ концѣ апрѣля. Такое позднее ея наступленіе рѣдко обходится безъ вреда: озими на высокихъ мѣстахъ вымерзаютъ; посѣвъ яровыхъ идетъ кое-какъ и уже безъ взмету (предварительной роспашки), плоды на деревахъ не вызрѣваютъ. Случается, весна наступаетъ къ концу марта; это уже сущая бѣда. Растенія на деревахъ оживутъ; почка на деревахъ лопнетъ; и—пойдутъ морозы, метели, вьюги; и гибнетъ все—озими, травы и особенно плодовитыя деревья.

Волга очищается отъ льду 3—9 апрѣля.

Начало лѣта у насъ опредѣляется тѣмъ временемъ, когда зацвѣтаетъ рожь, что бываетъ 2—8 іюня.

Труднѣе всего опредѣлить начало осени: случается весьма не рѣдко, съ половины августа начнутся морозы, за ними туманы, сырость и холодъ, а потомъ весь сентябрь и даже октябрь—ясные и теплые, сухіе; случается до конца августа стоятъ жары, точно среди лѣта; потомъ въ сентябрѣ польются дожди, въ перемежку со снѣгомъ, и это продолжается до самаго ноября. Въ народѣ начало

осени опредѣляется первымъ дымомъ, который покажется изъ овиновъ, что и бываетъ во вторую половину августа.

Начало зимы 8—15-го ноября. Ледъ на Волгѣ совершенно устанавляется 13—15 ноября.

Въ двадцать лѣтъ было пять совершенно благопріятныхъ для всего растительнаго царства (особенно 1847 и 1856 г. г.): тринадцать посредственныхъ и два совершенно несчастныхъ. Къ числу послѣднихъ нужно отнести 1859-й годъ. Въ началѣ весны были сивера до половины мая; потомъ началась засуха. Въ концѣ мая и въ началѣ іюня выпалъ два раза дождь и то мелкій и кратковременный; затѣмъ до половины августа—ни капли. Отъ этого рожь на мѣстахъ высокихъ совсѣмъ пропала, на низкихъ была рѣдка, тоща и дала самый ничтожный урожай; яровые и травы на мѣстахъ высокихъ выгорѣли начисто; на низкихъ—яровые дали самый ничтожный приплодъ; травы были рѣдки и скоро свернулись, т. е. начали сохнуть прежде, чѣмъ въ нихъ выработались элементы. Въ результатѣ было то, что во всю зиму въ Калязинѣ продавались: рожь 60—70 к. за четверикъ, сѣно 40—50 к., а къ веснѣ до 65 к. за пудъ; овесъ—45—50 к. за четверикъ. Понятно, что такая дороговизна всего тяжко отозвалась въ народѣ: нищенство увеличилось въ неимовѣрной степени.

Грозы съ каждымъ годомъ надъ Калязиномъ рѣже и рѣже, что, думаемъ, нужно приписать уничтоженію лѣсовъ кругомъ города. Лишь только 1855-й годъ останется памятнымъ въ этомъ отношеніи, потому что грозы, особенно весной, были почти каждый день и необыкновенно сильныя.

Почти не проходитъ осени и зимы, чтобы нельзя было видѣть сѣверныхъ сіяній. Особенно великолѣпныя и продолжительныя были въ октябрѣ 1853 г. и въ декабрѣ 1855 года.

1856-й годъ памятенъ эпидеміей на рогатый скотъ, которая началась съ половины октября и окончилась въ концѣ декабря, истребивъ въ Калязинѣ двѣ трети скота.

Заключеніе.

Какое жъ общее заключеніе выведемъ изъ всего, доселѣ нами сказаннаго? Въ Калязинѣ много условій, совершенно благопріят-

ствующихъ тому, чтобы онъ процвѣталъ; но онъ упалъ отъ невѣжества и отъ недобросовѣстнаго веденія дѣлъ торговыхъ и промышленныхъ. Значитъ, возстать ему единственное средство: обратиться къ плодотворному свѣту образованія. Только при этомъ свѣтѣ калязинецъ увидитъ, пойметъ и сознаетъ, что путь лжи и обмановъ—самый погибельный путь, скорѣе и вѣрнѣе всего губящій того, кто идетъ такимъ путемъ; что неукоризненно строгая честность доставляетъ безусловный кредитъ, а кредитъ ведетъ къ обогащенію.

Искренно желая, чтобы Калязинъ возсталъ и процвѣлъ, еще искреннѣе желаемъ, чтобы заступникъ и молитвенникъ города, пр. Макарій, не допускалъ ко вреду его волковъ хищныхъ въ овечьихъ кожахъ и съ лисьими хвостами, которые, надѣвая на себя маску благотворителей, попечителей и т. п., имѣютъ въ виду одно—выжать изъ граждан̃ъ самые живые соки. Одна такая личность въ два-три года своего житья въ городѣ произведетъ больше зла, чѣмъ самая злая холера, большая даже той, слѣды которой и доселѣ не исчезли.

И. Б.

29 апрѣля, 1860 года.
Г. Калязинъ.

О НЕОБХОДИМОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ СОЕДИНЕНІЯ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ТЕОРЕТИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ ЗАКОНОВЪ СЪ ПРАКТИЧЕСКИМЪ.

Въ послѣднее время намъ приходилось очень часто слышать сужденія о важномъ значеніи открытаго, публичнаго судопроизводства или гласной защиты въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ. Тѣмъ не менѣе вопросъ о томъ, достаточно ли мы приготовлены для такого судопроизводства остается пока еще неразрѣшеннымъ. Чтобы защищать себя и другихъ—необходимо имѣть оружіе, необходимо умѣть имъ дѣйствовать, и при этомъ, чтобы удачно направлять удары, необходимо знать слабыя стороны противника. Но, примѣняя судъ къ борьбѣ юридической, нельзя не спросить: многіе ли у насъ знаютъ законы—это орудіе для защиты правъ, и знаютъ такъ, чтобы могли и доказать свое дѣло и опровергнуть представленныя противъ нихъ возраженія и доказательства? Сколько мнѣ извѣстно, въ провинціи очень мало такихъ юристовъ, которые умѣли бы защищаться и тѣмъ менѣе защищать другихъ, въ особенности изустно, что, безъ сомнѣнія, гораздо труднѣе, чѣмъ письменно. Каждый губернскій городъ едва можетъ насчитать посвящающихъ себя этому тяжелому занятію не болѣе пяти, а уѣздный двухъ человѣкъ; притомъ изъ нихъ нѣкоторые суть такъ называемые *крючки*, а прочіе только *законники* (законовѣды): первые обладаютъ однимъ умѣньемъ затягивать дѣла, давая фактамъ ложное значеніе, привязываясь къ неполнотѣ производства, скрывая обстоятельства; вторые же знаютъ только законы, но не умѣютъ примѣнять ихъ въ данныхъ случаяхъ такъ, чтобы нанести ими полное пораженіе противнику. Мы очень далеки еще отъ того образованія, которымъ обладаютъ заграничные юристы-адвокаты. Тамъ знаніе законовъ и умѣнье примѣнять ихъ составляютъ спеціальный предметъ изученія, обратились въ средство существованія, которое нерѣдко дѣлается такъ выгоднымъ, что отецъ охотно передаетъ его сыну и приготовляетъ его къ званію адвоката и наукою и своею опытностію. Въ Россіи же, хотя есть юридическія заведенія, ни одинъ однако, даже окончившій полный курсъ наукъ въ университетѣ, не

можетъ считать себя достаточно приготовленнымъ для поступленія на службу или въ адвокаты, какъ наприм., въ нѣкоторой степени медикъ можетъ сказать, что онъ съ перваго шагу, дѣлаясь врачемъ, въ состояніи, если хорошо учился, не только подать совѣтъ, но и дѣйствительную помощь въ болѣзни. Между тѣмъ быть готовымъ къ дѣлу, которому кто-либо посвятилъ себя, есть такая необходимость, что, я увѣренъ, всякій сознавалъ ее тотчасъ по вступленіи на службу и въ практическую жизнь, и сознавалъ съ сожалѣніемъ, что его не такъ приготовили въ учебномъ заведеніи, какъ требуютъ того обстоятельства жизни и службы. По всему этому развитіе мысли о возможности соединенія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ теоретическаго образованія съ практическимъ не будетъ, кажется, лишнимъ, тѣмъ болѣе теперь, когда по всѣмъ отраслямъ знанія стремятся усовершенствовать свои теоретическія свѣдѣнія также практическими результатами, добытыми у себя и за границей.

Какъ полезенъ и необходимъ опытъ въ каждомъ дѣлѣ—знаетъ всякій, начиная съ ремесленника до государственнаго правителя. Равнымъ образомъ извѣстно, что мысль, какъ бы она ни была геніальна, только въ своемъ осуществленіи приноситъ истинную пользу. Вотъ почему и самыя начала, выработанныя наукой, лишь опытомъ получаютъ свое подтвержденіе, только послѣ практической, такъ сказать, повѣрки становятся двигателями жизни въ настоящемъ значеніи этого слова. Всего лучше видно это на такъ называемыхъ наукахъ опытныхъ. Но тоже самое должно сказать и о правовѣдѣніи, какъ самостоятельной наукѣ: къ чему знаніе отвлеченныхъ началъ права, если оно не помогаетъ примѣнять къ дѣлу законы даннаго государства, имѣющіе своимъ исключительнымъ назначеніемъ практическую жизнь? Не изъ этой ли жизни возникло и самое право? Не полезнѣе ли, слѣдовательно, связать изученіе какъ вообще права, такъ и въ частности законовъ съ ихъ примѣненіемъ? Но для этого, конечно, необходимы и время и упражненіе.

Обращаясь къ самому преподаванію права въ нашихъ учебныхъ юридическихъ заведеніяхъ и останавливаясь на нашемъ Сводѣ Законовъ, мы постараемся разрѣшить существенный для насъ вопросъ: какимъ образомъ воспитанники учебныхъ заведеній мо-

гутъ достигнуть не только знанія законовъ, но и умѣнья примѣнять ихъ на службѣ и въ практической жизни?

Кажалось бы, каждый преподаватель по той или другой части права, излагая свой предметъ, можетъ съ тѣмъ вмѣстѣ представлять своимъ слушателямъ для разрѣшенія разные случаи, придуманные имъ самимъ, сообразно съ излагаемыми имъ законами. Но кромѣ того, что не всякій профессоръ обладаетъ достаточнымъ знаніемъ и опытностію, чтобы умѣлъ самъ находить разнообразныя въ высшей степени обстоятельства и отношенія, такое изложеніе потребуетъ много времени, а между тѣмъ, не представляя факты, взятые непосредственно изъ самой жизни, не будетъ принято слушателями съ тѣмъ вниманіемъ, которое необходимо для ихъ собственной пользы. Въ самомъ дѣлѣ, выдуманное событіе никогда не можетъ быть изложено съ одной стороны въ удовлетворительной вполнѣ послѣдовательности, а съ другой—въ связи съ всестороннимъ разборомъ различныхъ взглядовъ и доказательствъ лицъ, участвующихъ въ процессѣ; притомъ, въ изложеніи обыкновенно теряется то, что составляетъ сущность судебнаго дѣла—его высокій практическій интересъ, какъ событія, разыгрывающагося въ дѣйствительной жизни.

Какимъ же образомъ оживить преподаваніе законовъ въ учебныхъ заведеніяхъ? какъ достигнуть ожидаемой пользы отъ изученія ихъ, и какъ направить преподаваніе къ этой цѣли, къ которой, безспорно, стремится и правительство? Единственное ко всему этому средство представляется, по моему мнѣнію, въ изученіи воспитанниками учебныхъ заведеній рѣшеній высшихъ судебныхъ мѣстъ и административныхъ управленій по разнымъ вопросамъ или дѣламъ, производившимся въ этихъ вѣдомствахъ. Самый способъ изученія тѣхъ и другихъ рѣшеній долженъ состоять въ томъ, чтобы они предлагались отъ лица профессора не иначе, какъ въ видѣ задачи, которая бы вызывала слушателей къ самостоятельному разсмотрѣнію и обсужденію дѣла. Для этого можно бы, кажется мнѣ, принять слѣдующій порядокъ. Профессоръ самъ или студенты по очереди читаютъ вслухъ обстоятельства, относящіяся къ гражданскому или уголовному дѣлу; послѣ того профессоръ спрашиваетъ кого-либо изъ слушателей: что онъ понялъ изъ изложенія и какой вопросъ, по его мнѣнію, представляется необходимымъ къ разрѣшенію? Да-

лѣе, какой выводъ, полагаетъ онъ, вытекаетъ изъ разсмотрѣнія обстоятельствъ дѣла? какіе законы онъ считаетъ приличными для его разрѣшенія, и почему такъ? Когда всѣ эти вопросы и другіе, какіе покажутся полезными, разберутся подробно, то внимательное прочтеніе опредѣленія высшаго судебнаго или административнаго мѣста будетъ отвѣтомъ, разрѣшающимъ всѣ недоумѣнія и противорѣчія, которыя возникли при разборѣ (*).

Кромѣ того, что такой разборъ составляетъ лучшее средство для вѣрнѣйшаго опредѣленія юридическихъ дарованій каждаго студента и для присужденія ему ученой степени согласно съ его дѣйствительными знаніями и способностями, столь важными для гражданской службы, подобно тому, какъ въ духовныхъ заведеніяхъ преимущественно по сочиненіямъ отличаютъ успѣхи и способности воспитанниковъ,—разборъ рѣшеній судебныхъ и административныхъ мѣстъ принесетъ несомнѣнную пользу и самимъ слушателямъ, ибо при этомъ они узнаютъ на опытѣ какъ возникаетъ дѣло, какъ дополняется оно справками; какому слѣдуетъ порядку въ своемъ производствѣ; узнаютъ, далѣе, не только законныя возраженія и доказательства, которыми пользуются тяжущіяся стороны или подсудимые, но и уловки, которыми они нерѣдко стараются сбить съ толку какъ своего противника, такъ и самаго слѣдователя или судью; наконецъ, познакомятся и съ различными взглядами на дѣло самихъ представителей судебной или административной власти въ разныхъ инстанціяхъ; съ основаніями, принятыми для того рѣшенія, на которомъ они остановились, а въ заключеніе съ тѣми доводами, которые побудили высшее мѣсто или лице рѣшеніе это утвердить или отвергнуть. Въ продолженіе всего этого, профессоръ, направляя слушателей въ разсмотрѣніи дѣла, объясняетъ, почему извѣстному обстоятельству дано то или другое значеніе и какое вліяніе имѣетъ оно на ходъ процесса. Онъ допускаетъ при этомъ между слушателями и приличные диспуты, что еще болѣе утверждаетъ ихъ въ законности рѣшенія и помогаетъ всестороннему обсужденію дѣла; самый законъ, примѣненный такимъ образомъ въ прак-

(*) Очевидно, что съ этою цѣлью должны быть выбираемы такія рѣшенія означенныхъ мѣстъ, которыя по преимуществу могутъ быть признаны безукоризненными, и потому вполнѣ поучительными.

тикѣ, не только остается лучше въ памяти, но и получаетъ надлежащее значеніе.

Съ цѣлью соединить теоретическое преподаваніе законовѣдѣнія въ юридическихъ заведеніяхъ и университетскихъ курсахъ съ разборомъ дѣла, по моему мнѣнію, необходимо открыть въ нихъ три практическія лекціи: одну для разбора опредѣленій или постановленій Сената, Святѣйшаго Синода, Министерствъ и Главныхъ Управленій; другую для разбора дѣлъ уголовныхъ, полицейскихъ и порядка производства слѣдствій; третью для разбора дѣлъ гражданскихъ и межевыхъ. Первая изъ сихъ лекцій можетъ быть поручена профессору государственныхъ законовъ, вторая профессору уголовныхъ законовъ, третья профессору гражданскихъ законовъ. Предположивъ каждую лекцію по два часа, искусный профессоръ можетъ разобрать четыре дѣла: два большихъ и два малыхъ, что составитъ въ недѣлю двѣнадцать разныхъ дѣлъ, а въ учебный годъ, состоящій изъ восьми мѣсяцевъ, триста восемдесятъ четыре, въ теченіи же четырехлѣтняго курса 1536 дѣлъ (*). Какая обширная практика, какое подручное руководство и какой легчайшій способъ каждому изъ слушателей приготовиться и развиться для службы и для примѣненія теоретическихъ свѣдѣній къ дѣйствительной жизни.

Но для полнаго достиженія этой цѣли я полагалъ бы необходимымъ, вмѣстѣ съ разборомъ рѣшеній и опредѣленій судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ, подъ руководствомъ профессоровъ, поручать студентамъ заниматься разрѣшеніемъ дѣлъ и внѣ лекцій. Занятіе это должно состоять преимущественно въ изготовленіи записокъ изъ дѣлъ и другихъ, относящихся къ нимъ, бумагъ, по заведеннымъ

(*) Соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ автора о пользѣ введенія въ курсъ юридическихъ наукъ практическихъ занятій не только на основаніи производства дѣлъ въ Россіи, но и за границей, и зная по опыту, что это очень возможно, ибо въ московскомъ университетѣ профессоръ Морошкинъ дѣлалъ это въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и прежде его судопроизводство преподавалось въ томъ же университетѣ въ соединеніи съ практическимъ производствомъ дѣлъ проф. Сандуновымъ; также въ Казани проф. Мейеръ занималъ студентовъ практическими упражненіями, даже оставилъ программу такихъ упражненій,—я не могу однако не замѣтить, что едва ли достаточно двухъ часовъ для того, чтобы внимательно разобрать и обсудить четыре дѣла, изъ коихъ нѣкоторыя могутъ быть даже очень сложны, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ на профессорѣ лежитъ также обязанность пріучить слушателей не пренебрегать никакимъ дѣломъ, какъ бы ни казалось оно маловажнымъ съ перваго взгляда. *Ред.*

для того формамъ, и въ составленіи журналовъ и опредѣленій. Пусть каждый возьметъ на себя какое-либо изъ бывшихъ въ производствѣ дѣлъ, но, не руководствуясь рѣшеніями самихъ присутственныхъ мѣстъ, пусть изложитъ обстоятельства дѣла своими словами и разрѣшитъ ихъ на основаніи дѣйствующихъ законовъ, какъ признаетъ наиболѣе справедливымъ. По представленіи имъ такого труда профессору, будетъ уже дѣло этого послѣдняго воспользоватся имъ для того, чтобы эту самостоятельную дѣятельность направить также къ достиженію той практической цѣли, которая имѣется при этомъ преимущественно въ виду. Но что занятіе и такого рода необходимо, очевидно изъ того, что никакое знаніе правилъ и формъ не можетъ считаться прочнымъ, пока оно не укрѣпилось ближайшимъ примѣненіемъ его на дѣлѣ.

Я увѣренъ, что каждый молодой человѣкъ, посѣщающій учебное заведеніе не для полученія лишь извѣстной степени, самъ пойметъ необходимость и пользу теоретическаго образованія въ соединеніи съ практическимъ. Этого мало: принявъ участіе въ разборѣ дѣлъ, онъ невольно найдетъ интересъ въ этомъ занятіи, охотнѣе будетъ изучать самые законы; а чрезъ это и юридическіе факультеты получатъ болѣе жизни, а слѣдовательно будутъ приносить и болѣе пользы. Не говорю уже о томъ, что каждая лекція будетъ доставлять студенту новую пищу для бесѣдъ и размышленія, будетъ развивать его способности, вызывать его къ самостоятельнымъ соображеніямъ и къ изученію законовъ . . .

Вотъ путь, который, кажется мнѣ, вѣрнѣе всего можетъ вести къ образованію и у насъ юристовъ-практиковъ и приготовить адвокатовъ, способныхъ къ защитѣ своихъ кліентовъ не только на бумагѣ, но и живымъ словомъ, къ которому пріучатъ ихъ юридическія пренія въ стѣнахъ учебныхъ заведеній. Но и профессора должны отъ этого непремѣнно выиграть: видя ближайшимъ образомъ плоды отъ своихъ трудовъ, они употреблять болѣе усилій къ тому, чтобы самимъ познакомиться короче съ дѣлопроизводствомъ и чтобы практическіе ихъ курсы были, по возможности, занимательны и разнообразны.

Практическое руководство воспитанниковъ юридическихъ заведеній могло бы быть также возложено на одного профессора изъ ученыхъ юристовъ-практиковъ; но, по моему мнѣнію, это не

столь полезно, какъ порученіе каждому изъ профессоровъ, излагающихъ спеціально извѣстную часть законовѣдѣнія, руководствовать вмѣстѣ съ тѣмъ воспитанниковъ и въ дѣлопроизводствѣ по этой части. Съ одной стороны чрезъ это достигается единообразіе и связь въ изложеніи законовъ и ихъ примѣненіи; а съ другой—такое соединеніе побуждаетъ, какъ сказано выше, самого профессора знакомиться ближе съ дѣлопроизводствомъ по его части, а это имѣетъ всегда полезное вліяніе и на самыя его теоретическія свѣдѣнія и изложеніе. Притомъ жалованье, которое слѣдовало бы назначить отдѣльному профессору, можетъ быть распредѣлено между тремя означеными преподавателями, что послужитъ къ улучшенію ихъ средствъ.

Въ заключеніе считаю не излишнимъ сообщить мое мнѣніе, какимъ образомъ преподаватели въ юридическихъ заведеніяхъ могли бы имѣть въ своихъ рукахъ не только лучшія судебныя рѣшенія высшихъ мѣстъ, но и значительное ихъ количество, что, на основаніи вышесказаннаго, для нихъ необходимо.

Извѣстно, что по программѣ Журнала, издаваемаго съ такимъ успѣхомъ Министерствомъ Юстиціи, въ немъ полагается отдѣлъ для судебныхъ рѣшеній, преимущественно Правительствующаго Сената и Государственнаго Совѣта. Нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что этотъ Журналъ получается во всѣхъ юридическихъ заведеніяхъ. Но для пользы этихъ послѣднихъ означенный отдѣлъ Журнала Министерства Юстиціи надлежало бы въ значительной степени увеличить въ его объемѣ, или, еще лучше, издавать къ нему Приложеніе, состоящее изъ опредѣленій высшихъ мѣстъ по разнымъ дѣламъ и вопросамъ, судебнымъ и административнымъ. Для составленія этого Приложенія каждое вѣдомство могло бы ежемѣсячно препровождать въ Редакцію Журнала Министерства Юстиціи копіи съ состоявшихся по тому вѣдомству постановленій, за надлежащею скрѣпою. Такое Приложеніе принесло бы огромную пользу не только однимъ юридическимъ заведеніямъ, но и вообще должностнымъ лицамъ въ Государствѣ, особенно же облеченнымъ судебною властью по выборамъ дворянства и другихъ сословій, не приготовленнымъ къ тому большею частію ни прежнею службою, ни знаніемъ законовъ . . . .

АЛЕКСАНДРЪ ШАПОШНИКОВЪ.

Процессъ краткій приказній, чрезъ которій можетъ отъчасти кто похощеть поразумѣти и познаты порядки приказніе зъ малого и болшіе, выданній при резиденціи гетманской, 1734 года августа «   ».

АККЦЕСЪ.

Понеже въ грамотѣ блаженніе и вѣчно достойніе памяти его величества Петра Первого, императора и самодержца всероссійского, 1720 году ноября 17, за подписаніемъ покойнаго государственнаго канцлера и кавалера графа Гаврила Ивановича Головкина къ покойному гетману Скоропадскому, повелѣно для лутшого порядку и отправленія дѣлъ при гетманѣ здѣлать особую канцелярію, въ которой бы моглъ генералній писарь сидѣть и канцеляристи писма писать и держать въ добромъ порядки и осторожности, и учинить записніе книги, въ которіе вписивать посилаеміе въ государственную коллегію инностраннихъ дѣлъ доношенія и протчіе нужніе писма и всѣ данніе отъ гетмана уневерсали, декрети и всякаго званія дѣла; а о тихъ писмахъ, уневерсалахъ и листахъ, которіе въ болѣзнь гетманскую подписивать будетъ генералній писарь, въ той записной книги описивать имянно, и канцеляристовъ имѣть вѣрнихъ людей и безпорочнихъ и за присягою, чтобъ при гетманѣ была всегда канцелярія въ добромъ порядки и чтобъ то происходили къ гетманской вящшой чести и безопасности; и когда по челобитью кому надлежитъ дать уневерсалъ на крепостніе маетности и на инія угодія, даби такихъ уневерсаловъ у тѣхъ челобитчиковъ принимая, осматривать и записивать подлинніе крѣпости, чтобъ на одни которіе маетности не было дачи двойнихъ уневерсаловъ и въ томъ би народу малороссійскому чинилась всякая справедливость и доброй порядокъ: того ради, по силѣ вышеномянутого монаршого указу, для доброго порядку, и въ другихъ нужнихъ малороссійскихъ канцеляріяхъ, якъ въ полковыхъ, такъ и въ маистратовихъ и сотеннихъ надлежитъ слѣдователно поступать, взирая на вышнее правленіе, даби тѣ нижніе малороссійскіе канцеляріи отъ генералной войсковой главной малороссій-

ской канцеляріи и отъ другихъ государства россійского провинцей и отъ иностраннихъ земель за произвожденіе порядочное дѣлъ въ приказѣхъ къ общенародной ползѣ возимѣли себѣ похвалу, и управляющіе въ ныхъ въ болшое происходили достоинство и получали милость отъ главныхъ своихъ командировъ, и за тѣмъ надлежитъ поступать нижеслѣдующимъ образомъ.

Въ полковыхъ, маистратовыхъ и сотенныхъ канцеляріяхъ имѣти двѣ книги протоколніе: едну исходящихъ доношеній или писемъ изъ канцеляріи полковой въ вышніе канцеляріи малороссійскіе, то есть: въ канцелярію войсковую енералную, къ гетманскому правленію, министерскаго правленія малороссійскихъ дѣлъ и въ канцелярію суда войскового енералного, и вписать въ ту книгу тѣ доношенія или писма кратко, съ вираженіемъ сили, по числомъ мѣсячнимъ, и нумера въ той книги означать токмо на самихъ тѣхъ доношеніяхъ или писмахъ тѣхъ, которіе будуть посилаться въ вышніе канцеляріи; подъ якими именно нумерами оны будутъ записаны нумеровъ не означать за тѣмъ, что по великороссійскому обикновенію вошло, когда нижніе подкомандніе канцеляріи въ вышніе свои командующіе канцеляріяжъ посилають доношенія или писма подъ нумерами, то вышніе канцеляріи зъ того себѣ афронтуются; а на ордерахъ, которіе изъ полковой канцеляріи въ маистратъ или въ сотенное якое правленіе посилаются, нумеры означать, понеже маистратовіи и сотенніи канцеляріи предъ полковими въ менш੦й состоять эстимаціи.

Другую книгу имѣти приходящихъ доношеній или писемъ въ какихъ нибудь дѣлахъ челобитческихъ или колодничихъ въ полковую канцелярію изъ сотенних канцелярій, и тѣ доношенія или писма первіе помѣтить полковому писаревѣ, якого году, мѣсяця и числа будуть, и опредѣленіе написать, якое прикажетъ полковникъ съ протчею полковою старшиною, и то опредѣленіе за крѣпостью полковника и старшини, отдать въ записную ту книгу и записать краткожъ зъ вираженіемъ сили, и записавъ нумеры означать, и чтобъ отдавалъ протоколистъ канцеляристамъ съ протоколной записки съ роспискою, дабы, когда востребуется то доношеніе или писмо, въ скорости возможно было справку здѣлать въ кого оно имѣется и кто приняль, и тѣ приходящія доношенія или писма, естли они будуть къ произвожденію суда касатися, отсилать въ полковой судъ, дабы

въ оном судѣ учинено было разсмотрѣніе и рѣшеніе по указамъ и правамъ малороссійскимъ; а по такимъ челобитческимъ доношеніямъ или писмамъ надлежить въ судахъ поступать по нижевыраженнымъ пунктамъ:

1. Челобитье или доношеніе, если кто подалъ въ какомъ нибудь судѣ или откуду за помѣткою прислано будеть, то оное надлежитъ помѣтить писаревѣ того суда, которого году, мѣсяця и числа будетъ подано, и опредѣленіе на ономъ написать, якое прикажуть судящіе, чтобъ оная отвѣтная сторона или явилась въ тотъ судъ къ отвѣтствію и на якое именно число и якого мѣсяца, или прикажуть судящіе въ нижнемъ какомъ сотенномъ судѣ по тому челобитью быть произвожденію и рѣшенію, и по приказу судейскому оному писаревѣ такое опредѣленіе и написать, и оное опредѣленіе судящихъ дать до закрѣпи рукъ, и отдать ту челобитную съ тѣмъ опредѣленіемъ въ протоколную записку, а съ протоколной записки, когда выйдетъ, то приказать канцеляристамъ, дабы они писали, что въ томъ судейскомъ опредѣленіи повелѣнно будеть.

2. Повѣтчику тому, въ которого тое будетъ челобитье или доношеніе, надлежить на чорномъ отпуску указа позовного занотовать, подъ якимъ нумеромъ тотъ позовній указъ будетъ записанъ и кто именно судіи подписалися, и тотъ чорній отпускъ съ челобитьемъ и состоявшомся на ономъ челобитьи опредѣленіемъ зшить ниткою, даби когда временемъ тоя отвѣтная сторона, получивши позовній указъ, на показанной въ немъ срокъ не станетъ, возможно было по тому дуплекатъ или триплекатъ написать, а чистіе позовніе укази за руками судящихъ и за печатью отдавать истцу или тому, кого истецъ пошлеть, съ роспискою, чтобъ когда случается потеряніе того позовного указа, а кто возметь въ пріемѣ запрется, а подъ дѣломъ, кому отдано виду никаково не будетъ, повѣтчику тому предъ судящими не отвѣтствовать; когда же отвѣтная сторона по дуплекату или триплекату къ отвѣтствію въ судъ не явится и не пріидеть, то розсилщикамъ тѣмъ, кто до оной въ позовнымъ указомъ ѣздилъ, велѣть о томъ доѣздними доношеніями въ судъ объявлять и буде покажутъ розсилщики въ тѣхъ своихъ доношеніяхъ якіе причини, за чимъ тая сторона не могла пріѣхать или тая жъ отвѣтная сторона сверхъ розсилщиского доношенія своимъ доношеніемъ, за чимъ не могла пріѣхать, будетъ объявляти, то о та-

кихъ отвѣтчикахъ вписать писаревѣ права малороссійскіе зъ статута роздѣла 4, артикула 22 и 23 и представлять судящимъ, дабы они чинилы произвожденіе, какъ въ тѣхъ артикулахъ или въ другихъ такихъ же приличныхъ именно показано.

3. Когда отвѣтная сторона пріѣдетъ или повѣренного пришлетъ зъ вѣрующею челобитною на срокъ въ судъ для отвѣтствія, то повѣтчику, за вѣдомомъ судейскимъ, на чорномъ отпуску явку того отвѣтчика подписать, чтобъ онъ на срокъ въ судъ къ отвѣту явился или повѣренного прислалъ, и когда учнетъ требовать копіи съ челобитья истцевого для лучшаго познанія въ отвѣтъ, то копію дать можно на 7 день, по силѣ указу блаженнія и вѣчнодостойнія памяти Петра Первого, императора и самодержца всероссійскаго, за подписаніемъ Его Величества собственной руки 1723 года ноября 12, а именно въ формѣ о судахъ въ 5 пунктѣ изображенного; да въ отвѣтчиковъ же или повѣренних ихъ, по силѣ того жъ 5 пункта въ формѣ о судахъ, брать сказки съ подкрѣпленіемъ или поруки, что онъ на означенній срокъ допросъ говорить будеть и до вершенія дѣла въ судъ будеть ходить и безъ вѣдома судейского съ суда никуда не съѣздитъ, какъ въ томъ же 5 пунктѣ пространно показано; а истецъ, когда отвѣтчикъ станетъ допросъ говорить, чтобъ былъ готовъ со всѣми къ доказателству доказателствами, чтобъ за нимъ волокити не было, и истцу отволоки не давать, по силѣ оногожъ 5 пункта и по силѣ правъ малороссійскихъ.

4. Смотря на челобитчиковъ, когда они будуть не осѣдліе люде, а осѣдлихъ бьють челомъ, и въ такихъ челобитчиковъ брать же сказки съ подкрѣпленіемъ о несъѣздѣ съ суда, для того, что временемъ неосѣдлій челобитчикъ учнетъ бить челомъ на осѣдлого отвѣтчика и призоветь въ судъ ко отвѣтствію, гдѣ онъ и станетъ, узнавъ свою вину изъ суда убѣгнетъ, въ чемъ бываетъ отвѣтчику зъ убиткомъ и волокитою, и о томъ именно, что въ такихъ челобитчиковыхъ неосѣдлихъ брать о несъѣздѣ сказки въ формѣ о судахъ въ 8 пунктѣ повелѣно.

5. Когда прійдетъ время къ допросу, то надлежить во возглавіи допроса написать первіе годъ, мѣсяцъ и число, и опредѣленіе напомянуть, и отвѣтчиково имя или повѣренного его написать, напримѣръ: если бы Андрей Недопиталскій противъ челобитья Ивана Всегодобра-Нечакайского сего году допрашиванъ, то написать во

возглавіи такъ: 1734 году мѣсяця августа « » по вишеписанному полкового NN суда маистратового или сотенного противъ челобитья Ивана Всегодобра-Нечакайского, Андрей Недопиталскій былъ допрашиванъ, а допросомъ сказалъ..., и такъ писать рѣчи отвѣтчикови, что онъ будеть говорить противъ челобитья, чи признаваясь или запираясь; а чего въ челобитьи не написано, того повѣтчику не спрашивать, и хочай бы отвѣтчикъ и говорилъ что не сходно съ челобитьемъ, то въ допросѣ того не принимать, но толко самое челобитье очищать долженъ; напримѣръ, если будетъ исковое челобитье въ долговихъ денгахъ и написано въ челобитьи по облеку, то и спросить отвѣтчика, долженъ ли онъ таковій долгъ и къ облеку признается ль, и буде признается къ долгу такожъ и къ облеку, якъ истець въ челобитьи своемъ напишетъ, то такіе дѣла можно и безъ улики говорить, потому что истецъ въ доказательство болѣе сказать чего не имѣеть, понеже отвѣтчикъ самъ въ допросѣ своемъ того долгу и облека къ тому не запирался. А въ книги порядку въ части 3 напечатано: отвѣтчику, если съ допросу своего кто винится, биваетъ заперено на инного, и челобитчику кромѣ признанія отвѣтчикового болѣе въ доказательство ничего не треба, понеже самъ въ допросѣ долгу не запирается и къ облеку признается; буди же покажетъ, что такого долгу не виноватъ и облека никакова не давалъ и на томъ облеку не утверждается, чи ли онъ есть змишленній или не порядкомъ надлежащимъ написалъ, или подпису его руки свѣдителскихъ не имѣется, и буде покажеть, что подписъ руки не его отвѣтчика и свидѣтелей на томъ облеку подписавшихся станетъ порочить, что онъ ихъ не просилъ и не знаетъ, а истецъ покажетъ во улики своей, что подписъ руки на томъ облеку подлинно его отвѣтчика и свидѣтели по его прошенію подписались въ отвѣтчика,—во оправданіи его треба испросить, можетъ ли онъ отъ того присягою отвестися, что на томъ облику подписъ руки не его заподлинно и свидѣтелей о подписъ не просилъ, или во оправданіи своемъ на то пристанетъ, то ему присягу дать по силѣ права въ книги «порядку» въ артикулахъ права майдебурского, на листу « », а если присягнеть, то отъ долгу того воленъ будетъ; если жъ истецъ напишетъ въ челобитьи своемъ и покажеть во улики своей, что онъ ищетъ долгу своего на отвѣтчику безъ облека и отвѣтчикъ того запирается, сказуя, что не позичалъ и не виноватъ, то хочай бы то и

допряма было, что онъ ему позичилъ и хочай би великой сумми безъ облека искалъ, то по силѣ права въ статутѣ въ роздѣлѣ 4, артикулѣ 26, ничего не поищетъ, кромѣ пяти рублей денегъ, и то если истецъ присягою подтвердить, какъ именно въ томъ артикулѣ 26 прописано. А по порядку великороссійскому, безкабалніе челобитніе въ судахъ и не принимаются и отвѣту противъ ихъ не говорять, также реестрами долговъ своихъ жиди, мѣщане и купцы на шляхтѣ, по силѣ роздѣла 7, артикула 7, пункта 2, въ статутѣ напечатанного, поискать не могутъ; а если жъ кто безъ облека станетъ на комъ долгу своего искать, а имѣются на то свидѣтели и на тѣхъ свидѣтелехъ, якъ отъ истца, такъ и отъ отвѣтчика будеть общая ссилка, то свидѣтелей, по силѣ права въ «порядку» напечатанного, подъ присягою допросить, и если покажеть по ссилки истцевой, что онъ истецъ отвѣтчику таковій долгъ заподлинно позичилъ, то истца оправдить, а отвѣтчика обвинить и тотъ долгъ доправить; а если жъ покажуть свидѣтели по ссилки отвѣтчиковой, что отвѣтчикъ у истца такого долгу не позичалъ, то истцу въ иску его отказать, а отвѣтчика оправить, для того по силѣ права въ статутѣ, въ роздѣлѣ 4, артикулѣ 77 напечатанного, о недостатку писменныхъ документовъ, свѣдители суть доводами съ писменними документами къ доказательству равними; а когда общой ссилки не будеть на свѣдетелей или крайне ни на какихъ свѣдителей не будеть, то чинити по вишеписанному артикулу 26, роздѣлѣ 7 въ статутѣ напечатанного; такожъ за мужа жена, дѣти за отца по змерлой руцѣ, по силѣ артикула 18, въ роздѣлѣ 7 въ статутѣ напечатанного, не повинни долговъ платити, если по немъ не осталось никакого имѣнія движимаго и недвижимаго, и жена или дѣти тымъ имѣніемъ ничимъ не владѣли и не владѣють; а если имѣніе по немъ останется, а жена или дѣти его по немъ владѣють, то повинны и долги платить, сколко того будеть имѣнія.

6. Если въ земскихъ дѣлахъ, то есть о маетностяхъ или грунтахъ случится производить судъ, то такожъ допросъ чинить повѣтчику и испрашивать противъ челобитья, а во улики испросить истца, какіе онъ на тѣ маетности или грунта имѣеть крѣпости и въ которомъ году, мѣсяцѣ и числѣ писанно, и отъ кого данніе, и по тѣмъ крѣпостямъ было ль его истца тими маетностями или грунтами владѣніе, и сколко годъ, и добровольно ль владѣлъ или усиловне, и не было ль

отъ кого о томъ прежде владѣнія его и за владѣніемъ какого спору и челобитья? и буде истецъ покажетъ, что былъ споръ и челобитье, то въ которомъ году, мѣсяцѣ и числѣ, и въ якомъ приказѣ, и якъ оное дѣло послѣ спору и челобитья окончено и въ якой силѣ, и кого справлено и кого обвинено, и чтобъ истецъ показалъ во улики своей всѣ тѣ свои крѣпости именно какіе оні, грамматн ль монаршіе или привилія королевскіе, или уневерсали гетманскіе, чи ли полковничіе, или купчіе записи, и о протчемъ въ чомъ подлежитъ, смотря по дѣлу обстоятелства, испросить же, а о лишнемъ ничего не испрашивать; тако жъ и въ отвѣтчика по оправданіи его испросить, чтобъ было оправданіе его сходно противъ улики исцевой въ рѣчахъ, напримѣръ: что истецъ показалъ въ своей улѣки крѣпости, а именно: грамматн монаршіе, привилія королевскіе, или уневерсали гетманскіе албо полковничіе, или урядовіе какіе записи, то онъ отвѣтчикъ про вишеписанніе крѣпости извѣстенъ ли былъ, и буде покажетъ что извѣстенъ былъ, то какъ извѣстенъ будучи про тѣ крѣпости тѣми маетностями или грунтами завладѣлъ, по уступуль или продажи его самого истца или родителей его и дѣдовъ, и буде покажеть, что по уступу, албо продажи его самого истца, то уступъ тотъ и продажа, какъ отъ истца учинена, доброволно ль или насилно, и буде покажеть, что доброволно, то на томъ уступѣ или продажи истецъ подписался ль, и буде покажеть, что подписался, то гдѣ и при кому и въ якомъ урядѣ тотъ уступъ или продажа состоялась и гдѣ въ книги записана, и въ тѣ пори какъ тотъ уступъ или продажа состоялась, и истецъ самъ не спорилъ ли; и когда тое допряма свѣдителми или другими какими документами отвѣтчикъ докажеть, что тотъ уступъ или продажа была добровольная, то хачай бы истецъ тѣ маетности или грунта имѣлъ по старипнымъ крѣпостямъ, привиліямъ королевскимъ или монаршимъ грамматамъ или уневерсаломъ гетманскимъ, полковничимъ или другимъ какимъ крѣпостямъ, то истцамъ въ такихъ искахъ отказывать, а отвѣтчиковъ оправлять, для того, что продажа, купля и уступъ во всѣхъ государствахъ, по силѣ права въ статутѣ въ роздѣлѣ 7, артикулѣ 4 напечатанного, волніе всегда; и по силѣ права въ статутѣ въ роздѣлѣ 4, артикулѣ 3, пунктѣ 4 напечатанного, кто на своемъ доброволномъ запису не устоить, велѣно такихъ винитѣ; буде же истецъ учнетъ показивать такіе документа, что отвѣтчикъ его маст-

ностми или грунтами завладѣлъ насилно, то испросить его истца во улики, якъ насилно и сколки тому годовъ, и о томъ истецъ гдѣ билъ ли челомъ или протестовался, и въ которомъ году, мѣсяцѣ и числѣ и въ которомъ приказѣ, и тое челобитье его или протестъ въ томъ приказѣ принято ль и записано ль въ протоколную записку, и что по оннмъ учинено, и какое произвожденіе, или кромѣ того челобитья или протесту упоминателними листами у отвѣтчика упоминался, и тѣхъ листовъ упоминателнихъ по окончанію суда требовать купчи къ дѣлу, а о протестахъ и челобитнихъ, гдѣ въ которомъ приказѣ онъ истецъ покажеть, справливаться, и если явится по справки зъ доказателстви тѣми допряма, что насилно отвѣтчикъ тѣми грунтами или маетностми завладѣлъ, и такихъ отвѣтчиковъ винить; и буде истецъ покажетъ въ улики, что отвѣтчикъ его завладѣлъ истцевими маетностми или грунтами назадъ тому годовъ десять или болше, а челобитчикъ о томъ чрезъ тіе года всѣ нигдѣ не челобитствовалъ и листами не упоминался, и скажетъ онъ истецъ не былъ нигдѣ ни на государевой службѣ, ни въ полонѣ, а ни тожъ въ наукахъ въ чужихъ далекихъ странахъ для ползи своему государству, а не малолѣтенъ, ни войни, ни моровая язва (чего Боже сохрани) чрезъ тѣ годи не была, а скажетъ, что онъ былъ чрезъ тѣ всѣ года дома и упражнялся своимъ господарствомъ или другимъ чимъ, то такимъ истцамъ въ такихъ искахъ, по силѣ правъ малороссійскихъ въ статутѣ въ роздѣлѣ 3, артикулѣ 45 да въ роздѣлѣ 4, артикулѣ 91, да въ книги «порядку» въ артикулахъ права майдебурского на листу « » и за давность земскую отказивать же. А буде истецъ покажетъ, что онъ давности земской десяти лѣтъ не промолчалъ, якъ его маетностми или грунтами отвѣтчикъ имѣется, однакъ онъ чрезъ тѣ всѣ года не молчалъ и о томъ на отвѣтчика челобитствовалъ, и челобитніе его о томъ допряма сищутся, или листами упоминателними упоминался, и на то свѣдительство слушное покажетъ или по справки съ другими канцеляріями о томъ явочніе челобитья явятся, или скажетъ, что онъ чрезъ тѣ десять годъ на государевой службѣ былъ, и въ наукахъ въ чужой землѣ для ползи своему государству, или малолѣтенъ, а то сищется на немъ допряма, албо за моровою язвою или за военнимъ временемъ о томъ его не возможно челобитствовать, или скажетъ, что въ его тѣ маетности или грунта насиліемъ отнято, а къ тому покажетъ на тѣ свои маетности или

грунта старинніе какіе крѣпости или другіе якіе документа, по которимъ онъ тѣми добрами владѣлъ, а въ отвѣтчика на то въ оправданіи очистки никакой не сищется, то таковыхъ челобитчиковъ, по силѣ правъ малороссійскихъ, якихъ доволно въ правнихъ книгахъ имѣется, оправлять и давность земская десять лѣтъ нейдеть, и что не будеть во владѣніи своемъ имѣть маетностей или грунтовъ своихъ чрезъ тѣ десять лѣтъ отказивать въ искахъ ихъ не надлежить, а надлежить отказивать когда они будуть молчать 30 лѣтъ, какъ право въ книги «порядку» въ артикулахъ права майдебурского повелѣваетъ. А когда истецъ будеть на тѣ свои маетности или грунта имѣть старинніе какіе крѣпости и владѣніе его по тѣмъ крѣпостямъ было, а въ отвѣтчика на то никакихъ крѣпостей не будеть и къ дѣлу не представить, то хочай би отвѣтчикъ тѣми маетностями или грунтами истцевими и чрезъ долгіе года не владѣлъ, то еднакъ тѣмъ истцамъ, въ кого крѣпости на то будуть, тѣ маетности или грунта отдавать во владѣніе, а отвѣтчиковъ винить и пожиліе года за тѣ маетности или грунта, когда о томъ по вершеніи дѣла будетъ челобитствовать, по силѣ права въ статутѣ въ роздѣлѣ 4, артикулѣ 93, можна доправить; тако жъ буде истецъ покажеть въ челобитьи своемъ и во улики, что на тѣ грунта или маетности не имѣетъ онъ никакихъ крѣпостей, а имѣетъ на то, что его были, свѣдителей, и владѣлъ онъ тими грунтами свободно по займѣ старинной доброволной, а отвѣтчикъ его тѣми грунтами завладѣлъ напрасно безъ крѣпостей, то такіе дѣла разбирать свидѣтелми по общой истца и отвѣтчика ссилки и свѣдителей въ томъ допрашивать подъ присягою, и буде по свѣдителству людскому явится, что тѣ грунта истцови заподлинно по стариннимъ займамъ и владѣніе его истца было, то хоча би у него истца на тѣ грунта никакихъ крѣпостей не было, по силѣ права въ статутѣ въ роздѣлѣ 3, артикулѣ 2, пунктѣ 2 и 3, да въ томъ же роздѣлѣ 3, артикулѣ 43, такіе грунта истцамъ отдавать во владѣніе. Зверхъ же сего въ такихъ земскихъ дѣлахъ поступать, якъ указн Ея Императорскаго Величества и права малороссійскіе повелѣваютъ.

7. Понеже между народомъ кто оженился за добра мужескіе или женскіе, по смерти мужа или жени, частіе бываютъ въ судахъ челобитья, токмо временемъ ни мужъ жены своей добра, ни жена мужа своего въ судахъ не получають за тѣмъ, что когда совокуплят-

ся сокраменталнымъ бракомъ, то ни мужъ жены своей, ни жена мужевѣ своему на писмѣ добръ своихъ не записуютъ и на урядахъ не объявляютъ, и сколко чего мужъ или жена добра своего имѣютъ нихто того, кромѣ ихъ самихъ или родителей ихъ, не знаютъ, а во время позву, когда по змерлой руцѣ позиваются, то мужъ напишеть въ челобитьи своимъ, яко бы жена его въ живыхъ будучи многое число добра его власного потеряла, а то для того, чтобъ кревнихъ жени своей внесеня ей ничего не дати, албо временемъ жена оставшаяся по мужевѣ своему вдовою, а паче безъ потомства, пишетъ въ челобитьи своемъ, яко бы она многое число въ домъ мужа своего внесеня привезла, а то для того, чтобъ кревнимъ мужа своего добра наслѣдственнаго не уступити; того ради, когда кому случится оженитися, надлежитъ ему жени своей внесенье за руками тестя своего и свѣдительскими на писмѣ записанное имѣти, сколко чего и по якой цѣнѣ, и въ скоромъ времени на урядѣ тое записати; такожъ и отъ своего власного имѣнія, если кто богатій, и женѣ по пропорціи внесенья ей за своею рукою записать же вѣно и на урядѣ въ скорости по вишеписанному объявить и актитовать до книгъ, чтобъ жена по смерти мужа своего вѣдала на якихъ добрахъ жыть и вдовство свое, если похощетъ, соблюдати и отъ кревнихъ умершого не имѣла бы никакой турбаціи, якъ именно о томъ въ статутѣ въ раздѣлѣ 5, артикулѣ 1, 2 ясно показуетъ; да и весь тотъ 5 роздѣлъ о самихъ оженившихся, богатихъ и убогихъ, и якъ хто останется вдовцемъ или вдовицею и якъ будетъ жыть, блудно или воздержно, похочетъ ли присягнуть или единакомъ жити, о томъ всемъ именно трактуетъ. А если кто до кого пристанетъ, то тому, кто приставать иметъ, у тестя или у тещи, на что присталъ и якіе добра и сколко тыхъ добръ числомъ и по цѣнѣ взять на писмѣ, за руками ихъ и шваrровъ своихъ (если будутъ) и свидѣтелскими, если умѣютъ писати, а если не умѣютъ, то чтобъ по прошенію ихъ кто знатній подписался, и на урядѣ тѣ письма записать и чтобъ то подтверждено руками урядниковъ и печатью урядовою, дабы ему впредь для оправданія было, понеже по такимъ дѣламъ многіе турбаціи бываютъ отъ сродниковъ жени того, яко бы онъ съ женою своею все имѣніе предковъ ихъ забралъ, а онъ прямо розбогатится чрезъ свою власную працю.

ПРИДАТКИ.

Что вѣдать, какъ поступать женатому.

Если купуетъ якіе грунта или маетность за сполніе денги съ женою своею на бытіе, надлежить ему писать въ купчихъ, которіе будеть принимать отъ продавца, что такіе грунта или маетность за сполніе денги съ женою его на бытіе куплени, какъ въ статутѣ въ роздѣлѣ 7, артикулѣ 17, напечатано, дабы ему (если не дай Боже умреть) предъ Богомъ за то не отвѣтствовать, а женѣ бы его по смерти его отъ кревнихъ его не было какой за тѣ грунта или маетность турбаціи.

Грунтовъ дѣдызнихъ и отчистихъ безъ призволенія потомковъ ихъ, кто продаетъ, и безъ купчихъ, не куповать, а если куповать будеть, то купчіе брать за руками продавцовъ и печатми и синовъ ихъ и зятей (если будуть) когда умѣютъ писати, а если не умѣютъ писати, то чтобъ подписался кто знатній на купчой, по ихъ прошенію, и чтобъ на купчому запису не была какова приписка или подписка треба того стерегтися, понеже въ судахъ такіе купчіе уничтожаются, а спорядивши чинно, якъ выше сего показано, купчей записъ записать на урядѣ съ сознатемъ продавца вскорости, въ якомъ уѣздѣ тая купля будеть, якъ именно о такихъ купляхъ въ статутѣ въ роздѣлѣ 7, артикулѣ 1, да въ книги «порядку» въ артикулахъ права майдебургского показуетъ.

Грунтовъ у подданнихъ владѣльческихъ безъ вѣдома владѣльцы ихъ не куповать и въ заставу не принимать и для паханія на сѣабу не наймать, ибо если безъ вѣдома владѣлческого кто такой грунтъ купитъ или въ заставѣ пріиметь или поиметь, то денги, за что купитъ, потеряетъ. Въ статутѣ въ роздѣлѣ 9, артикулѣ 27 напечатано: грунтъ если кто продаетъ, то стерегтися треба и розвѣдовать, чи не проданъ тотъ грунтъ другому кому отъ того продавца, и если проданъ, то такого грунту не куповать; а если кто такій грунтъ купить, то не безъ турбаціи ему будеть, въ статьи въ роздѣлѣ 7, артикулѣ 5, пунктѣ 2, напечатанно.

Если кто будеть имѣти якіе на дачу крѣпости, а по тѣмъ крѣпостямъ тимъ имѣніемъ или грунтомъ, что данно, не владѣлъ чрезъ десять годъ, то такіе крѣпости и дача уничтожаются, въ статутѣ

въ роздѣлѣ 1, артикулѣ 33, тѣ крѣпости якіе колвѣкъ чіи старѣйшіе годами, тіе и силнѣйшіе, а послѣднѣйшіе уничтожаются, въ статутѣ въ роздѣлѣ 1, артикулѣ 32 напечатано.

Если кто еденъ учнетъ другого кого неучтивими словами бранить, а тотъ, кому укоризна тая имѣется, учнетъ таками жъ словами отговариваться, то онъ за то не виноватъ будеть, только бы къ той ссорѣ початку не вщиналъ (въ книги «порядку»).

Стерегтися треба, чтобъ якого честного чоловѣка не назвать скурвымъ синомъ, или честную жену или дѣвицу баистрачкою, понеже такими словами если кого обезчеститъ, а не доведетъ, то ведлугъ стану его безчестіе заплатитъ, а женскому полу удвое противъ стану мужей ихъ, и рековацею на урядѣ публечне треба дать противъ тихъ своихъ словъ зъ такимъ выраженіемъ, что якъ де говорилъ на тебе яко бы ти скурвій синъ или баистрачка, то де я брехалъ такъ якъ собака, въ статутѣ въ роздѣлѣ 3, артикулѣ 28.

Если мисливого собаку кто убьетъ или другое что скотини, то треба нагородить другимъ собакою такъ добримъ, якъ и тотъ былъ, и отприсягнутися тому имѣетъ (*), что не зъ злости якой того собаку убилъ или другую якую скотину; а если кому собака учинить шкоду, то есть укусить, то панъ того собаки, чтобъ не былъ за собаку виноватъ, имѣетъ присягти въ томъ, что того не видѣлъ, когда тотъ собака кусалъ; а если кто обороняючися убьетъ собаку, то невиноватъ, а если напрасно убьеть, то заплатить повиненъ и отприсягтись по вышеписанному, въ саксонѣ подъ словомъ песъ, на листу 37 и 38.

Если чій конь, албо свиня, албо другое якое бидло учинить кому шкоду, то господарь тоей скотини повиненъ шкоду заплатить, а если не схочетъ заплатить, то скотини тоей, что шкоду учинила, лишается, въ саксонѣ въ правѣ мѣскомъ, въ артикулѣ 123, гроза 2.

Кури, когда на чій грунтъ чужій прилетять и шкоду учинятъ, то тому господареве, чій грунтъ, надлежить тіе кури половить и всѣ перя обирвать и пустить до того дому, откуду прилетѣли, въ саксонѣ подъ словомъ кури, на листу 197.

Если якая приблуда прибудетъ, то треба оную вести на урядъ, а если не повести и умедлится чрезъ тры дни, то тому, до кого

(*) *Вмѣсто* имѣетъ, *въ рук. ошибк. написано* убьетъ.

прійдетъ приблуда, подозрително будетъ и причитать имется тотъ, кто удержовати будетъ въ себѣ, за вора, въ статутѣ въ роздѣлѣ 14, артикулѣ 25, параграфѣ 2.

Если застанетъ кто чужого человѣка въ пущи своей, что рубаетъ дрова или другое что, то треба того человѣка зъ тимъ поличнимъ вести до уряду, а зъ уряду приговорятъ, чтобъ тотъ, кто рубавъ, по оцѣнки заплатилъ за тіе дерева.

Если кто кому въ саду порубаетъ прищепу или другое плодное дерево, то имѣетъ тотъ, кто порубавъ, заплатити двѣнадцеть рублей денегъ, въ статутѣ въ роздѣлѣ 10, артикулѣ 16.

Если кто, ѣздячи за охотою, другому кому въ полѣ чужомъ потопчетъ якое збожье засѣянное, то тотъ имѣетъ, кому есть шкода, вини заплатити три рубле денегъ и шкоду нагородити, въ статутѣ въ роздѣлѣ 10, артикулѣ 17.

8. Понеже о побояхъ многіе челобитья случаются, и многократно такъ оніе побои чинятся, что неможно между истцемъ и отвѣтчикомъ самой сущой правди розобрать за тѣмъ, что такіе побои многажды бываютъ подъ часъ вечерняго времени, что не видно будеть человѣка въ глазъ, кто таковъ бьетъ, да къ тому жъ и голосу по себѣ и виду никакова не покажетъ, албо въ одежу мужичую, албо въ якую другую убравшись, въ якой онъ никогда не будетъ, между тѣмъ ходитъ, побои дѣлаетъ и еще куда на сторону кинется и уйшовъ скріется, яко бы онъ того не зналъ и не знаетъ и свидѣтелей на то никакихъ не будетъ; такожъ побои бываютъ временемъ на дорозѣ стрѣтившись и за якую нибудь рѣчь поссорившись побьются, а при томъ такожъ свѣдителей никакихъ не будеть, кромѣ ихъ служителей, а служителе, по силѣ права въ статутѣ въ роздѣлѣ 4, артикулѣ 28, во свидѣтельство не принимаются, то въ такихъ побояхъ и въ подобнихъ симъ, если отвѣтчикъ запирается и свѣдителства нѣтъ, по силѣ права въ статутѣ въ роздѣлѣ 11, артикулѣ « » назначить истцу и отвѣтчику кидать ліоси, кому припадетъ, или истцу присягою свой искъ подтвердить, или отвѣтчику отприсягтись, то у истца или отвѣтчика брать сказки, похочетъ ли онъ присягою подтвердить или отвѣтчикъ отприсягтись, и буди покажетъ истецъ, что присягою подтвердить не похочетъ, то искъ свой теряетъ; такожъ если припадетъ и отвѣтчику отприсягтись и онъ сказкою покажетъ, что отприсягтись не

похочетъ, то такого отвѣтчика винить и доправить на немъ за побои того истца навязку, подлугъ стану его и смотря по побою: если выбьетъ око, албо зубъ, албо руку, ногу переломитъ, албо ухо, носъ отрубаетъ или отобьетъ, то за такій нужній члонокъ, по силѣ права въ статутѣ въ роздѣлѣ 11, артикулѣ 25, долженъ заплатить по пятидесяти копъ грошей, а навязку особенно: шляхтичу и духовнимъ особамъ навязки 20 рублей, по силѣ тогожъ артикула 27, роздѣла 11; а поголовщизни шляхтичамъ и духовнимъ особамъ, по силѣ оногожъ артикула 27, роздѣла 11, сто копъ.

Роздѣлъ 12.

Поголовщизни войтовѣ, буймистровѣ, лавниковѣ, писаревѣ, гдѣ майдебурскимъ правомъ судятся, а привилієвъ на навязку и поголовщизну, якую имъ получать, не имѣють, по пятдесятъ копъ грошей, а навязки по десяти копъ, а женамъ ихъ удвое, мѣщанамъ такимъ имѣетъ 30 копъ, навязки 5 копъ, а женамъ ихъ удвое; а ежели въ такихъ мѣстахъ войтъ, буймистеръ, лавникъ, албо писарь былъ шляхтичь зъ роду, а не бавился шинкомъ и ремествомъ, таковимъ навязка и поголовщизна шляхетская, а женамъ ихъ совито; въ мѣстахъ такихъ, гдѣ майдебурскимъ правомъ не судятся, войтовѣ, лавниковѣ поголовщизни 50 копъ, а женамъ ихъ совито, а мѣщанамъ такихъ мѣстъ поголовщизни 24 копи, а навязки 3 копи, а женамъ ихъ совито, шинкарцѣ навязки единъ рубль, а поголовщизни 20 копъ.

Роздѣлъ 12, артикулъ 3.

Поголовщизна простого стану человѣку, а именно панцирному слузѣ 60 копъ, путному 30, бортному 40, тяглому человѣку 25, челядниковѣ домовому крѣпостному, албо пойманному 20 копъ грошей, а женамъ ихъ совито.

Навязка онымъ.

Панцирному 6 рублей, путному 3 рубли, бортниковѣ 2 рубли, тяглому 2 копе, челядниковѣ крѣпостному, албо пойманному копу грошей, а женамъ ихъ совито.

Розділъ 12, артикулъ 4.

Тивунове̂, крючникове̂, войту, старцеве̂ поголовщизни сорокъ копъ, а навязки онимъ по три рубля, а женамъ ихъ совито.

Розділъ 12, артикулъ 5.

Златникове̂, органисте̂, пушкареве̂, гафареве̂, маляреве̂, сокольникове̂, машталереве̂, кравцеве̂ и всимъ ремесникамъ поголовщизни тридцять копъ, навязки три рубля, а женамъ ихъ совито.

Розділъ 12, артикулъ 7.

Жидамъ навязка и поголовщизна шляхетская, а женамъ ихъ совито.

Розділъ 12, артикулъ 10.

Татарамъ и всѣмъ босурменамъ, которіе войсково въ нашемъ панстве̂ служатъ, навязка и поголовщизна шляхетская, а женамъ ихъ совито, а которіе не служатъ войсково, навязка одинъ рубль, а поголовщизна десять рублей.

Если кто нападетъ на домъ, на дорозе̂, на село и где̂ колвекъ гвалтъ чинячи, хотячи усилне набити или побити кого или якое здирство учинити и самъ побои начнетъ, а тотъ тому нападнику не подастся и его самого побьетъ, или хочай би до полусмерти прибилъ за его причиною, то за тое, кто въ обороне̂ якого нападника побьетъ или прибьетъ, по силе̂ розде̂ла 11, артикуловъ 19, 24, не виноватъ явится, еднакъ же тому, на кого таковое нападеніе будеть, надлежить свиде̂телей поставить слушнихъ, что допряма на него такое нападеніе было и его хоте̂лъ побить или прибить, или ему здирство учинитъ, а въ недостатку свиде̂телей, присягою такому надлежитъ отвестись. А кто если на кого нападетъ гвалтомъ и возметъ въ домъ свой и будеть его въ дому своемъ бить или якое другое мордерство чинить (хочай би за вину), безъ всякого суда самъ себе̂ справедливость и судъ чинячи, а паче сде̂лаючись, что тотъ будеть, на кого нападеть, убой, а тотъ мордерца богатій челове̂къ, то по такимъ де̂ламъ надлежить въ судахъ поступать, хочай би тотъ

самъ обижденнїй къ суду и не моглъ отозватись и не челобитствовалъ, а если би кто колвекъ его явился съ челобитьемъ хочь отецъ, мать, албо братъ, сестра или служитель его, то оное челобитье судьямъ принять вскорости, даби тотъ обижденнїй отъ того мордерци не былъ убитъ у смерть, и судъ производить безволокитно таковимъ порядкомъ, какъ именно въ роздѣлѣ 11, артикулѣ 28, въ статутѣ о томъ ясно показано.

Подданного своего владѣлци или слугу за вину побить волно, и за то владѣлецъ, по силѣ права въ статутѣ въ роздѣлѣ 3, артикулѣ « » и въ контитуціи напечатаного, и по силѣ другихъ артикуловъ, не виноватъ будеть.

9. Такожъ многоразличнимъ случаемъ смертніе убійства состоятся: 1) когда кто стрѣляючи изъ оружика на звѣря или на птаха и не хотячи кого забьетъ; 2) когда кто дерево подрубаетъ и оное падаючи кого забьетъ; 3) когда кто на будинокъ или на церковь дерево тягнучи, а оное упадеть, забьеть; 4) когда кто съ другимъ поссорившись станутъ битися и единъ другаго забьетъ; 5) когда кто съ подговору чіего, яко многократно бываетъ по подговору женъ, которіе съ другимъ якимъ человѣкомъ схожденіе имѣють во блудѣ, и застановавши подговоруютъ тихъ своихъ милостниковъ на убійство мужей своихъ, и протчіе симъ подобніе; 6) когда кто дѣлаетъ смертніе убійства съ умислу и за своеволю, и такіе дѣла понеже касаются къ розиску, надлежить по допроснимъ рѣчамъ такихъ смертнихъ убійцовъ въ застѣнку питать непремѣнно, зъ якого умишленія и съ чіего подговору, и не учинилъ ли онъ прежде того другого якого забойства, и съ другими якими смертноубійцами знается и съ кимъ именно, и гдѣ тіе смертніе убійци жителство имѣютъ, и сколко тѣ забойци забойства починили и гдѣ именно, и кого забили, и о протчемъ, и спрашивать при питкѣ обстоятелно, избѣглій ли онъ чей и въ рекрутахъ и матрозахъ не билъ ли; буди жъ станетъ показивать зъ питки едной и другой сходно своимъ добромъ, что онъ не зъ умислу, но нехоча и за случай, якъ выше сего въ 4 пунктахъ показанной той случай убилъ, и на то свидѣтелство слушное покажеть, то такихъ смертію не казнить, но доправить токмо поголовщизни, по силѣ артикуловъ 22 и 23 въ роздѣлѣ 11, въ статутѣ напечатаннихъ, ведлугъ стану забитого, какъ о поголовщизнѣ выше сего всякого стану въ 7 пунктѣ показано. Буди

же кто убьетъ кого зъ умислу и за своеволю или съ подговору чіего, якъ въ томъ выше намѣнено, то такихъ убійцовъ, по силѣ права въ статутѣ въ роздѣлѣ 11, артикулѣ 17, и по другимъ приличнимъ артикуламъ, кто ни онъ будеть, безъ всякой пощади казнить смертію тоею, какою въ тихъ артикулахъ повелѣно, даби на то смотря и другимъ чинить было неповадно, да и въ протчіихъ смертнихъ убійствахъ, симъ подобнихъ или горшихъ, чинить слѣдствіе и рѣшеніе, якъ указы Ея Императорскаго Величества и права малороссійскіе повелѣваютъ: вѣдати надлежить, что въ весь роздѣлъ 11 о гвалтахъ, о побояхъ и разбояхъ и смертноубійцахъ якимъ нибудь и о другихъ злочинцахъ трактуетъ, и за тимъ подлежитъ артикуловъ приличнихъ въ вишеписанной матеріи въ томъ роздѣлѣ происковать.

10) Прелюбодѣяніе понеже такъ умножилося между народомъ, что невозможно всякимъ способомъ искоренити; за якое поползновеніе многочастнѣ и всякому видимо, что Богъ человѣка наказуетъ и къ великой нуждѣ попущаетъ, албо разореніемъ, худоби, хоробою и протчіимъ за тѣмъ, что оное заповѣди божественной противное, и между людьми въ житіи малженскомъ великая отъ него происходить порча « ». Того ради старинніе юрисдикци согласуютъ божественному писанію, какъ о прелюбодѣяхъ въ многихъ книгахъ написано, въ приказнихъ своихъ статьяхъ прелюбодѣевъ велять, за доводомъ слушнимъ инстигатора и за присягою, смертію казнить; въ статутѣ въ роздѣлѣ 14, артикулѣ 30, а въ «порядку» въ части « », убогихъ прелюбодѣевъ велитъ туремнимъ вязенямъ, долгимъ боемъ и голодомъ наказивать, а богатихъ взяттямъ худоби и протчіими сему подобними наказаніи; токможъ судіи накрѣпко того смотрѣти должни, чтобъ не по злобѣ якой тое было доношено, даби напрасно якій человѣкъ или жена въ томъ не понесли безчестія, какъ именно въ вишеупомянутомъ артикулѣ 30, роздѣлѣ 14, въ статутѣ напечатано, вѣдати надлежить, когда мужъ на жену за прелюбодѣяніе не повиненъ доносити и не повиненъ ей штрафовать:

1) Если кто самъ въ прелюбодѣяніи зостанетъ, то и жену, видячи въ томъ поползновеніи, не повиненъ строфовать.

2) Если оную причину якую подалъ.

3) Если зъ нею не мѣшкаетъ, а она разумѣетъ, что уже умерлъ.

4) Если тое учинила за принужденіемъ не съ хотѣнія, не зъ волѣ своей, но зъ гвалту.

5) Если чужоложника разумѣла быти своимъ мужемъ чр
ошуканство персони, латинники называютъ зрадливое со
чрезъ восприятіе персони.

6) Если по чужоложствѣ зъ нею мѣшкаетъ, ибо чрезъ т
соизволяти на ей учинокъ.

11) Если кто згвалтуетъ якую жену, или дѣвицу растл
ловне, а тая жена или дѣвица того жъ времени будетъ
гвалту и призивала людей, чтобъ ей отъ того гвалту отр
или тое усмотрѣли и познали, что она на тое грѣхопаденіе
волила, и знаки слушніе того гвалту покажетъ, и если тое п
ному доводу явится, то по силѣ артикула 13 въ роздѣлѣ
статутѣ напечатанного, такого гвалтовника казнить смерті
же якая жена или дѣвица въ вышеписанномъ дѣлѣ того жъ
ни не будетъ гвалту кричати и людей призивати, но молчать
то хочай би на опослѣ на того гвалтовника и били челомъ
того гвалту оказала, уже тотъ, по силѣ того жъ артикула 1
того гвалту и смерти волемъ будетъ.

12) Если якій воръ въ приказъ откуду будетъ присланні
пойманній на свѣжомъ учинку воровства, то онаго вора въ
приказѣ принявъ расспросить съ пристрастіемъ, якъ давно ста
ровать и сколько чего и въ кого и зъ якими именно други
ми воровалъ, да и спросить же его, былъ ли еще прежде т
въ другихъ приводѣхъ и въ сколькожъ именно, и велѣть под
осмотрѣть плечей его, не битъ ли гдѣ кнутомъ или шиною
печенъ; а временемъ, когда воръ запуститъ на себѣ волоси,
будетъ весма ушей съ подъ того волося видно, въ такихъ с
ушей имѣются ль или обрѣзани, а потомъ по расспросѣ въ
писанныхъ же его и пытать, и если покажетъ зъ роспросу
ки, что онъ перво воровство вчинилъ и въ приводахъ
бывалъ и въ пилатовыхъ рукахъ не бывалъ же, а тая рѣчь,
своровалъ, не будетъ стоятися четирохъ копъ грошей, то
укралъ, вернуть зъ навискою помнемъ, а не будетъ ли чи
ки заплатить, а истецъ на его будетъ инстиговать и вр
такого вора, по силѣ права въ статутѣ въ роздѣлѣ 14.
7, видать истцу на вислугу на годъ, въ зачотъ ему кладучи
а если женска полу будетъ, то есть воровка, то по єдному
а если въ другой разъ своруетъ и приведенъ будетъ, то е

па бить розгами и знакъ на тѣлѣ дати, албо уха велѣть урѣзати, и украденное повиненъ тотъ воръ зъ навязкою вернути, а если не имѣтъ имѣть чимъ навязки заплатить, то по вишеписанному отдать истцу на вислугу; а если въ третій разъ своруетъ и приведенъ будеть въ приказъ, уже тогда горломъ имѣетъ быть каранній.

Вѣдати надлежить, что о ворахъ и о протчіихъ злочинцахъ, въ томъ числѣ и о циганахъ, весь роздѣлъ 14 трактуетъ, и за тѣмъ въ той матеріи приличныхъ артикуловъ надлежитъ произкивать въ ономъ 14 роздѣлѣ.

Такъ же по вишеписанному и о другихъ дѣлахъ, которіе касать имутся къ розиску, поступать по силѣ указовъ Ея Императорскаго Величества и правъ малороссійскихъ.

13) Если которій помѣщикъ при челобитьи своемъ приведетъ крестянина своего бѣглого, просячи въ судѣ допроса о крестянствѣ его, побѣгѣ и о житіи, за кимъ жилъ, то и спросить того крестянина, по обикновенію приказному, какъ его зовутъ, чій синъ, сколко ему отъ роду лѣтъ, гдѣ онъ родился, съ которой губерніи, за которимъ помѣщикомъ и по какимъ крѣпостямъ тому помѣщику крѣпокъ, и записанъ ли въ подушевній окладъ и въ которомъ дистриктѣ, и якъ давно онъ отъ того своего помѣщика бѣжалъ, самъ ли собою или съ подговору своего съ кимъ, и въ кого жилъ, годъ ли или мѣсяцъ, и въ которомъ году и кто его на житло принималъ къ себѣ, и бѣгая въ Малой Россіи какимъ себе називалъ великороссійскимъ или малороссійскимъ прироженцемъ, и тоголь подлинно челобитчика крестянинъ? и буде въ допросѣ своемъ крестянства не запрется, то слѣдуетъ тое, что въ томъ онъ подлинно крестянинъ; еднакъ же у помѣщика того, которій будеть бить челомъ, взять съ подкрѣпленіемъ сказку, имѣетъ ли онъ на оного крестянина крѣпость и какіе именно купчіе, или по отцеве его позосталіе наслѣдственно, и буди покажеть, что по купчимъ или по стариннимъ крѣпостямъ ему крѣпость, то въ сихъ крѣпостяхъ прописано ль, что за него долженъ платить подушевній окладъ, и въ которомъ дистриктѣ, и съ которого году, и подушевніе уже денги за него платилъ ли, и имѣетъ ли въ платежѣ тѣхъ денегъ отъ комисарей квитанціи, и сколько именно денегъ уплатилъ,—для того, что въ рѣшителнихъ пунктахъ, даннихъ покойному гетману и ковалеру Данилу Апостолу 1728 году августа 22 дня, а именно въ 12, велѣно

помѣщикамъ за бѣгліе крестяне ихъ пожиліе деньги платить, потому что они помѣщики за крестянъ своихъ въ подушевномъ окладѣ въ платежѣ несуть тяжесть, а если подушевнихъ денегъ которій помѣщикъ за своихъ крестянъ еще ничего подушнаго не платилъ, то за такихъ крестянъ править ли на держателехъ пожиліе денги или нѣтъ, то въ томъ рѣшителномъ 12, да и въ другихъ указехъ Ея Императорскаго Величества не написано, а по взятіи сказки, для освѣдомленія, писать въ тѣ дистракти промеморіею, заподлинноль по его помѣщиковой сказки явится, и объ отдачи крестянина по допросамъ его и по крѣпостямъ помѣщиковимъ чинить рѣшеніе немедленно, и въ пріемѣ того крестянина отъ того помѣщика взять подписку; а по отдачи того крестянина, у тогожъ помѣщика взять же сказку, гдѣ онъ того крестянина на житло осадилъ, въ которомъ городѣ, мѣстечку, селѣ или деревнѣ, и въ которомъ крестянскомъ приказѣ о сиску его объявить; когда же по полученной отвѣтной промеморіи явится, что тотъ крестянинъ подлинно его и въ подушевномъ окладѣ записанъ и подушевніе денги за него плачени и квитанціи на то сообщени будуть, а помѣщикъ станетъ бить челомъ о пожилихъ на держателехъ денгахъ, то тѣхъ держателей, которихъ крестянинъ въ допросѣ покажеть, сискивать и о житіи того крестянина за ними допрашивать, сколко у кого жилъ мѣсяцей или тижневъ, или дней, и въ которихъ годахъ, и якъ они его къ себѣ на житло приняли, за вѣдомомъ ли что онъ бѣглой или за невидѣнія, и для чего, что безъ пашепорту до приказу его къ допросу не приводили; а если они держатели въ допросахъ своихъ покажуть, запирялсь, яко би за ними не жилъ, то помѣщику съ крестяниномъ говорить улику, а имъ держателемъ оправданіе, а потомъ очніе крестянину и держателемъ давать ставки, а по окончаніи того чинить приговоръ по указамъ Ея Императорскаго Величества и по уложенію.

Буде же которій помѣщикъ приведеть своего крестянина въ приказъ къ допросу о крестянствѣ, а онъ крестянства допросомъ своимъ будеть отпираться и скажеть, что онъ не его крестянинъ, но свободной и не великороссійской породи, а тотъ помѣщикъ на него покажеть крѣпости, почему онъ ему будетъ крѣпокъ, также и сродственниковъ его, отца, или матерь, или брата, или сестру, дядевъ или тетокъ на изобличеніе его, которіе того помѣщика будуть под-

линніе крестяне, то такого крестянина, если онъ своихъ сродственниковъ отпирается, питать разъ; буде же еще учнетъ запиратся, то его и въ другой разъ питать, а хочай еще учнетъ запираться и на другой питки, однакъ по двумъ питкамъ тому его помѣщику, въ которого на него будеть крѣпостніе кабали, отдавать, какъ во уложеню въ главѣ 20 въ статутѣ показано.

И по такимъ дѣламъ приличніе указы, которіе имѣются въ генералной войсковой канцеляріи, якіе надѣюсь имѣются и въ полковыхъ канцеляріяхъ 1718, 1721, 1722 и 1733 годовъ, такожъ статьѣ во Уложеню въ главѣ 11 и 20, и тѣ читаючи спознати можно, какъ поступать по дѣламъ о бѣглихъ крестянехъ; а по правамъ малороссійскимъ дѣла такіе не производятся.

Аппендиксъ.

По всѣмъ дѣламъ челобитческимъ надлежитъ повѣтчику написать зъ дѣла виписку обстоятелно, и ту виписку прочитать истцу и отвѣтчику, и по листамъ въ книгу вслѣдъ закрѣпить зъ такимъ подписаніемъ къ сей виписки, что она съ подлиннимъ дѣломъ сходна и виписанное все и на суддей подозрѣнія никакова не имѣю, челобитчикъ N. N. руку приложилъ; такожъ и отвѣтчику подписаться къ сей выписки, что она съ подлиннымъ дѣломъ сходна и виписано все и на суддей подозрѣнія никакова не имѣю, отвѣтчикъ N. N. руку приложилъ; буди же истецъ, отвѣтчикъ начнутъ спорить, что не все или инако виписано, и буде не справно, то исправить, якъ въ формѣ о судахъ въ 8 пунктѣ показано, а повѣтчика за то не штрафовать, а когда подпишуть, тогда чинить приговоръ, виписавъ къ тому дѣлу приличніе артикули.

О приговорѣ.

Приговори въ приказехъ всякіе, по хотѣнію суддейскому, сочиняются, якъ они схотятъ и имъ уподобается; инніе суддье любять, чтобъ и съ начала того приговора било все дѣло прописанно краткою випискою, а послѣ того приличніе по тому дѣлу уписують точно артикули, а въ оборотѣ кладутъ резони, вибираючи силу зъ дѣла и артикуловъ правныхъ, къ чому что надлежить и чимъ якую рѣчь децедовать; а иніе суддье любять, чтобъ дѣла всего въ приговорѣ не прописовать, но заразъ сначала приговора кладуть

децезію, а резони вибираютъ такожъ зъ дѣла и артикуловъ нихъ и кратко такіе составляются, напримѣръ: Андрей Недопиталскій билъ челомъ въ бои на Ивана Заяхалского отъ него учиненнимъ, и общая ссилка была на свѣдителей Якова Тучепскаго, на Михайла Штурмовского и на Василя Рохмановского, на что образъ такъ показуется:

По указу Ея Императорскаго Величества, судъ полковый N. N., слушавъ дѣла по челобитю Андрея Недопиталского на Ивана Заяхалского въ бою отъ него Заяхалского ему Недопиталскому, въ иску его отказать, а отвѣтчика Заяхалского отправить, для того, что онъ того бою въ челобитьи своемъ и въ улики своей и свѣдителми не довелъ, а отвѣтчикъ въ допросѣ своемъ и во оправданіи того бою запирался, да и свѣдители, на которихъ истецъ и отвѣтчикъ во свѣдителство зсилалися: Иванъ Тучарскій, Михайло Штурмовскій и Василь Рохмановскій, согласно подъ присягою показали, что такого бою не видѣли; а въ правахъ малороссійскихъ въ «порядку» и артикулахъ права майдебурскаго напечатано: на свѣдителей кто шлется, а не доведеть, упадеть въ своей рѣчи; того ради ему истцу Недопиталскому и отказать, а сей приговоръ записать въ книгу. 1734 году августа 12 дня.

Если же прописовать въ приговорехъ все дѣло краткою виписскою, то надлежить тотъ же приговоръ такъ написать:

По указу Ея Императорскаго Величества, судъ полковый N. N., слушавъ дѣла по челобитью Андрея Недопиталского на Ивана Заяхалского въ бои отъ него Заяхалского якобы учиненномъ, въ которомъ челобитьи написано: сего 1734 году маія 17 дня пришелъ онъ истецъ въ шинокъ терехтемировского жителя Козми Иваненка въ самомъ Терехтемировѣ имѣющемся, купилъ на копейку горѣлки и тамъ въ тому шинку засталъ Ивана Заяхалского, которій до пьяна напился, спѣвалъ нѣкоторіе пѣсне смѣшніе, и когда де онъ Недопиталскій учалъ тѣмъ пѣснямъ утѣшатся, то онъ Заяхалскій началъ его Недопиталского бить безъ пощаденія безъ всякой причини и пробилъ ему голову до кривѣ; а если де онъ Заяхалскій запретится, то де онъ уличитъ свѣдителми, которихъ во улики по имени покажетъ. А отвѣтчикъ Заяхалскій въ допросѣ сказалъ, что онъ 1734 году маія 17 дня въ шинку жителя терехтемировского Кузми Иваненка былъ и горѣлку пылъ и пѣсне спѣвалъ, токмо его Недо-

питалского не билъ и голови ему до кривѣ не пробивалъ, и если онъ якихъ свидѣтелей покажетъ въ своей улики, то по усмотрѣнію можетъ онъ отвѣтчикъ на нихъ зсилатися во свѣдителство; а въ улики исцевой показано, что де онъ Заяхалскій его Недопиталского подлинно въ вишепоказанномъ шинку билъ, а притомъ были посторонніе люде: Иванъ Тучавскій, Михайло Штурмовскій и Василь Рохмановскій. А во оправданіи отвѣтчикъ показалъ, что онъ его челобитчика не билъ подлинно и во свѣдителство на показаннихъ во улики исцевой свѣдителей ссылается; а въ допросѣ показаннихъ свѣдителей показанно, которіе въ судѣ полковомъ N. N. подъ присягою допрашивани, что они Тучавскій съ товарыщи въ шинку Козми Иваненка сего 1734 году маія 17 дня были и горѣлку пили, Иванъ Заяхалскій подпилій былъ и пѣсне смѣшніе пѣлъ, и Недопиталскій тамъ приходилъ и горѣлку куповалъ, токмо что его Недопиталского билъ и голову до кривѣ пробилъ, они того бою не видали. А по указамъ Ея Императорскаго Величества, велѣно въ Малой Россіи суду и росправѣ быть по малороссійскимъ правамъ; а въ правахъ малороссійскихъ въ книги «порядку» въ артикулахъ права майдебурского на листу 30 напечатанно: свѣдителство свѣдителей ничего не важитъ, ажъ первѣе присягнуть и на свѣдителей кто шлется, упадетъ въ своей рѣчи. Того ради судъ полковій N. N. согласно приговорили: ему истцу Недопиталскому въ иску его отказать, а его отвѣтчика отправить, для того что онъ того бою въ челобитьи своемъ не довелъ, а отвѣтчикъ въ допросѣ и въ оправданіи своемъ запирался, да и свѣдителе, на которихъ они истецъ и отвѣтчикъ обще ссилалися, подъ присягою показали въ допросехъ, что они такого бою не видали; а въ вышепомянутомъ правѣ малороссійскомъ напечатано: на свѣдителей кто шлется, а не доведетъ, упадетъ въ своей рѣчи; того ради, по силѣ оного права, ему челобитчику въ иску его отказать, а сей приговоръ записать въ книгу. 1734 году августа 11 дня.

НАКАЗЪ, ДАННЫЙ 5-го НОЯБРЯ 1771 ГОДА ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ II-Й ГЕНЕРАЛЪ АНШЕФУ КНЯЗЮ М. Н. ВОЛКОНСКОМУ, ПРИ НАЗНАЧЕНІИ ЕГО МОСКОВСКИМЪ ГЕНЕРАЛЪ ГУБЕРНАТОРОМЪ.

Въ одной изъ рукописей императорской публичной библіотеки (Эрмит. кол. № 66) мы нашли любопытный наказъ Императрицы Екатерины II-й генералъ-аншефу князю Михаилу Никитичу Волконскому (*), при его назначеніи въ должность московскаго генералъ - губернатора. Такъ какъ этотъ документъ частію касается не только современнаго ему состоянія Москвы, но и событій какъ предшествовавшихъ бунту 15—17 сентября 1771 г., такъ и за нимъ послѣдовавшихъ, то мы почли не излишнимъ, въ объясненіе и дополненіе обстоятельствъ, передаваемыхъ наказомъ, предпослать ему краткій очеркъ хода развитія моровой язвы въ первопрестольной столицѣ, при составленіи котораго мы преимущест-

---

(*) Князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, старшій сынъ княгини Аграфены Петровны, сестры канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, пользовавшейся по своему уму огромнымъ вліяніемъ при Дворѣ Петра Великаго и Екатерины I, и въ царствованіе Петра II заключенной въ Тихвинскій монастырь, родился 9 октября 1713 года. По окончаніи воспитанія въ кадетскомъ корпусѣ, онъ вступилъ въ военную службу и за отличіе въ семилѣтнюю войну былъ произведенъ, 18 августа 1759 года, въ генералъ-поручики. Князь Михаилъ Никитичъ былъ три раза посломъ въ Варшавѣ: однажды при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ (1756—1758) и дважды при Екатеринѣ II (по смерти польскаго короля Августа III, когда онъ много содѣйствовалъ къ ускоренію избранія Станислава Понятовскаго, и отъ 1768 по 1771 годъ). Екатерина II, цѣня его дарованія, въ самый день своего восшествія на престолъ, пожаловала его генералъ-аншефомъ, а вслѣдъ за тѣмъ сенаторомъ, конной гвардіи подполковникомъ, генералъ-адъютантомъ и андреевскимъ кавалеромъ (1-го января 1769 года). Въ 1767 году онъ находился депутатомъ отъ сената въ Коммиссіи составленія проекта новаго Уложенія. Назначенный въ 1771 году главнокомандующимъ Москвы, онъ много заботился объ ея устройствѣ и скончался 8 декабря 1789 года. Князь Михаилъ Никитичъ принадлежалъ, безспорно, къ числу умнѣйшихъ людей своего времени: онъ первый представилъ Екатеринѣ II проектъ о раздробленіи Польши и сочинилъ проектъ о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ и о раздѣленіи Имперіи на губерніи.

венно пользовались разсказомъ очевидца, имѣвшимся у насъ въ рукахъ.

Въ октябрѣ 1770 года, для предохраненія Петербурга и Москвы отъ чумы, уже появившейся въ Малороссіи, были учреждены по дорогамъ, ведущимъ туда изъ первопрестольной столицы, въ разныхъ мѣстахъ заставы, на которыхъ велѣно строго осматривать всѣхъ, ѣдущихъ изъ арміи и малороссійскихъ губерній. Не смотря на эти мѣры предосторожности, въ ноябрѣ мѣсяцѣ уже были отдѣльные чумные случаи въ Москвѣ, а 17-го декабря зараза появилась въ генеральномъ сухопутномъ гошпиталѣ, что на Веденскихъ горахъ, за Яузою. Гошпиталь немедленно оцѣпили и сообщеніе съ нимъ было возстановлено только 1-го марта 1771 года, когда врачи донесли о совершенномъ прекращеніи здѣсь болѣзни. Еще ранѣе снятія карантина, московскій штадтъ-физикъ Риндеръ началъ утверждать, что будто въ гошпиталѣ свирѣпствовала горячка, а не чума, и что по этому оцѣпленіе его было совершенно излишне. Къ несчастію, это мнѣніе врача распространилось въ народѣ, и еще болѣе утвердило его въ сомнѣніи на счетъ возможности появленія у насъ моровой язвы.

Впрочемъ, эта легкомысленная увѣренность была вскорѣ разрушена: 9-го марта полиція узнала, что на большомъ суконномъ дворѣ или фабрикѣ за Москвою рѣкою у Каменнаго моста довольно часты смертные случаи между работниками и что умершіе тамъ погребаются тайкомъ въ ночное время. Произведенное слѣдствіе обнаружило, что здѣсь уже нѣсколько мѣсяцевъ господствовала моровая язва. Немедленно приняты мѣры къ огражденію города отъ чумы: всѣ жившіе на фабрикѣ выведены въ устроенные для нихъ карантины, а больные помѣщены въ общественную чумную больницу, открытую въ Угрѣшскомъ монастырѣ. Но при приведеніи этихъ мѣръ въ исполненіе, часть фабричныхъ, вслѣдствіе недосмотра и нераспорядительности, вышла со двора, разсѣялась по городу и разнесла чумную заразу. Отъ этого отдѣльные чумные случаи въ Москвѣ начали повторяться все чаще и чаще, что побудило городское начальство въ концѣ марта запечатать торговыя бани. Такое распоряженіе, не смотря на всю его необходимость, было первымъ поводомъ къ неудовольствію въ жителяхъ столицы.

По доведеніи до свѣдѣнія Императрицы, какъ о распространеніи заразы въ Москвѣ, такъ и о принятыхъ противъ нея мѣрахъ, она, указомъ отъ 25 марта, назначила генералъ-поручика Петра Дмитріевича Еропкина, подъ главнымъ надзоромъ московскаго генералъ-губернатора, генералъ-фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова, блюстителемъ народнаго здравія въ первопрестольной столицѣ.

Онъ принялъ самыя дѣятельныя мѣры къ пресѣченію болѣзни: запретилъ внутри города при церквахъ и монастыряхъ хоронить мертвыхъ, и для этой цѣли за чертою Москвы отвелъ 10 новыхъ кладбищъ и назначилъ три монастыря; приказалъ оцѣпить строже городъ и изъ ведущихъ въ него заставъ оставить только 7, а 11 закрыть, сжигать оставшіяся вещи послѣ умершихъ отъ заразы, вновь отыскать и представить въ карантины скрывшихся съ фабрикъ рабочихъ, особенно съ большой суконной, никого не впускать внутрь питейныхъ домовъ, и мн. др. Но всѣ эти мѣры не оправдали ожиданій: обыватели, изъ страха потерять пожитки, начали ихъ укрывать и чтобы не попасть въ карантинъ—утаивать больныхъ и умершихъ, а черезъ это, особенно съ іюля мѣсяца, чума усилилась и вскорѣ дошла до страшныхъ, ужасающихъ размѣровъ; цѣлыя семьи, дома вымирали, народъ ежедневно гибъ сотнями, трупы валялись по улицамъ и, по недостатку прислуги, ухаживали за больными и погребали умершихъ преступники.

Жители Москвы впали въ уныніе и отчаяніе, городская администрація перестала дѣйствовать; всѣ, кто имѣлъ возможность и средства, бѣжали изъ столицы; въ ней, на половину опустѣлой, не было достаточно ни войска, ни полиціи; разбои и грабежи совершались явно и днемъ и ночью; пьяная чернь, вопреки приказаніямъ, подстрекаемая корыстолюбивымъ духовенствомъ и фанатиками раскольниками, собиралась по церквамъ для молитвы, на улицахъ для разглагольствованій, и тѣмъ усиливала заразу. Что-то зловѣщее носилось надъ Москвою. Приведемъ здѣсь подлинныя слова очевидца этой бѣдственной эпохи, пережитой столицею (*). «Уповаю въ Петер-

(*) Записка очевидца носитъ слѣдующее заглавіе: «Краткое описаніе нещастному въ Москвѣ отъ бунтовщиковъ, въ прибавокъ къ чумѣ, произшествію, начавшемуся сентября 15-го 1771 году у Варварскихъ воротъ, въ четвергъ, въ вечеру въ осмомъ часу».

бургѣ уже извѣстно, что по Москвѣ отъ черни, въ разсужденіи учрежденныхъ къ прекращенію чумы въ ихъ же и общее спасеніе карантиновъ, давно ропотъ происходилъ на учредителя (т. е. Еропкина) и сопомощниковъ сего дѣла, а главнѣе почти всѣхъ на учредителя, отъ разныхъ ими воображеній почитая себѣ карантины притѣсненіемъ и разореніемъ, разнося слухи, будто бъ изъ числа заразившагося народу многихъ имѣнія сколько сожженію, а не меньше грабленію (*) предаются, дополняя и растравляя между таковыми же страждущими сію болячку, что и живые съ мертвыми вобще зарываются въ землю, а бравшіеся въ карантины докторами и лекарями тамъ умерщвляются, и живыхъ обратно къ сожитію самая малость возвращается. Продолжалось же между ими отъ однихъ къ другимъ такое разглашеніе болѣе полутора мѣсяца, и по ежедневнымъ въ разныхъ мѣстахъ народнымъ собраніямъ кучками довольно примѣтно было, что каковую нибудь опасную городу наглость рано или поздо начнутъ. Разгонять же тѣхъ кучекъ было некому, потому что главный города, сѣдиною украшенный старичекъ (**), препроводилъ все время отъ Москвы въ 30-ти верстахъ, въ своей Мареинѣ деревнѣ, сберегая себя отъ усилившейся чумы. За тѣмъ, оставалось бы порядокъ сохранить, а сборища и такіе противные отъ черни извѣстные всему городу слухи, не давая времени, разрушить отцамъ посаженнымъ, смотрѣть же и все то предупреждать московскимъ господину губернатору (***) и оберъ-полиціймейстеру (****); но, къ несчастію жителей города, отцы посаженные разъѣхались по деревнямъ и слухами чрезъ другихъ о состояніи города питались, не подавая никакова вспоможенія; а губернаторъ и оберъ-полиціймейстеръ заперлись въ своихъ домахъ, не пуская никого и сами изъ дворовъ не выѣзжая, а письма и жалобы, отъ кого какія къ нимъ доходили, принимали люди ихъ и самомалѣйшія подчиненныя

(*) Что не все жгли, а больше грабили, съ правдою согласно: негодное жгли, прочее съ собою брали, при зрѣніи оставшихъ хозяевъ; а самихъ хозяевъ тогда жъ отвозили въ карантины. У смотрѣнія сего и у отсылки въ карантины были полицейскіе служители. *Примѣч. очевидца.*

(**) Фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ.

(***) Губернаторомъ былъ тайный совѣтникъ Иванъ Ивановичь Юшковъ.

(****) Оберъ-полиціймейстеромъ былъ бригадиръ Николай Ивановичь Бахметевъ.

сквозь рѣшетки заборныя, деревянными, нарочно здѣланными на то щипчиками, и отдавали ли самимъ имъ—неизвѣстно, а съ такимъ удовольствіемъ приходившіе и прочь отходили. Потомъ губернаторъ и оберъ-полицiймейстеръ и сами изъ города по деревнямъ жить разъѣхались, слѣдовательно жителей предохраненіе и порядка возстановленіе по самой бунтъ предоставлено было руководству Божію, кто какъ захочетъ. До времени же сего бунта хозяева домовъ, видя умножавшуюся чуму, впредь въ охраненіе свое отъ постояльцовъ своихъ, опасаясь отъ нихъ болѣзни или взятья съ ними вобще въ карантинъ, изъ дворовъ выбили, а тѣ, не имѣя покрова и пропитанія, потому что работы нѣтъ, милостыни никто не подаетъ, дворы всѣ заперты и не пускаютъ, скитались день и ночь по улицамъ, истоща силы, напослѣдокъ при зрѣніи всего города, на улицахъ упавши, многіе и помирали, а тѣла ихъ вобще съ зараженными, вывозя за городъ, въ землю зарывали. Все это бѣдственное и безпризрѣнное состояніе чернь видѣла, и къ прежнему своему воображенію дополнительно злостію питала, думая что по такому непризрѣнію нарочно мертвить стараются. Въ семъ случаѣ сохраненію ихъ жизни и безопасности въ городѣ помощникомъ былъ одинъ господинъ Еропкинъ, но со всѣмъ его трудомъ, метавшись неусыпно, силы по справедливости, безъ помощи другихъ, до кого не меньше его принадлежитъ, не доставало; а по описаннымъ обстоятельствамъ, сколько примѣтно, чернь къ дерзостному стремленію, имѣя уже довольно время, и изготовилась. Напослѣдокъ отъ черни загремѣлъ бунтъ . . . . . . » Съ 9-го сентября началъ распространяться по Москвѣ слухъ, что Божія Матерь явилась во снѣ какому-то фабричному и объявила ему, что 3-хъ-мѣсячный моръ насланъ на столицу за то, что въ теченіи 30 лѣтъ ни однажды не пѣли молебна и даже не ставили свѣчи древней иконѣ Боголюбской Богоматери, находящейся на Варварскихъ воротахъ. Вскорѣ, не смотря на всю нелѣпость слуха, толпы народа повалили и днемъ и ночью къ этому мѣсту: однѣ для поклоненія иконѣ, въ чаяніи избавиться посредствомъ ея отъ заразы, другія же для возбужденія въ народѣ неудовольствія къ мѣрамъ и распоряженіямъ, принятымъ гражданскимъ начальствомъ противъ болѣзни. Многіе изъ приходившихъ, по неимѣнію крова, ночевали у воротъ, при которыхъ сидѣлъ фабричный, охотно разсказывавшій свой чудный

сонъ богомольцамъ и выпрашивавшій у нихъ за свое повѣствованіе подаяніе, «на всемірную свѣчу Богоматери». Вслѣдствіе всего этого Варварскія ворота стали естественно разсадникомъ чумы. Еропкинъ и архіепископъ Амвросій изыскивали средства къ пресѣченію такого стеченія народа въ одно мѣсто и первоначально положили было перенести икону въ другое мѣсто, но вскорѣ отказались отъ этой мысли, такъ какъ исполненіе ея непремѣнно повлекло бы за собой волненіе въ народѣ, и рѣшились ограничиться принятіемъ мѣръ къ сохраненію отъ расхищенія денегъ, подаваемыхъ въ значительномъ числѣ богомольцами. На основаніи этого рѣшенія, архіепископъ Амвросій, 15 сентября, въ 7-мъ часу вечера, послалъ отъ себя подьячаго, въ сопровожденіи 12 солдатъ великолуцкаго полка, къ Варварскимъ воротамъ, съ приказаніемъ ему запечатать находящіеся при образѣ сундуки съ сборными деньгами. «Какъ же только—разсказываетъ очевидецъ—подьячей съ командою къ воротамъ Варварскимъ, къ образу, въ 8-мъ часу вечера пришелъ, гдѣ богомольщики и не имѣющіе покрова, такъ какъ стражу ночную изъ себя составляли, коимъ на вопросъ ихъ: за чѣмъ отъ преосвященнаго присланъ? хотя и объявилъ, но они въ тоже время, подъ предлогомъ будто бъ Божію Матерь хотятъ грабить, бивши его немилосердно, взяли подъ свой караулъ, а съ командою начали драться, и въ тоже время отдѣлившіеся изъ нихъ ударили по церквамъ въ колокола въ набатъ, что въ тотъ же часъ и пролилось всему городу, и собирающимся къ тому людямъ, призывая ихъ на защищеніе образа и казны сборной, кричали, будто преосвященный прислалъ деньги взять, а образъ расколоть. Тѣмъ же временемъ, по набату въ цѣломъ городѣ при церквахъ, собрались на унятіе и разогнаніе команды, а другія, противныя имъ, кучами народу ввстрѣчу, и сдѣлалась свалка драки столь велика, что показывающіе видъ защищенія образа, команды, кои тутъ были, превозмогли и прибили, и драка сія продолжалась отъ исходу осьмаго по 11-й часъ ночи, разумѣется только при Варварскихъ воротахъ. Какъ же чернь уловила себѣ превозможеніемъ на сей случай, и видя сообщниковъ число великое, тутъ же почти единогласно и открыли крикомъ свою злость на господина Еропкина за то, будто собою беретъ въ карантины и умершихъ заразою не погребаетъ у церквей, а бань не распечатываетъ, а

на преосвященнаго, что образъ хотѣлъ расколоть и деньги взять, причитая ему въ вину, что, ради умаленія отъ чумы, въ хожденіи по улицамъ и по домамъ со крестами и образами препятствовалъ, также и опасно больныхъ пріобщать святыхъ таинъ запретилъ; и такъ на жизнь обоихъ чернь, бывшая при дракѣ, тутъ же и условилась. Сдѣлавши такое рѣшительное между собою положеніе, какъ бы люди военные, оставя изъ себя не малое число при образѣ, достальные, въ началѣ 11-го часа ночи, пошли съ копьемъ, съ каменьемъ, съ рогатинами, а кузнецы съ молотками, прямо въ Кремль, въ Чудовъ монастырь къ архіерею, но не нашедъ его въ монастырѣ, потому что до ихъ приходу уѣхалъ, съ злости начали не только кельи его грабить, погреба и сундуки разбивать, но въ церкви, коя была близъ кельи преосвященнаго, ходя въ царскія двери и къ престолу Господню, сосуды и ризы и всю утварь пограбили и оклады содрали. А все то происходило при битьѣ ими въ городской и въ протчіе при церквахъ колокола съ набатомъ, по которому и еще неменьшее число такова жъ роду бунтовщиковъ и грабителей собралось, и сообщась съ ними, въ Чудовѣ что было: вещи, деньги, платья и вина, разграбили, даже пухъ изъ перинъ, искавъ архіерея, по монастырю и по городу разбросали, и окна, не только стекла выбили, но и рамы выломали, и дерево ни стола, ни стула цѣлаго не оставили: иное унесли, иное тутъ бросили. Бригадиръ же Ѳедоръ Ивановичь Мамоновъ, по утру въ пятницу, пришелъ къ нимъ въ кучу въ Чудовъ монастырь и началъ уговаривать, а они, усмотря, что онъ одинъ, начали бить и гнать, копьемъ и руками, и бѣгомъ къ гобвахтѣ жизнь свою спасъ; потомъ оберъ-комендантъ московской царевичь Аѳанасій Грузинской, также пришедъ, началъ ихъ уговаривать; сего, не смотря на ленту, начали въ догонку кирпичьемъ щекатить: насилу ушелъ, такъ завеселился. Найдя же въ Чудовѣ въ погребахъ великое число винъ и водки, большая половина изъ нихъ на площади у Ивана Великаго и позади монастыря къ Никольскихъ воротамъ не только всю ночь на пятницу, но и въ пятницу во весь день до вечера, до 7-го часу, безъисходно грабили и пьянствовали, а въ сіе время днемъ въ пятницу къ нимъ свѣженькіе приходили, и въ раздѣлахъ грабежныхъ денегъ и вещей между собою множество дракъ составляли. И такъ по всей Москвѣ холопи, раскольники,

ямщики, фабричные, подьячіе, баталіонные солдаты и часть артиллерійскихъ служителей всѣ съ добычами по улицамъ ходили и жителямъ, благороднымъ людямъ, отнятіемъ жизни угрожали; другіе, видя свою собратію добычливыхъ, а сами не имѣя, шли въ городъ за добычею: не удастся ли чего сыскать, или у товарищей, кто безсильнѣе, отнять. Жители города, видя толпы бунтующихъ, будучи въ трепетѣ, не имѣя никакой помощи, не могли сказать, чтобы въ домѣхъ ихъ не только имѣніе, но и жизнь можно было сохранить, чѣмъ всѣмъ, жизнію и имѣніемъ, цѣлымъ городомъ должны одному господину Еропкину».

По первому извѣстію о происшедшемъ бунтѣ, архіепископъ Амвросій переѣхалъ изъ Чудова въ Донскую обитель, откуда намѣревался на время удалиться въ Новый Іерусалимъ. Но, по утру въ пятницу, когда онъ уже былъ совершенно готовъ къ отъѣзду, толпа бунтовщиковъ, въ числѣ до 400 человѣкъ, нахлынула на Донской монастырь, предварительно разбивъ по пути два карантинные дома. Послѣ непродолжительныхъ поисковъ, она нашла архипастыря на хорахъ, позади иконостаса, вытащила его изъ церкви и, выщипавъ бороду, кольями и обломками балясъ убила его внѣ монастырскихъ стѣнъ, гдѣ тѣло новаго московскаго мученика цѣлыя сутки лежало неприбраннымъ. По совершеніи злодѣянія, толпа, покинувъ монастырь, частію разсѣялась по городу, частію же засѣла въ Кремлѣ. Цѣлый день, до 6 часовъ вечера, бунтовщики были полными хозяевами столицы, оставленной на произволъ даже оберъ-полиціймейстеромъ, который, вмѣстѣ съ женою, уѣхалъ изъ Москвы, лишь только ему донесли, что народъ началъ грабить Чудовъ монастырь. Изъ начальствующихъ оставался въ городѣ только одинъ Еропкинъ, который, наконецъ, рѣшился силою унять своевольныхъ; въ теченіе цѣлаго дня пятницы онъ не сходилъ съ Остоженки и успѣлъ собрать команду, состоящую изъ 130 вооруженныхъ человѣкъ, съ которою, при двухъ пушкахъ, привезенныхъ съ Бутырокъ, имѣя въ ея головѣ схваченнаго священника, державшаго крестъ въ рукахъ, двинулся въ половинѣ 6-го часа вечера въ Кремль. «Во время его (т. е. Еропкина) съ командою марша—мы уступаемъ снова разсказъ очевидцу—вблизости отъ Пречистенскихъ воротъ, прискакалъ къ нему подъ

защищеніе или къ подкрѣпленію и московской господинъ губернаторъ, который на то время пріѣхалъ изъ подмосковной, гдѣ онъ въ 13-ти верстахъ жилъ. Какъ же господинъ Еропкинъ началъ входить къ боровицкимъ воротамъ, бунтовщики, усмотря его, кромѣ тѣхъ, кои въ городѣ, въ помощь къ товарищамъ съ дубьемъ кучами съ берегу на встрѣчу ему въ проломъ ударились, а другіе начали кричать съ берегу за Москву рѣку, чтобъ въ Кремль въ помочь имъ скорѣе бѣжали, съ дубьемъ же. По каковому ихъ сигналу за Москворѣчьемъ почти тужъ минуту у многихъ церквей ударили въ колокола въ набатъ, и въ самое кратчайшее время къ тѣмъ, кои уже въ городѣ, со всѣ стороны на Маховую, на Тверскую и на площадь къ Спаскимъ воротамъ сбѣжалось народу тысячами на помощь бунтующихъ; но не успѣли вобраться въ городъ, потому что диспозиціею господина Еропкина вороты въ разныхъ мѣстахъ удѣломъ командъ захвачены, а пушки—одна въ Спаскихъ, противъ мосту, другая въ Воскресенскихъ, лицомъ въ Тверскую, поставлены. И такъ, входя въ городъ, отъ засѣвшихъ тамо, не смотря на его команду, встрѣченъ былъ дубьемъ и кирпичами, коихъ по началу уговаривали, чтобъ изъ города тотъ часъ выбрались, но въ соотвѣтствіе платили объясненіемъ палочнымъ и кирпичнымъ и жестоко напирали, почему въ такой крайности принуждено было по нихъ стрѣлять, а другихъ брать подъ караулъ, но въ сіе время, не умолкая отъ 7-го до 11-го часу, ломились въ городъ на выручку своимъ съ площади къ Спаскимъ воротамъ и съ Маховой разными кучами, гдѣ равномѣрно никакое уговариваніе не помогало, и принуждено также изъ ружей и изъ пушекъ стрѣлять и конными командами рубить, чему и они, даромъ что пуль и картечъ не было, своимъ оружіемъ соотвѣтствовали; и такъ до смерти ихъ побито болѣе трехъ сотъ, да ранено до полутораста. Но между тѣмъ пока въ Кремлѣ и около онаго сраженіе происходило, изъ числа бунтующихъ, какъ бы десятскіе отъ полиціи, бѣгая по улицамъ, по дворамъ, не смотря что и по набату довольно извѣстно, повѣщали, чтобъ со дворовъ по два и по три человѣка на помощь съ дубьемъ и оружіемъ шли скорѣе къ городу, изъ нихъ же добычники, будучи пьяные, кучами по улицамъ, тогда же попѣвая разными попѣвами, осматривали въ обывательскихъ домахъ что дѣлается: буде нечисто—чистили. Сколь же много городскихъ

жителей все то время въ трепетѣ содержало, такъ что и свѣчи въ домѣхъ погасили, будто никого нѣтъ; а иные, бросся имѣніе, и домовъ отступились, спасая жизнь свою и домашнихъ, скитались по отдаленнымъ чужимъ домамъ, гдѣ больше почитали на тѣ часы безопасности; но, при помощи Всевышняго, видно что хотѣлъ только страхомъ наказать, а не совсѣмъ истребить. Бунтовщики, видя, что въ городъ вломиться ночью нельзя, отложили себѣ и военной командѣ отдохновеніе до утра, и такъ разбрелись, ожидая, можетъ быть, днемъ болѣе себѣ сообщниковъ, а потому въ Кремлѣ и за городомъ захвачено ихъ до 300 человѣкъ и брошены въ кремлевскіе дворцовые погреба. По окончаніи сего сраженія, съ 11-ти часовъ ночи, голоса ихъ дикіе утихли, и сіи Галлы, бунтующіе такъ какъ бы протива Рима, ушли въ свои станы; какъ же тихо съ 11-ти часовъ по всей Москвѣ сдѣлалось, будто бы ни одного человѣка въ городѣ и живущаго не было, а симъ самымъ жителямъ на нѣсколько часовъ той ночи въ отраду и сдѣлалось успокоеніе; что жъ и эту ночь не спали, о томъ ни слова не говорю, а довольны, что въ чаяніи остались спасти жизнь. Какъ же утро 17-го числа, то есть въ субботу, настало, то сіи толпы черни опять собрались болѣе тысячи человѣкъ и приступили прямо къ фронту, къ Спаскимъ воротамъ, зачали дѣлать договоръ: 1-е) чтобъ дали къ нимъ одного гвардіи офицера, называя переметчикомъ, съ которымъ бы обо всемъ поговорили; очень ясно видно было, чтобъ захватить въ свои руки, а потомъ требовать плѣнныхъ возвратомъ на перемѣну его; но какъ сего не дано, то 2-е) открыто требовали отдать взятыхъ ихъ товарищей, содержащихся въ Кремлѣ подъ карауломъ, дополняя 3-е) чтобъ впередъ въ карантины никого не брать; 4-е) усопшихъ зараженно при церквахъ погребать; 5-е) изъ карантиновъ всѣхъ выпустить и оные уничтожить; 6-е) бани распечатать, и 7-е) докторовъ и лекарей изъ города выгнать; а наконецъ 8-е) при кабакахъ, что сдѣланы были тогда для чумы рѣшетки и чрезъ нихъ вино продавалось, выбрать, чтобъ имъ свободно было ходить въ кабаки. Но какъ кондиціи ихъ съ презрѣніемъ отринуты, а уговариваны, чтобъ шли по домамъ и кучами больше не собирались, то противу сего уговору отвѣчали бранью и напоромъ ближе къ фронту. Какъ же о томъ, что они напираютъ, будучи въ Кремлѣ господинъ Еропкинъ узналъ, велѣлъ конной

командѣ, заѣхавъ сзади, ихъ розогнать, кои, будучи со обнаженными палашами, въ точности и исполнили, и отлично говорливыхъ изъ нихъ нѣсколько у мосту захватили подъ караулъ, достальные же, видя предъ глазами въ воротахъ пушку и фронтъ, на время разсыпались. А между тѣмъ въ 12-мъ часу дня изъ деревни въ городъ пріѣхалъ и главной города, а за нимъ чрезъ часъ и оберъ-полиціймейстеръ, и по приказанію главнаго въ городѣ, послѣ вечеренъ, того жъ дня вошелъ велуколуцкой полкъ, собранный съ квартиръ изъ деревень около Москвы разстояніемъ въ 30-ти верстахъ, коихъ подъ ружьемъ числомъ до 500 было, и расположились на Красной площади и разставили пикеты, а команды отъ главнаго начальника города поручены оберъ-полиціймейстеру. Какъ во время сраженія господинъ Еропкинъ опасностію себя съ рядовыми солдатами ни мало не отдѣлялъ, то отъ бунтовщиковъ и ушибенъ палкою въ грудь, а камнемъ въ чашку ноги, и теперь на постели лежа отдыхаетъ».

Первымъ намѣреніемъ Императрицы, по полученіи донесеній о бунтѣ, было отправиться самой въ Москву, но продолжавшаяся въ то время война съ Турціею, требовавшая распоряженій быстрыхъ и неотложныхъ, принудила Императрицу остаться въ Петербургѣ и, въ замѣнъ себя, послать въ первопрестольную столицу, по личному вызову, генералъ-фельдцейхмейстера графа Г. Г. Орлова, снабженнаго самыми обширными полномочіями, какъ для изслѣдованія причинъ бунта, такъ и для возстановленія въ ней порядка. Онъ прибылъ въ Москву 26-го сентября; вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали изъ Петербурга нѣсколько сенаторовъ и другихъ лицъ, а чрезъ нѣсколько дней вступилъ отрядъ солдатъ, выбранный изъ четырехъ гвардейскихъ полковъ. Немедленно, по вступленіи въ управленіе столицею, Орловъ передалъ графу Салтыкову соизволеніе Императрицы на его увольненіе въ деревню до прекращенія болѣзни и учредилъ двѣ коммиссіи—одну для предохраненія и врачеванія отъ моровой заразительной язвы, другую исполнительную. Сверхъ того, для скорѣйшаго снятія съ заключенныхъ бунтовщиковъ допросовъ, онъ усилилъ составъ судной надъ ними коммиссіи, наряженной еще 20 сентября. Когда моровая язва, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, начала уменьшаться въ Москвѣ и когда, по высочайше утвержденному приговору, было 11-го ноября учинено надъ мя-

тежниками и убійцами преосвященнаго Амвросія наказаніе (*), Орловъ возвратился, 21 ноября, обратно ко Двору, передавъ главное начальство надъ Москвою генералъ-аншефу князю М. Н. Волконскому, который, почти вслѣдъ за отъѣздомъ Орлова, былъ назначенъ главнокомандующимъ древней столицы и снабженъ слѣдующимъ по этому случаю наказомъ.

(*) Убійцы архіерея, дворовый человѣкъ Раевскаго Василій Андреевъ и цѣловальникъ, московскій купецъ Иванъ Дмитріевъ, были повѣшены у Донскаго монастыря; на Красной площади были повѣшены, по жребію, также двое: дворовый человѣкъ Молчанова Алексѣй Леонтьевъ, да помѣщицы Колтовской—Өедоръ Дѣяновъ; прочіе мятежники, по тѣлесномъ наказаніи, были сосланы. При экзекуціи находились у Донскаго монастыря членъ сыскнаго приказа, надворный совѣтникъ князь Николай Өедоровичъ Барятинскій, а на Красной площади оберъ-полицеймейстеръ Бахметевъ.

НАКАЗЪ.

Нашему генералу князю Михайлѣ Волконскому.

Ввѣряя вамъ указомъ отъ сего числа главное попеченіе о добромъ порядкѣ, устройствѣ и тишинѣ нашей столицы Москвы, за благо разсудили Мы вамъ дать съ одной стороны описаніе въ какомъ положеніи она есть, а съ другой—руководство, въ какомъ Мы ее видѣть желаемъ.

Извѣстны вамъ тѣ нещастіи, коимъ, къ крайнему нашему прискорбію, подверженъ былъ въ нынѣшнемъ году нашъ столичный городъ сей: великое число обывателей померло отъ прилипчивыхъ болѣзней и отъ самой язвы. Болѣзнь таковая вкралась въ сей городъ, Мы съ сокрушеннымъ сердцемъ сказать должны, ни отъ чего инаго, какъ отъ послабленія тѣхъ, коимъ поручена была безопасность города. Не упоминая о лейбъ-гвардіи маіорѣ Шиповѣ съ командою, которому поручены тому уже другой годъ всѣ пограничные кордоны и карантины, довольное число лейбъ-гвардіи нашей офицеровъ съ командами въ прошломъ году отправлены къ фельдмаршалу графу Салтыкову и поставлены были, начиная отъ Серпухова, на всѣхъ дорогахъ, откуда можно было имѣть нѣкоторое опасеніе для столичнаго города, которой тогда еще находился свободенъ отъ сего посѣщенія Божія. Сверхъ того, окромѣ Кіева, Нѣжина и нѣсколькихъ малыхъ деревень въ Украйнѣ, кои заперты были и гдѣ уже болѣзни отчасти пресѣклись, нигдѣ ее не слышно было, когда въ декабрѣ мѣсяцѣ 1770 года оная оказываться стала на Москвѣ между госпитальными служителями. Мы, увѣдомясь о семъ, предписали фельдмаршалу графу Салтыкову всѣ тѣ способы, кои только придумать можно было для скорѣйшаго пресѣченія сего зла въ самомъ его началѣ; но какъ въ госпиталѣ и его служителяхъ сіе зло скоро прекратилось, то на Москвѣ заблагоразсуждено изъ предписаннаго отселѣ ничего или мало, и то съ крайнимъ разслабленіемъ, приводить въ исполненіе, отдаваяся такимъ образомъ единственно на удачу и полагаяся томко на милость Всевышняго; но бывъ, по согрѣшеніямъ нашимъ, часто оныя недостойны, дожили до весны, а тогда болѣзни стали оказываться на большой суконной фабрикѣ, по привозѣ изъ Серпухова шерсти. Сіи вѣсти дошли до насъ въ мартѣ мѣсяцѣ сего года, и отъ насъ строжаѣ прежняго посланы повелѣніи, и все

что до болѣзни и карантиновъ касательно было, Мы тогда поручили нашему генералу-поручику Еропкину, которому справедливость отдать должно, что онъ ревностно и неослабно производилъ въ дѣйство ему порученное; но точное исполненіе въ одной части тогда, когда во всѣхъ другихъ издавна внѣдрилося послабеніе со стороны начальства и начальниковъ, а непослушаніе и своевольство съ стороны подчиненныхъ и подвластныхъ,—служило въ семъ случаѣ поводомъ къ тому, чтобъ у безразсудной черни, оставленной безъ призрѣнія отъ своихъ хозяевъ, кои, страшась единаго имяни язвы, разбѣжалися по своимъ деревнямъ, наипаче приводить въ омерзеніе все то, что дѣлалося къ ихъ безопасности и спасенію.

Таково-то было состояніе сего нещастнаго города, въ которомъ одна часть людей была въ отчаяніи, а другая, по горячей нашего народа привязанности къ вѣрѣ, о коей однако мало имѣя прямаго ученія, ожидала съ небеси чудесъ къ своему спасенію, кои и думала найти, по сновидѣнію нѣкоторыхъ можетъ быть простодушныхъ, или же и корыстолюбивыхъ людей, у Варварскихъ воротъ, отъ образа тамо издавна поставленнаго. На сіе богомоліе начало стекаться великое множество народа, такъ что въ Варварскія вороты не токмо проѣхать, но и пройти было никому не можно; наконецъ и самихъ больныхъ туда приносить стали, отъ чего въ разсужденіи заразы для народа не могли инако какъ пагубныя произойти слѣдствія. Какъ же мало старанія сначала приложено было пресѣчь таковый вредъ, къ пагубѣ цѣлаго народа служащей и какой потомъ худой успѣхъ былъ въ униманіи взросшей толпы, о томъ нещастныя произшествія 15 и 16 сентября сами собою свидѣтельствуютъ, гдѣ народный мятежъ и убивство невиннаго московскаго архіерея Амвросія и распущеніе народомъ карантиновъ, могли легко сію древнюю столицу обратить въ небытіе, тѣмъ наипаче, что фельдмаршалъ Салтыковъ, прося насъ чрезъ письмо о увольненіи его изъ города въ деревню, не дождавъ отъ насъ дозволенія, самъ собою разсудилъ за благо изъ города отлучиться, а его примѣру послѣдовали почти всѣ въ правительствѣ участвующія особы. Но бодрость и неустрашимость духа господина генерала-поручика Еропкина, съ малымъ числомъ гвардейскихъ офицеровъ и командъ и не болѣе того напольныхъ офицеровъ и салдатъ уняли картечами буянство и необузданность народа, а чрезъ то спасся городъ отъ

дальняго неустройства и раззоренія. Мы, не бывъ извѣстны еще о сихъ произшествіяхъ, получа отъ графа Салтыкова прошеніе о увольненіи его изъ города, по причинѣ прилипчивой болѣзни, размышляли, кого назначить на его мѣсто, когда нашъ генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Григорій Орловъ, по безпредѣльному его усердію и любви къ намъ и отечеству, насъ просилъ, чтобъ мы его отправили въ Москву для прекращенія, колико въ человѣческихъ силахъ есть, продолженія язвы. Мы, соизволя на его прозьбу, дѣйствительно его туда отправили 21-го числа минувшаго сентября; въ Подберезьѣ встрѣтили его 22-го числа извѣстія о московскомъ мятежѣ и его слѣдствіи; онъ, пріѣхавъ 26 сентября въ Москву, нашелъ: болѣзнь въ такомъ состояніи, что отъ восьмисотъ до тысячи человѣкъ въ день умирало; не токмо тѣ правительства, кои имяннымъ нашимъ указомъ отъ засѣданія на время уволены были, но и всѣ прочія не въ засѣданіи; всѣ люди въ уныніи, въ отчаяніи и въ худомъ послушаніи, ибо на площадяхъ пушки и сильные караулы послѣдніе дни тишину содержали.

Добрымъ, усерднымъ и разумнымъ поведеніемъ и разными учрежденіями генерала-фельдцейхмейстера графа Орлова, помощію же изъ тѣхъ, кои отъ насъ съ нимъ туда отправлены, наипаче господъ сенаторовъ Мельгунова, Еропкина и Волкова, господина оберъ-прокурора Всеволожскаго и вице-президента Баскакова нынѣ до того доведено, что число умирающихъ уже знатно уменшилося, сенатъ и коллегіи опять принялися за свою должность; довѣренность народная къ учрежденіямъ, въ его пользу дѣлаемымъ, возстановляется и послушаніе и повиновеніе приходятъ въ должной порядокъ. Въ семъ надежду подающемъ положеніи настоящаго времяни, находимъ Мы теперь за нужное обезпечить будущее время, и для того Мы васъ нынѣ отправляемъ въ Москву, на мѣсто уволеннаго отъ насъ фельдмаршала графа Салтыкова. Вы, пріѣхавъ туда, имѣете: 1-е) еще до времени не объявлять о себѣ, ни о данныхъ вамъ отъ насъ указахъ о принятіи города въ ваше смотрѣніе, но напередъ, условясь съ генераломъ-фельдцейхмейстеромъ графомъ Орловымъ, должно войтить вамъ во всѣ имъ зделанныя учрежденіи для безопасности города и для добраго въ немъ порядка какъ на нынѣшнее, такъ и на будущее время. 2-е) Мы предаемъ совершенно на ваше съ графомъ Орловымъ благоразсужденіе избраніе времяни

ни, когда вы у него примете, а онъ вамъ отдастъ управленіе города; время отъѣзда Мы оставляемъ на его волю, ибо Мы увѣрены, что вы оба будете подвиги ваши размѣрять, имѣвъ единственно въ виду пользу общаго блага. 3-е) Вы съ графомъ Орловымъ также условитеся и о томъ, кому изъ тѣхъ, кои съ нимъ туда посланы, остаться въ Москвѣ, дабы вы имѣли, какъ многіе изъ нихъ люди умные, къ дѣлу привычные и тамошнія обстоятельства и учрежденія имъ извѣстны, съ кѣмъ слѣдовать и чрезъ кого учрежденіи въ дѣйство производить, ибо, къ крайнему нашему сожалѣнію, мы должны сказать, что 4-е) генерально въ Москвѣ, до прибытія туда графа Орлова, въ послѣдніе годы весьма мало было исполненія въ предписуемомъ и послабленіе главныхъ до того доходило, что исполненія повелѣннаго рѣдко когда и взыскивалося; а отъ того воспослѣдовало, что вообще почти всякой искалъ уклониться отъ того, чего отъ него требовалось, и почти всякой въ городѣ инаго не дѣлалъ, какъ только то, что самъ заблагоразсуждалъ. Таковая слабость въ начальствующихъ служитъ обыкновенно прочимъ подражаніемъ, и для того повелѣваемъ вамъ наиприлежнѣйше стараться, 5-е) чтобъ законы были строго наблюдаемы и чтобы все то, на что учрежденіи и предписаніи есть, самимъ дѣломъ исполняемо было. Сіе Мы вамъ предписываемъ не токмо въ разсужденіи частныхъ лицъ, но и въ разсужденіи самыхъ тамошнихъ правительствъ и судебныхъ мѣстъ; ибо отъ точности ихъ исполненія законовъ зависитъ доброй порядокъ въ государствѣ, и слѣдовательно благосостояніе имперіи и въ ней живущихъ. 6-е) Предписуя вамъ строгое взысканіе отъ всѣхъ исполненія законовъ, учрежденій и повелѣній, не разумѣемъ Мы отнюдь подъ симъ, чтобъ сія строгость наводила всѣмъ страхъ и трепетъ; но Наше желаніе есть, чтобъ вы съ твердостью заставляли всѣхъ исполнять свои должности, отвращая чрезмѣрную строгость, такъ какъ и послабленіе, равно умы въ разстройство приводящія. 7-е) Внутреннее поправленіе городской полиціи должно быть въ числѣ главныхъ вашихъ упражненій; теперь между городомъ и его окружающими селеніями трудно узнать различіе, а изъ сихъ селеній выходятъ многія неистовства во вредъ городу. Предоставляется вамъ на мѣстѣ вникнуть въ сіи обстоятельства и изыскать съ тѣми мѣстами, отъ коихъ тѣ селенія зависятъ, легчайшіе способы, дабы они или

съ городомъ соединены были и подъ однимъ городскимъ правомъ состояли, или бы приведены были въ такой порядокъ и состояніе, чтобъ городъ отъ нихъ никакого себѣ вреда не чувствовалъ. 8-е) Послѣ полиціи весьма вамъ поручаемъ войтить въ обстоятельства главнаго и московскаго магистратовъ и стараться въ нихъ дать законамъ силу и дѣйствіе лучше прежняго; Мы въ подробности здѣсь входить не хотимъ, вы на мѣстѣ лутче получите о томъ свѣдѣніе, только надѣемся, что Нами вновь нынѣ данной Сенату указъ о взысканіи за неисполненіе и нерапортованіе въ теперешнемъ случаѣ вамъ подастъ помощь. 9-е) Указомъ, даннымъ Военной Коллегіи, повелѣли мы, чтобъ московской оберъ-комендантъ переведенъ былъ жить въ Кремль, ибо Мы Кремль почитаемъ не инако какъ онъ въ самомъ дѣлѣ есть, сиречь городскою цитаделью, и для того должно или построить, или купить домъ въ Кремлѣ для оберъ-коменданта, его канцеляріи и плацъ-маіора. Мы желаемъ, чтобъ вы сей нашъ Военной Коллегіи данной указъ привели въ исполненіе, ибо онъ впредь служить имѣетъ для лучшаго порядка. 10-е) Московской отставной баталіонъ гвардіи, кой часъ болѣзни пресѣкутся, Мы повелѣли изъ Москвы перевести въ Муромъ, чрезъ что Мы нѣсколько заботъ вамъ убавимъ. 11-е) Предписывая вамъ выше помянутые многіе пункты, вѣдаемъ Мы, что теперешнее нещастное состояніе Москвы не дозволяетъ почти никакихъ иныхъ вновь положеній, какъ только клонящихся къ спасенію отъ язвы оставшихъ въ ней бещастныхъ жителей и что наипаче бдѣніе и стараніе ваше должны быть удвоены для будущей весны, дабы, нынѣ, по благости Господней, умаляющіяся болѣзни не возобновилися тогда въ вящшей свирѣпости, чего вы, какъ Мы надѣемся, всячески стараться будете не допустить. Но какъ, однакоже, долгъ есть всякаго честнаго человѣка искать и въ самомъ вредѣ нѣтъ ли иногда и такихъ обстоятельствъ, кои бы обратить можно было въ пользу общую, то не скроемъ отъ васъ, что Мы находимъ нынѣшнее время на Москвѣ удобнымъ къ разнымъ добрымъ учрежденіямъ и къ пресѣченію многихъ злоупотребленій, тѣмъ наипаче, что разумнѣйшіе, почувствовавъ сами худыя слѣдствія непослушанія, самовольства и суевѣрія, тѣмъ самымъ уже приготовлены принять охотно всякое разумное и человѣколюбивое поправленіе, въ общую пользу предпріемлемое, и

для того вамъ весьма прилежно стараться надлежитъ изыскивать всѣ способы, клонящіеся къ поправленію всякихъ злоупотребленій. 12-е) Не сомнѣваяся, что ваше обхожденіе со всѣми будетъ твердо, ласково и учтиво, Мы, однако, здѣсь упомянемъ, чтобъ вы не упускали требовать, а наипаче отъ молодыхъ людей, коими всегда Москва изобилуетъ, чтобъ они были при всѣхъ случаяхъ почтительны и учтивы, ибо по сихъ поръ сіе худо наблюдалося, отъ чего часто и непорядки многіе бывали. 13-е) А дабы и самое мѣсто вашего пребыванія придавало уваженіе той довѣренности, кою Мы на васъ возлагаемъ, то дозволяемъ вамъ жить во дворцѣ нашемъ и имѣть дворцовой экипажъ. 14-е) Вы весьма знаете, что дисциплина есть душа военной службы, а потому Мы совершенно увѣрены, что тамъ, гдѣ она потребна, вы ее будетъ содержать во всей ея цѣлости, а въ которыхъ мѣстахъ ее найдете потерянною, какъ напримѣръ въ московскомъ гарнизонѣ, тамъ будете стараться ее возстановить; но Мы о томъ здѣсь упоминаемъ только для того, чтобъ вамъ сказать, сколь вѣрно Мы отъ васъ сего ожидаемъ и надѣемся. 15-е) Вамъ извѣстны тѣ правила, коимъ Сената нашего здѣшніе департаменты слѣдовать намѣрены въ разсужденіи московскихъ фабрикъ: мы надѣемся, что вы словомъ и дѣломъ стараться будете онымъ помогать. Весьма бы полезно было, естли бы большіе фабриканты добровольно согласились перевести фабрики свои въ уѣздные города, ибо Москва отнюдь неспособна для фабрикъ. Нынѣ однимъ въ Москвѣ нещастіемъ всѣ бывшія въ ней фабрики разорились, чего бы никогда случиться не могло, если бы они были въ разныхъ малыхъ городахъ, въ коихъ и дешевле и работники меньше подвержены всякимъ неистовствамъ.

Впрочемъ остаемся къ вамъ со всегдашнимъ нашимъ благоволеніемъ.

Екатерина.

Ноября 5 дня 1771 года.
Въ Санктпетербургѣ.

Одновременно съ наказомъ князь Волконскій получилъ слѣдующій рескриптъ:

Божіею милостію, Мы Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералу князю Волконскому. Чрезъ сіе поручая вамъ главное попеченіе о сохраненіи добраго порядка въ нашемъ столичномъ городѣ Москвѣ, всевысочайше при томъ повелѣваемъ присутствовать вамъ Сената Нашего въ пятомъ департаментѣ и принять въ свою команду дивизію московскую, которою до сего командовалъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ, равно и о всѣхъ находящихся въ Москвѣ разныхъ командахъ имѣть вамъ свѣдѣніе, и принимая отъ нихъ рапорты, командирамъ ихъ на всякія внезапныя приключенія и произшествія давать свои наставленіи, почему вы можете доносить прямо на имя Наше реляціями всякую недѣлю, какъ о состояніи города и въ немъ тишины и спокойствія, такъ и о добромъ во всѣхъ околичныхъ и другихъ мѣстахъ порядкѣ. Но чтобъ вы, будучи главнымъ въ городѣ командиромъ, не имѣли недостатка по характеру вашему въ содержаніи благопристойнаго стола, а наипаче для празднованія торжественныхъ дней, то повелѣваемъ вамъ получать изъ Нашей Статсъ-Конторы на столъ вашъ по тысячи рублей въ мѣсяцъ, пока вы у сей должности пробудете. Впрочемъ, Мы уповаемъ, что вы, по ревности и усердію къ службѣ Нашей и отечества, не оставите во всемъ соотвѣтствовать желаніямъ Нашимъ, къ благосостоянію всѣхъ Намъ вѣрноподанныхъ клонящимся, и что вашимъ благоразумнымъ и неусыпнымъ попеченіемъ благоденствіе и тишина въ семъ столичномъ городѣ непоколебимы всегда пребудутъ. Впрочемъ пребываемъ вамъ императорскою Нашею милостію благосклонны. Данъ въ Санктпетербургѣ. Ноября 5 дня 1771 года. Екатерина.

А. БЫЧКОВЪ.

ПИСЬМО ЗАВОДЧИКА НИКИТЫ ДЕМИДОВА (*)

Прикащикамъ моимъ Никифору и Прохору Блиновымъ, Серебрякову, Якиму, канторщику Алферову, служителямъ Шелегову и Егорову.

Два письма отъ васъ отъ 24 февраля и отъ 3 марта подъ № 347 и 348 съ разными приложеніями получилъ, а что на заводахъ и въ протчихъ мѣстахъ благополучно, за то благодареніе Вышнему. И на то подтверждаю: о большихъ всѣхъ генерально выходахъ и о большихъ передѣлахъ и о дѣлѣ завсегда и во всемъ хорошаго и щегольскаго съ похвалою у насъ желѣза и послѣ отпуску нынѣшняго весенняго каравана ежегодно по 300.000 пудъ и объ отпускѣ ежегодно такой суммы въ караванахъ, и крѣпко и прекрѣпко вамъ сіе помнить и зарубить на носу о безпрерывномъ дѣйствіи доменъ и о всегдашней молотовой работѣ на всѣ горна и молота со здѣланіемъ въ недѣляхъ отъ 20 до 22 крицъ на горну, о соблюденіи втулками воды, о вычерпаніи въ Увильдинскомъ озерѣ по моему подтвержденію нынѣ весною няши и о полученіи намъ изъ казны за всѣ казенныя наши поставки денегъ, о суточныхъ всегда точно и вѣрно изъ каждой домни выходахъ по 500 пудъ въ сутки, да и о всемъ протчемъ генерально чинить и дѣлать съ радѣніемъ и неусыпностію всѣмъ вамъ къ лутчему, какъ многократно и подтверждалъ, а паче Блинову подъ неупустительнымъ штрафомъ, и на сей пунктъ писать.

Какова стоитъ погода, и велика ль была нынѣ весною полая вода въ рѣкахъ, и какова прибыль у насъ въ прудахъ воды, и сколько слышно у протчихъ заводчиковъ у кого пошло съ желѣзомъ и съ протчимъ коломенокъ, и сколько въ нихъ грузу суммою пудъ и по чему гдѣ вольныя и задаточныя на чюжихъ заводахъ за что цѣнами работаютъ, и дороги ль провозы, о цѣнахъ хлѣбамъ, овсу и хар-

---

(*) Письмо это и слѣдующее за нимъ донесеніе, вмѣстѣ съ письмами Демидовыхъ, помѣщенными въ 1-й книжкѣ Пермскаго Сборника, представляютъ любопытный матеріалъ не только для исторіи заводской промышленности, но и для объясненія отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами въ концѣ XVIII вѣка.

чевому, о денежномъ передѣлѣ въ Екатеринбургѣ мѣдныхъ денегъ, о наличной мѣди, и даютъ ли Лазаревскія повѣренныя на переводъ кому мѣдныя деньги, о всѣхъ производимыхъ и оконченныхъ вездѣ (какія случатца) нашихъ приказныхъ дѣлахъ и о новостяхъ, буде какія случатца, да и еженедѣльно о всемъ вышеписанномъ точно безъ пророшки репортовать меня и на сей весь пунктъ писать ко мнѣ.

Кыштымскую нижнюю домню по порядочной переправкѣ и высушкѣ горна нимало не медля въ дѣйствіе пустить, да чтобъ и всѣ у насъ домни во время выдувокъ непремѣнно какъ кладены, такъ и высушены были скоро и по порядку и въ ходу бъ или въ дѣйствіи находились точно уже не меньше года; да помнить же о семъ всегда всѣмъ вамъ и перепомнить наикрѣпчайше, и безъ прогулу домни нимало никогда не были бъ, и писать на сей пунктъ.

А что караванной Тимофѣевъ такъ скоропостижно помре, о томъ сожалѣю, и для того оставшей его Тимофѣева женѣ съ малолѣтными ее дѣтьми выдать въ память заслугъ покойнаго ее мужа изъ милости моей сто рублевъ и записать оныя на Касляхъ въ расходъ; а небольшому его Тимофѣева сыну, который нынѣ находится въ конторѣ у письменныхъ дѣлъ, быть при конторѣ и опредѣлить ему жалованья по 10 руб. въ годъ, и каковъ оный малолѣтной его Тимофѣева сынъ понятіемъ и поведеніемъ, также и большой его сынъ и не лѣнивы ль, о томъ писать ко мнѣ объяснительно и на сей пунктъ писать же ко мнѣ.

А поелику знаю я достовѣрно, что сіе мое письмо каравану нынѣ весенняго уже за отправленіемъ изъ Сорокина не застанетъ, но какъ слѣдуетъ вмѣсто покойнаго караваннаго Тимофѣева опредѣлить въ караванѣ человѣка, то симъ и повелѣваю главными караванными въ караванѣ быть Тихану и Михайлѣ, а расходчикомъ Мурашкину, а къ нимъ караваннымъ въ помощники и въ писцы по прежнему опредѣляю бывшихъ и нынѣ идущихъ въ караванѣ подьячихъ Петра Блинова и Андрѣяна Зайцова, да еще третьяго покойнаго Герасима Тимофѣева брата его роднаго Архипа Тимофѣева жъ . . . . мъ имѣется нынѣ на Касляхъ въ служителяхъ, опредѣлить на нынѣшней же отправившейся караванъ помощникомъ же караваннымъ и къ производству жъ и запискамъ писменныхъ въ караванѣ дѣлъ и въ бываемыхъ для каравану всякаго рода закупкахъ, также изъ каравану желѣза и протчаго продажахъ и отда-

чахъ, чтобъ всѣ троя они, Блиновъ, Зайцовъ и Архипъ Тимофѣевъ знали бъ, навыкали и во все входили, по порядку вмѣстѣ съ караванными съ усердіемъ, трезвостію, не касаясь ни мало къ хмельному, съ вѣрностію и радѣніемъ къ господскому во всемъ, за что и оставлены отъ меня они за вѣрность, усердность, трезвость и радѣніе не будутъ, и чтобъ они Блиновъ, Зайцовъ и Архипъ Тимофѣевъ крѣпко сіе помнили и наблюдали всеусердно. Но какъ по вышеписанному безъ сумнѣнія уже караванъ изъ Сорокина отправился, то въ самой скорости немедля ни мало означеннаго Архипа Тимофѣева послать на отправленной нынѣ караванъ сухимъ уже путемъ туда, гдѣ уповаятя по времяни онъ Архипъ караванъ мой настичь можетъ и съ вашимъ писменнымъ на караванъ о сей моей волѣ подтвержденіемъ, а притомъ и выписавъ сей мой весь пунктъ, для знанія и исполненія, послать же на караванъ къ Тихану съ товарищи, и какъ и куда имянно пошлете достигать означеннаго Архипа караванъ, и каковъ оной Архипъ совѣстію, понятіемъ, поведеніемъ, трезвостію, и не пьетъ ли, и расторопностію, о всемъ объяснительно писать, да и на весь сей пунктъ писать же.

Изъ копіи присланной нынѣ вижу, что вы въ Далматовской нижней земской судъ приносили доношеніемъ жалобу, что плутецъ татаринъ Марзагуловъ подрядился къ намъ поставить нынѣ зимою руды съ Синарскихъ рудниковъ 1687 пудъ, но вмѣсто того возилъ плутецъ на Ревду примѣчательно по передачѣ ему плуту Марзагулову отъ Ревдинцовъ лишней за руду цѣны; но вамъ бы должно по порядку прежде, не прося въ судѣ, дать знать на Ревду, что онъ плутецъ татаринъ, не выполня за забранныя деньги у насъ рудной вывозки, сунулся поставлять руду плутовскую къ нимъ, и дабы они Ревдинцы, отказавъ отъ поставки, велѣли сперва по справедливости въ разсужденіи перваго подряду выполнить сполна у насъ подрядившую руду, да тогда бъ уже съ нимъ дѣло имѣли: такъ бы они Ревдинцы конечно въ сей просьбѣ вамъ не отказали; и для того впредь въ таковыхъ случаяхъ въ разсужденіи Ревдинцовъ чинить съ наблюденіемъ и безъ таковаго предъ-увѣдомленія въ суда подачею просьбъ не соватца. Да и выполнилъ ли онъ плутъ татаринъ, по вашей нынѣшней просьбѣ, Марзагуловъ вывозкою къ намъ сполна нынѣ доставкою руды, или жъ вы съ него плута деньги за всю недоставленную руду, что слѣдовало, взыскали? Да и точно,

чтобъ ни на комъ долгу не было, какъ и неоднократно о выбивкѣ долговъ подтверждаемо было, и писать о семъ объяснительно, да и на весь сей пунктъ писать же ко мнѣ.

Дружининъ въ нынѣ полученномъ мною отъ него письмѣ пишетъ, что онъ бывши де на Каслинскомъ заводѣ у васъ за нѣкоторыми справками по дѣлу Собакиныхъ, навѣдался, что желѣзо, кое наковано было на заводахъ, все въ Сорокино вывезено, коего де отправлено съ небольшимъ двѣсти тысячь; а вы въ своемъ послѣднемъ нынѣ писмѣ говорите, что въ надѣланіи желѣза съ 190,000 пудъ, и для того, съ чего онъ Дружининъ писалъ такую съ вами о семъ разницу, писать ко мнѣ съ вѣрностію правдиво, и на весь сей пунктъ писать ко мнѣ.

Получилъ я на сей же почтѣ письмо отъ 3 марта, за подписаніемъ Кыштымскаго прикащика Блинова, канторщика Алферова и служителя Шелегова, въ коемъ описываютъ они удивительное смѣльство плутцовъ толстобрюхихъ и коренныхъ раскольниковъ караванного Тихона и Каслинскаго Серебрякова, и что они Тиханъ и Серебряковъ отважились въ согласно написанномъ отъ всѣхъ васъ и уже въ подписанномъ всѣми жъ вообще ко мнѣ письмѣ отъ 24 февраля вычистить совсѣмъ тотъ пунктъ, въ коемъ отъ меня отъ васъ спрашивано было позволенія, кого я на мѣсто покойнаго караванного Тимофѣева помѣстить прикажу; а какъ оная подчиска въ старинномъ ко мнѣ письмѣ и по моему свидѣтельству оказалось подлинно справедлива, да къ тому жъ Шелеговъ отъ такого плутовства въ подчищеваніи упорно Тихана и Серебрякова удерживалъ, но они его Шелегова не послушали, и для того отписать ко мнѣ о семъ, спрося плута Серебрякова подъ страшною евангельскою клятвою, какой ради причины и резону онъ Серебряковъ съ такою жъ раскольническою свиньею Тиханомъ имѣли смѣлость вычищать означенныя строки въ подписанномъ уже всѣми ко мнѣ бѣломъ писмѣ, и буде онъ Серебряковъ добровольно о семъ о всемъ до подноготной не признается и будетъ отвиливать неправедными вымыслами, то отъ него плутца Серебрякова добитца истиннаго во всемъ признанія и правды уже толстыми плетьми, и что онъ Серебряковъ на все то вамъ добровольно ль или подъ плетьми покажетъ, подробно о всемъ безъ понороски и посяжки вамъ писать ко мнѣ одну истинну и правду подъ клятвою, не наровя и не посягая; сообщи-

ка жъ Серебрякова, то есть караванного Тихана, по приходѣ его сюда съ караваномъ, я о всемъ, что должно, изслѣдовать объ ономъ въ подробность не оставлю, и тогда что по слѣдствію окажетца и вамъ дамъ знать. И для чего плутъ Якимъ, какъ въ ономъ же письмѣ Блиновъ съ товарищи пишутъ, ѣздилъ на Касли такъ скоропоспѣшно, оставя должность и не имѣвъ притомъ совсѣмъ къ тому резону, да еще и за запрещеніемъ ему Якиму отъ Кыштымскаго Блинова о такой самовольной безъ господской надобности отлучкѣ; да и по пріѣздѣ та на Касли ни Прохору ни Шелегову, за чѣмъ пріѣзжалъ, онъ плутъ Якимъ ничегожъ совсѣмъ не объявя, и съ Каслей ночью опять назадъ уѣхалъ; то какую жъ ты, раскольническая свинья Якимъ, имѣлъ нужду и власть самовольно такъ съ заводу, не сказавъ никому, отлучатца и попрядывать, не объявя о томъ, за чѣмъ на Касли ѣдишъ или ѣздилъ, ни Кыштымскому Блинову съ Алферовымъ, ниже на Касляхъ, за чѣмъ пріѣхалъ, Прохору и Шелегову? или ты, сукинъ сынъ, сверчокъ поганой Якимъ, захотѣлъ точно длиннаго лыка и каторги въ ссылкѣ за ослушаніе и самовольства за такія скрытыя и потаенныя отлучки? да съ такими твоими плутовскими ухватками и поступками врядъ тебѣ вижу, Якимъ, онаго миновать; а я давнымъ давно да и всегда подтверждалъ и подтверждаю, дабы вы правители и за господскими нуждами безъ согласія и совѣту никто съ заводу самовольно, а паче за своими какими либо паршами отнюдь не отлучалися, да и ѣзды бъ ваши съ заводовъ, за какими именно дѣлами вы отлучаетесь, записаваны бъ были подробно въ журналахъ, а не такъ самовольничать и прыгать воровски, какъ раскольнической плутъ Якимъ нынѣ то учинилъ. И для того такую его Якима странную и совсѣмъ самовольную съ Кыштыму на Касли отлучку и шаганье изслѣдовать вамъ всѣмъ до подноготной подъ вышеписанною жъ точно евангельской заповѣди клятвою и при томъ подъ страшнымъ за неправду какую либо всѣмъ вамъ штрафомъ; потому жъ и о Серебряковѣ, для чего выскребли строки, и что по вашему о всемъ вышеписанномъ изслѣдованіи окажетца, съ ясностію ко мнѣ о всемъ безъ промолчанія писать правдиво, не наровя и не посягая, подъ страшною евангельскою клятвою. А за такія непорядки Серебрякова и Якима высѣчь нещадно плетьми Прохору съ Шелеговымъ, и впредь до такого плутовскаго самовольства и генерально довсякихъ непоряд-

ковъ никого вамъ Блинову, Прохору Алферову, Шелегову и Егорову крѣпко не допускать, и о томъ да и на весь сей пунктъ обстоятельно ко мнѣ писать.

Да писали ко мнѣ Кыштымскія служители Ефимъ Насеткинъ, Александръ Пискуновъ, Иванъ Рѣщиковъ, лекарскій ученикъ Петръ Симановъ, да плотинной Ѳедоръ Мамкинъ отъ 25 февраля о разныхъ непорядкахъ, плутовствахъ и воровствахъ смѣло отчаянныхъ расходчика Якима съ товарищи въ 23 пунктахъ, съ котораго ихъ письма точную копію прилагаю, изъ чего о всемъ сами увидите, по которому ихъ письму о всемъ генерально по всѣмъ пунктамъ накрѣпчайше со всякимъ основательствомъ и правдою, не наровя никому и не посягая ни на кого, по чистой совѣсти, какъ предъ Богомъ, подъ страшною евангельскою клятвою, вамъ всѣмъ изслѣдовать до подноготной во всемъ, а за неправду боятца вамъ всѣмъ крѣпкаго въ проводку наказанія и большаго денежнаго штрафу; да помнить же, помнить и перепомнить вамъ всѣмъ сіе и зарубить на носу, ибо и за малѣйшую неправду, за посягательство и за послабленіе и за потачку и жилище у всѣхъ васъ разрою и на вѣтеръ пущу, ибо неправды, непорядковъ и ослушанія въ запрещенномъ, поноровки и потачки и всякихъ дурностей какъ чорта не навижу и не терплю.

1-е. За взятое жъ воровски за гвозди, за тесъ, канаты и снасти, французскую и сладкую водку, за рубку и возку казеннымъ коштомъ на раскольническую часовню бревенъ, за тесъ господской на Якимовъ дворъ и мастерамъ за работу, за свѣчи и за все, что взято и своровано, буде явно обличенъ и доказанъ будетъ, доправить съ него Якима, чего стоитъ, непремѣнно тогда въ скорости за все про все вдвое, и въ первомъ репортѣ въ приходѣ показать и писать, а мастерамъ и работникамъ господскимъ, кому за какую работу не дано доправленное съ Якима, за то вдвое тѣмъ людямъ въ скорости раздать, дабы никто не терпѣлъ обиды; а что буде клеветали и неправду въ чемъ писали, за то неправедныхъ доносителей по мѣрѣ винъ нещадно, чего стоятъ, наказать плетьми.

2-е. За чѣмъ потаенно Якимъ ходитъ въ кладовую, неупустительно изслѣдовать же.

3-е. А что лѣниво и долгопротяжно Якимъ, яко расходчикъ, выдаетъ на казенныя надобности изъ анбаровъ мастерамъ и разнымъ

людямъ на подѣлки и надобности казенныя генерально чтобъ такое ни было, то буде сіе правда жъ, то за то его архибестію Якима, раскольническую непотребную свинью, сѣчь въ проводку нещадно плетьми, и впредь чтобъ онъ денно и ночно все генерально на казенныя нужды всякому выдавалъ по требованіямъ, что по порядку слѣдуетъ, тѣми жъ часами и минутами; за медленіе жъ и за самое малѣйшее и за такія непорядки и дурности гонять его Якима всѣмъ вамъ, такова нечестивова бестію, палками въ шею къ анбарамъ, дабы все скоро безостановочно надлежащее всѣмъ выдавалъ, чтобъ ни въ чемъ промедленія и остоновки отнюдь и отнюдь не было бъ, только точно бъ и вѣрно правдиво, а не затѣйно и безъ малѣйшей посяжки и злобы; а за посяжку и злобу храни васъ Богъ всѣхъ, а то и небо вамъ всѣмъ съ овчину покажетца за посяжку; но чтобъ все было по порядку и правдиво; и спать ему канальи Якиму точно всегда велѣть въ конторѣ, да и жену его, когда такая точно дурная и вредная наставница, буде точно жъ правда какъ пишутъ, то ее какъ каналью разсѣчь же плетьми. Цыцъ, цыцъ и перецыцъ хищенія къ господскому, обиды всѣмъ, непорядки и дурности наводить, а то всѣхъ васъ какъ раковъ раздавлю и никому отнюдь за неправды и дурности не стерплю ему и всѣмъ вамъ.

4-е. Медикаменты лекарскія всѣ генерально держать подъ общимъ замкомъ при канторѣ Якиму Алферову, и лекарскаго ученика, и съ ясною запискою, и выдавать ученику лекарскому изъ оныхъ съ вѣрною и ясною запискою жъ; сына жъ Якимова Дорофея въ скорости отрѣшить ото всѣхъ господскихъ дѣлъ и опредѣлить точно въ господскую работу съ протчими на ряду. Цыцъ каналія, раскольникъ, корень вашъ искореню—боярить; ибо у меня вы всѣ равны, кромѣ справедливыхъ и вѣрныхъ заслугъ правды и усердія къ господскому, а не о раскольничествѣ проклятомъ, о жирахъ и о неправдѣ думать, но съ неусыпностью трудитца о господскомъ добрѣ и о большихъ выходахъ и передѣлахъ, а то и ребра, Якимъ, во всемъ родѣ вашемъ не оставлю за неправду и дурности, что и корень вашъ раскольнической зловредной не попахнетъ; да и всѣмъ вамъ генерально за неправды, лѣности и нерадѣніи, дурности и ослушаніи противъ моихъ подтверждееіевъ тоже какъ и Якиму ожидать, что и корень вашъ не попах-

нетъ; или нетерпимой свинячей гнусной раскольникъ Якимъ и съ родомъ своимъ за дурности захотѣлъ на каторгу вѣчную и въ ссылку съ крѣпкимъ наказаніемъ за ослушности и дурности, или жъ подъ красную шапку кто годенъ, а негодной безъ зачоту туда жъ поѣдетъ. Да и старичонку Авраму съ братомъ, не взирая на старость, за потачку и дурности дѣтямъ и внучатамъ съ оковами крѣпкихъ плетей урвать. Да берегитесь же какъ огня, нетерпимыя неправедныя раскольническія упрямцы и зловредныя въ обществѣ люди! ибо неправды, ослушанія и дурностей никакъ, никакъ и никакъ я не стерплю; не попадитесь скоро какъ чижи въ поницы, ибо я люблю святую истинну, правду и неусыпныя труды съ послушаніемъ, а не такія ваши зловредныя раскольническія уловки, въ честномъ обществѣ нетерпимыя, ибо и самъ Богъ любитъ правду и истинну, а не вымыслы ваши неправедныя, затѣйныя и гнусныя, и повелѣваетъ безропотно Спаситель Христосъ и Апостолъ властямъ покарятца и повиноватца не токмо благимъ, но и строптивымъ, на что де воля Божія есть; или вы, раскольники архибестіи, слѣпы. что Христосъ и Апостоли пишутъ и узаконя повелѣваютъ. И сіе все Авраму Денисову съ родомъ его при конторѣ со вниманіемъ и объясненіемъ прочесть.

5-е. Обольстившихъ безволостниковъ канальевъ дуръ бабъ и дѣвокъ въ расколъ, кои наши въ бѣгахъ, всѣхъ въ скорости отовсюду собрать и опредѣлить въ работу, а за неотысканіе скоро и родъ Аврамовъ съ Якимомъ искореню, ибо имъ архибестіямъ надо знать, гдѣ они укрываютца; а за продолженіе, чтобъ они уже тогда на меня не пѣняли: истинно имъ зло и страшно будетъ. А за угрозы Михайлѣ Захарову отъ Якима и Аврама, буде точно правда, то доправить съ нихъ Якима и Аврама въ скорости 50 р. и отдать въ церковь, а впредь цыцъ за всякія дурности, побѣги и непорядки, раскольники Якимъ съ товарищи, ибо и праху вашего канальского упрямого и нечестиваго не оставлю.

6-е. А когда Якимъ точно правда по куренямъ ѣздя, становяся на пень, осматриваетъ курени, да только въ томъ и радѣніе свое къ господскому являетъ, то его Якима Шелегову Прохору и Алферову у пня на куренѣ добрѣ плетьми нещадно высѣчь; а мерина сѣрого негоднаго отдать ему и въ скорости велѣть купить въ

казну вдвое дороже, что онъ изъ казны получилъ, ибо прикащикамъ отнюдь не велѣно свое дермо съ казеннымъ мѣшать и алтынничать, и дабы никто изъ костра щепки не обиралъ и страшился какъ огня, ибо уже послѣднее дѣло такъ алтынничать; и недоброй уже сей и злой обычай есть господское съ вашимъ мѣшать. А за худыя лошади въ тягость Тютнярскимъ доправить съ Якима гунствота въ полторы и отдать Тютнярскимъ, дабы никто навязывать и тяготить жителей и крестьянъ изъ прикащиковъ и конторныхъ не отваживался, чиня въ обиду, и бояться какъ огня.

7-е. А что Красноуфимской купецъ Илья Поповъ говорилъ о похищеніи денегъ Якимовымъ сыномъ Дороѳеемъ 150 р., то буде по изслѣдованіи явитца правда, то оныя 150 р. съ гунствота неправеднаго раскольника Якима въ скорости доправить и въ первомъ репортѣ въ приходѣ показать; въ томъ ли ваша раскольники правда съ большими крестами, ибо праведный Богъ не большихъ крестовъ требуетъ, но истинны и правды; а Дороѳея за такія плутни и непорядки, какъ каналію, въ проводку плетьми разсѣчь, и кузнеца Логашку Гуськова нещадно жъ вездѣ въ проводку, буде правда, плетьми разсѣчь. И чтобъ Якимъ за кузнецами въ молотовыхъ и за всѣмъ генерально вездѣ, такъ какъ и прежде, съ неусыпностію денно и нощно смотрѣлъ, глядѣлъ и наблюдалъ къ лутчему, какъ и при прежнихъ расходчикахъ и при Селезневѣ бывало, и вездѣ бъ въ анбары ходилъ самъ и выдавалъ, а не сторожамъ и протчимъ вѣрилъ по лѣности, и у всѣхъ ключи скоро Якиму обобрать, ибо сіе дѣло расходчиково; да и по куренямъ и вездѣ онъ Якимъ ѣздилъ же бъ и смотрѣлъ, какъ и въ прежнихъ годахъ чинилось, безъ малѣйшей лѣности. А что онъ расплутъ Якимъ около кузенъ и вездѣ казеннымъ чѣмъ интересовался, то все генерально казенное доправить съ него Якима бестіи вдвое. Да и вы всѣ правители, нетерпимыя архибестіи для чего жъ его Якима, да и ктобъ ни былъ, допускаитя къ казенному касатца? или вамъ всѣмъ высадило, что я подтверждалъ и подтверждаю, дабы никто и ни къ чему казенному и къ запрещенному отнюдъ нимало не касался бъ? истинно и въ васъ во всѣхъ правителяхъ ребра не оставлю за ненаблюденіе, несмотрѣніе и за потачку, и сіе зло скоро и страшно васъ укуситъ всѣхъ, а должно всякому изъ васъ похитителю, кто къ казенному и къ запрещенному касатца

не токмо воспретить, но и ротъ до ушей разодрать съ запискою въ журналъ и съ яснымъ донесеніемъ о томъ и правдою мнѣ скоро.

8-е. А что сгорѣло казенного во время пожару, буде нерадѣніемъ плута Якима по лѣности его, и что переправленное кузнецомъ Логашкою у него Якима казенное буде подлинно явится, то все съ Якима доправить вдвое, скоро, непремѣнно, и къ наказанію ему Якиму за сіе крѣпко прибавить, также и плуту Логашкѣ, плетьми, чтобъ уже они до новыхъ вѣниковъ не забыли; а съ Логашки въ штрафъ ещо доправить скоро жъ 50 р. сверхъ доправленного казенного въ казну, и все въ первомъ репортѣ въ приходѣ показать, и за Логашкою такимъ воромъ накрѣпко вамъ смотрѣть, да и за всѣми генерально ворами и похитителями казенного недреманно жъ вамъ всѣмъ наблюдать, дабы никто не отважился и къ волосу казенному касатца, и искоренять такое зло до подноготной всѣмъ вамъ у всѣхъ генерально.

9-е. На заводимыя новыя покои архибестіею Якимомъ, что и къ чему касался къ казенному, то все съ него за казенное доправить вдвое въ казну скоро и записать въ первомъ репортѣ въ приходъ. Цыцъ и перецыцъ такъ, гнусной раскольникъ Якимъ! да и всѣхъ васъ правителей къ казенному касатца Боже сохрани, ибо какъ раковъ раздавлю и ни за что и за малое не стерплю, а долженъ всякой довольствоватца своимъ и праведнымъ, а не похищать запрещенное, красть и воровать.

10-е. А что гнусной Якимъ въ неволю бралъ на свои сѣнокосы людей въ неволю, за то Якиму еще добрѣ и добрѣ прибавить плетьми, а Логашкѣ за беззаконное усердіе, и доправить съ Якима въ скорости въ штрафъ 50 р., и оныя деньги 50 р. по неволѣ работающимъ бабамъ роздать, сколько кому слѣдуетъ; а впредь буде архибестія Якимъ или ктобъ ни былъ генерально изъ васъ будетъ касатца къ похищенію казенного и людей моихъ въ неволю станетъ заставлять на кого что дѣлать большое или малое, то буду доправлять, божусь Богомъ, въ десятеро съ Якима и со всѣхъ васъ виноватыхъ за такія коросты и дурности, и однимъ словомъ, чтобъ ничего мои казенныя люди никогда и нигдѣ на васъ не работали, какъ и прежде отъ меня неоднократно подтверждаемо было, и торговъ, промысловъ, рыбныхъ ловель и запрещенныхъ пашенъ всѣмъ вамъ, какъ

и неоднократно подтверждалъ, чтобъ отнюдь, отнюдь и отнюдь и духу бъ у васъ правителей ни у кого не слыхалъ, по силѣ прежнихъ моихъ подтвержденіявъ, а то какъ бестіявъ виноватыхъ размучу за дурности и ослушности въ запрещенномъ, и оберу и жилище ваше разрою, ибо моей мочи уже нѣтъ подтверждать къ такимъ смѣло отчаяннымъ ворамъ, а вмѣсто подтвержденія архибестія Якимъ да и всѣ воры ослушники скоро уже дождетесь отъ меня присылки отсюда праведнаго журавля съ длиннымъ носомъ.

11-е. А что въ 16-мъ пунктѣ пишутъ доносители о коробьяхъ угольныхъ и о многихъ дурностяхъ, и оное все крѣпко жъ накрѣпко изслѣдовать неупустительно, и за такія неслыханныя дурности всѣмъ виноватымъ, архибестіи Якиму съ товарищи, крѣпкой и прекрѣпкой учинить штрафъ, по мѣрѣ ихъ винъ, плетьми и деньгами; а плутовкѣ засцыхѣ такой бодрой Якимовой женѣ и протчимъ бабамъ къ наказанію плетьми крѣпко и прекрѣпко въ проводку прибавить, и притомъ подтвердить Якимовой женѣ наикрѣпчайше, ежели она мѣшатца станетъ хотя въ чомъ въ маломъ, то отдамъ ее, яко ослушницу, съ наказаніемъ въ ссылку и ничѣмъ нимало неподорожу такою раскольническою свиньею засцыхою, да и никѣмъ; да и Якимъ чтобъ того жъ скоро не урвалъ за плутовство, лѣность и за нерадѣніе.

12-е. А что въ 17-мъ пунктѣ значитъ у доносителей: Якима Аврамова дѣти и племянники не въ работѣ, то за то, что зажирѣли и неблагодарны, ибо Богъ велитъ неблагодарныхъ ввергнуть во тьму за неблагодарствіе, всѣхъ ихъ таковыхъ Аврамовыхъ лытальщиковъ опредѣлить въ казенную и урочную работу непремѣнно, и ото всѣхъ господскихъ дѣлъ таковыхъ Аврамовыхъ и Якимовыхъ говенъ отставить; а которыя ѣздютъ изъ нихъ на Шарташъ, то таковыхъ и въ урочную работу не опредѣлять, а чтобъ были во всегдашней казенной работѣ въ молотовыхъ и въ протчихъ; да и у во всѣхъ у васъ управителей генерально дѣти и племянники чтобъ отнюдъ ни у кого не лытали, а всѣ бъ были въ работѣ казенной или въ урокахъ. Вотъ вамъ генерально всѣмъ и предѣлъ мой точной! и рыбу бъ заводскимъ во время нерабочее ловить Аврамовы да и никто отнюдь немѣшали бъ, а за такія рыбныя обиды и наглости всѣхъ Аврамовыхъ нещадно пересѣчь; и доносителей плутъ Якимъ отнюдь бы не токмо бъ могъ бить, но и подумать о томъ страшился бъ; а

буде кто изъ нихъ доносителей также и протчія въ чемъ виноваты явятца, то бъ штрафовали и наказывали обще онъ Якимъ съ Блиновымъ, Алферовымъ и съ Шелеговымъ, также и на Касляхъ Прохоръ съ Шелеговымъ и Егоровымъ, когда на заводѣ; а одинъ бы старой архибестія Серебряковъ, раскольническая свинья, съ плутомъ Якимомъ доносителей и никово отнюдь бы не смѣлъ штрафовать, да и отнюдь, отнюдь и отнюдь никому и нигдѣ напрасно ни на кого не нападать, также и никому за дурности отнюдь не потакать и не спускать, и пороху и ничего казенного понапрасну никому отнюдь и отнюдь не давать. Цыцъ такія жиры производить! ребра не оставлю.

13-е. А что у Тютнярскова плутъ жадной Якимъ отнялъ жеребенка бѣлогриваго, то, буде правда, то онаго жеребенка въ скорости отдать Тютнярскому; а кобыленку, которую онъ прежде Тютнярскому отдалъ, то отъ Тютнярского не возвращать за штрафъ Якиму, а чтобъ осталась у Тютнярскова; а заимку у Якима скоро раззорить, чтобъ и духу не было, какъ и прежде подтверждалъ о лошадиныхъ заводахъ всѣмъ вамъ.

14-е. О восми рубляхъ, данныхъ Мамкину отъ Якима взаймы, учинить и доправить по справедливости.

15-е. А что въ 20-мъ пунктѣ у доносителей значитъ, что Аврамовъ подговаривалъ Мамкина въ расколъ, и въ ящикъ для церкви медикаментовъ со многихъ не сбираетъ, за то, буде правда, ещо Якиму плетьми прибавить и доправить 50 р. въ штрафъ и въ первомъ репортѣ въ приходѣ показать, и въ ящикъ для церкви и на медикаменты со всѣхъ генерально, какъ и при мнѣ чинилось, точно и непремѣнно сбирать обще и съ раскольниковъ изо всѣхъ работъ. А что Мамкинъ двѣ кожи взялъ и Гуськовъ одну, оныя кожи съ Мамкина и Гуськова взять въ казну и слегка его Мамкина за такія дурности высѣчь на первой случай, а впредь за дурности и и неправду и дермо изъ него Мамкина выколочю, а Гуськова и нещадно еще высѣчь.

16-е. А что доносители пишутъ въ 21-мъ пунктѣ о сборѣ на раскольническую секту и о пріѣздѣ раскольниковъ потаенно поповъ къ архибестіи Якиму, то впредь чтобъ Якимъ всѣхъ такихъ дурностей, какъ въ ономъ пунктѣ значитъ, какъ огня страшился, ибо праху не оставлю, и вѣрно въ ссылку и на каторгу угодитъ онъ

архибестія Якимъ за такой злой неправедной и недоброй обычай; и отнюдь и отнюдь потаскушекъ скверныхъ и гнусныхъ раскольническихъ поповъ и лжеучителей къ намъ не пускать и прогонять палками, чтобъ до новыхъ вѣниковъ не забыли, и отдавать окованныхъ въ правительство, чтобъ кормили вшей и добрѣ съ ними тамъ вываживались, такъ забудутъ такія вредныя лжеучители нашихъ крестьянъ обманывать, и крѣпко сего вездѣ смотрѣть и наблюдать; а за всякое причиненное у насъ дурно и вредъ на Якимѣ и на всѣхъ раскольникахъ я съ крѣпкимъ и прекрѣпкимъ штрафомъ взыскивать и доправлять буду, что и праху ихъ не помянется; а съ Лежнева доправить за дурности вдвое и отдать обидимымъ; да сверхъ того его Лежнева нещадно въ проводку плетьми высѣчь, чтобъ до новыхъ вѣниковъ точно не забылъ, и никого въ расколѣ къ запискѣ отнюдь нашихъ заводскихъ и крестьянъ никого не допускать нигдѣ и искоренять какъ чуму; а за чѣмъ Аврамовъ ѣздилъ потаенно, изслѣдуя крѣпко, писать.

17-е. Выгонную на Кыштымѣ землю у Аврамова взять на раздѣлъ въ пользу всѣмъ, какъ и напередъ сего оная подъ выгономъ была; а Аврамовъ сынъ урочной имѣй въ другомъ мѣстѣ по отдаленности для пашни землю.

18-е. А съ Козицына 40 р. за питейной домъ въ скорости доправить съ Аврамова и въ первомъ репортѣ въ приходѣ показать.

19-е. И однимъ словомъ по всему письму генерально доносителей изслѣдовать накрѣпко и правдиво всѣмъ вамъ правителямъ въ сущую правду подъ страшною евангельскою клятвою, а за неправду подъ страшнымъ штрафомъ, и на все вышеписанное скоро, правдиво и ясно о всемъ безъ проронки писать ко мнѣ и отнюдь ни на кого неправедно не посягать, да и отнюдь же никому не потакать.

20-е. А буде плутъ Якимъ въ скорости всѣхъ вышеписанныхъ штрафовъ не заплатитъ подъ разными плутовскими отговорками, что по справедливости доправить подлежать будетъ, то продать все его имѣніе до щеблетки, да и у всей его родни, не взирая ни на что, ибо знаю, что брюхо крѣпко воровствомъ набилъ, и не приму ничего въ резонъ, и все въ приходѣ въ первомъ репортѣ показать.

И все сіе мое письмо доносителямъ и всѣмъ генерально канторнымъ служителямъ прочесть со вниманіемъ и ясностію; да и самимъ

имъ всѣмъ канторнымъ дать прочесть и на все вышеписанное писать ко мнѣ съ ясностію.

А ты, Шелеговъ, будь во всемъ правдивъ и чистъ, трезвъ и къ господскому съ неусыпностію радѣтеленъ, такъ какъ ты прежде клятвенно и обѣщалъ; а буде што хотя мало не такъ отъ тебя Шелегова происходить будетъ и не съ крѣпкимъ къ господскому радѣніемъ, то тогда уже ты, Шелеговъ, на меня не пеняй, будешъ, какъ послѣдней, въ дермѣ, Шелеговъ, валятца. А штрафовъ выходитъ съ Якима всѣхъ по вышеписанному къ доправкѣ, буде во всемъ по вышеписанному онъ Якимъ такъ виноватъ явитца, 340 р. И на весь сей пунктъ писать ко мнѣ, и о полученіи сего и на все вышеписанное безъ проронки, и что происходить будетъ, также и о всемъ протчемъ, что происходитъ въ Пермѣ и въ Екатеринбургѣ и въ другихъ мѣстахъ, о новостяхъ слышить, о всемъ съ ясностію да и еженедѣльно писать ко мнѣ о всемъ же незабытно безъ проронки и знать о всемъ давать. *Никита Демидовъ.*

7, 8-го апрѣля 1790 года.
С.-Петербургъ.

Милостивый государь, прещедрый отецъ нашъ и покровитель, Никита Никитичь.

Видя мы нестерпимою нашу нужду, осмѣливаемся прибѣгнуть нижайшія рабы вашего благородія сими нашими нижеименованными объясненіями трудить, касателно по донесенію расходчика Якима Аврамова на насъ нижайшихъ и безвинныхъ рабовъ, при чемъ и прибѣгаемъ подъ ваше, батюшка, покровителство и просимъ изъ глубочайшихъ нашихъ сердецъ прещедраго отца и покровителя о защищеніи насъ безвинныхъ рабовъ, и въ чемъ вашему (sic) прещедрому отцу и покровителю при семъ ниже сего изъясняемся. Первое: на надзирателя Насѣткина съ товарыщи въ тесу; то батюшка и вамъ уже давно извѣстно, что четыре тесины кровелные имъ взяты были, за кои и въ штрафъ оной вами былъ наказанъ и за каждую тесничку вычтено по 1 р., въ чемъ вашему благородію извиненіе уже давно принесено и въ приходъ вамъ оные штрафные денги показаны; а о приписки будто бъ ко внов построющему ближнему мосту бревенъ, то уже, батюшка, оное имъ совсѣмъ на-

несено на него нижайшаго раба вашего безвинно и безъ всякой имъ Аврамовымъ притчины, какъ предъ Богомъ, такъ и предъ вашимъ господскимъ, батюшка, благородіемъ истинно вамъ сущую справедливость отъ насъ нижайшихъ рабовъ и усердствованіе до вашего господского интересу происходитъ, а не воровствомъ уже входимъ, хотя имъ за вышеозначющія бревны денги за приписку оныхъ взяты имъ Аврамовымъ 12 р., оные слѣдственно въ вашу господскую сумму внесть и въ приходъ къ вашему благородію слѣдовало бъ и показать, а то ихъ совсѣмъ не въ вашей . . . . и въ приходѣ яко то не включено; да и совсѣмъ . . . . куда имъ оные забѣлшены, то и видно его . . . . . тюшка, не къ тому клонили, чтобъ ваше господское сожалѣть и принаблюсть, а толкобъ его собственное корманъ былъ поланъ, и обидить насъ нижайшихъ во всякомъ уже дѣлѣ хочетъ, то, батюшка, милостивый государь отецъ и защититель нашъ нижайшихъ и бѣдныхъ напрасно обидящихъ вашихъ рабовъ, взяты Аврамовымъ за бревны денги, то вышезначющихся бревенъ въ припискѣ и въ прочетѣ ихъ нимало тогда не оказалось, окромѣ еще противъ пріему излишества, то оной Аврамовъ средства нимало уже при слѣдованіи не отыскалъ; а прикащикъ Блиновъ сказалъ при Каслинскихъ прикащиковъ же Прохорѣ Блиновѣ, Серебряковѣ и служителѣ Шелеговѣ, будто бы и совсѣмъ уже не знаетъ, какимъ образомъ оные 12 р. взяты: то, батюшка, соблаговолите надзирателю Насѣткину означенные взятые Аврамовымъ денги отдать обратно, ибо они безъ всякой притчины, то ей ей, батюшка, клятвенно и по евангелской заповѣди Божія безвинно вышеозначенные взятые Аврамовымъ денги, а суще, милостивый государь, имъ единственная присходимая злоба, а касателно бъ уже въ семъ лѣтъ вашему благородію давнобъ доносимо было; а хотя Каслинскіе прикащики при изслѣдованіи насъ нижайшихъ Насѣткина съ товарыщи за вышепомянутые бревна велѣно бъ ими возвратить тѣ самые взятые денги оному Насѣткину, потому они его и . . . . въ признаніи къ припискѣ значющихся бревенъ не отыскали ниже ни по какимъ запискамъ. А почему Кыштымскіе обитчики удержалис . . . . мы нижайшія уже не извѣстны; а когда бъ была бъ точная справедливость, то бъ могли бъ и перечесь подъ мостомъ оные сваи, а то видно, батюшка, прямо, батюшка, украдствованіе происходитъ вашему благородію отъ насъ ни-

жайшихъ, а не отъ него, потому что онъ весма тежелъ съ жиромъ становитца, а ему, батюшка, даволно будетъ управлятца со своею расторопнастїю и около себя, а онъ, видя наши ежедневныя подаваемыя въ кантору отъ надзирателей заводскихъ репортицыя о доменныхъ выходахъ и молотовыхъ фабрикъ дѣйствїяхъ и прочихъ касающихся при заводѣ работъ, онъ уже изъ нихъ и усматриваетъ, а отъ самого его понужденія и по днесь не находится, да и въ онбаръ съ надзирателями по отпускѣ сего нашего до васъ донесенія началъ принимать первую еще недѣлю.

На надзирателя жъ Пискунова донесъ, батюшка, вашему благородію помянутой расходчикъ Аврамовъ, яко бы не безъ причины наказывалъ его, потому что Пискуновъ съ караулу нарядилъ умершаго Саплякова безъ очереди въ другой разъ въ работу и съ посегателства, и съ великимъ ругателствомъ и приход . . . . время ко мнѣ Сапляковъ и отпрашивался, что де . . . . меня Пискуновъ на нижней заводъ везти известку . . . . . урочное свое отправилъ, то оной расходчикъ Аврамовъ вашему благородію донесъ, якобы мнѣ приказывалъ, чтобы не посылать Саплякова съ извеской на нижней заводъ; совсѣмъ я, батюшка, отъ него приказу не мало не слыхалъ да изъ послушанія его некогда не выходилъ, а толко я нижайшей Саплякова посылалъ не безъ очереди, а точно по очереди да съ приказанія жъ прикащика Блинова; да и въ то время весма извеска въ кладку понадобилась скоро въ мушной мелницѣ для подкладки стѣнъ, то по поводу расходчика Аврамова Сопляковъ извеску не отвезъ и уѣхалъ на покосъ, въ коей причинилъ болшую у каменщиковъ и у плотниковъ остановку и прогулъ; при той же мушной мелницѣ былъ въ нарядѣ плотинной Өедоръ Мамкинъ и репортовалъ объ остоновки извески прикащику Блинову, то меня призвавъ прикащикъ Блиновъ и великое ругательство далъ за неотправленіе на нижней заводъ извески, и приказалъ, когда Сопляковъ прiѣдетъ съ покосу и накажи его, то я въ силу прикащискаго приказу и наказалъ слегка, а не за иные либо мои какіе безпритчинные на его Саплякова нападки; а точно толко онъ расходчикъ Аврамовъ по злости и по ненависти моего родителя меня нижайшего нечеловѣчно обезавалъ, и ежели бы на тотъ часъ не случился лекарской ученикъ Симановъ да кровь не пустилъ, то бы, батюшка, безвинно сего свѣту лишенъ былъ; да и сущея его

доказателство несправедливое; батюшка, было показано расходчикомъ, якобы посыланъ Сапляковъ за травой мною нижайшимъ, а точно не за травой, а съ извеской на нижней заводъ, при чемъ при разбирателствѣ моей винности нимало не оказалось. Вотъ, батюшка и милостивый государь, какое его доказателство безпритчинное, что и самъ себя не знаетъ въ чемъ доказываетъ!

О Пискуновѣ и о Насѣткинѣ пьянствѣ пишетъ вашему благородію Аврамовъ, будто бъ въ пьяномъ образѣ окны разбили у крестьянина Василья Курчавова, на которые и объявленіе въ кантору вашу подано, а то хотя оное и подано съ приказу злобѣющаго расходчика Аврамова на насъ нижайшихъ совсѣмъ безпритчинно; качествъ пьяныхъ не мало не происходило нами, хотя, батюшка, и были по пріятству у него въ гостяхъ, потому что куренной надзиратель Кирила Шипулинъ общественно съ нами сидѣлъ, изъ чего оной Голявинской пьяной взявъ ругатся всячески, о томъ уже никакъ не извѣстны, а не мы нижайшія ваши рабы вышезначющія оные выбили, но уже не самъ ли то самое и чинилъ подъ подозрителство къ намъ нижайшимъ; и ваши фабришныя мастера по ево великимъ безчинчествамъ и дурныхъ при заводѣ его дѣлахъ качествъ, и когда бъ его точная была правда, то уже, батюшка, ничють не упустилъ бы, чтобъ по объявленію во удоволствіе себѣ, чтобъ не получить отъ оной канторы; а то и видно, батюшка, онъ никакой нашей обиды и средства до него не происходимо нами было, окромѣ толко его собственного до насъ ругателства, а себя, батюшка, Аврамовъ ничють и ни мало вашему благородію не описалъ, что у пьяного происходятъ великіи чюдеса, и окны по часту выбиваетъ и вашему господскому интересу приводитъ убытокъ: прикажитъ вывезть пушки къ своему дому и вашимъ господскимъ порохомъ церемоніи производитъ и палитъ въ долгомъ времени, и оныи церемоніи водитъ часто; да и на Улагачь съ Шарташскими знакомцами на прежнихъ своихъ заимкахъ по суткамъ пьютъ и веселятся; то видно, батюшка, и забыто, что состоитъ при заводѣ его должность и усердствованіи наблюденіемъ вашихъ господскихъ работъ.

О Рѣщиковѣ, батюшка, пишетъ и наводитъ васъ напрасно къ сущему безпокойствію; въ бытность ево на идущемъ до Петербурга караванѣ да и въ Петербургѣ некакихъ дурныхъ, кромѣ какъ усердіемъ къ ва . . . господскому качествъ не бывало, да и имѣющееся

у ихъ приня . . . . равану ваше господское желѣзо 280 тысячь почесть . . . . батюшко, шло чрезъ его руки и современемъ случалось отпускать въ карабли на одиннацать вѣсовъ Михайло Блиновъ на сторонѣ на 5-ры вѣсы, а Рѣщиковъ на своей старонѣ на 6-ры вѣсы отпущали, да и малыми отдачами зависило отпускомъ чрезъ его Рѣщикова руки, а Михайло Блиновъ, видя его расторопность, уже къ отпуску мало вникался, а когда зъ биржи нѣтъ, то неоднократно и Герасимъ Тимоѳѣевъ на караванъ отпущать съ барокъ для вѣрного отпуску его Рѣщикова биралъ и не въ чемъ, батюшка, нежели какого убытку, но на иголные уши некакого [убытку] не сдѣлалъ, кромѣ какъ еще съ привѣсомъ вашему благородію. По пріѣздѣ изъ Петербурга точно отъ вашего благородія въ повелѣніи было писано и запрещено его въ караванъ посылать, а не въ работу опредѣлить, потому онъ къ отпуску изъ анбара желѣза и опредѣленъ былъ, а не по милости прикащика Блинова, и жалованье опредѣлено въ тожъ самое время съ прочими наряду таковыми жъ служителями, каково и поднесь получаетъ. А на другой годъ опредѣленъ онъ былъ къ уголной пріемки, и съ того времени семь годовъ принималъ такъ же кромѣ болшихъ въ пользу вашу примѣровъ, а не такъ какъ на Касляхъ у малазема промѣровъ некогда, батюшка, не бывало: то изволте изъ сего сами изобрать, ежели бъ было какое карманничество, то бъ и примѣру уже бъ не оставалось. Касателножъ до прописки неполныхъ коробьевъ, то вѣрно, батюшка, и правда, и въ ползу ль рачитель вашъ Аврамовъ пишетъ вамъ, не знаемъ, толко не для ли своего несытаго и брюхатого монничества и для возки своими работниками, когда вощикъ привезетъ съ куреня неполной коробъ, то за штожъ ему записать за полной, и не будетъ ли въ томъ какого и вамъ убытку: первое, што у вашего благородія пойдетъ ему за привозъ съ куреня напрасная плата, второе жъ въ ометѣ ево ужъ не будетъ, отъ чего и воспослѣдовать можетъ великой промѣръ. А што онъ упоминаетъ отъ должности отрѣшилъ яко бы самъ собою, то онъ отрѣшилъ по той причины . . номянутой Рѣщиковъ побилъ его работника к . . . . жнемъ донесеній отъ насъ было за что и хотѣлъ о . . . . . . плетми наказать, отчего, батюшка, Рѣщиковъ и самъ неоднократно просилъ прикащика Блинова, чтобъ отрѣшить отъ той должности, опасаясь, дабы не

навелъ на него какого клеврещенія; и для чего жъ онъ прежде его не отрѣшалъ, когда его еще работники угля не важивали, и въ томъ ему досады Рѣщиковъ не приносилъ, то и карманничествъ некакихъ не признавалъ и обиды не въ чемъ некому не щиталъ; а какъ стали въ прошломъ годѣ его работники уголь возить и прописалъ у его 2½ короба, то вотъ почему, батюшка, и карманникъ сталъ. А о своемъ, батюшка, лакомствѣ то и забылъ вамъ упоминать, какъ и нонче годомъ украденныхъ имъ денегъ немалое количество опять обратно въ вашу господскую сумму внесено, о чемъ ниже сего явствуетъ. Перекупки, батюшка, у Тютнярскихъ коробьевъ, которые слѣдуемые писать въ вашу сумму господскую, отнюдь, батюшка, не бывало, да и доказать онъ въ томъ при слѣдствіи не могъ, потому что сказать не на ково; а въ лѣтнее время хотя и должно, батюшка, ему изъ омету у подвощиковъ валимой къ молотовымъ мастерамъ угля самому пріемщику записавать и счислять, дабы мастера не могли излишнаго сожечь короба, понеже какъ зависитъ стараніемъ отъ пріемщика, а не отъ другого, поколь изъ омету уголь выдетъ, а онъ, батюшка, посылыванъ былъ завсегда въ разные посылки и для пріему случившихся отъ Лазаревскихъ повѣренныхъ не малыми количествами денегъ; да и въ прошломъ годѣ принималъ 60 тысячь и представилъ на ваши господскіе заводы сохранно безъ прочету, да и никогда по пріемкѣ его упомянутого прочету не бывало. И въ томъ же числѣ по два лѣта посыланъ былъ на курень для смотрѣнія надъ заборными крестьянами, и въ одно время трафилось наѣхать ему Рѣщикову на осыпку работника его Ичкинской слободы Ивана Ширяева, и усмотрѣно дерномъ выкладена . . . . половины нижняго става, а слѣдуетъ выкладывать ее . . . . мягкою землею; и велѣлъ онъ мастеру Тарасу куренному оную выкладку разрыть, дабы онъ ее, какъ и выше значитъ, могъ бы выкласть мягкою землею, которой пришелъ и сталъ ее разрывать, а упомянутой его работникъ, взявъ металную лопатку, не давая ему розломывать, въ надеждѣ своего призрителя, и ударилъ мастера лопатошникомъ и перешибъ ему руку; мастеръ пришолъ къ Рѣщикову съ жалобой на него, и Рѣщиковъ въ тожъ самое время отправилъ мастера и расходчикова работника съ нимъ въ кантору для прозбы, и мастеръ пошелъ прямо въ кантору, а работникъ его съ нимъ въ кантору не пошелъ, то видно онъ по-

шелъ водпасть подъ покровъ своему заступнику; и какъ пришелъ мастеръ въ кантору къ прикащику Блинову, и расходчикъ Аврамовъ къ тому нарошно поспѣлъ, и какъ сталъ мастеръ жалобу приносить, и расходчикъ для защиты своего работника сталъ говорить мастеру: конечно де вы сами на его нашли безвинно, а онъ тебя не тронетъ, я знаю его, что онъ человѣкъ весма смирной и напрасно на человѣка не найдетъ; тѣмъ, батюшко, и судъ вершили и нижеупомянутого работника его въ кантору не призывали, а его бѣднова обратно къ должности своей на курень послали; но онъ бѣдной, яко уже суще просить на такова вора кромѣ ихъ негдѣ, и обратно на курень со слезами возвратился, о чемъ и нонче при слѣдствіи оной Тарасъ куренной точно такъ и показалъ, какъ въ тогдашнее время дѣло было, тѣмъ, батюшка, для своихъ работниковъ первой великой поводъ далъ бить куренныхъ смотрителей да и всѣмъ приписнымъ заборнымъ крестьянамъ. Второе жъ: при жженіи кучь осенью ѣздилъ упомянутой Рѣщиковъ ночью по зазженнымъ кучамъ въ ползу вашу господскую, дабы отъ огня какого напрасного вашему господскому капиталу ущербу не было, и наѣхалъ на егожъ Аврамова работника Нестера Лавова, которой года но четыре у его и съ дѣтми его дѣлалъ сырамятные кожи, и у его зазженная куча распущена была огнемъ пылающимъ, и Рѣщиковъ его раза два за такіе дурности ударилъ съ лошади плетью, и онъ, не стерпя того, въ тожъ самое время, бросивъ кучю, и бѣжалъ съ прозбою къ нему жъ Аврамову, и Аврамовъ ему на то точно, батюшка, сказалъ: что де на его просить, а вы сами его при . . . . гдѣ въ уголъ и хорощенко съ нимъ управтесь; и въ тож ь сам . . . . пришелъ и сказалъ таковымъ же ворамъ какъ и самъ, что . . . . . Барневской слободы 4 человѣкамъ Розниныимъ въ тожъ самое время съ воскресенья на понедѣлникъ, ночью, распустили нарочно кучю, расконавъ у нее верхъ, и пустили точно на озорничество, толко на одинъ дымъ, чтобъ не было не угля, не головень, и думая, что Рѣщиковъ въ куренѣ, зная, что онъ какъ скоро увидитъ такой жаръ, не утерпитъ, чтобъ не иріѣхать на его; однако его въ ту ночь въ куренѣ не было, а случилося толко мастеръ Андрей Бабушкинъ, и пришелъ къ той кучи видитъ, что некого у кучи нѣтъ, и пришелъ къ балагану, скричалъ на нихъ, и одинъ изъ нихъ выскочилъ и схватилъ его за воротъ и скричалъ таварищемъ, что де тащите ево въ кучю, а намъ

де нечего не будетъ; мастеръ же, видя ихъ необычное звѣроядство, вырвався отъ него, толко за которой онъ рукавъ держалъ, тотъ самой оторвалъ; и едва отъ нихъ убѣжалъ; на другую жъ ночь, какъ Рѣщиковъ пріѣхалъ въ курень, узнавъ онѣ, но еще пуще растравили тужъ самую кучю, что отъ коей было зарево по всему куреню; и какъ скоро увидѣлъ сіе Рѣщиковъ такой необычной дурной огонь и не могъ утерпѣть, чтобъ на оной не сходить въ ползу вашего благородія, яко и долгъ повелѣваетъ смотрителямъ, и взявъ съ собою куренного верховова да другаго мастера, которой и сказалъ, что онѣ и въ прошедшей ночи Бабушкину мастеру рукавъ оторвали, но не смотря на то пришли къ балагану и скричали на ихъ, и онѣ аки звѣри выскакали съ топорами, и захвативъ тутъ одного Рѣщикова и такъ били поленьями, едва и жива оставили, отчего Рѣщиковъ и поднесь имѣетъ немалой во всемъ припадокъ; такъ вотъ почему, батюшка, и Рѣщиковъ былъ битъ въ куренѣ по его Аврамова съ женой поводу, а не за иное за что, и съ чего и сами вы, батюшка, изобрать можите, что онѣ какъ нарочно кучю растравливади; да и при разбирателствѣ сіе имъ объявлено было, и его Рѣщикова винности въ томъ не сколко не отыскалось, понеже какъ онъ дѣлалъ все въ ползу вашу господскую, такъ . . . . . къ присѣкаетъ намъ стараніе къ вашему интересу, ибо онъ и всѣхъ . . . . . превратить такъ какъ и самъ тунеядничеетъ и при . . . . аетъ стараетца, гдѣ бъ поболше тысячи украсть, къ мѣшкамъ подвигнутца поближе, и думая онъ, что и все къ воровству извыкшихъ такихъ же сердецъ, какъ и самъ; да и нонче лстить и обманываетъ васъ и подговариваетца къ вашей денежной кладовой, то и видно, батюшка, не наше карманичество; а онъ Якимъ толко поднесъ вашему благородію одинъ примѣръ на свое монничество, такъ какъ по открытому и заведенному нашему донесенію внесъ онъ, по приказу Шелегова, тысячу три рублей денегъ, кромѣ положенного отъ васъ штрафу трехъ сотъ рублевъ; такъ вотъ какъ, батюшка, у васъ цапаютъ! и не могъ же онъ открытца прежде о своемъ карманничествѣ, то уже не по сотнямъ, а по тысячамъ хватаютъ, того то ради и плачетъ онъ, батюшка, предъ вами, чтобъ ему не упустить отъ себя и впредь такой суммы. Да точно же, батюшка, онъ такъ набилъ свое брюхо полно, что и прожитокъ у себя имѣетъ весма немалого достатку, а не голъ, какъ пишутъево безмысленные дѣти;

обманываютъ, батюшка, васъ при древности лѣтъ вашихъ, якобъ послѣдніе крохи истратили на заведенную ими пашню; и точно, батюшка, онѣ пашней такого толстобрюхаго косача вытресь не могутъ: онъ такой достатокъ и откуда получилъ.

На нижайшаго ученика Симанова доноситъ, яко бы постороннимъ въ продажу даетъ изъ лекарствъ для наполненія его кармана, яко то приписнымъ вольнымъ крестьянамъ и Башкирцамъ, также, батюшка, фалшиво донесъ вашему благородію, якобы Уфалейскому прикащику, а совсѣмъ ни ему, а Ураимскому, какъ при разбирателствѣ нашемъ совсѣмъ безъ притчины доносилъ, и нисколько его винности при слѣдствіи не нашлось не на одну, батюшка, полушку, а только видно по прежнему нашему донесенію но . . . . . съ него и штрафъ взысканъ, то и видно, батюшка . . . вается подъ ваше благородіе, чтобъ ему возвратя . . . . себѣ штрафные деньги. Хотя Авгамовъ и показывалъ при слѣдствіи, что давано было Ураимскому прикащику лекарствъ, а въ письмѣ говоритъ ошибкою написано на Уфалейскаго: вѣрно, батюшка, давано было имъ ученикомъ Ураимскому, и то по приказу прикащика Блинова не изъ покупныхъ какихъ, а единственно изъ своихъ его собранныхъ травъ для припарки противъ его болѣзни, и оная болѣзнь по названію ихъ лекарской науки называется жабой, которому и польза была отъ помянутаго ученика отъ припарокъ и отъ полосканія; при томъ же давано отъ его ученика Симанова помянутому прикащику отъ разныхъ болѣзней записочка, или, по названію ихъ, рецептикъ, отъ какой и противъ какихъ болѣзней и какое жъ лекарство употреблять, помянутой ученикъ, написавъ записочку и давъ прикащику, за что онъ, увидя противъ его записочки пользу, то и наградилъ Симанова послѣ присылкою отъ себя чугунной посудой, однимъ тазикомъ и двумя котликами, почемужъ онъ его и благодарилъ; да и по протчимъ, батюшка, городамъ и партикулярнымъ заводамъ запрещеніе не бываетъ, кто искуству объ ихъ наукѣ вѣдаетъ, и которой болше стараніе свое прилагаетъ, къ тому болѣе, батюшка, и припадаютъ.

Также показываетъ, якобы лечилъ Татарина и взялъ съ него жеребенка: то правда, батюшка, и былъ данъ ему отъ Татарина жеребенчишка; и при разбирательствѣ вашимъ прикащикамъ всѣмъ во обществѣ онъ нижайшей изъяснялся такъ и вашему, батюшка,

благородію истинно по евангелской заповѣди открывается прикащикъ Блиновъ и расходчикъ Аврамовъ: посылали они его къ помянутому Татарину сами . . . . . . чтобъ его полечить, то оной Татаринъ пріѣхавъ . . . . . . верхомъ и уговорился онъ нижайшей ученикъ съ нимъ при заводѣ, чтобъ ему жеребенка дать, ище и даже до леченія ево Татариновой болѣзни данъ былъ, то и сталъ посылать ево расходчикъ Аврамовъ съ Татариномъ, на чтожъ ученикъ сталъ Аврамову говорить, что мнѣ не на чемъ ѣхать, ибо дескать Татаринъ верхомъ пріѣхалъ, а болѣе нелзя было ему Симонову на вершной ѣхать и былъ въ тогдашнее время болѣнъ поясницею, то и давъ Аврамовъ для ученика Татарину телѣгу и всю конскую сбрую, и почемужъ онъ ему весьма Аврамову благопріятель помянутой Татаринъ, ходя у него каждое въ лѣтнее время Аврамовы кони около лошадей до 30; съ вышеупоминаемаго приказанія поѣхавши къ Татарину и посмотря ево болѣзнь, которая не весьма важна и опасна, которая жъ по руски называется жаба, то оной ученикъ накопавъ у нихъ около кошей травъ и кореньевъ и по чему самъ и припарку чинилъ, отъ чего ему и была польза; естли же, прещедрый отецъ нашъ и покровитель, въ тогдашнее время приказаніе Аврамово было, чтобъ съ Татарина ево пріятеля и знакомца взыскать денегъ за непокупныя травы и за леченіе его болѣзни, то бы онъ ученикъ въ тогдашнее время взыскалъ, а то отъ него ничють и никакого приказанія не бывало, да и нелзя ему было приказать, почему онъ ево весьма знакомецъ; хотя оной ученикъ и просилъ въ тогдашнее время съ Татарина, то онъ ему на то сказалъ: я дескать просилъ у него Аврамова тебя безъ всякова съ меня взысканія и за что я у него не по одинъ годъ пасу коней безъ всякой платы; и какое его, батюшка, безпричинное донесеніе на насъ нижайшихъ, и болѣе толко вашего благородія и трудитъ; но хотя и о приписны . . . . янехъ вашему, батюшка, благородію доносилъ и . . . . . . совсѣмъ же напрасно и при разбирательствѣ не показалъ не на одного человѣка оной Аврамовъ, кромѣ только что на его работниковъ приписныхъ немалого количества лечено, а то, батюшка, вамъ прещедрому отцу и покровителю по евангельской присяжной должности извиненіе свое приноситъ: было лечено покойного Ассесора Метлина жены ево, также и для зятя ихъ, которой для вашихъ, батюшка, заводовъ иногда будетъ надобенъ на

случай манетной експедицыи, судья майоръ Иванъ Кузмичъ Совковъ, крестьянъ ихъ двухъ человѣкъ, заражены были въ нонишнемъ лѣтнемъ времени заразою, и то, отецъ нашъ и покровитель, не изъ покупныхъ какихъ лекарствъ, а единственно толко закалывалъ ланцетомъ около язвы и прикладывалъ жеванымъ табакомъ, чеснокомъ, нашатыремъ и натираніе теплымъ уксусомъ оную язву, отъ чего Богъ создавалъ облегченіе; и вотъ какое его, прещедрый отецъ, и леченіе, и отнють не изъ покупныхъ лекарствъ, а онъ показавъ якобы изъ покупныхъ совсѣмъ ложно; а то и не доноситъ вашему благородію: по приказужъ ихъ прикащиковъ было онымъ ученикомъ лечено полковаго офицера подпоручика Соколова, которой былъ у калибровки снарядовъ, вѣрно изъ покупныхъ лекарствъ былъ леченъ помянутой офицеръ во французской болѣзни, которой совсѣмъ, батюшка, вылеченъ ученикомъ при вашемъ заводѣ; также и Челябинского казачьего атамана господина порутчика Трифанова излеченіе получаетъ отъ него, и доноситъ не иное чего, какъ толко видно, батюшка, по одному прежнему злу за доносъ нашъ на него преждней, и причемъ сво доказательство и донесеніе не оказалось на насъ нижайшихъ ни на . . . . . полушку, и что кого лечено, и то, батюшка, по при . . . . . отъ нихъ было, а самъ безъ приказанія ихъ ничють не . . . . приступитъ ни къ одному человѣку.

Плотинной Мамкинъ содержится не по милости прикащика Блинова, а содержится по прежнимъ обстоятельствамъ, какъ и прежде при бытности вашей здѣсь при заводахъ содержались плотинные на такой же ваканцыи, а напрасныхъ прогулныхъ дней онъ некогда себѣ не имѣетъ, кромѣ какъ по посылкѣ его Аврамова за собственною своею касательною нуждою, яко за отведеніемъ въ лѣсахъ ему на строеніе бревенъ и окладку здѣсь при заводѣ вновь какіе бы у его не были строющіяся покои, и во время въ прошлыхъ годахъ неуражая на Улагачѣ у его по сѣнокоснымъ мѣстѣ(мъ) травы въ Уралъ для его ѣздилъ, понеже какъ онъ мѣстамъ здѣшнимъ весма знакомъ и зная всѣ Уралные улусы и отыскивалъ ему покосы, когда господскихъ работъ въ страднее время не бываетъ, то, батюшка, по пріѣздѣ починившей въ Сорокинѣ Шемагинской плотины, отпущенъ по прозбѣ канторы былъ частію и на своей пашни въ страднее время и на покосѣ жъ, понеже какъ онъ ѣздитъ за-

всегда часто по лѣсамъ для осмотру вашихъ граней завсегдажъ на своей лошади, и нелзя быть ему не имѣть у себя пашни и сѣнокосу: ежелибъ онъ ѣздилъ всюду на господскихъ или на какихъ не своихъ лошадяхъ, тобъ онъ пашни у себя и сѣнокосу не имѣлъ; да и содержитъ онъ надъ своею пахотою нанятымъ волнымъ работникомъ, а не самъ собою, а въ протчіе времена находился при заводскомъ строеніи къ старонію вашему господскому капиталу: 1-е, найденъ имъ здѣсь въ Уралѣ доменной горновой камень Сугомацкой Ирдигинской, желѣзные рудники, да и въ разныхъ во многихъ мѣстахъ и многіе пріиски отыскиваетъ; также при упостройки на нижнемъ Кыштымѣ молотовой новой фабрики и при опалкѣ веснами вашихъ господ . . . . ренныхъ дровъ бываетъ, и введенныхъ въ прудъ . . . при расчисткѣ нерѣдко бываетъ, да и воскресные . . . . за нихъ платы и не получаетъ, а когда при пущеніи фабриковъ онъ завсегда при осмотрѣ непремѣнно бываетъ; а когдажъ онъ такой весма знающей человѣкъ, въ силу представленія расходчика Аврамова, не понадобились и сдѣлались ему злодѣями и сущеми противниками за доносъ нашъ на него, то остается въ воли вашего отеческаго милосердія и не позволтель, батюшка, насъ нижайшихъ отрѣшить отъ должностей и опредѣлить, чтобъ не съ протчими наряду уротчиками по отважней; да и мимоѣздомъ же нонче помянутой плотинной изъ Сорокинской пристани чрезъ Назепетровской заводъ, по прозбѣ тутошного Назепетровскаго прикащика, только одинъ день останавливался и пронесенную плотину по искуству своему указалъ, какъ въ прорѣзѣ уставить стойки и положеніе въ препорцыю порога и панурного моста, и онъ реченной Назепетровской прикащикъ за указаніе его плотинново искуство весма благодарилъ, въ чемъ извинненіе онъ предъ вашимъ благородіемъ приноситъ, что оной безъ позволенія своей конторы открылся и поправилъ у ихъ по незнанію ими дѣла.

А о баутикѣ на плотинного, батюшка, доноситъ, якобъ для собственного своего дому, совсѣмъ напрасно, а единственно какъ для вашей господской ползы старые измололись и переломались винты и около валику у доменного мѣху расколотого по обѣимъ сторонамъ одного крыла, но вмѣсто которыхъ новые заблаговременно были завинчены и запущены въ расколотое крыло, а не себѣ въ домовую надобность онъ Аврамовъ показываетъ, въ чемъ и справка

по канторнымъ запискамъ оказалось справедливое его употребленіе баутовъ, и пишетъ, будтобъ чрезвычайно въ долгомъ времени доменному дѣйствію останова была и едваль будто въ ходъ Богъ помогъ пустить, то оной Аврамовъ и совсѣмъ не зналъ . . . . . перемѣна баутовъ была, изъ коихъ доменныхъ . . . . . . еровъ былъ одинъ при слѣдствіи призванъ, на что о установленномъ доменномъ колесѣ по сущей справедливости сказалъ прикащикамъ, что не болѣе какъ четверти часа было остановлено и опять благополучно пустили въ ходъ, а не такъ, батюшка, безъ всякаго разбору пишетъ вашему благородію, что едва Богъ помогъ околупать и въ ходъ пустить; хотябъ и въ какія, батюшка, въ зимнее время и въ пресилныя морозы не можетъ чрезъ такое скорое время обмерзнуть, а онъ Аврамовъ, не справясь съ добрыми людми, и доноситъ до вашего благородія и толко обезпокоиваетъ и на гнѣвъ въ чемъ васъ наводитъ прещедраго отца нашего и покровителя.

Посыланной былъ сего года Рѣщиковъ отъ Кыштымской канторы въ Красноуфимскъ за господскими дѣлами, въ дополненіе Поповъ еще ему сказывалъ о качествѣ Дороѳея Сырейщикова, которого у его спросить: по приплытіи въ Красноуфимскъ собравъ 12 человѣкъ въ косную лодку и пошили на всѣхъ 12 человѣкъ красные рубашки съ золотыми прозументами на вашъ господской щетъ, за которые и деньги Попову за товаръ отдано 60 р., да на содержащую у ихъ подъ видомъ стряпки блятченку Сорокинскую Ряпугову дочь покупили платковъ шелковыхъ, китаекъ, кумачей и прочаго на нее наряду всего рублевъ на 60 же, и отдано за оной товаръ Ильѣ Попову часы карманные Захаровы въ 40 р. да вашъ господской съемной коломеночной косякъ за 20 р.; испошивъ коснымъ рубашки, ѣздили къ городничему Петру Васильевичу Бликевскому и потомъ къ себѣ на барку ево на означенной косной возили на казенную, и отчего тутъ по глубокому ихъ пьянству Захаръ Никитинъ и сбѣсился и бросился самъ въ воду и утонулъ, въ чемъ, батюшка, не соблаговолите ли его распросить, ибо онъ . . . . открыться можетъ вашему благородію.

Но сими мы нижайшія рабы вашего благородія своими докуками толко вашу прещедрую милость трудимъ и обезпокоеваемъ и просимъ, батюшка, милостиваго государя отца и покровителя о защищеніи на доносъ расходчика Аврамова на насъ нижайшихъ и

недостаточныхъ людяхъ и самыхъ безвинныхъ и безпритчинныхъ рабовъ вашихъ; когда мы прежде ему сего времени противниками и злыми доносителями не бывали, то отъ него ничего до вашего благородія и не было, а когдажъ донесли мы нижайшія на его по евангелской заповѣди и по чистосердечной правдѣ, то онъ и зачалъ на насъ подлыхъ безъ всякой винности и улички, совсѣмъ не вы-разумясь и не справясь, доносить, такъ какъ есть справедливой будто оправданіе приноситъ за преждніе свои преступленіи и пишетъ, будто отъ наученія прикащиковъ насъ нижайшихъ, но мы, батюшка, не докладывались прикащику съ канторщикомъ, но не одному крестьянину не приходили докладывать, а единственно прибѣгнули къ вашему благородію отцу и покровителю донесли въ сущей справедливости и по евангельской присяжной должности, о чемъ и прибѣгаемъ къ вашему свѣтлосіяющему покровительству о защищеніи насъ нижайшихъ рабовъ, дабы онъ и впредь вашему благородію не донесъ безъ разсужденія, какъ и теперь безъ всякой притчины доноситъ. И о вышеписанномъ нашемъ извиненіи и прошеніи донеся вашему благородію, во всерабской преданности нашей и истинномъ великопочитаніи остаемся.

Вашего благородія, милостиваго государя отца, всепокорнѣйши раби ваши: надзиратели Ефимъ Насѣткинъ, Александръ Пискуновъ, служитель Иванъ Рѣщиковъ, лекарскій ученикъ Петръ Симановъ, вмѣсто плотинного Өедора Мамкина подписался Петръ Симановъ

. . . тября . . . ода.

Приписка Н. Демидова. Оное въ канторѣ хранить и по сему письму въ сущею правду Михаілѣ Егорову не наровя никому и не посягая ни на ково, подъ страшною клятвою и подъ страшнымъ штрафамъ за неправду, и о всемъ съ ясностію правдиво писать; а за затѣи всѣхъ оныхъ служителей и за неправду нещадно пересѣчь, дабы неповадно было затѣвать; а въ чемъ Якимъ и протчия винавати по сему явятца, о всемъ же съ ясностію писать ко мнѣ. *Никита Демидовъ.*

Сообщ. **М. МИХАЙЛОВЫМЪ.**

Журналъ Министерства Юстиціи: 1859 г. кн. 5 и 6; 1860 кн. 1—12.

Съ тѣхъ поръ, какъ вышла 4-я книжка Ж. М. Ю., которою мы окончили наше обозрѣніе, это изданіе успѣло занять видное мѣсто въ ряду офиціальныхъ журналовъ. Книжки его ожидаются, и читаются. Ихъ можно видѣть въ рукахъ у такихъ людей, которые, хотя и принадлежали по своей офиціальной дѣятельности къ судебной сферѣ, не заботились прежде о литературѣ этой сферы; по поводу этихъ книжекъ случается слышать въ обществѣ сужденія и споры о вопросахъ, которые еще въ недавнее время не отзывались за стѣнами присутственной камеры; къ этимъ книжкамъ обращаются съ вопросами и сомнѣніями и судьи, и дѣлопроизводители, и стряпчіе, и сами ученые, когда желаютъ по практикѣ повѣрить свою теорію. Все это показываетъ, что въ обществѣ была потребность, для удовлетворенія которой явился Ж. М. Ю. и что новый журналъ удовлетворяетъ эту потребность въ значительной степени. Надо отдать ему справедливость: онъ идетъ впередъ и улучшается почти съ каждою книжкой. Постараемся указать на улучшенія, уже замѣтныя, и на тѣ, которыя еще желательно встрѣтить въ будущемъ.

Журналъ М. Юстиціи продолжаетъ постоянно печатать Высочайше утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта по дѣламъ тяжебнымъ гражданскимъ, доходящимъ до его разсмотрѣнія. Это драгоцѣнный матеріалъ для нашей судебной практики; изъ него можетъ образоваться со временемъ богатое собраніе примѣрныхъ рѣшеній высшаго органа судебной власти. Правда, въ этомъ видѣ, собраніе будетъ далеко не полное. Со времени учрежденія Госуд. Совѣта до 1859 года въ журналахъ его накопилось множество мнѣній Высочайше утвержденныхъ по дѣламъ судебнымъ: эта масса приговоровъ до сихъ поръ остается неразобранною и неизданною, хотя, сколько намъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по распоряженію Министерства Юстиціи, составленъ былъ и напечатанъ подробный указатель всѣхъ Высочайше утвержденныхъ мнѣній Госуд. Со-

вѣта, какія можно было отъискать въ сенатскихъ архивахъ. Мы не теряемъ надежды, что самый текстъ этихъ приговоровъ будетъ изданъ когда нибудь въ общее свѣдѣніе, и Журналъ Министерства Юстиціи оказалъ бы истинное благодѣяніе своимъ читателямъ и всѣмъ людямъ, занимающимся судебною практикой, когда бы принялъ на свою заботу такое изданіе.

Въ рѣшеніяхъ, взятыхъ изъ судебной практики Сената, печатаются уже полныя имена и фамиліи лицъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ: этому нововведенію, начавшемуся еще съ послѣднихъ книжекъ 1859 года, нельзя не порадоваться. Замѣтно, что съ нынѣшняго года выборъ самыхъ рѣшеній, печатаемыхъ въ Журналѣ, дѣлается тщательнѣе. Передъ каждымъ рѣшеніемъ редакція, по принятому правилу, печатаетъ извлекаемый изъ него выводъ, въ категорической формѣ общаго правила. Мы знаемъ изъ объясненія редакціи, что она не усвоиваетъ этимъ выводамъ значенія догмы, вытекающей изъ коренныхъ началъ права; но надобно желать, чтобы всѣ читатели Ж. М. Ю. держались того же взгляда, покуда, при недостаткѣ юридическаго такта въ массѣ публики, случается довольно часто, что выводъ редакціи, по своей категорической формѣ, многихъ вводитъ еще въ заблужденіе, для многихъ представляется неопровержимымъ авторитетомъ, и что есть не мало судей, которые въ рѣшеніи дѣлъ подобныхъ примѣняются почти безусловно къ формулѣ, которую встрѣчаютъ они передъ тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ, помѣщеннымъ въ оффиціальномъ журналѣ. Въ 17 вышедшихъ до сихъ поръ книжкахъ помѣщено около ста рѣшеній по разнообразнѣйшимъ вопросамъ гражданскаго права и судопроизводства, такъ что въ приискаиіи рѣшеній встрѣчаются уже затрудненія. Поэтому было бы желательно, чтобы редакція въ концѣ каждаго года издавала подробный указатель предметовъ и вопросовъ, къ которымъ относятся напечатанныя въ теченіи года рѣшенія.

Съ 8-й книжки текущаго года въ журналѣ М. Ю. явилось еще пріятное нововведеніе: въ немъ стали печатать рѣшенія по дѣламъ уголовнымъ, чего прежде не допускалось вовсе. Правда, что покуда печатаются еще не новыя, не современныя рѣшенія; но всего важнѣе то, что начали ихъ печатать, что сломлена печать и съ этого важнѣйшаго отдѣла судебной практики. Несправедливо

было бы по этому поводу относиться къ журналу съ упреками въ томъ, что онъ не даетъ еще покуда всего, чего хочется иному читателю, чего можетъ быть требуетъ наука съ высшей точки зрѣнія. Мы думаемъ, что напротивъ слѣдуетъ признать вполнѣ заслугу редакціи передъ публикою въ томъ, что она начала доброе и полезное дѣло. Начавъ печатать рѣшенія по вопросамъ уголовной практики, она помогла движенію юридической мысли и въ этомъ отдѣлѣ; замѣтно, что съ того времени возбуждено въ массѣ практиковъ и учащихся болѣе живаго интереса къ вопросамъ уголовнаго права, болѣе слышится толковъ и споровъ объ этихъ вопросахъ. Эти споры помогаютъ мысли созрѣвать и укрѣпляться.

Въ отдѣлѣ иностранной практики замѣтенъ еще весьма естественный покуда недостатокъ искусства въ выборѣ процессовъ и въ способѣ ихъ изложенія. Мы думаемъ, что нѣтъ нужды для русскаго читателя въ пространномъ изложеніи напр. адвокатскихъ рѣчей по каждому гражданскому процессу или въ изложеніи уголовнаго дѣла со всею подробностью производства: достаточно будетъ для насъ, когда намъ указаны будутъ характеристическія особенности процесса и развитіе главныхъ вопросовъ, въ немъ заключающихся. Большинство русскихъ читателей,—мы знаемъ по опыту—пропускаетъ безъ вниманія переводную статью, наполненную подробностями французскаго производства, съ плодовитыми рѣчами адвокатовъ, съ изложеніемъ контроверсовъ по вопросу иностранной практики, особливо когда дебаты французскаго суда переводятся цѣликомъ съ оригинальнаго текста; но тѣже самые люди съ живымъ интересомъ прочли бы живое и ясное изложеніе того же самаго процесса, сдѣланное русскимъ юристомъ съ цѣлью передать русскому же юристу содержаніе дѣла, изложить передъ читателемъ вопросы и объяснить ихъ въ той мѣрѣ, въ какой они заинтересовали самого редактора. Всего удовлетворительнѣе въ этомъ отношеніи представляются намъ статьи объ англійскихъ процессахъ, подписанныя буквами: А. К-мъ и Д. С-въ; отъ того эти статьи читаются съ интересомъ; въ каждой изъ нихъ видно желаніе не только разсказать исторію, но связать ее съ любопытными вопросами процесса и по поводу ея указать на характеристическія особенности Англійскаго судопроизводства.

Въ настоящую пору, кажется, особенную важность имѣетъ

для насъ иностранная практика по дѣламъ уголовнымъ: и потому этотъ отдѣлъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны редакціи. Много недостатковъ у насъ въ слѣдственной части предполагается обновить и усовершенствовать посредствомъ судебныхъ слѣдователей. Нельзя не сознаться однакоже, что на первыхъ порахъ судебные слѣдователи будутъ въ затруднительномъ положеніи, безъ вѣрнаго руководства, безъ практическихъ указаній, безъ преданій и навыковъ разумной практики и даже, въ большей части случаевъ, безъ твердаго авторитета, которому они могли бы слѣдовать; имъ придется работать на полѣ почти нетронутомъ, и самые добросовѣстные изъ нихъ должны будутъ бороться съ упорнымъ противодѣйствіемъ не только среды, въ которой надлежитъ имъ дѣйствовать, но иногда и тѣхъ людей, отъ которыхъ могли бы они ожидать себѣ совѣтовъ и помощи. Въ такомъ положеніи новые наши слѣдователи будутъ нуждаться въ хорошихъ образцахъ для изученія и подражанія. Наша судебная практика, къ сожалѣнію, немного покуда можетъ представить такихъ образцовъ; но ихъ можно отъискать много въ практикѣ тѣхъ иностранныхъ государствъ, гдѣ слѣдственная часть достигла значительнаго совершенства. Въ этомъ отношеніи Журналъ Министерства Юстиціи оказалъ бы, кажется, немаловажную услугу молодымъ нашимъ слѣдователямъ, если бы знакомилъ своихъ читателей съ лучшими образцами слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ французской, германской и англійской практики. Матеріаловъ для того нашлось бы множество: потребна только опытная рука для того, чтобъ выбрать изъ этихъ матеріаловъ то, что имѣетъ для насъ практическое значеніе, что можетъ дать практическія указанія для нашей дѣятельности. Если наши слѣдствія такъ часто страждутъ неполнотою и неясностію, если у насъ случается, что долговременное изслѣдованіе въ результатѣ своемъ не приводитъ къ открытію слѣдовъ преступленія, то это происходитъ, по нашему мнѣнію, не столько отъ злаго умысла и недобросовѣстности, сколько отъ небреженія и неопытности. Опытность, безъ сомнѣнія, пріобрѣтается только практикой; но самая долговременная практика не дастъ еще слѣдователю этого качества, если въ немъ не будетъ живаго участія къ дѣлу, живаго интереса въ открытіи истины. При этомъ только условіи слѣдователь можетъ пріобрѣсть тотъ неоцѣ-

нимый практическій тактъ, который составляетъ умственную силу слѣдователя, тактъ, который не пренебрегаетъ ни малѣйшимъ признакомъ и пользуется обстоятельствомъ, по видимому, самымъ ничтожнымъ, для того, чтобы открыть, при помощи его, широкій слѣдъ преступленія и возстановить связь преступнаго дѣйствія съ лицомъ преступника. Образцы иностранной практики могли бы служить превосходнымъ пособіемъ не только къ развитію этого такта, но и къ поддержанію въ слѣдователѣ живаго интереса въ своемъ дѣлѣ, интереса, который такъ часто у насъ истощается и глохнетъ въ молодыхъ дѣятеляхъ, подавляемый личною апатіей, равнодушіемъ или противодѣйствіемъ сотрудниковъ, а иногда и самого общества.

Одно перечисленіе статей, помѣщенныхъ въ неоффиціальной части Ж. М. Ю., показываетъ, что у редакціи нѣтъ недостатка въ сотрудникахъ. Въ числѣ ихъ встрѣчаются и имена, пользующіяся уже авторитетомъ въ нашей юридической литературѣ и имена дѣятелей только что начинающихъ. Въ новыхъ дѣятеляхъ,—мы увѣрены въ томъ,—недостатка не будетъ: Журналъ Министерства Юстиціи служитъ новымъ доказательствомъ того, что мысль, однажды возбужденная, не остается безплодною, но вызываетъ около себя умственныя силы и возбуждаетъ движеніе мысли. Недалеко еще отъ насъ то время, когда одни только записные, цеховые ученые выступали на поле юридической литературы, и сужденіе практическаго юриста-чиновника о юридическомъ вопросѣ казалось страннымъ явленіемъ. Теперь сами оффиціальные представители науки зовутъ уже къ себѣ на помощь практическихъ дѣятелей и китайская стѣна между теоріей и практикой начинаетъ мало по малу пробиваться, по крайней мѣрѣ, въ литературѣ. Нельзя не порадоваться этому, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожелать, чтобы представители науки, съ одной стороны, не упускали изъ виду необходимой связи науки съ жизнію и освободились отъ условнаго, цеховаго, тяжелаго языка, обличающаго неясность мысли, сдавленной схоластическою формой; съ другой стороны, чтобы практическіе юристы не выходили изъ предѣловъ своей скромной, но въ высшей степени важной задачи—осмыслить и разъяснить частныя явленія дѣйствительной жизни. Широкіе, размашистые пріемы, высшіе взгляды, догматическія вѣрованія въ теорію искуственно

созданную, — не годится на первый разъ для практическаго юриста: такіе пріемы опасны; они разслабляютъ мысль, мѣшая ей сосредоточиться и углубиться въ разработку вопроса, который она избрала для себя. Когда искусный архитекторъ собираетъ въ головѣ своей черты будущаго зданія, свободная мысль его можетъ начать съ крышки или съ фронтона и довершить планъ свой на деталяхъ базиса, можетъ углубиться въ неясную идею цѣлаго, прежде чѣмъ опредѣлились составныя его части и подробности. Не такова задача работника, отдѣлывающаго части зданія въ связи съ цѣлымъ: и его дѣло можетъ быть не менѣе разумно и почтенно; и онъ, на своемъ мѣстѣ, можетъ быть мастеромъ, если отдаетъ себя своему дѣлу, не озираясь на чужое: тогда и архитекторъ пришлетъ просить его помощи и совѣта, потому что самый изящный планъ будетъ неосуществимъ на дѣлѣ, если составленъ безъ соображенія съ внѣшними условіями и механизмомъ стройки.

Вотъ перечень статей, помѣщенныхъ въ Ж. М. Ю. и имѣющихъ характеръ практическихъ изслѣдованій и замѣтокъ. Сюда относятся слѣдующія: о рукоприкладствѣ по уголовнымъ дѣламъ—Ланге; его же—о мѣняльныхъ столикахъ. О бродяжествѣ въ Россіи—Поппе и его же—о порядкѣ освидѣтельствованія домашнихъ духовныхъ завѣщаній. О копіяхъ съ документовъ при просьбахъ и объявленіяхъ—Муллова. Объ опекунскомъ управленіи въ Россіи—Коржинскаго. О земской давности при апелляціонномъ производствѣ Т. Р. О силѣ обязательствъ, писанныхъ на неустановленной бумагѣ, и о двухгодичномъ срокѣ для спора о купчихъ крѣпостяхъ—Пестржецкаго. Сонное опьяненіе, какъ причина невмѣшательства—Л. Андреева. О постановленіи вопросовъ и порядкѣ собиранія голосовъ при рѣшеніи дѣлъ—Б-каго.

Кромѣ практическихъ статей, въ Ж. М. Ю. встрѣчаются и историческія изслѣдованія. Сюда должно отнести: статью проф. Бѣляева—о вызовѣ въ судъ по древнимъ русскимъ законамъ до Уложенія; Полежаева—о губернскомъ надзорѣ; краткій, весьма скудный очеркъ исторіи межеванія въ Россіи И. Б—ва и статью Г. Пестржецкаго—объ обезпеченіи исковъ. Впрочемъ, въ этой послѣдней статьѣ авторъ разбираетъ вопросъ объ обезпеченіи исковъ со стороны догматической и практической.

Къ статьямъ догматическаго содержанія относятся: изданныя

Вицинымъ лекціи Мейера, о юридическихъ дѣйствіяхъ и объ имущественныхъ правахъ вообще; о преступленіяхъ противъ чести по Уложенію 1845 года—Спасовича; Пестржецкаго—владѣніе какъ условіе перехода права собственности по русскому праву, и—Баршева—объ апелляціи въ области уголовнаго суда.

Лекціи Мейера о гражданскомъ правѣ безспорно важное пріобрѣтеніе нашей юридической литературы: онѣ составляютъ въ ней новое явленіе. Мейеръ едва ли не первый принялся у насъ за разработку Свода Законовъ по началамъ науки и вмѣстѣ съ тѣмъ по указаніямъ практики. Это трудъ добросовѣстный, почтенный и полезный. Но нельзя не замѣтить въ этихъ лекціяхъ одного недостатка—недостатка живости въ изложеніи: недостатокъ этотъ можетъ быть происходитъ и отъ того, что лекціи Мейера изданы не по его собственнымъ запискамъ; впрочемъ, тонъ изложенія совершенно одинаковъ во всѣхъ лекціяхъ Мейера, какія только изданы до настоящаго времени. Слогъ ихъ довольно тяжелъ и мѣстами неясенъ; отъ того они читаются съ нѣкоторымъ усиліемъ, хотя терпѣливый читатель вполнѣ вознаграждается за трудъ свой.—Въ статьѣ г. Пестржецкаго находимъ изслѣдованіе о переходѣ собственности по русскому праву, съ исторической и практической стороны.—Лучшею изъ статей этого разряда на нашъ взглядъ представляется статья г. Спасовича, именно потому, что она отличается качествами, которыя, къ сожалѣнію, встрѣчаются въ нашей литературѣ не такъ часто, какъ было бы желательно: ясностью мысли и живостью изложенія. Въ статьяхъ г. Спасовича не встрѣчаешь ни блестящихъ, ни тяжелыхъ оборотовъ; ихъ могутъ читать съ пользою и съ живымъ интересомъ не одни только записные ученые,—и потому эти статьи, мы увѣрены въ томъ, будутъ въ особенности полезны для того именно разряда читателей, который, кажется, въ особенности долженъ имѣть въ виду Ж. М. Ю., то есть для любителей практики, желающихъ осмыслить свою дѣятельность и пріобрѣсть свѣдѣнія о предметахъ, состоящихъ въ прямой связи съ нею. Такою же ясностью мысли и живостью изложенія отличаются и помѣщенныя въ ноябрьской книжкѣ первыя двѣ публичныя лекціи Спасовича, «о теоріи судебноуголовныхъ доказательствъ въ связи съ судоустройствомъ и судопроизводствомъ». Этотъ живой очеркъ системы доказательствъ, съ указаніемъ на взаимное ихъ отношеніе и на исто-

рическое значеніе и юридическую сущность каждаго доказательства, читается съ большимъ интересомъ. Мы думаемъ, что и не юристъ по призванію, начавъ читать этотъ очеркъ, прочтетъ его до конца съ интересомъ и вынесетъ ясную мысль изъ своего чтенія.

Къ статьямъ статистическаго содержанія относятся: Англійская уголовная статистика за 1858 годъ—Хвостова; Матеріалы для уголовной статистики Россіи—Орлова и Хвостова, и записка Иванова о Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи; любопытныя свѣдѣнія, помѣщенныя въ этой запискѣ, были уже помѣщены въ «Описаніи государственнаго Архива старыхъ дѣлъ», изданнаго г. Ивановымъ въ 1850 году; но эта книга не многимъ извѣстна.

Обращаемся къ статьямъ переводнымъ. Журналъ Минист. Юстиціи сдѣлалъ прекрасный подарокъ своимъ читателямъ, сообщивъ имъ въ переводѣ старое, но классическое сочиненіе Бентама: *о судоустройствѣ*. Переводчики: г.г. Книримъ и Юреневъ выполнили свое дѣло совершенно удовлетворительно,—чего нельзя сказать къ сожалѣнію о всѣхъ переводныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Ж. М. Ю. Переводъ сопровождается старательно составленною статьей г. Книрима: *Бентамъ и его сочиненія*.—Статья г. Кистяковскаго: *очеркъ англійскаго уголовнаго процесса*—представляетъ извлеченіе изъ извѣстнаго сочиненія Миттермайера, и безъ сомнѣнія будетъ весьма полезна для русскихъ читателей: лучше Миттермайера нельзя было выбрать руководителя по этому предмету. Выборъ остальныхъ статей для перевода,—за исключеніемъ статьи Эберти, о тюремномъ заключеніи—нельзя назвать удачнымъ. Намъ кажется, что такія сочиненія, какъ напр. Geist des römischen Rechts Игеринга, вовсе не годятся для сообщенія русскимъ читателямъ въ переводѣ. Г. Царевскій перевелъ для Ж. М. Ю. второй отдѣлъ второй части этого сочиненія «о существѣ юридическаго формализма вообще»: трудъ похвальный; но едва ли не безплодный. Попытка передать Игеринга въ русскомъ переводѣ—не новость въ нашей литературѣ: въ Юридическихъ Запискахъ Рѣдкина и Яневича былъ уже переведенъ отрывокъ изъ послѣдней, третьей части названнаго сочиненія. Для чего эта гибель труда и времени! Игерингъ принадлежитъ къ числу самыхъ талантливыхъ германскихъ юристовъ нашего времени, и книга его—Geist des R. Rechts, можетъ доставить юристу истинное наслажденіе: въ ней много

такого художественнаго элемента, въ ней мѣстами встрѣчается такое изящество построенія, такое оригинальное творчество мысли, какое можетъ быть до сихъ поръ не встрѣчалось въ германской юридической литературѣ. И совсѣмъ тѣмъ текстъ Игеринга въ русскомъ переводѣ представляется намъ чѣмъ-то весьма неловкимъ и неумѣстнымъ. Наслажденіе, доставляемое чтеніемъ Игеринга дается не даромъ: это одно изъ тѣхъ сочиненій, къ чтенію коихъ надобно приготовлять себя основательнымъ и подробнымъ изученіемъ римскаго права и его исторіи. Извѣстно, что это изученіе вообще не процвѣтаетъ покуда на русской почвѣ; а кто достаточно успѣлъ ознакомиться съ римскимъ правомъ, тотъ вѣрно не станетъ читать Игеринга въ русскомъ переводѣ, а обратится къ оригинальному тексту. Притомъ, смѣемъ думать, что переводъ Игеринга на русскій языкъ въ настоящее время почти невозможенъ. Игерингъ пишетъ не просто: онъ выработалъ себѣ оригинальный слогъ—и этотъ слогъ проникнутъ духомъ юридическаго языка Германіи,—обороты и термины его техническіе, такъ что на нашемъ простомъ языкѣ, который покамѣсть еще чуждъ подобныхъ тонкостей, часто нѣтъ возможности передать истинный смыслъ фразы Игеринга: въ переводѣ исчезаетъ совершенно то именно, что составляетъ духъ сочиненія, и фраза Игеринга,—смѣемъ выразиться,—не переводится, а насильственно перетаскивается въ русскую рѣчь, втискивается въ простое русское слово: понятно, что переводъ выйдетъ безобразный, въ чемъ не всегда можно упрекнуть переводчика. Самъ авторъ предполагаетъ въ своихъ читателяхъ достаточное знакомство съ предметомъ, о многомъ упоминаетъ какъ объ извѣстномъ всѣмъ читателямъ, и часто, излагая глубокія свои мысли и соображенія, только указываетъ на факты, на которыхъ они основаны, нисколько не объясняя этихъ фактовъ, а объясняетъ свои мысли ссылкою на примѣры и учрежденія въ техническихъ терминахъ, весьма понятныхъ ученому германскому юристу, но вовсе непонятныхъ для большинства русскихъ читателей. Термины эти приведены латинскими словами и въ переводѣ г. Царевскаго, безъ всякаго объясненія. Разумѣется, русскій читатель, встрѣчая въ статьѣ на каждой минутѣ пестроту непонятныхъ для него терминовъ и множество техническихъ оборотовъ, найдетъ ее скучною и ничему изъ нея не научится, а пожалуй еще запутаетъ прежнее

свое представленіе. Мы вовсе не хотимъ доказывать, что мысль Игеринга совершенно нельзя передать на русскомъ языкѣ: мы только думаемъ, что *переводить* Игеринга цѣлакомъ на русскій языкъ— трудъ безплодный. Кто хочетъ познакомить съ нимъ русскихъ юристовъ, тотъ пусть сначала самъ изучитъ его сочиненіе, проникнетъ въ мысль его, прослѣдивъ ее тщательно по всѣмъ фактамъ, которые Игерингъ предполагаетъ извѣстными,—и за тѣмъ пусть передаетъ намъ Игеринга какъ онъ его понялъ, но въ такомъ случаѣ знакомство съ Игерингомъ, если не ошибаемся, должно ознакомить русскаго читателя не только съ тѣмъ, что онъ высказываетъ, но и съ тѣмъ, объ чемъ умалчиваетъ Игерингъ. Такъ или иначе, только намъ кажется, что на страницахъ Журнала Минист. Юст. покуда еще не мѣсто популярному курсу римскаго права, или философіи историческаго развитія права,—для русскихъ практическихъ юристовъ. У насъ на очереди покамѣстъ другіе вопросы, болѣе близкіе къ жизни и практикѣ, вопросы, настоятельно требующіе объясненія. Повторяемъ: осмыслить нашу юридическую практику, указать ей на твердыя начала, установить въ ней нѣчто похожее на разумный авторитетъ—вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, насущное дѣло Ж. М. Ю. Съ этой точки зрѣнія полезно было бы, конечно, знакомить русскаго читателя съ сочиненіями иностранныхъ ученыхъ юристовъ, но только тогда, когда мысль ученаго приложима къ нашему дѣлу, можетъ обратиться въ плоть и кровь нашей практики. Такихъ мыслей и такихъ сочиненій не мало, особенно въ германской литературѣ: потребно только умѣнье выбирать изъ нихъ то именно, чего требуетъ наше дѣло, что для насъ покуда пригодно. Укажемъ для примѣра на классическое твореніе Савиньи: System des heutigen römischen Rechts—плодъ глубокой учености, сочиненіе, проникнутое духомъ римскаго права. При всемъ томъ въ этой книгѣ есть множество страницъ, которыя, по простотѣ мысли и по изяществу изложенія могли бы быть понятны русскому читателю и принесли бы немаловажную пользу нашему практику, объяснивъ ему вопросы, надъ которыми приходилось ему задумываться: только и здѣсь, разумѣется, все зависитъ отъ искусства выбрать и передать. Но и простой переводъ главы—напр. о давности для погашенія исковъ, или отдѣла: Vom Gelde изъ 2-й части Obligationen-Recht, былъ бы во сто разъ полезнѣе переводовъ изъ Игеринга.

Мы думаемъ даже, что, слѣдуя руководству Савиньи, можно объяснить *силу судебныхъ рѣшеній* русскому читателю несравненно яснѣе, чѣмъ это сдѣлано, напримѣръ, въ статьѣ французскаго юриста Маркаде, которая переведена въ ноябрьской книжкѣ Ж. М. Ю.: въ этой статьѣ слишкомъ много критическаго элемента; она имѣетъ въ виду контроверсы французской доктрины и обращена въ особенности къ французскимъ юристамъ-практикамъ; но русскій читатель не найдетъ въ ней яснаго и цѣльнаго изложенія, которымъ объясняется сущность предмета и которымъ такъ отличаются сочиненія Савиньи.

Нельзя не поблагодарить редакцію за помѣщеніе въ переводѣ (гг. Вольдена и Бруннера) двухъ главъ изъ юридическаго учебника проф. Пальмена. Мы знакомимся здѣсь съ финляндскимъ гражданскимъ правомъ, о которомъ до сихъ поръ почти ничего не было писано въ русской юридической литературѣ. Между тѣмъ въ финляндскомъ гр. правѣ есть, какъ видно изъ напечатанныхъ главъ «о супружествѣ и о недвижимыхъ имѣніяхъ», довольно любопытныхъ особенностей. Наиболѣе интересны нѣкоторыя постановленія финляндскаго закона о правѣ собственности на недвижимыя имѣнія: въ нихъ довольно рѣзко выказывается элементъ германскій. Особенную важность имѣетъ въ финляндскомъ правѣ раздѣленіе недвижимыхъ имуществъ на городскія и сельскія, такъ что для каждаго изъ этихъ двухъ разрядовъ образовалось особое городское и сельское право. Поземельное право, повидимому, сложилось въ Финляндіи, подъ вліяніемъ феодальныхъ началъ. Здѣсь встрѣчаемъ признаки раздѣленія собственности на верховную и зависящую или обложенную оброкомъ въ пользу верховнаго собственника. Высшій видъ частнаго права на землю называется обѣльнымъ, и составляетъ принадлежность родовъ, происходящихъ изъ служилаго класса землевладѣльцевъ; но и въ этихъ имѣніяхъ отличаются чисто дворянскія, именно аллодіальныя помѣстья, и порубежные удѣлы. Отличіе родовыхъ или наслѣдственныхъ имѣній отъ благопріобрѣтенныхъ удержалось въ финляндскомъ правѣ и имѣетъ до сихъ поръ важное практическое значеніе. Законъ такъ строго охраняетъ родовое право, что даже въ случаѣ промѣна родовой земли на благопріобрѣтенную, послѣдняя принимаетъ у новаго пріобрѣтателя свойство родоваго имущества; также и въ

случаѣ продажи владѣльцемъ наслѣдственнаго имѣнія, остальное имѣніе продавца, хотя бы имѣло прежде характеръ благопріобрѣтеннаго, при смерти его дѣлается родовымъ, въ замѣнъ проданнаго родоваго. Право родственнаго выкупа существуетъ во всей силѣ и относительно городскихъ имѣній простирается не только на родовыя, но и на благопріобрѣтенныя; независимо отъ выкупа, въ финляндскомъ законѣ удержалось и право преимущественной покупки, предоставляемое оброчному съемщику земли и сосѣднему владѣльцу относительно городскихъ дворовъ. Для перехода правъ на недвижимое имущество недостаточно одного соглашенія о переходѣ; законное пріобрѣтеніе и укрѣпленіе совершается не иначе, какъ послѣ трехъ публичныхъ оглашеній на трехъ съѣздахъ уѣзднаго суда (на что потребно около года) или на трехъ засѣданіяхъ ратуши (въ теченіе 12 недѣль); право третьихъ лицъ на предъявленіе спора оканчивается съ истеченіемъ четырнадцати недѣль со времени послѣдняго оглашенія въ городѣ. Право выкупа ограничивается тѣми же сроками.

Оканчивая свое обозрѣніе, мы получили послѣднюю, 12-ю книжку Ж. М. Ю. за 1860 годъ. Въ ней такъ много любопытнаго, что спѣшимъ по поводу ея высказать еще нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній.

Прежде всего обращаемся къ окончанію интересныхъ лекцій г. Спасовича «О теоріи судебно уголовныхъ доказательствъ». Въ послѣднихъ двухъ лекціяхъ профессоръ высказываетъ основную мысль свою, результаты своего изслѣдованія. Въ первыхъ двухъ лекціяхъ онъ пришелъ къ тому выводу, что наша система уголовныхъ доказательствъ, основанная, въ главныхъ чертахъ, на Воинскомъ Уставѣ 1716 г., значительно устарѣла. «Самая важная, самая существенная часть этой системы—пытка, унесена теченіемъ времени, вліяніемъ философскихъ идей XVIII столѣтія; иныя части потеряли почти всякую практическую примѣняемость (присяга); иныя, хотя и дѣйствуютъ еще, но не достигаютъ своей цѣли (повальный обыскъ). Правосудіе продолжаетъ устрашать, но не столько строгостію окончательнаго приговора, сколько медленностію производства, продолжительностію ареста и другими ограниченіями и

невыгодами, которымъ подвергается лицо за свое нахожденіе подъ судомъ». Мнѣніе свое объ этихъ несовершенствахъ авторъ подтверждаетъ разборомъ двухъ случаевъ изъ русской и одного изъ германской судебной практики. Онъ указываетъ на двухъ подсудимыхъ, которые приговорами русскаго суда оставлены въ подозрѣніи по убійству и поджогу, хотя, по совокупности непрямыхъ уликъ, обнаруженныхъ изслѣдованіемъ, судъ могъ бы признать ихъ виновными и приговорить къ наказанію, когда бы не былъ связанъ господствующею въ нашемъ судопроизводствѣ системою строго-формальныхъ доказательствъ. Примѣръ изъ германской практики показываетъ, что, при дѣйствіи системы болѣе свободной, и судъ, дѣйствующій безъ присяжныхъ, можетъ приговорить человѣка къ наказанію на основаніи однихъ уликъ, когда совокупность ихъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ винѣ подсудимаго. За тѣмъ авторъ предлагаетъ слѣдующіе вопросы: возможна ли при нашихъ общественныхъ отношеніяхъ иная система доказательствъ? возможенъ ли у насъ судъ на иныхъ основаніяхъ? и отвѣчая на нихъ, указываетъ, при какихъ условіяхъ возможно у насъ предоставленіе суду бо̀льшей свободы въ обсужденіи уликъ. Поставляя теорію законныхъ доказательствъ въ неразрывной связи съ инквизиціоннымъ процессомъ и произнося рѣшительное осужденіе послѣднему, онъ отдѣляетъ вопросъ о возможности или невозможности законныхъ доказательствъ отъ вопроса о присяжныхъ и потомъ изслѣдуетъ, какова должна быть здравая теорія доказательствъ. Достовѣрность разсматривается съ двухъ сторонъ: съ субъективной и съ объективной. Субъективное убѣжденіе есть дѣло совѣсти, и одной только совѣсти, а истина объективная существуетъ сама по себѣ, независимо отъ судейскаго убѣжденія. Достовѣрность уголовная должна совмѣстить въ себѣ оба элемента. Должна быть извѣстная теорія доказательствъ, но эта теорія должна стѣснять судью только отрицательно, указывая ему не то, чѣмъ онъ долженъ убѣждаться, но то, чѣмъ онъ не долженъ предубѣждаться. Теорія суда присяжныхъ, основанная исключительно на индивидуальномъ убѣжденіи, какъ во французскомъ процессѣ, есть теорія односторонняя и неправильная. Англійская система, въ которой судья служитъ живымъ органомъ теоріи доказательствъ, сдерживающимъ и направляющимъ соображеніе присяжныхъ, преве-

сходна для Англіи, но негодится для материковыхъ государствъ. Нашъ уголовный процессъ страдаетъ отсутствіемъ субъективныхъ элементовъ. Принятую въ немъ теорію законныхъ доказательствъ, исключительную и одностороннюю, слѣдуетъ не уничтожить, а исправить. Въ ней слѣдуетъ утвердить и узаконить доказательство посредствомъ уликъ, котораго почти не допускаетъ у насъ, по мнѣнію автора, ни положительный законъ, ни судебная практика.

Но дѣйствительность доказательства посредствомъ уликъ сама въ свою очередь зависитъ отъ множества коренныхъ преобразованій въ нашемъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, преобразованій, безъ которыхъ невозможно, говоритъ авторъ, вручать нынѣшнимъ судамъ нашимъ это обоюдуострое орудіе. Въ слѣдъ за тѣмъ, въ послѣдней, 4-й лекціи, г. Спасовичъ указываетъ, въ чемъ должны, по мнѣнію его, состоять эти необходимыя преобразованія. Отдѣленіе суда отъ администраціи, независимое его положеніе, несмѣняемость судей по произволу правительственной власти, преобразованіе инквизиціоннаго процесса, ограниченіе прокурорской должности въ уголовныхъ дѣлахъ вчиваніемъ и преслѣдованіемъ исковъ, предоставленіе частнымъ лицамъ уголовной инніціативы, правильное установленіе и развитіе адвокатуры,—вотъ общія начала, на которыхъ могутъ быть совершены преобразованія. За тѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу, который называетъ капитальнымъ во всей системѣ судоустройства: изъ какихъ элементовъ должны быть составлены новые суды? Въ нижней инстанціи онъ предпочитаетъ единоличность коллегіальности, указывая на примѣръ англійскихъ мировыхъ судей и прусскихъ единоличныхъ судей. Для окружныхъ судовъ ему представляются три системы: судьи по назначенію отъ правительства, судъ присяжныхъ, выборные при судьяхъ отъ короны. Отвергая рѣшительно первую систему, авторъ не видитъ совершенства и въ системѣ присяжныхъ, а для Россіи въ особенности считаетъ ее невозможною. По его мнѣнію, народъ нашъ недоросъ еще до учрежденія присяжныхъ. Остается третья и послѣдняя система: судъ съ выборными, и на ней то авторъ останавливается, отдавая ей преимущество передъ двумя первыми системами. Для хорошаго устройства этой системы онъ предлагаетъ новыя условія. Для выбора слѣдуетъ составить среду изъ лучшихъ людей,

которые составляли бы цвѣтъ общества; а средствомъ для отдѣленія этой среды предлагается во первыхъ цензъ, а во вторыхъ условіе образованія въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Служба выборная должна быть безусловно обязательна для каждаго избираемаго. Судью отъ правительства достаточно имѣть одного, дѣятельнаго, юридически образованнаго и пріобрѣтшаго навыкъ въ адвокатской практикѣ. Отношеніе между коронныимъ судьей и выборными судьями должно быть иное, чѣмъ то, которое существуетъ теперь: дѣятельность перваго и послѣднихъ должна раздѣляться не между вопросами о фактѣ и о правѣ, а на иномъ основаніи. Предсѣдатель долженъ быть, подобно нынѣшнимъ секретарямъ и прокурору, указателемъ и толкователемъ законовъ, органомъ теоріи законныхъ доказательствъ, не участвующимъ непосредственно въ рѣшеніи дѣлъ подачею голоса, но вооруженнымъ правомъ протеста и переноса дѣлъ въ высшую инстанцію. Слѣдствія должны быть производимы судебными, а не полицейскими властями, судъ долженъ быть устный и гласный, уголовный законъ долженъ быть преобразованъ.

Идеалъ, выставляемый передъ нами, безъ сомнѣнія, осуществится еще не скоро. Правда, что авторъ желаетъ связать его, по возможности, съ условіями настоящей дѣйствительности, но всетаки что предлагаетъ онъ? ввесть новыя формы судопроизводства, а усовершеніе самаго суда въ новыхъ формахъ и съ новыми людьми предоставляется по необходимости отдаленному будущему, исторіи. Но что дѣлать намъ теперь, въ настоящую минуту, для того, чтобы худое, на которое указывалъ онъ намъ, стало по крайней мѣрѣ менѣе худо; какъ починить намъ старые мѣха свои и сохранить въ нихъ старое вино, покуда явятся новые мѣха и въ нихъ вольется вино новое,— этотъ насущный вопросъ остается покуда безъ отвѣта. Авторъ не приводитъ насъ ни къ какому положительному результату и, разрушивъ своей критикой нашу теорію доказательствъ, не строитъ намъ новой, лучшей теоріи, хотя, по его собственному признанію, потребность лучшей теоріи есть наша насущная потребность. Отъ того первыя двѣ лекціи его, въ которыхъ заключается критическій разборъ нашей теоріи доказательствъ, кажутся несравненно удовлетворительнѣе послѣднихъ, въ которыхъ излагаетъ онъ свои выводы. Намъ даже кажется, что со стороны автора едва ли не было ошибкой

то, что онъ въ двухъ своихъ послѣднихъ лекціяхъ коснулся многихъ предметовъ, о которыхъ весьма неудобно говорить мимоходомъ по поводу разбора нашей теоріи доказательствъ, затронулъ только, не разработавъ въ подробности, важный вопросъ объ общемъ преобразованіи судопроизводства и судоустройства: отъ того по необходимости, въ предѣлахъ одной лекціи, онъ долженъ былъ ограничиться одними указаніями, краткимъ изложеніемъ своего мнѣнія по такимъ предметамъ, которые требуютъ обстоятельнаго разсмотрѣнія не съ одной только теоретической стороны, но въ особенности со стороны практической, въ примѣненіи къ условіямъ нашей среды, къ нашему дѣлу. Можно еще поспорить о самыхъ теоретическихъ воззрѣніяхъ автора, напримѣръ обо всемъ, что онъ говоритъ относительно субъективнаго и объективнаго элемента достовѣрности, о судѣ присяжныхъ и, въ особенности о томъ строгомъ и, какъ намъ кажется, слишкомъ поспѣшномъ приговорѣ, который онъ произноситъ народу, признавая его неспособнымъ даже разумѣть преступность большей части преступленій. Положимъ, что у насъ дѣйствительно, какъ полагаетъ авторъ, «нельзя серьозно думать объ учрежденіи присяжныхъ»; во всякомъ случаѣ мнѣніе это можетъ быть предметомъ спора, но къ подкрѣпленію его можно привесть иныя, болѣе основательныя причины, другія болѣе твердыя данныя, но едва ли тѣ, которыя приводитъ г. профессоръ.

Вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ, при нынѣшней системѣ законныхъ доказательствъ, судебныя мѣста наши пользуются свободою въ обсужденіи уликъ,—вопросъ въ высшей степени практическій, но къ сожалѣнію, по этому важному вопросу не установилось еще въ нашей практикѣ твердое понятіе. Г. Спасовичъ полагаетъ, что примѣры наказаній присуждаемыхъ на основаніи однихъ уликъ рѣдко встрѣчаются въ нашей практикѣ, и большею частью попадаются въ практикѣ Правит. Сената. Мы думаемъ напротивъ, что въ высшей инстанціи подобные примѣры встрѣчаются рѣдко, а въ низшихъ принадлежатъ вовсе не къ рѣдкимъ явленіямъ. И это естественно. Первая и вторая инстанція уголовнаго суда ближе и къ мѣсту совершенія преступленія и къ лицу преступника: Уголовная Палата въ правѣ сама передопрашивать преступника, и во всякомъ случаѣ можетъ признать наличное его присутствіе необходимымъ; кромѣ того здѣсь судъ происходитъ, такъ сказать, въ той же средѣ,

въ которой совершилось преступленіе и обнаружились ближайшія его послѣдствія и гдѣ самая личность преступника болѣе или менѣе извѣстна по непосредственнымъ его отношеніямъ. По всѣмъ этимъ причинамъ нравственная и бытовая обстановка дѣла и личности въ инстанціи средней естественно должна оказывать, и дѣйствительно оказываетъ на судью несравненно болѣе вліянія чѣмъ въ высшей, столичной инстанціи. Здѣсь, напротивъ того, въ совершенномъ отчужденіи отъ живой обстановки событія и преступника, отъ нравственной атмосферы дѣла, центральный судъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи гораздо менѣе средствъ составить себѣ нравственное убѣжденіе, а потому, ограждая и свою законную совѣсть столько же, какъ и подсудимаго, дѣйствуетъ обыкновенно съ крайнею осторожностью, держится строгой системы формальныхъ доказательствъ и всячески избѣгаетъ сужденія по уликамъ. Приговоровъ Палаты, присуждающихъ по уликамъ, встрѣчается несравненно болѣе, чѣмъ приговоровъ Сената; особенно въ тѣхъ дѣлахъ, которыя представляются на ревизію въ Сенатъ, Палаты не затрудняются основывать свои приговоры на совокупности уликъ (примѣромъ можетъ служить процессъ Дудниковой, напечатанный въ этой же книжкѣ Ж. М. Ю.). Въ приговорахъ Палаты, окончательно утверждаемыхъ губернаторомъ, осужденіе по уликамъ—тоже нерѣдкость, хотя многое зависитъ здѣсь отъ большей или меньшей рѣшительности или осторожности въ характерѣ председателя и губернатора. Мнѣніе о томъ, что по совокупности уликъ можно признать виновность преступника и при той системѣ доказательствъ, какая принята у насъ, было высказано не разъ, и не въ одной литературѣ, но и отъ лица высшаго судебнаго авторитета. Мы думаемъ, что не безполезно будетъ, по этому поводу, указать на одно дѣло, въ которомъ такое мнѣніе было высказано.

Въ апрѣлѣ 1854 года у крестьянина сельца Ивановскаго Егорова ночью украли изъ жилой избы сундукъ съ деньгами (2000 руб.). Воръ, прорывши кровлю, вошелъ въ избу и вышелъ на улицу черезъ сѣнныя двери, которыя оказались незапертыми; отъ сѣней оказался слѣдъ босыхъ ногъ къ сосѣдней деревнѣ Жаворонкамъ и по слѣду найденъ украденный сундукъ разломаннымъ. Подозрѣніе въ кражѣ пало на крестьянина этой деревни Михаила Яковлева. Яковлевъ, жившій прежде бѣдно, вдругъ началъ пьянствовать и на

утро послѣ покражи купилъ себѣ срубъ за 132 р. у крестьянина Игнатьева, заплативъ ему деньги, при чемъ продавецъ видѣлъ у него много кредитныхъ билетовъ; Егоровъ ходилъ смотрѣть, какими деньгами плачено было за срубъ, и въ числѣ этихъ денегъ опозналъ одинъ изъ своихъ билетовъ. Вслѣдствіе того, черезъ день послѣ покражи, Егоровъ, взявъ съ собою брата и еще двухъ стороннихъ крестьянъ и пригласивъ вотчиннаго старосту, отправился съ ними рано утромъ въ дер. Жаворонки, во дворъ къ Яковлеву, котораго они застали спавшимъ на дворѣ. На вопросъ: сколько у него денегъ, онъ объявилъ у себя два кредитные билета по 5 руб., которые найдены у него въ сундукѣ; потомъ, по обыску нашли они подъ постелью Яковлева, въ навозѣ, свертокъ билетовъ; а когда во время обыска Яковлевъ вышелъ, то обыщики, по слѣду его, отыскали еще нѣсколько кредитныхъ билетовъ, заткнутыми въ заборѣ сосѣдняго двора; всего найдено у Яковлева 152 р. сер. За тѣмъ уже Егоровъ объявилъ обо всемъ случившемся становому приставу. Яковлевъ не повинился въ кражѣ, объявилъ, что своего хозяйства не имѣетъ, проживаетъ на чужомъ дворѣ, что зимою промышляетъ въ Москвѣ извозомъ, что жилъ прежде въ саратовскомъ имѣніи своего помѣщика и, накопивъ тамъ отъ своихъ промысловъ 190 руб., изъ этихъ денегъ купилъ себѣ срубъ для постройки дома, и что живя на чужомъ дворѣ, пряталъ свои деньги въ скрытыхъ мѣстахъ, изъ опасенія покражи. Яковлевъ не сознался и въ томъ, что онъ выходилъ во время обыска и что на запросъ о количествѣ своихъ денегъ объявилъ у себя только 10 руб. серебромъ.—Крестьянинъ Игнатьевъ подтвердилъ, что срубъ проданъ имъ точно Яковлеву, что деньги за него 132 р. асс. тогда же получены, и что во время платы у Яковлева оставалось еще довольно денегъ бумажками. Крестьяне, производившіе обыскъ вмѣстѣ съ Егоровымъ, подтвердили вполнѣ его объявленіе. Хозяинъ, у котораго во дворѣ жилъ Яковлевъ, показалъ, что была точно молва, будто бы Яковлевъ изъ Саратова привезъ съ собою много денегъ, но денегъ онъ у него не видалъ; что мѣсяца съ два Яковлевъ торговалъ мясомъ, но весь оборотъ его заключался въ покупкѣ коровы, коей мясо продавши, покупалъ другую. Объ этой молвѣ и объ этой торговлѣ и другіе показали тоже.—Обокраденный Егоровъ, въ числѣ найденныхъ у Яковлева и отданныхъ за срубъ ассигнацій, опозналъ

свой кредитный билетъ въ 25 руб. сер. съ тремя дырочками и три билета по 5 руб. подъ названіемъ атласныхъ, доставшіеся ему, при разсчетѣ съ односельцами крестьянами, отъ купеческаго сына Штейна, за общую работу. Эти крестьяне и Штейнъ подтвердили, что при разсчетѣ Егорову досталось дѣйствительно три атласныхъ билета по 5 рублей.

При разсмотрѣніи этого дѣла въ разныхъ инстанціяхъ заключенія были неодинаковыя. Одни судьи не встрѣчали сомнѣнія присудить подсудимаго за кражу, даже со взломомъ, по совокупности уликъ. Другіе разсуждали такимъ образомъ: обстоятельства дѣла не представляютъ совершенныхъ доказательствъ какъ относительно самаго совершенія преступленія, такъ и того, что оно совершено было Яковлевымъ. О совершеніи кражи Егоровъ объявилъ Земской Полиціи чрезъ два дня послѣ того, какъ она, по словамъ его, совершилась, но еще прежде сего объявленія, самъ приступилъ къ розыску во дворѣ Яковлева; всѣ обстоятельства, относящіяся къ сему розыску, основаны на безприсяжныхъ показаніяхъ его самого и дѣйствовавшихъ совокупно съ нимъ крестьянъ, слѣдовательно, за силою 1 п. 1097 и 1 п. 1198 ст. Уголовн. Зак. (по изд. 1842 г.), не могутъ почитаться доказанными. Показаніе Егорова о взломѣ на дворѣ его, о слѣдѣ по направленію къ деревнѣ Жаворонкамъ, открытомъ будто бы имъ самимъ, и о разломанномъ сундукѣ, найденномъ имъ по тойже дорогѣ поутру въ день покражи, не имѣетъ само по себѣ никакой силы, ибо не было совершенно приведено въ достовѣрность посредствомъ мѣстнаго осмотра, такъ что въ настоящее время не представляется возможности обнаружить даже вещественные слѣды преступленія, неоткрытые при началѣ дѣла. Бѣдное состояніе Яковлева, замѣченное до покупки новаго сруба, прежніе недостатки его, незаплаченный долгъ содержателю извощичьяго двора въ Москвѣ—могли бы быть приняты въ соображеніе и способствовать къ объясненію побудительной причины преступленія въ такомъ только случаѣ, еслибъ самое преступленіе было доказано законными уликами. Отвѣтъ Яковлева крестьянамъ, производившимъ въ домѣ его обыскъ, что у него только два пятирублевые билета, тогдакакъ по обыску оказалось противное, по дѣлу не доказанъ, ибо по сему предмету имѣется одно только свидѣтельство истца Егорова и безприсяжныя показанія крестьянъ, про-

производившихъ вмѣстѣ съ нимъ обыскъ. Изслѣдованіе о способахъ пріобрѣтенія Яковлевымъ найденныхъ у него денегъ, не представляетъ новыхъ доказательствъ того, что деньги сіи были имъ украдены и безприсяжное показаніе двухъ крестьянъ въ незначительности торговли скотомъ, которую производилъ Яковлевъ, не служитъ еще доказательствомъ того, что найденныя у него деньги не могли быть пріобрѣтены имъ посредствомъ промысловъ во время отлучекъ изъ деревни, и не могли быть скрываемы имъ по возвращеніи на мѣсто жительства. Затѣмъ, главными основаніями къ обвиненію Яковлева приводятся слѣдующія обстоятельства: во 1-хъ, большая часть найденныхъ у него денегъ была спрятана въ заборѣ сосѣдняго дома, и этимъ обстоятельствомъ, котораго не отвергаетъ самъ подсудимый, дѣйствительно возбуждается предположеніе о незаконномъ или преступномъ способѣ пріобрѣтенія денегъ; во 2-хъ, изъ числа представленныхъ Егоровымъ въ полицію бумажныхъ денегъ оказалось нѣсколько кредитныхъ билетовъ съ особыми примѣтами, и крестьяне, производившіе вмѣстѣ съ Егоровымъ работу у Штейна, показали, что, при разсчетѣ съ наемщикомъ, на долю Егорова достались билеты съ подобными же примѣтами. Но и это показаніе не служитъ еще противу Яковлева совершенною уликою въ кражѣ, какъ потому, что оно дано безъ присяги, такъ и по неопредѣлительности примѣтъ на билетахъ, въ особенности же потому, что всѣ отобранныя у Яковлева деньги, до представленія ихъ въ полицію, находились въ рукахъ самого истца Егорова. По этимъ соображеніямъ, эти судьи полагали оставить Яковлева только въ подозрѣніи, такъ какъ всѣ приведенныя обстоятельства, взятыя въ отдѣльности, не представляютъ ни одного совершеннаго доказательства, которое исключало бы возможность невинности подсудимаго, а взятыя вмѣстѣ не представляютъ совокупности уликъ, которыя исключали бы возможность недоумѣвать о винѣ его. Это мнѣніе не получило силы; и рѣшительнымъ приговоромъ подсудимый признанъ виновнымъ и присужденъ къ наказанію розгами съ заключеніемъ въ рабочій домъ, а потомъ со ссылкою, и къ возвращенію похищеннаго. Яковлеву удалось въ послѣдствіи изъ ссылки достигнуть обращенія дѣла къ пересмотру. Дѣло доходило до разсмотрѣнія высшаго органа судебной власти,—Государственнаго Совѣта, которымъ жалоба осужденнаго рѣшительно отвергнута. При

этомъ были приняты, между прочимъ, слѣдующія соображенія: всѣ мѣста и лица, разсматривавшія дѣло, или признавали Яковлева вполнѣ изобличеннымъ въ преступленіи, или навлекающимъ на себя въ томъ подозрѣніе, или наконецъ не подлежащимъ наказанію единственно лишь по недостатку доказательства его вины, но никто не признавалъ его въ совершеніи кражи невиннымъ. Мнѣнія, не присуждавшія Яковлева къ наказанію, основаны на томъ общемъ правилѣ нашего законодательства, что лучше освободить отъ наказанія десять виновныхъ, нежели приговорить одного невиннаго. Но этимъ правиломъ, какъ выражено въ самомъ законѣ, слѣдуетъ руководствоваться только въ тѣхъ случаяхъ, когда доказательства недостаточны для совершенной достовѣрности въ винѣ подсудимаго; примѣнять же оное безъ особенной строгой разборчивости, значило бы употреблять его во зло и поступать противно справедливости и общественной пользѣ, требующихъ, съ одной стороны, чтобы невинный остался въ полной неприкосновенности, а съ другой, чтобы виновный понесъ наказаніе въ заслуженной имъ мѣрѣ. Въ дѣлѣ главную улику противъ Яковлева составляетъ обыскъ, произведенный въ домѣ его истцемъ Егоровымъ. Обыскъ этотъ не можетъ быть названъ противозаконнымъ, ибо къ оному, кромѣ понятыхъ, былъ приглашенъ ближайшій начальникъ Егорова, волостный его староста, который, за отсутствіемъ земской полиціи, имѣлъ полное на то право (Св. Зак. т. XII, Учр. Каз. Сел. примѣч. къ 1 пун. прилож. къ 542 ст., и Св. Зак. Угол, т. XV, ст. 1680 по VI Прод.), а признавши законность обыска, нельзя опровергать и послѣдствій онаго; посему не могутъ быть подвергнуты сомнѣнію ни отвѣтъ Яковлева Егорову, что у него денегъ только 10 р., тогда какъ при обыскѣ найдено у него 152 р., ни удостовѣреніе производившихъ обыскъ, что Яковлевъ сохранялъ свои деньги подъ постелью, въ навозѣ и въ заборѣ сосѣдняго дома; впрочемъ, сего послѣдняго обстоятельства не отрицаетъ и самъ подсудимый. Затѣмъ, къ числу уликъ подсудимаго слѣдуетъ отнести: 1) покупку имъ на другой день послѣ кражи, у крестьянина Игнатьева, новаго сруба для дома за 132 р. асс., при чемъ Яковлевъ не объяснилъ положительно, откуда пріобрѣтены имъ эти деньги, и 2) опознаніе Егоровымъ, въ числѣ найденныхъ при обыскѣ и представленныхъ Игнатьевымъ денегъ, биле-

та въ 25 руб. сер. съ тремя дырочками и 3 билетовъ по 5 руб. сер., такъ называемыхъ атласныхъ, изъ коихъ послѣднiе получены Егоровымъ отъ Штейна. Какъ исчисленныя здѣсь, такъ и другiя, заключающiяся въ дѣлѣ, улики, противъ которыхъ Яковлевъ не представилъ достаточныхъ опроверженiй, взятыя въ отдѣльности, не составляютъ требуемаго закономъ совершеннаго доказательства; но совокупность сихъ уликъ приводитъ *къ полному нравственному убѣжденiю* въ виновности Яковлева; *а это убѣжденiе*, исключая возможность сомнѣваться въ винѣ подсудимаго, *и составляетъ то условiе, которое постановлено закономъ* (т. XV, ст. 1170) *для признанiя доказательства достаточнымъ*.

12-я книжка Журнала М. Ю. какъ нельзя лучше заканчиваетъ минувшiй годъ этого изданiя. Почти всѣ статьи ея отвѣчаютъ на живые и интересные вопросы. Г. Нестржецкiй помѣстилъ здѣсь любопытную замѣтку, разъясняющую важный практическiй вопросъ о правилѣ Литовскаго Статута относительно вдовьей части въ наслѣдствѣ послѣ супруга. Эта замѣтка разъясняетъ исторически и критически смыслъ 5 п. 1157 ст. Зак. Гражд., о значенiи которой до сихъ поръ было разногласiе въ практикѣ. Статья г. Мамантова «о мѣрахъ пресѣченiя обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствiя и суда», возбужденная статьею г. Ланге по тому же предмету, которая была помѣщена въ третьей книгѣ «Архива» за 1859 годъ, прибавляетъ еще данныя для оцѣнки этого важнаго вопроса. Въ судебной практикѣ помѣщены замѣчательное мнѣнiе Государственнаго Совѣта по извѣстному дѣлу о завѣщанiи Льва Измайлова, возбудившему нѣсколько любопытнѣйшихъ юридическихъ вопросовъ, и изложенiе уголовнаго дѣла о убiйствѣ Дудникова, дѣла, которое тоже, въ свое время, огласилось между практическими юристами и возбуждало немало толковъ. Желательно было бы, чтобы редакцiя Ж. М. Ю. сообщила своимъ читателямъ и другiе процессы, которые получили извѣстность въ обществѣ и любопытны по фактическому или юридическому содержанiю, напр. дѣло Якубинскаго, Симонъ Деманшъ, Чернова и т. под. Въ приложенiи къ этой книжкѣ помѣщенъ переводъ устава французскаго уголовнаго судопроизводства: это уже второе приложенiе, которое редакцiя предлагаетъ читателямъ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что многочисленные подписчики на Ж. М. Ю. не

сѣтовали на него въ истекшемъ году и, вмѣстѣ съ нами, желаютъ, чтобы въ слѣдующемъ году онъ еще болѣе оправдалъ успѣхъ свой распространеніемъ въ обществѣ здравыхъ юридическихъ понятій и практическаго вѣдѣнія. Это необходимо для насъ именно въ настоящую минуту, когда во всѣхъ кругахъ нашего общества поднялись вопросы величайшей практической важности. Почти всѣ эти вопросы заключаютъ въ себѣ болѣе или менѣе значительную долю элемента юридическаго; а точки разсужденія объ иныхъ вопросахъ обнаруживаютъ нерѣдко самый жалкій недостатокъ основныхъ юридическихъ свѣдѣній. Если не ошибаемся, намъ предстоитъ опасность, изъ одной крайности воззрѣнія на юридическіе вопросы перейти въ другую крайность, едва ли еще не болѣе вредную,—отъ юридическаго педантизма, не такъ еще давно господствовавшаго въ литературѣ, перейти въ юридическій дилеттантизмъ. Первый могъ еще принесть относительную пользу въ изученіи права, служить къ подготовкѣ матеріала для послѣдующихъ работъ живой мысли. Послѣдній, кажется намъ, не принесетъ ничего кромѣ вреда, кромѣ соблазна и смѣшенія понятій въ умахъ, недостаточно созрѣвшихъ для того, чтобы отличить сразу ложь отъ истины. Въ образецъ подобнаго дилеттантизма можно указать на статью: «что такое право?», напечатанную въ 11 книжкѣ Современника за прошлый годъ. Достаточно сказать, что основный тонъ этой статьи—презрѣніе ко всѣмъ результатамъ, добытымъ до сихъ поръ юридическою наукой, ко всѣмъ ея авторитетамъ, на которыхъ воспитывалось до сихъ поръ юридическое вѣдѣніе, презрѣніе ко всему, что носило имя науки права, презрѣніе къ тому, что наука и, въ слѣдъ за нею практика, называла до сихъ поръ правомъ и правдою. Въ этой правдѣ мы полагали до сихъ поръ самую вѣрную и опредѣлительную опору общественнаго блага. Напрасно! намъ говорятъ: *nous avons changé tout cela*! и вмѣсто опредѣленной идеи, коренящейся въ существѣ духовной природы человѣка, указываютъ намъ на какое-то безличное божество, называя его *благосостояніемъ націи*. Знаемъ! знаемъ! Божество это не новое. Мы и прежде видали его въ исторіи; мы знаемъ, какъ другіе дилеттанты воздвигали ему жертвенники и какъ горько потомъ обманывались, когда узнавали въ божествѣ своемъ пустаго и бездушнаго идола...

Введеніе къ изученію россійскихъ законовъ, ***И. Пискарева,*** *старшаго учителя въ 1-й с.-петербургской гимназіи. Санктпетербургъ, въ т. Якова Трея, 1860 г., 8°, 104 стр.*

Книга г. Пискарева появилась въ концѣ прошедшаго года. Она обращаетъ на себя особенное вниманіе не по своимъ достоинствамъ, а главнымъ образомъ по своимъ недостаткамъ. По тому назначенію, какое предполагаетъ дать ей авторъ, она требуетъ нѣсколько болѣе подробнаго разсмотрѣнія, нежели дѣйствительно заслуживаетъ по внутреннему содержанію. Мы съ большимъ вниманіемъ прочли ее и представляемъ теперь результатъ этого чтенія.

Первый вопросъ, который прежде всего долженъ быть разрѣшенъ, заключается въ томъ, какое назначеніе книги г. Пискарева, для кого она написана, съ какою цѣлью? Самъ авторъ не сказалъ этого, къ своему сочиненію онъ не предпослалъ никакого предисловія, предполагая, что дѣло совершенно ясное, скажетъ само за себя. Оказывается, что, напротивъ, нужно цѣль и назначеніе книги г. Пискарева отгадывать.

Прочитавъ «Введеніе къ изученію россійскихъ законовъ», каждый, безъ сомнѣнія, убѣдится въ томъ, что авторъ вовсе не имѣлъ намѣренія дать какое-либо самостоятельное изслѣдованіе въ области права, сказать что-либо новое, представить новый взглядъ; онъ имѣлъ, конечно, цѣлью составить только компиляцію и эту компиляцію превратить въ руководство для начинающихъ изучать законовѣдѣніе русское. Такимъ образомъ, мы и будемъ смотрѣть на книгу г. Пискарева какъ на компиляцію, на руководство, на учебникъ. Для кого же написанъ этотъ учебникъ? Что онъ написанъ не для слушающихъ законовѣдѣніе въ университетахъ и другихъ высшихъ заведеніяхъ—это ясно какъ день: первый отдѣлъ книги (всего 17 страницъ) представляетъ общія понятія о правѣ, законахъ и законовѣдѣніи и, слѣдовательно, для студентовъ такія общія понятія не могутъ имѣть никакого значенія, какъ для изучающихъ спеціально, въ обширныхъ размѣрахъ, и пропедевтику и энциклопедію законовѣдѣнія; равнымъ образомъ, не нужно для нихъ

и остальное содержаніе книги, потому-что они также въ подробности слушаютъ внѣшнюю исторію русскаго законодательства и русскаго права, а также и положительные, нынѣ дѣйствующіе законы; развѣ примѣчанія только въ концѣ книги г. Пискарева могутъ пригодиться имъ для справокъ, если не случится подъ рукою ничего лучшаго. И потому приходится остановиться на той мысли, что «Введеніе къ изученію россійскихъ законовъ» предназначено авторомъ для руководства изучающимъ законовѣдѣніе въ гимназіяхъ, тѣмъ-болѣе, что онъ самъ—какъ значится на титулѣ книги—преподаватель законовѣдѣнія въ первой петербургской гимназіи. Не сомнѣваясь въ вѣрности сдѣланнаго нами предположенія, мы смѣло можемъ заявить, что мысль автора была удачная, намѣреніе, само по себѣ, прекрасное. И дѣйствительно, мы до сихъ поръ не имѣемъ еще удовлетворительнаго учебника законовѣдѣнія для нашихъ среднихъ заведеній, хотя эта наука и давно уже тамъ читается. Руководства г.г. Рождественскаго и Проскурякова полезны какъ сокращеніе только постановленій, заключающихся въ Сводѣ Законовъ, безъ отношенія къ наукѣ права; очевидно, что такой перепечатки статей недостаточно для того, чтобы научиться русскому законовѣдѣнію. Въ особенности же въ настоящее время ощущается настоятельная потребность въ хорошемъ учебникѣ законовѣдѣнія. Какъ мы сей часъ сказали, законовѣдѣніе читается въ нашихъ гимназіяхъ уже давно; но до сихъ поръ преподаваніе его шло и идетъ вяло и неудовлетворительно, отчасти, быть можетъ, потому, что не установились еще твердыя понятія, въ чемъ должно заключаться преподаваніе въ гимназіяхъ этой науки, отчасти за недостаткомъ вполнѣ способныхъ преподавателей. Это, кажется, и было причиной раздвоенія мнѣній относительно существованія въ гимназическомъ курсѣ законовѣдѣнія: одни считали его совершенно излишнимъ, другіе же, напротивъ, существенно необходимымъ. Внѣшній фактъ—неудовлетворительность преподаванія, одни принимали за доказательство ненужности законовѣдѣнія въ гимназическомъ курсѣ; другіе, сознавая необходимость и важность этой науки для общаго образованія, всю вину приписывали неудовлетворительности преподаванія, которое зависитъ въ одинаковой мѣрѣ и отъ недостатка хорошихъ руководствъ и отъ недостатка преподавателей, а частію и отъ ра-

мокъ программы. Безъ сомнѣнія, за справедливое должно принять это послѣднее мнѣніе, и это мнѣніе беретъ видимый перевѣсъ и на практикѣ: въ послѣднее время, при обсужденіи новаго Проекта устава для среднихъ учебныхъ заведеній, въ нѣкоторыхъ округахъ большинство было за удержаніе законовѣдѣнія, но съ тѣмъ, что способъ преподаванія, до сихъ поръ существовавшій, долженъ быть измѣненъ, что вовсе недостаточно одного сухаго перечисленія постановленій законодательства (какъ видимъ это, напримѣръ, въ руководствахъ г. г. Рождественскаго и Проскурякова), что нужно внести въ преподаваніе жизнь, нужны, однимъ словомъ, общія начала права. Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ о необходимости, методѣ и предѣлахъ преподаванія законовѣдѣнія въ гимназіяхъ нельзя не согласиться. Потому, если преподаваніе этой науки должно остаться въ гимназіяхъ, ясно, что теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, намъ нужны хорошіе учебники. Повторяемъ, смотря на предметъ съ этой точки зрѣнія, должно отдать г. Пискареву справедливость за его совершенно благое намѣреніе По что касается исполненія такого намѣренія—это другое дѣло: настоящій разборъ самой книги покажетъ читателямъ, какъ мало удовлетворяетъ она своему назначенію.

Полагаемъ, что мы вѣрно опредѣлили цѣль изданія книги г. Пискарева. Опредѣленіе же этой цѣли весьма важно въ томъ отношеніи, что иначе легко впасть въ ошибки и быть несправедливымъ къ автору, треб. я отъ него того, чего онъ и не думалъ дать. Такъ, если бы мы стали смотрѣть на книгу г. Пискарева какъ на ученое, спеціальное сочиненіе, написанное для всей русской публики, мы были бы неправы къ автору: мы обязаны были бы дать слишкомъ строгій, слишкомъ нелестный отзывъ объ его трудѣ. При такой точкѣ зрѣнія, вся книга не выдержала бы и самой легкой критики: мы не задумываясь, напрямикъ сказали бы, что намъ совершенно не нужны такія книги, какъ книга г. Пискарева, что такія книги совершенно безполезны для насъ; мы бы назвали ее даже не болѣе, какъ спекуляціею, аферою. Не смотря на молодость нашей юридической литературы, она все-таки стоитъ уже такъ высоко, что для нее было бы оскорбительно принять въ свою среду такую мелкую и пустую компиляцію, послѣ тѣхъ серьезныхъ, дѣльныхъ и достойныхъ уваженія изслѣдованій по отдѣль-

нымъ частямъ права, въ особенности же по части исторіи русскаго права, какія имѣются у насъ. Но мы хотѣли быть и справедливыми и снисходительными къ автору, признавая его компиляцію за учебникъ, предназначенный для среднихъ заведеній. Между самостоятельнымъ изслѣдованіемъ и компиляціею-учебникомъ—разстояніе громадное: ихъ и сравнивать нельзя.

Къ сожалѣнію, при всей нашей снисходительности къ книгѣ г. Пискарева, мы вынуждены осудить ее какъ за внѣшнее, небрежное до крайности, изложеніе, такъ и за неполноту съ одной стороны, за излишнія подробности съ другой, и, наконецъ, за ошибки, нерѣдко грубыя, въ самомъ внутреннемъ ея содержаніи. Книга г. Пискарева не годится и какъ учебникъ; она далеко неудовлетворительна. Благое намѣреніе автора принести своей книгой пользу учащемуся юношеству—на дѣлѣ имъ не исполнено. Авторъ вообразилъ, что составить компиляцію изъ разныхъ книгъ, безъ общей мысли, безъ строгой внутренней системы и притомъ въ какой угодно формѣ и какимъ угодно языкомъ—значитъ написать руководство, а заставить по нему учиться—значитъ выучить, приготовить учениковъ къ дальнѣйшему серьезному и основательному изученію науки права. Авторъ не взвѣсилъ и не понялъ значенія учебника и всей важности той отвѣтственности, какая падаетъ на составителя руководительной книги для юношества.

Г. Пискаревъ раздѣлилъ свое «Введеніе» на три части: 1) Общія понятія о правѣ, законахъ и законовѣдѣніи; 2) Очеркъ внѣшней исторіи русскаго законодательства, и 3) Обозрѣніе источниковъ для познанія нынѣ дѣйствующихъ въ Россіи законовъ, съ историческими свѣдѣніями. Съ такимъ раздѣленіемъ, пожалуй, можно еще согласиться.

Первый отдѣлъ—теоретическій, долженъ былъ, безъ сомнѣнія, составить главное содержаніе книги. Здѣсь автору слѣдовало изложить для учащихся, со всевозможною точностію и полнотою, общія теоретическія понятія о наукѣ законовѣдѣнія и отдѣльныхъ ея частяхъ, но безъ всякихъ излишнихъ разсужденій и фразъ, которыя не только не подвигаютъ дѣла впередъ, а напротивъ отодвигаютъ его назадъ, сбиваютъ учениковъ, напрасно отягощаютъ ихъ память. Въ руководствѣ должно быть все ясно и одинаково важно.

Наконецъ, изложеніе должно быть точное и обработанное. Въ последнемъ отношеніи въ особенности погрѣшилъ авторъ: на этотъ недостатокъ намъ не разъ прійдется указать; а здѣсь замѣтимъ предварительно только то, что авторъ не потрудился даже вникнуть, какъ слѣдуетъ, въ смыслъ самаго заглавія изданной имъ книги: что̀ значитъ—*введеніе къ изученію?*

Общей части, самой важной, авторъ посвятилъ всего 17 страницъ. Конечно, дѣло не въ объемѣ; но очевидно, что на 17 страницахъ не только трудно, но и физически невозможно, даже въ самомъ сжатомъ и краткомъ очеркѣ, изложить систему права. Изложеніе, какъ слѣдуетъ ожидать отъ всякаго руководства, должно быть въ высшей степени послѣдовательно, какъ всякій логическій выводъ; одна мысль должна естественно и непремѣнно вытекать изъ другой; ничто не должно предполагаться. Совершенно нельзя сказать этого о трудѣ г. Пискарева: его изложеніе отрывочно, часто непослѣдовательно и сбивчиво, изучающій не въ состояніи будетъ уяснить себѣ—какимъ образомъ получаются тѣ или другіе выводы, откуда вытекаетъ то или другое положеніе, какъ непремѣнное правило. И неудивительно, впрочемъ, что существуютъ въ книгѣ г. Пискарева такіе существенные недостатки: его книга не есть плодъ размышленія и выводъ изъ всего прочитаннаго и изученнаго имъ самимъ, а такъ сказать, неоконченная мозаическая работа изъ разнородныхъ сочиненій и статей, часто несходныхъ ни по изложенію, ни по духу, ни по цѣли. Авторъ былъ такъ добросовѣстенъ, что не скрылъ отъ насъ и самаго процесса составленія книги: по сдѣланнымъ имъ въ концѣ книги указаніямъ въ примѣчаніяхъ легко прослѣдить этотъ процессъ. Такъ, г. Пискаревъ прежде всего говоритъ о томъ, что̀ такое право, объ органахъ, участвующихъ въ образованіи права, о положительномъ характерѣ права и объ отношеніи между правомъ и нравственностію. И по сдѣланному имъ указанію, вы сейчасъ можете видѣть, что отдѣлъ заимствованъ имъ изъ статьи г. Ренненкампфа: «О правѣ и нравственности въ ихъ взаимномъ отношеніи», помѣщенной въ Архивѣ (см. кн. III за 1859 г.). Но авторъ не принялъ во вниманіе, что то, что̀ хорошо и достаточно для журнальной статьи, не годится для руководства; что тотъ языкъ, который хорошъ для такой статьи, не годится для учебника—онъ не понятенъ для учени-

новъ среднихъ заведеній. И, притомъ, авторъ въ этомъ отдѣлѣ ни слова не сказалъ о различныхъ ступеняхъ человѣческаго общежитія, между тѣмъ какъ въ послѣдующемъ отдѣлѣ говоритъ о значеніи законовъ въ государственномъ союзѣ. Не естественъ-ли со стороны изучающихъ, по книгѣ г. Пискарева, право вопросъ: что же такое государственный союзъ; есть, значитъ, другіе союзы и какіе же это союзы? Что такіе вопросы должны возникать между учениками, это ясно изъ того, что законовѣдѣніе преподается въ высшихъ классахъ гимназій и, слѣдовательно, изучающіе эту науку не могутъ довольствоваться простымъ только заучиваніемъ предлагаемаго имъ учебника. Между тѣмъ подобныхъ пропусковъ въ книгѣ г. Пискарева весьма много, гораздо болѣе, нежели сколько можно ожидать. Сбивчивость же понятій и опредѣленій, неточность въ выраженіяхъ—вы встрѣчаете на каждомъ шагу. Говоря, напримѣръ, объ источникахъ права, авторъ такъ опредѣляетъ законы положительные: «Положительные законы суть прямыя (?) и непосредственныя (?) предписанія верховной государственной власти, издаваемыя въ разрѣшеніе встрѣчающихся случаевъ, въ видѣ отдѣльныхъ постановленій. По мѣрѣ умноженія отдѣльныхъ узаконеній, они приводятся, для удобства исполненія, къ единству посредствомъ *Сводовъ* и *Уложеній*, и такимъ образомъ получается (?) болѣе или менѣе полная, ясная и правильная система права (?)». Такое опредѣленіе оставитъ въ памяти изучающихъ право не только блѣдное и смутное, но и невѣрное опредѣленіе. Укажемъ автору на наше Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и спросимъ его: развѣ оно сложилось изъ отдѣльныхъ *прямыхъ* и *непосредственныхъ* предписаній верховной власти, изданныхъ для разрѣшенія встрѣчавшихся въ жизни случаевъ? Вовсе нѣтъ: сравнивая Уложеніе съ XV т. Свода Законовъ изд. 1842 г. ясно видно, что большая часть постановленій составлены вновь, а не вслѣдствіе возникавшихъ случаевъ. А если ученики г. Пискарева любознательны, то они захотятъ уяснить себѣ и различіе между Сводомъ и Уложеніемъ; но, къ сожалѣнію, это разъясненіе они найдутъ только въ примѣчаніи, гдѣ прочтутъ, что «Сводъ отличается отъ Уложенія тѣмъ только, что въ Сводѣ законы дѣйствующіе излагаются безъ всякихъ поясненій, дополненій и вообще исправленій; въ Уложеніи напротивъ — не иначе, какъ въ видѣ исправленномъ».

Неужели такого объясненія, по мнѣнію автора, совершенно достаточно?—Читайте далѣе рубрику о раздѣленіи законовъ на ихъ главные роды и виды, и вы невольно, съ грустью и досадой, отвернетесь отъ книги г. Пискарева и пожалѣете, что кому-нибудь прійдется учиться по такой книгѣ, но не научиться! Авторъ самъ, какъ видно изъ его изложенія, не уяснилъ еще себѣ этотъ предметъ и, не смотря на то, не затруднился принять на себя нечатно роль наставника, учителя. Намъ совѣстно за автора и обидно за науку права. Въ доказательство, что мы судимъ не пристрастно, укажемъ, что говоритъ авторъ о раздѣленіи законовъ гражданскихъ. «Законы гражданскіе опредѣлительные опредѣляютъ существо союза гражданскаго и правъ, отъ него происходящихъ. Лица, изъ которыхъ слагается государство, будучи разсматриваемы, какъ отдѣльныя лица, въ ихъ взаимномъ отношеніи другъ къ другу, составляютъ *союзъ гражданскій* (?). Онъ есть или *союзъ семейственный*, въ связи съ которымъ находится и *союзъ родовый* (?!), или *союзъ по имуществамъ* (!!). Такимъ образомъ права гражданскія суть или права семейственныя, куда относятся также права родственныя, или *права въ имуществахъ* (!). Права послѣдняго рода могутъ быть разсматриваемы или вообще, или въ особенномъ приложеніи ихъ къ различнымъ предметамъ гражданской жизни, какъ то: къ разнымъ вѣтвямъ промышленности, наукамъ, искусствамъ и т. п.».—Къ этимъ словамъ автора, кажется, нечего прибавлять: они говорятъ сами за себя; что же касается до учениковъ г. Пискарева, то навѣрное можно сказать, что они ни въ какомъ случаѣ не поймутъ такого опредѣленія гражданскихъ законовъ и, разумѣется, не будутъ знать его.

Прочтите, далѣе, отдѣлъ «о законовѣдѣніи въ общемъ его составѣ», и предъ вами вполнѣ раскроется и неопредѣленность понятій, и сбивчивость опредѣленій, и неточность выраженій; многаго нѣтъ, а изъ немногаго, существующаго въ книгѣ, многое лишнее. «Законовѣдѣніемъ называется вообще совокупность свѣдѣній о законахъ»,—говоритъ авторъ. Это опредѣленіе и дѣтское, и вмѣстѣ съ тѣмъ невѣрное. Невѣрно оно потому, что законовѣдѣніе не занимается исключительно законами, свѣдѣнія о законахъ не составляютъ всего содержанія законовѣдѣнія. Ученіе объ обществѣ, о государствѣ, о развитіи науки права, объ изученіи права, о раз-

личныхъ методахъ и т. п., развѣ все это свѣдѣнія о законахъ, или же все это не касается законовѣдѣнія? Впрочемъ, самъ авторъ, сознавая, вѣроятно, недостаточность этого опредѣленія, даетъ другое: «представленное въ систематическомъ видѣ законовѣдѣніе есть полное, основательное и въ порядкѣ расположенное ученіе о всѣхъ существующихъ въ извѣстномъ государствѣ законахъ». —Не говоря уже о логической формѣ этого опредѣленія, оно не вѣрно, во первыхъ, по той же самой причинѣ, какъ и первое, и, потомъ, почему именно ученіе *о всѣхъ* (?) *существующихъ* (?) *въ извѣстномъ государствѣ* (?) *законахъ?* Возьмемъ, для примѣра, русское законодательство, Сводъ Законовъ. Неужели непремѣнно всѣ статьи Свода должны войти въ ученіе? тогда какъ тамъ найдется многое множество такихъ статей, которыя вовсе не представляютъ интереса для изученія. И почему только существующіе въ Сводѣ, безъ историческаго хода ихъ развитія? И почему только извѣстнаго государства законы составляютъ законовѣдѣніе? Сравнительное изученіе законодательствъ, значитъ, не будетъ уже законовѣдѣніемъ? И сколько другихъ вопросовъ порождаетъ сдѣланное г. Пискаревымъ опредѣленіе законовѣдѣнія. Авторъ, какъ-будто, думаетъ такъ, что законовѣдѣніе уже непремѣнно ученіе только о законахъ. Самъ же авторъ слово законовѣдѣніе перевелъ латинскимъ—jurisprudentia: и если это латинское слово перевести по-русски правовѣдѣніемъ или наукою права (что гораздо точнѣе даже), то и тогда правовѣдѣніе или наука права будетъ тоже ученіемъ о всѣхъ существующихъ въ извѣстномъ государствѣ законахъ? Конечно, авторъ согласится вмѣстѣ съ нами сказать, что нѣтъ, это не такъ. По опредѣленію г. Пискарева руководства гг. Рождественскаго и Проскурякова составили бы законовѣдѣніе, съ чѣмъ нельзя уже ни подъ какимъ видомъ согласиться. По вѣрности и логичности, опредѣленіе законовѣдѣнія г. Пискарева удобно сравнить съ опредѣленіемъ исторіи г. Кайданова въ его руководствѣ («исторія есть описаніе происшествій, случившихся въ свѣтѣ и касающихся до людей или вообще до рода человѣческаго»).

Позаимствовавъ у проф. Неволина свѣдѣнія о необходимости законовѣдѣнія, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію составныхъ частей его; и здѣсь онъ представляетъ значительный запасъ такихъ опредѣленій, какъ и опредѣленіе законовѣдѣнія. Этотъ отдѣлъ

въ особенности богатъ ошибками, промахами и неточностями. Позволяемъ себѣ привести здѣсь нѣсколько выписокъ, для указанія какъ читателямъ, такъ и самому автору.

«По двоякой цѣли изученія законовъ,—говоритъ г. Пискаревъ,—законовѣдѣніе можетъ быть (?) раздѣлено на *теоретическое* и *практическое*. Теоретическое законовѣдѣніе состоитъ въ изложеніи общихъ началъ права; практическое—въ изложеніи тѣхъ правилъ, которыя служатъ руководствомъ въ примѣненіи общихъ началъ права къ случаямъ общественной жизни». Какъ послѣдователенъ авторъ въ своихъ мысляхъ, ясно видно уже изъ того, въ какомъ отношеніи находятся настоящія опредѣленія практическаго и теоретическаго законовѣдѣнія съ опредѣленіемъ его законовѣдѣнія вообще; послѣднее съ первыми не представляетъ никакой связи и составляетъ какъ-бы самостоятельное что-то, третій видъ законовѣдѣнія. Но не будемъ останавливаться на этихъ, непонятыхъ нами раздѣленіяхъ и опредѣленіяхъ.

«Теоретическое законовѣдѣніе, по различію законовъ, опредѣляющихъ и охраняющихъ существующія между нами отношенія, составляютъ:

1) *государственное право* (jus publicum), 2) *частное или гражданское право* (jus privatum), и 3) *народное право* (jus gentium)».

«*Государственное право* систематически излагаетъ отношенія верховной государственной власти (*) къ подданнымъ и отношенія подданныхъ къ верховной власти. Оно имѣетъ слѣдующіе виды: аа) *государственное право въ тѣсномъ смыслѣ*, бб) *военное право*, вв) *финансовое право*, гг) *полицейское право* и ее) *судебное право* (??) или *судопроизводство*».

«*Государственное право въ тѣсномъ смыслѣ* систематически излагаетъ отношенія верховной власти къ подданнымъ и участіе подданныхъ въ составѣ установленій и силъ правительственныхъ. Сюда принадлежатъ: законы основные, законы учредительные (?) и законы о состояніяхъ». Основные законы—терминъ, конечно, не понятный для начинающихъ изучать право; но авторъ не счелъ

(*) А что такое верховная власть въ государствѣ—объ этомъ авторъ умалчиваетъ въ своемъ сочиненіи, предполагая это лишнимъ знать учащимся, какъ и многое другое. Объясненіе значенія верховной власти повело бы, напр., къ объясненію различныхъ образовъ правленія.

нужнымъ распространяться и входить въ объясненіе его; тоже самое относится и къ термину—законы учредительные, какъ выражается авторъ.

«*Военное право* (jus militare) систематически излагаетъ военныя учрежденія. Сюда принадлежатъ законы военные». Не оригинально-ли такое объясненіе, ровно ничего не объясняющее, а только спутывающее учащихся. Куда принадлежатъ военные законы? къ военному праву? составляютъ часть военнаго права? въ изложеніе военныхъ учрежденій входитъ и изложеніе военныхъ законовъ, какъ составная часть? или изложеніе ихъ составляетъ нѣчто отдѣльное? Авторъ такъ сжато и неточно пишетъ, что для того, чтобы сдѣлать его книгу понятною, пришлось бы написать комментаріи, въ трое большія по объему самаго сочиненія.

«*Финансовое право* (jus camerale) есть систематическое изложеніе положительныхъ (?) законовъ о финансахъ (?) даннаго (?) государства, то есть, о доходахъ, источникахъ ихъ и о расходахъ государственныхъ. Сюда принадлежатъ: законы о повинностяхъ и законы казеннаго управленія». Какъ понятно для учащихся выраженіе—законы казеннаго управленія! И почему опять въ финансовое право входятъ только положительные законы даннаго государства: если эти законы систематически расположены уже и обработаны въ законодательствѣ, то и все финансовое право будетъ состоять въ изученіи ихъ только. Но послѣдуемъ далѣе за авторомъ въ его изложеніи.

«*Полицейское право* (jus politiae) систематически излагаетъ положительные законы о предметахъ полиціи опредѣленнаго государства. Предметы эти суть: безопасность лицъ и имуществъ и благосостояніе народа какъ матеріальное, такъ и духовно-нравственное. Посему къ составу полицейскаго права относятся не только законы полиціи или благочинія въ собственномъ смыслѣ, но также законы государственнаго благоустройства или экономіи». За нѣсколько страницъ предъ симъ авторъ говорилъ, что законы благочинія, иначе называемые полицейскими, опредѣляютъ существо и образъ дѣйствія мѣръ, предпринимаемыхъ правительствомъ *для предупрежденія и пресѣченія нарушенія* установленныхъ закономъ отношеній и порядка». Уже при сличеніи этихъ двухъ опредѣленій слушающіе г. Пискарева юноши или же изучающіе законовѣдѣніе по его книгѣ станутъ въ тупикъ и не будутъ въ состояніи

дать себѣ отчета о томъ, что же такое, въ самомъ дѣлѣ, полицейское право? Авторъ, какъ наставникъ, замѣтитъ имъ, что здѣсь слѣдуетъ помнить имъ 23 §, гдѣ говорится о государственномъ благоустройствѣ. Ученики вспомнятъ и скажутъ: такъ называются, по главной цѣли своей, *особенные законы объ имуществахъ* (законы о промышленности, торговлѣ, земледѣліи, кредитѣ и т. п.). Но и при этомъ они никакъ не поймутъ: откуда же въ область полицейскаго права вошло духовно-нравственное благосостояніе народа? или объ этомъ благосостояніи говорится также въ особенныхъ законахъ объ имуществахъ, иначе въ законахъ государственнаго благоустройства, или, напротивъ, въ законахъ благочинія, опредѣляющихъ мѣры для предупрежденія и пресѣченія нарушенія (мы выражаемся словами автора) установленныхъ закономъ отношеній и порядка? Учителю остается сказать: нѣтъ, и не оттуда и не отсюда, а откуда?—знать это не ваше дѣло.

«*Уголовное право* (jus criminale) есть систематическое изложеніе уголовныхъ законовъ даннаго государства». Какъ много говоритъ это опредѣленіе и какое ясное понятіе даетъ объ уголовномъ правѣ!

«*Судебное право* или *судопроизводство* (Processrecht (*)) систематически излагаетъ дѣйствія суда и частныхъ лицъ, участвующихъ въ судѣ». А отъ чего же не положительные законы или судебные законы (какъ бы слѣдовало сказать языкомъ автора) даннаго государства излагаетъ такъ называемое (авторомъ) судебное право (**), какъ значится у автора въ опредѣленіяхъ другихъ правъ? Или судебное право не подходитъ подъ тѣ же опредѣленія, какъ другія права? Авторъ продолжаетъ: «Судъ имѣетъ два вида: гражданскій (видъ?) и уголовный; посему и судопроизводство раздѣляется на *гражданское* и *уголовное*. Первое составляетъ предметъ законовъ охранительныхъ гражданскихъ, второе—законовъ охранительныхъ

(*) Авторъ вездѣ употреблялъ латинскіе термины, а здѣсь, безъ видимой причины, поставилъ терминъ нѣмецкій. Ученики г. Пискарева могутъ подумать, что Римлянамъ не извѣстно было *судебное право*, что это позднѣйшее изобрѣтеніе, а потому въ латинскомъ языкѣ нѣтъ и соотвѣтственнаго термина.

(**) Во всей этой терминологіи авторъ, какъ удалось намъ убѣдиться, держался весьма близко чтеній покойнаго проф. П. Д. Калмыкова; оттуда же онъ заимствовалъ и нѣкоторые, указываемые нами, промахи.

государственныхъ». Хорошо еще, что авторъ, приводя здѣсь некстати раздѣленіе судопроизводства на гражданское и уголовное, догадался сдѣлать оговорку; а то ученики его, если только у нихъ развито логическое мышленіе, должны были бы и гражданское судопроизводство отнести непремѣнно къ государственному праву, тѣмъ болѣе, что авторъ о немъ уже вовсе не упоминаетъ при опредѣленіи гражданскаго права, какъ бы слѣдовало по законамъ логической послѣдовательности.

«*Частное гражданское право* (jus privatum) есть систематическое изложеніе положительныхъ законовъ даннаго государства о юридическихъ отношеніяхъ частныхъ лицъ въ отношеніи къ семейству и имуществу. Посему въ составъ его входятъ всѣ (?) законы о союзахъ (?) семейственныхъ и общіе законы объ имуществахъ». Такого страннаго и неточнаго опредѣленія гражданскаго права нельзя встрѣтить даже и въ старинныхъ нашихъ руководствахъ по этой части, не смотря на то, что автору и вздумалось вытащить на свѣтъ божій давнымъ-давно забытый и всѣми оставленный терминъ—*частное право*. Вмѣсто неточнаго и устарѣвшаго опредѣленія гражданскаго права, г. Пискаревъ могъ найти и въ нашей литературѣ опредѣленіе болѣе вѣрное и раціональное. Ему, безъ сомнѣнія, не безъизвѣстны были чтенія о гражданскомъ правѣ Д. И. Мейера, издаваемыя г. Вицынымъ. Здѣсь авторъ могъ почерпнуть (§ 1) весьма полезныя для своей книги свѣдѣнія и, между прочимъ, онъ убѣдился бы, что семейственное право не входитъ въ составъ гражданскаго права и что понятіе объ имущественныхъ отношеніяхъ не можетъ служить основаніемъ для *точнаго* опредѣленія гражданскаго права. Мейеръ совершенно вѣрно опредѣляетъ науку гражданскаго права *наукою объ имущественныхъ правахъ*.

Далѣе, авторъ говоритъ, что «*народное право* (jus gentium) есть систематическое изложеніе тѣхъ общепринятыхъ правилъ, коими руководствуются государства при взаимныхъ между собою сношеніяхъ во время войны и мира». Замѣтимъ, что терминъ—*народное право* также вышелъ изъ употребленія (какъ совершенно неточный) и что самое опредѣленіе не соотвѣтствуетъ понятію о немъ. И вотъ еще что нужно добавить: ранѣе (§ 23), говоря о составѣ государственныхъ законовъ, авторъ замѣтилъ, что кромѣ внутреннихъ государственныхъ законовъ, есть законы государственные внѣш-

ніе, къ коимъ принадлежатъ: *законы внѣшней полиціи и законы мира и войны*. Сдѣлавъ это замѣчаніе, авторъ обязанъ былъ объяснить и законы внѣшней полиціи, какъ онъ сдѣлалъ это относительно законовъ мира и войны. Но онъ этого не сдѣлалъ: такимъ образомъ законы внѣшней полиціи для изучающихъ законовѣдѣніе по его книгѣ будутъ законами невѣдомыми, Богъ-вѣсть что означающими. Невольно подумаешь, что авторъ какъ бы для шутки только упомянулъ о нихъ, но что на самомъ дѣлѣ такихъ законовъ вовсе не существуетъ. Входятъ-ли эти законы въ составъ народнаго права, какъ отдѣльная часть, или они сливаются съ законами мира и войны, или же, наконецъ, составляютъ особую, самостоятельную науку, независимую отъ народнаго права? Напрасно будутъ искать учащіеся отвѣтовъ на эти вопросы: въ книгѣ г. Пискарева ихъ нѣтъ. Напрасно также будутъ добиваться учащіеся уяснить себѣ, по книгѣ г. Пискарева, понятіе о *полиціи:* эта книга въ состояніи только сбить ихъ съ толку. И это естественно: авторъ, употребляя техническія выраженія, не заботился вовсе о томъ, чтобы соблюдать одинаковую терминологію; на одной страницѣ онъ употребляетъ одинъ терминъ, а на другой — другой терминъ, для выраженія одного и того же понятія. Вотъ эта-то шаткость, неопредѣленность и непослѣдовательность въ употребленіи терминовъ менѣе всего можетъ быть терпима въ руководительныхъ книгахъ для учащихся; это такая тертая истина, о которой и упоминать совѣстно.

Наконецъ, авторъ прибавляетъ, что «особенную вѣтвь законовѣдѣнія составляетъ *церковное право* (jus ecclesiasticum). Оно систематически излагаетъ юридическія отношенія церкви и лицъ, составляющихъ въ данномъ государствѣ церковное общество». Что такое разумѣетъ авторъ подъ церковнымъ обществомъ въ государствѣ, мы не беремся понимать; можетъ статься, счастливѣе насъ будутъ ученики г. Пискарева—поймутъ это изъ его изустныхъ объясненій.

Вотъ какого рода систему теоретическаго законовѣдѣнія и вотъ какого рода опредѣленія различныхъ его частей составилъ г. Пискаревъ и предлагаетъ для изученія русскому юношеству. Нельзя не желать, чтобы юношество осталось глухо къ его увѣщаніямъ и сохранило себя для изученія другой, болѣе вѣрной и полезной системы.

личается герменевтическая юриспруденція отъ искуства нотаріальнаго и маклерскаго, когда они занимаются одними и тѣми же предметами?

«*Искуство адвокатовъ* или *стряпчихъ* состоитъ въ защищеніи частныхъ лицъ предъ судомъ гражданскимъ, для доказательства права, или предъ судомъ уголовнымъ, для доказательства невинности подсудимаго или для смягченія вины обвиняемаго». Говоря объ этомъ видѣ юридической практики, автору слѣдовало бы нѣсколько подробнѣе сказать о значеніи адвокатовъ на западѣ и о значеніи стряпчихъ у насъ, показать какъ сходство, такъ и существенное различіе между тѣми и другими; а безъ этого ученики его непремѣнно будутъ имѣть ложное понятіе объ этомъ предметѣ.

«*Судебное дѣлопроизводство* заключаетъ въ себѣ правила, искуства, какъ должностному лицу управлять ходомъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ въ судѣ и внѣ суда, съ соблюденіемъ установленныхъ законами формъ. Главная сущность дѣлопроизводства въ судѣ состоитъ въ составленіи *докладныхъ записокъ*, *судебныхъ рѣшеній* и *постановленій*». Въ чемъ же внѣ суда?

«*Государственная внутренняя* или *административная практика* подраздѣляется на слѣдующіе виды: 1) на *канцелярское дѣлопроизводство* и *письмоводство* и 2) на *счетоводство*, *бухгалтерію* и *контроль*.—*Канцелярское дѣлопроизводство* и *письмоводство* есть искуство вести и излагать дѣла, относящіяся къ администраціи, съ соблюденіемъ установленныхъ законами формъ». Мы не знаемъ, какая существуетъ разница между канцелярскимъ дѣлопроизводствомъ и письмоводствомъ, да и самъ г. Пискаревъ не потрудился объяснить намъ, въ чемъ состоитъ между ними разница. Намъ трудно также понять, почему канцелярское дѣлопроизводство и письмоводство авторъ считаетъ принадлежностію только такихъ дѣлъ, которыя касаются администраціи. Это совершенная неправда: въ судебныхъ дѣлахъ какъ будто письмоводство и канцелярское дѣлопроизводство не существуютъ; напротивъ, канцелярское дѣлопроизводство есть принадлежность какой-угодно канцеляріи, чѣмъ бы она ни занималась. Мы не знаемъ также, чтобы легко можно было согласиться на допущеніе раздѣльности судебнаго дѣлопроизводства отъ канцелярскаго: они сливаются. Неужели, напримѣръ, составленіе докладныхъ записокъ, постановленій составляетъ принадлежность только

судебнаго дѣлопроизводства? Очевидно, нѣтъ. Притомъ должно еще замѣтить, что если бы авторъ былъ даже правъ въ своихъ опредѣленіяхъ, то и въ такомъ случаѣ, къ чему ведетъ такое раздѣленіе дѣлопроизводства на дробныя части; а еще болѣе—къ чему знать это начинающимъ изучать правовѣдѣніе? Развѣ для того только, чтобы поселить въ нихъ смѣшеніе всевозможныхъ понятій, отнимающее самостоятельную способность разумнаго мышленія и изученія, и замѣнить ихъ однимъ заучиваніемъ предмета напамять.

«*Счетоводство*, *бухгалтерія* и *контроль* есть искуство вести счеты и книги приходовъ и расходовъ, государственныхъ и общественныхъ, повѣрять и опредѣлять ихъ правильность на основаніи счетныхъ уставовъ». Изъ этого опредѣленія можно вывести, между прочимъ, и то заключеніе, что всѣ три науки занимаются однимъ и тѣмъ же, слѣдовательно составляютъ только одну науку, у которой существуетъ три названія.

«Изъ предложеннаго обозрѣнія,—заключаетъ авторъ,—наукъ теоретическаго и практическаго законовѣдѣнія видно, что число ихъ весьма значительно, и что каждая изъ нихъ имѣетъ особенный объемъ и характеръ». А мы, съ своей стороны, противъ этого скажемъ одно, что изъ представленнаго обзора совершенно ясно видно, что авторъ не опредѣлилъ настоящимъ образомъ ни одной изъ наукъ юридическихъ, не показалъ наглядно взаимной ихъ связи и отношеній, не далъ, однимъ словомъ, изучающимъ право такого обзора, который бы дѣйствительно могъ укорениться въ ихъ памяти, какъ обзоръ всецѣлый, систематическій. Какое, напримѣръ, отношеніе военнаго права къ другимъ юридическимъ наукамъ? Что общаго между ними и что особеннаго въ каждой вѣтви права? Или насколько церковное право относится къ гражданскому праву, къ праву уголовному, праву государственному? А между тѣмъ отношеніе во многихъ случаяхъ столь близкое, что они взаимно восполняются, нѣкоторыя части ихъ, почти въ одинаковой степени, составляютъ содержаніе той и другой изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, бракъ, отношенія родителей къ дѣтямъ и наоборотъ, союзъ родственный—все это такія части, которыя входятъ и въ область гражданскаго, и въ область церковнаго права. Точно также опека и попечительство составляютъ часть и гражданскаго, и церковнаго и государственнаго права, въ тѣсномъ его значеніи. Замѣтимъ далѣе, что дѣйстви-

тельно числу наукъ юридическихъ значительно, но не въ такой мѣрѣ, какъ думаетъ авторъ «Введенія къ изученію законовъ». Если г. Пискаревъ счетоводство, бухгалтерію, контроль относитъ къ области наукъ юридическихъ; то, конечно, можно найти множество и другихъ подобныхъ наукъ и *искуствъ* (авторъ самъ опредѣляетъ нѣкоторыя науки искуствами, какъ бы вовсе не желая видѣть существеннаго различія между наукою и искуствомъ). Но къ чему же поведетъ такое расширеніе круга юридическихъ наукъ? ровно ни къ чему. Авторъ здѣсь за основаніе принимаетъ единственно внѣшность, форму, а не сущность и содержаніе,—въ этомъ-то и заключается его ошибка. На такомъ ложномъ основаніи, будучи самъ себѣ послѣдователенъ, авторъ и математику могъ бы, пожалуй, причислить къ наукамъ юридическимъ, подъ тѣмъ напр. благовиднымъ предлогомъ, что математика необходима для учета векселей и для вычисленія процентовъ, слѣдовательно входитъ отчасти въ составъ вексельнаго права. Изъ представленныхъ нами примѣровъ, кажется, ясно видно, что автору неизвѣстенъ тотъ завѣтный кругъ, который крѣпко замыкаетъ собою область права и за чертою котораго начинаются уже владѣнія не права, а иныхъ отраслей знанія, и потому онъ отмежевалъ незаконно къ области права то, что вовсе къ ней не принадлежитъ. Съ другой стороны, открывая новыя науки юридическія (геврематическую юриспруденцію, бухгалтерію, счетоводство, контроль) и даже юридическія искуства (нотаріальное, маклерское, адвокатское), авторъ упустилъ изъ виду то, о чемъ дѣйствительно было бы полезно и даже нужно сказать, именно объ отношеніи юриспруденціи къ другимъ отраслямъ наукъ и о наукахъ вспомогательныхъ при изученіи науки права. Это дало бы ему возможность опредѣлить точно границы нашей науки. И тогда отъ него не ускользнули бы и исторія права, и философія права, и судебная медицина, и медицинская полиція и другія, о которыхъ онъ и не намекаетъ даже въ своей книгѣ. Конечно, неловко приписать это незнанію, а слѣдуетъ отнести къ невнимательности и небрежности, одинаково неизвинительныхъ для ученаго, рѣшившагося писать и даже написавшаго руководство.

Первый отдѣлъ своей книги авторъ оканчиваетъ нѣсколькими строками о способахъ изученія законовъ (практика, чтеніе зако-

новъ и сочиненій о нихъ и слушаніе изустныхъ наставленій о законахъ). Этотъ параграфъ взятъ изъ Энциклопедіи проф. Неволина. О методахъ же преподаванія не сказано ни слова.

Мы указали уже прежде на нѣкоторые пробѣлы въ теоретической части книги г. Пискарева; но этихъ пробѣловъ, какъ видно изъ представленнаго нами изложенія, несравненно болѣе. Такъ, напримѣръ, вы не найдете цѣлыхъ отдѣловъ и весьма важныхъ для изучающихъ: о лицахъ физическихъ и юридическихъ, о толкованіи законовъ, о собственности, пріобрѣтеніи и прекращеніи правъ, и проч. и проч. Конечно, авторъ, можетъ быть, вовсе не имѣлъ въ виду дать приготовляющимся къ изученію русскихъ законовъ полнаго обзора системы права; тѣмъ не менѣе, это нисколько не извиняетъ его. И притомъ, не лучше-ли было бы, если бы онъ, вмѣсто почти-безполезной главы о практическомъ законовѣдѣніи и вмѣсто исчисленія разнаго рода спеціальныхъ наукъ, обратилъ вниманіе на болѣе существенныя части права? Да и есть-ли физическая возможность на какихъ-нибудь 17 страничкахъ познакомить, хотя сколько нибудь сносно,—не говоримъ уже удовлетворительно,—съ предварительными теоретическими свѣдѣніями о наукѣ права? Ясно, что изъ книги автора нельзя не только пріобрѣсти надлежащихъ свѣдѣній о законовѣдѣніи, а напротивъ, нѣтъ даже и возможности понять и усвоить всего того, что въ ней написано. Изучившій эту часть книги г. Пискарева будетъ имѣть только самыя отрывочныя свѣдѣнія о законовѣдѣніи и, мало того, даже ложныя понятія. По искреннему убѣжденію говоримъ, что начинающимъ изучать законовѣдѣніе даже опасно предложить книгу г. Пискарева. Она не научитъ учениковъ, а только перепутаетъ ихъ понятія, такъ-что, при дальнѣйшемъ изученіи ими права, прійдется сначала разучивать ихъ и потомъ уже вновь начинать учить ab ovo, съ юридической азбуки. Не смѣя судить по изданной г. Пискаревымъ книгѣ о его юридическихъ познаніяхъ, тѣмъ не менѣе намъ становится какъ-то грустно, что именно тѣ самыя лица, которыя должны бы по опыту знать, какъ преподаватели, нужды и потребности учащихся, и не уясняютъ себѣ надлежащимъ образомъ цѣли преподаванія и нужныхъ для того руководительныхъ книгъ!

Теоретическая часть составляетъ весьма малую долю въ книгѣ

г. Пискарева, тогда какъ на нее-то и слѣдовало ему обратить все свое вниманіе. Для начинающихъ изучать законовѣдѣніе, общія понятія о наукѣ права дороже всего; авторъ же разсудилъ иначе: главное вниманіе его сосредоточено на внѣшней исторіи русскаго законодательства и на обозрѣніи источниковъ для познанія нынѣ дѣйствующихъ въ Россіи законовъ, съ историческими свѣдѣніями. Въ этихъ двухъ послѣднихъ отдѣлахъ ученики дѣйствительно могутъ кой-чему научиться, тѣмъ болѣе, что авторъ нѣсколько подробнѣе изложилъ послѣдній отдѣлъ. Но и при этомъ мы все-таки скажемъ, что книга г. Пискарева не можетъ служить руководствомъ.

Очеркъ внѣшней исторіи русскаго законодательства (стр. 17—26) вовсе не даетъ понятія о постепенномъ развитіи его; это не болѣе, какъ отрывочныя, не всегда вѣрныя и не въ одинаковой степени полныя, замѣтки; это вовсе не очеркъ, а какое-то, do nec plus ultra краткости доведенное библіографическое указаніе на памятники права, ихъ редакцію и составъ, безъ всякаго отношенія къ внутренней жизни народа; о вліяніи пра́ва на жизнь и жизни на пра́во авторъ не сказалъ ни слова. И здѣсь тотъ же канцелярскій языкъ, какъ и въ первомъ отдѣлѣ, тѣ же пропуски и промахи, та же отрывочность свѣдѣній, невѣрность въ опредѣленіяхъ, неточность въ терминахъ. Если бы г. Пискаревъ дѣйствительно хотѣлъ написать для учениковъ очеркъ историческій, онъ не сталъ бы обременять ихъ ненужными подробностями, а представилъ бы нѣчто логически-послѣдовательное и цѣлостное. Но развѣ могъ онъ сдѣлать это, когда, запасшись различными сочиненіями и статьями по части исторіи русскаго права, сталъ вырывать изъ нихъ мѣста, скрѣпляя ихъ, для видимой только связи, фразами, ничего незначащими, ничего невыражающими, неприбавляющими ни одной полезной іоты для существа дѣла.

Мы не можемъ не привести здѣсь опредѣленія авторомъ исторіи права. Вотъ оно: «Исторія законодательства заключаетъ въ себѣ повѣствованіе о происхожденіи и постепенномъ образованіи законовъ. Она занимается или, во 1-хъ, самими источниками законовъ, показываетъ причины и время изданія ихъ, изчисляетъ законодателей (?!) и излагаетъ формы, въ которыхъ раскрывалось законодательство; или, во 2-хъ, излагаетъ содержаніе законовъ въ хроно-

логическомъ порядкѣ, объясняя, какъ эти законы произошли и какимъ измѣненіямъ они подвергались въ теченіе времени. Въ первомъ значеніи она называется *внѣшнею*, во второмъ—*внутреннею*; послѣдняя называется также *хронологическою юриспруденціею*». Что сказать о такомъ опредѣленіи исторіи права и раздѣленіи ея на внѣшнюю и внутреннюю? Какая существенная между ними разница, что служитъ для нихъ характеристическою разграничительною чертою? Чистосердечно сознаемся, что никакъ не можемъ, изъ опредѣленій г. Пискарева, понять различія внѣшней исторіи права отъ внутренней, или такъ называемой авторомъ хронологической юриспруденціи. Одно, впрочемъ, существенное различіе между ними замѣтили мы изъ опредѣленія г. Пискарева: внѣшняя исчисляетъ законодателей, а внутренняя не исчисляетъ ихъ. Но, какъ намъ кажется, не лишнимъ и не безполезнымъ какъ для насъ, такъ для другихъ и, наконецъ, для самаго авторъ, будетъ вопросъ: что значитъ, что внѣшняя исторія исчисляетъ законодателей? и какъ она ихъ исчисляетъ? Возьмемъ, напримѣръ, внѣшнюю исторію русскаго права: чтобъ исчислить законодателей, пришлось бы подъ-рядъ поименовать всѣхъ великихъ и удѣльныхъ князей, царей и императоровъ, такъ какъ каждый изъ нихъ, въ большей или меньшей степени, законодатель. Думаемъ, что это было бы въ высшей степени полезно и интересно для изучающихъ право!.

«Не входя въ подробное обозрѣніе исторіи отечественнаго законодательства,—говоритъ авторъ,—укажемъ на тѣ только моменты его, которые, совпадая съ важнѣйшими явленіями жизни гражданской, составляютъ главнѣйшіе эпохи въ исторіи законодательства». Какимъ же образомъ указываетъ г. Пискаревъ на эти моменты, составляющіе эпохи? Онъ въ этомъ случаѣ дѣйствительно не вдается въ подробности и ограничивается только указаніемъ, что сначала дѣйствовали обычаи, а письменныхъ законовъ не было, что потомъ явилась Русская Правда, а тамъ Судебники, а далѣе Уложеніе царя Алексѣя Михайловича; что въ первой изъ нихъ по одной редакціи столько-то статей, по другой—столько-то, что Судебники изданы тогда-то и состоятъ изъ столькихъ-то статей и т. п. Однимъ словомъ, авторъ указываетъ на наши законодательные памятники только съ ихъ внѣшней стороны, вовсе не касаясь содержанія. Какая же польза въ этомъ для учащихся? И будутъ уче-

ники г. Пискарева знать, что есть Русская Правда, есть Уложеніе; но что они содержатъ, какой духъ ихъ, связь между собою, сходство и отличіе, все это останется загадкою. Авторъ можетъ возразить намъ, что для удовлетворенія нашимъ требованіямъ пришлось бы написать болѣе подробный очеркъ, нежели онъ предполагалъ и находилъ нужнымъ. Совершенно такъ; но именно такой-то очеркъ и могъ быть полезенъ ученикамъ, тогда какъ данный авторомъ—почти безполезенъ. Для учениковъ только и нужно то, что дѣльно, не мифически полезное, или же ничего—здѣсь нѣтъ середины. Чтобы нельзя было обвинить насъ въ голословности, представимъ нѣсколько примѣровъ изъ этой части книги г. Пискарева.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича авторъ называетъ «вѣнцемъ древняго и краеугольнымъ камнемъ нынѣ дѣйствующаго права»; какъ бы, кажется, объ этомъ вѣнцѣ и краеугольномъ камнѣ не сказать нѣсколько подробнѣе? А между тѣмъ авторъ Уложенію посвятилъ едва страничку, хотя, въ другихъ случаяхъ, онъ бываетъ гораздо болѣе словоохотливъ и даже некстати. Такъ напримѣръ, законъ суднымъ людемъ, или вахтанговы законы и т. п. болѣе интересуютъ автора, нежели Уложеніе, о нихъ болѣе подробно говоритъ онъ, хотя ученики вовсе не потеряли бы ничего, а напротивъ выиграли, если бы онъ, умолчавъ объ этихъ, не важныхъ источникахъ, говоря сравнительно, распространился объ Уложеніи. Замѣчаемая въ книгѣ г. Пискарева несоразмѣрность въ изложеніи отдѣльныхъ частей, неумѣнье обратить вниманіе на существенное; смѣшеніе важныхъ фактовъ съ незначущими—все это такіе недостатки, которые неизвинительны и никакъ не могутъ быть терпимы въ руководствахъ.

Сказавъ нѣсколько словъ о новоуказныхъ статьяхъ, авторъ переходитъ къ законодательству Петра В. и его преемниковъ. Вотъ здѣсь-то, вѣроятно, думаетъ читатель, и начнется очеркъ исторіи русскаго права, очеркъ болѣе обстоятельный и полный. Но и здѣсь авторъ ограничивается немногими фразами, замѣняющими собою взглядъ на характеръ новой исторіи русскаго законодательства. Послушаемъ, что говоритъ онъ, напримѣръ, о законодательной дѣятельности Петра В. «Между тѣмъ вѣкъ Петра Великаго былъ вѣкъ преобразованій. Петръ Великій ознакомилъ Русскихъ съ потребностями и образованностію Западной Европы и поставилъ Россію въ

ряду Европейскихъ державъ. Новые потребности народа, новые успѣхи его на пути образованности, новые опыты его гражданской жизни дѣлали необходимыми для него и новые законы. Особенно если жизнь народа развивается быстро, если успѣхи его на пути образованности чрезвычайно скоры: то и законодательство его должно имѣть скорое развитіе, должно представлять быструю смѣну разнородныхъ постановленій однихъ другими. И дѣйствительно, съ самаго начала единовластнаго царствованія Петра Великаго замѣчается необыкновенное движеніе во всѣхъ отрасляхъ управленія. Нѣтъ почти ни одной изъ нихъ, которая не подверглась бы преобразованію, болѣе или менѣе коренному, или по крайней мѣрѣ важнымъ, значительнымъ измѣненіямъ. На каждую изъ нихъ, попеременно или въ совокупности съ прочими, Петръ Великій обращалъ вниманіе, и если онъ не успѣлъ создать полной стройной системы права, за то указалъ всѣ важные недостатки прежней и положилъ прочныя основанія къ ея исправленію...». Авторъ, вѣроятно, никакъ не предполагалъ, что все это и до него, гораздо ранѣе, извѣстно уже ученикамъ гимназіи изъ любаго руководства по русской исторіи и даже обширнѣе. По старой памяти, каждый учитель исторіи считаетъ своимъ долгомъ, обязанностію прочесть Петру В. такой же или подобный панегирикъ. Но чтобы учитель законовѣдѣнія могъ ограничиться такимъ же панегирикомъ—этого мы уже никакъ не предполагали, а тѣмъ болѣе въ печатномъ руководствѣ! И къ чему служитъ такой панегирикъ? подвигаетъ-ли онъ дѣло ученія хотя на шагъ впередъ? Ни мало. Такъ и изъ панегирика г. Пискарева учащіеся узнаютъ только, что Петръ В. все ломалъ, измѣнялъ, переработывалъ, отмѣнялъ, дѣлалъ *опыты:* все это такъ. Но что жъ онъ дѣйствительно сдѣлалъ для нашего законодательства? Авторъ отвѣчаетъ: «хотя не успѣлъ создать полной стройной системы права, за то *указалъ всѣ* (?) *важные недостатки прежней и положилъ прочныя* (?) *основанія къ ея исправленію*». Съ такимъ выводомъ уже никакъ не возможно согласиться, если это дѣйствительно выводъ, а не простая, летучая, не сознанная фраза. Конечно, великъ былъ Петръ—спору нѣтъ; но неужели въ самомъ дѣлѣ онъ *могъ* указать *всѣ недостатки* прежней системы и неужели онъ положилъ дѣйствительно *прочныя основанія* къ ея исправленію? Положительно, нѣтъ. Съ этимъ, нѣтъ сомнѣнія, со-

гласится и самъ авторъ. Да и нельзя не согласиться, зная хотя сколько-нибудь послѣдующее развитіе нашего законодательства. Автору, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстна азбука права и та аксіома, что законодательство, для того чтобы имѣть прочныя основанія, никогда не можетъ быть плодомъ извнѣ заимствованнымъ и насильно привитымъ: законодательство, истинное, коренное, прочное, есть плодъ самородный самобытной жизни народной. Вотъ почему и законодательство Петра В., не смотря на видимое его превосходство предъ старымъ, осталось все-таки чѣмъ-то внѣшнимъ; оно не привилось и не сдѣлалось плотью и кровью нашей жизни. Петръ В., видя недостатки прежней системы, могъ только расшатать ея основанія, замѣнить же ихъ насильственно новыми,—это не во власти человѣческой! И многіе иноземные уставы, цѣликомъ втиснутые въ наше законодательство, оказались не только не пригодными и не полезными для насъ, но положительно даже вредными. Все это, конечно, автору должно быть хорошо извѣстно изъ послѣдующей исторіи нашего законодательства; за чѣмъ же онъ, вмѣсто настоящаго указанія на дѣло, довольствуется фразами, совершенно несогласными съ дѣломъ?

«Державные преемники Петра Великаго шли по указанному имъ пути, стараясь докончить начатое имъ, стремясь къ осуществленію его предначертаній, исправляя, совершенствуя и обновляя законодательство, соотвѣтственно потребностямъ времени, состоянію гражданскаго общества и успѣхамъ просвѣщенія». Вотъ, дословно, вся характеристика нашего законодательства въ теченіи полутораста лѣтъ: авторъ не нашелся ничего болѣе сказать. Но развѣ это характеристика развитія русскаго законодательства? Нимало. Всѣ эти фразы легко примѣняются къ какому-угодно въ мірѣ законодательству, лишь бы народъ развивался, шолъ впередъ, даже скажемъ больше, лишь бы не было регрессивнаго шествія. Вѣдь и китайское законодательство, исторію его развитія, съ китайской точки зрѣнія, можно охарактеризовать точно тѣми же словами. Что жъ это за характеристика?! Вотъ только что авторъ нашелъ нужнымъ прибавить (опять выписываемъ дословно). «*Невозможно исчислить въ краткомъ историческомъ обозрѣніи всѣхъ разнообразныхъ постановленій* (*), непрерывно выходившихъ со временъ Петра Великаго,

(*) Да если бы автору когда-либо вздумалось составить и не краткій истори-

подъ разными наименованіями. Многія изъ нихъ сохраняютъ силу и дѣйствіе свое доселѣ; другія имѣютъ величайшую важность въ историческомъ отношеніи. Наибольшая часть узаконеній, вышедшихъ послѣ Уложенія, принадлежатъ царствованію императора Петра Великаго, императрицы Екатерины II-й, императоровъ Александра I-го и Николая I-го. Эти *царствованія можно считать эпохами* въ новѣйшемъ періодѣ исторіи русскаго законодательства». Прибавимъ отъ себя къ этому, что ученики г. Пискарева, если только учитель исторіи объяснилъ имъ настоящее значеніе слова «эпоха», едва-ли уразумѣютъ, какимъ образомъ то или другое царствованіе можетъ составлять эпоху въ развитіи законодательства. Но пусть будетъ такъ, какъ думаетъ авторъ; однако нужно было бы сказать—чѣмъ одна эпоха отличается отъ другой, что характеризуетъ ее, какія идеи и стремленія составляютъ исключительную принадлежность каждой изъ нихъ. Ничего этого нѣтъ, а между тѣмъ мы выписали все безъ исключенія, что говоритъ авторъ о развитіи русскаго законодательства въ теченіи XVIII и половины XIX вѣка. За то въ 42-мъ примѣчаніи къ книгѣ г. Пискарева ученики найдутъ такія свѣдѣнія, какихъ, безъ сомнѣнія, имъ нигдѣ болѣе не удастся уже встрѣтить. Въ этомъ примѣчаніи они найдутъ общую табель узаконеній, изданныхъ съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича до обнародованія Свода Законовъ 31 января 1833 г.; изъ самой же табели узнаютъ, что при царѣ Алексѣѣ вышло 618 указовъ, при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ—295, и т. д. и т. д., и что общее число всѣхъ узаконеній простирается до 36.872. Но кому и для чего нужно знать эти цифры? Развѣ по нимъ можно дѣлать какіе-нибудь выводы, заключенія. На нашъ взглядъ, для учениковъ онѣ столь же полезны, какъ если бы авторъ вычислилъ, что въ Уложеніи Алексѣя Михайловича столько-то буквъ, а въ Сводѣ Законовъ—столько-то! Какъ не пожалѣть учениковъ, которыхъ

ческій очеркъ, а полную исторію развитія русскаго законодательства съ Уложенія царя Алексѣя до настоящаго времени, то и въ такомъ случаѣ было бы удивительно, если бы ему удалось сдѣлать такое исчисленіе: для этого пришлось бы перепечатать, во-первыхъ, весь хронологическій указатель къ Полному Собр. Законовъ, а во-вторыхъ, пересмотрѣть и то, что сюда еще не вошло. А цѣль? Къ чему же, послѣ этого, служатъ подобныя фразы въ учебникѣ.

могутъ заставить (а можетъ быть уже и заставляютъ!) заучивать на память столь безполезныя цифры!

Послѣдній отдѣлъ книги г. Пискарева заключаетъ въ себѣ «обозрѣніе источниковъ для познанія нынѣ дѣйствующихъ въ Россіи законовъ съ историческими свѣдѣніями». Прежде всего авторъ говоритъ здѣсь объ источникахъ для познанія нынѣ дѣйствующихъ *общихъ* законовъ. Здѣсь онъ указываетъ на Полное Собраніе Законовъ, время изданія его, форму и пр., потомъ говоритъ о Сводѣ Законовъ, при чемъ изчисляетъ тѣ Коммиссіи, которыя были учреждаемы въ различное время, начиная съ Петра Великаго; но при этомъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, что было сдѣлано каждой изъ нихъ и почему всѣ онѣ не имѣли успѣха; наконецъ, переходитъ къ изданіямъ Свода и продолженій къ нему. Но и здѣсь встрѣчаемъ весьма важный пропускъ; не сказано ни слова объ изданіи Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 г., которое въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ дѣйствительно составляетъ эпоху. Авторъ не упустилъ изъ виду, что при каждой части Свода Законовъ есть полныя оглавленія, хронологическій указатель, сравнительный указатель статей Свода Законовъ изданія 1842 и 1857 г., но о главномъ—объ Уложеніи вовсе позабылъ. И здѣсь приходится намъ сказать, что эта часть книги могла и даже должна бы быть изложена и полнѣе и подробнѣе; но во всякомъ случаѣ, сравнительно съ предъидущими статьями, она гораздо удовлетворительнѣе, и именно потому, что въ ней и не возможно было сдѣлать такихъ грубыхъ ошибокъ и промаховъ, какъ напр. въ теоретической части. Что зависѣло отъ воли автора, онъ все сдѣлалъ—не сказалъ ни слова объ Уложеніи 1845 г.

Далѣе, авторъ говоритъ объ источникахъ особенныхъ законовъ (военныхъ, морскихъ и церковныхъ законовъ), гдѣ находимъ краткія историческія свѣдѣнія и оглавленіе томовъ и раздѣловъ. Наконецъ, объ источникахъ мѣстныхъ законовъ: въ Малороссіи, въ остзейскомъ краѣ, въ бессарабской области, въ закавказскомъ краѣ, въ в. кн. Финляндіи и въ Царствѣ Польскомъ. Вообще, весь третій отдѣлъ, разумѣется говоря сравнительно, лучше, полнѣе и обстоятельнѣе изложенъ предъидущихъ и, за неимѣніемъ другихъ книгъ у насъ, пожалуй, можетъ служить руководствомъ, съ нѣкоторыми дополненіями и исправленіемъ погрѣшностей.

За тѣмъ, остальную треть книги занимаютъ примѣчанія (стр. 73—104). Примѣчанія эти состоятъ изъ ссылокъ на различныя сочиненія и статьи, изъ которыхъ заимствована книга г. Пискарева, и изъ библіографическихъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ юридическихъ памятникахъ. Но мы не понимаемъ, почему именно автору, въ руководствѣ, необходимы были подробныя примѣчанія? Для учащихся рѣшительно все равно—откуда заимствовалъ онъ то или другое свѣдѣніе и что сочинилъ самъ; имъ не нужно знать учености автора, имъ нужна только руководительная книга. Съ другой стороны, не понимаемъ мы также, почему авторомъ многія свѣдѣнія, которыя дѣйствительно полезны для учащихся, помѣщены въ примѣчаніяхъ, тогда какъ въ самомъ текстѣ есть такія, которыя весьма удобно могли быть вовсе и не включаемы. Въ руководствѣ не должно быть ничего такого, что бы служило балластомъ: все, помѣщенное въ немъ, должно быть необходимо—это существенное условіе всякаго руководства. По крайней мѣрѣ на нашъ взглядъ таковъ долженъ быть учебникъ.

Мы окончили нашу рецензію и не считаемъ нужнымъ дѣлать о книгѣ г. Пискарева общаго заключенія—оно само собою вытекаетъ изъ всего предъидущаго изложенія. Прибавимъ только, что мы не указали на нѣкоторые другіе недостатки книги г. Пискарева, отчасти потому, что объ нихъ уже раньше насъ сказано въ рецензіяхъ, помѣщенныхъ въ Современникѣ и въ Журналѣ Министерства Юстиціи (1860 г. ноябрь); отчасти и потому, что указаніе всѣхъ встрѣчающихся въ ней недостатковъ, промаховъ и пробѣловъ, составило бы, по объему, почти такую же книгу. Мы и безъ того сказали достаточно. Насъ даже можетъ быть упрекнутъ, что мы слишкомъ подробно говорили о такой книгѣ, которая въ нашихъ глазахъ, не заслуживаетъ вниманія, которую мы осуждаемъ на забвеніе. Но,—скажемъ въ свое оправданіе,—потому-то именно мы и должны были подробнѣе сказать о книгѣ г. Пискарева, что считали ее предназначенною для *руководства*; а, какъ руководство, сознаемся чистосердечно, считамъ ее лишенною всякаго значенія и потому самому желаемъ, чтобы она не была принимаема въ руководство.

П. МУЛЛОВЪ.

ДВА ПИСЬМА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ ПАВЛОВНЫ ПО ПОВОДУ НАРОДНАГО ОПОЛЧЕНІЯ ВЪ 1812 ГОДУ.

Не смотря на изобиліе матеріаловъ, изданныхъ въ различное время, для исторіи Отечественной войны, много относящихся до нея вопросовъ остаются нерѣшенными отчасти вслѣдствіе ложнаго, пристрастнаго толкованія, отчасти по недостатку прямыхъ указаній. Сочиненіе Богдановича должно было пополнить пробѣлъ, который составляли эти нерѣшенныя задачи, и дѣйствительно успѣло въ этомъ, хотя, конечно, не вполнѣ. Множество спорныхъ пунктовъ не только не рѣшено, но иногда и не затронуто въ немъ, какъ, впрочемъ, и слѣдовало ожидать. Даже въ самомъ вопросѣ о значеніи ополченій въ 1812 году, который поднялъ Богдановичъ и по которому онъ сообщилъ значительное количество данныхъ, онъ не разрѣшилъ недоумѣнія: кто же подалъ идею къ ихъ созванію и какимъ образомъ она была принята? Сообщаемыя мною письма докажутъ, надѣюсь, что виновницею этого дѣла была Екатерина Павловна. Много значила въ то время твердая, непоколебимая увѣренность въ возможности успѣшной борьбы съ Наполеономъ. Свидѣтельство Клаузевица убѣждаетъ насъ, что съ этой стороны Екатерина Павловна была достойна удивленія: она, на ряду съ Карамзинымъ, предсказывала гибель грознаго врага. Но этимъ не ограничивалось ея значеніе въ 1812 г.: замѣчательныя пожертвованія, живое участіе во всемъ, что дѣлалось въ нашихъ арміяхъ, засвидѣтельствованное Клаузевицемъ, еще болѣе говорятъ въ похвалу ея. Главная же заслуга ея, мнѣ кажется, заключалась въ томъ, что она, при помощи Карамзина, указала императору Александру, что правительство должно видѣть гарантію успѣха въ единеніи его со всѣми сословіями народа и въ участіи послѣднихъ при изгнаніи непріятеля. Къ сожалѣнію, погибла, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при пожарѣ переписка Екатерины Павловны съ Ростопчинымъ и Карамзинымъ, безъ которой, конечно, трудно опредѣлить поступки ея въ 1812 г. Скептикъ Ростопчинъ, такъ упорно отстаивавшій свое мнѣніе противъ надеждъ и упованій Карамзина относительно исхода войны, и въ этой перепискѣ, вѣроятно, не измѣнилъ своему

характеру, какъ не трудно предположить уже и по сообщаемымъ мною письмамъ, за которыя искренно благодарю доставившаго ихъ, князя Егора Васильевича Оболенскаго, къ отцу котораго они были адрессованы.

I.

Скажите графу Ростопчину, что когда вы известили меня о вашемъ намѣреніи ѣхать въ Москву, я коснулась идеи, которую сообщила ему въ общихъ чертахъ въ письмѣ, мною вамъ прописанномъ, и которую успѣла обдумать въ подробности. Его дѣло воспламенить патріотизмъ московскаго дворянства, перваго въ Имперіи по богатству и по уваженію, которымъ пользуется имя Москвы. Онъ можетъ, явившись въ собраніе дворянства, указать на опасности, угрожающія отечеству и на народное рѣшеніе настоящей войны. Въ его городѣ живутъ дворяне всѣхъ губерній и воодушевленіе, возбужденное имъ въ своемъ собраніи, быстро распространилось бы повсюду. Можете присовокупить, что по вашему, а равно и по моему убѣжденію, не найдется русскаго, который не устыдился бы не пожертвовать своею особою и своимъ усердіемъ для отечества; что, какъ дворянинъ, вы находите, что каждая губернія можетъ вооружить полкъ въ тысячу человѣкъ и обязаться содержать его. Слѣдуетъ обратить вниманіе дворянства на то, что чѣмъ сильнѣе будетъ ведена война, тѣмъ менѣе она продлится, и что кромѣ пороха и ружей, которыхъ не купить ни за какія деньги (qu'aucun or ne peut donner), ежегодные расходы по содержанію двухъ тысячъ человѣкъ не превысятъ 200 тысячъ рублей. Если графъ Ростопчинъ возразитъ на это, что найдутся слишкомъ бѣдныя губерніи для покрытія этихъ расходовъ, отвѣтьте, что такія губерніи могутъ поставить нѣкоторую часть полка, не оставаясь позади другихъ уже изъ уваженія къ себѣ. Дѣло графа образовать полкъ московскій, выбрать ему офицеровъ и начальника и предложить ихъ Императору, во власти котораго будетъ согласиться или нѣтъ, но который не станетъ порицать усердія своего губернатора. Еслибы послѣдній спросилъ васъ, знаетъ-ли Императоръ объ этой идеѣ и кому она принадлежитъ, скажите, что, какъ вы пола-

гаете, Государю объ этомъ неизвѣстно, но что принцъ и я, мы возъимѣли эту мысль, въ особенности потому, что въ Москвѣ Ростопчинъ, и мы такимъ образомъ могли надѣяться на невозможность безпокойствъ, такъ какъ онъ, конечно, представитъ это дѣло дворянству просто, въ надлежащемъ свѣтѣ. Присовокупите, что вы думаете, что Государь не будетъ противиться этому доброму начинанію. Если вамъ укажутъ на недостатокъ офицеровъ, отвѣтьте, что въ такомъ случаѣ можно назвать тысячу человѣкъ не полкомъ, а батальономъ; въ такомъ случаѣ потребуется менѣе офицеровъ. Относительно же участи этихъ людей послѣ войны замѣтьте, что мы съ вами убѣждены, что Императоръ ихъ не покинетъ; дворянству же стыдно бы было думать о наградахъ, прежде чѣмъ оно заслужитъ ихъ. На вопросъ о томъ, какъ же дворянство будетъ продовольствовать всѣ эти полки, скажите, что Государь, по вашему и моему убѣжденію, въ награду за усердіе дворянства, составитъ изъ нихъ отдѣльный корпусъ и назначитъ имъ достойнаго ихъ начальника. Въ случаѣ, если графъ не спроситъ васъ ни о чемъ, разъясните ему все это сами отъ меня, такъ какъ полезно предупредить ошибочное толкованіе, сомнѣнія и споры, которыя могутъ возродиться. Относительно моихъ личныхъ намѣреній, скажите, что вы ихъ не знаете, но что я не отстану отъ другихъ тамъ, гдѣ слѣдуетъ явить благодарность отечеству.

II.

С.-Петербургъ 7 іюля 1812 г. Вчера вечеромъ я получила, дорогой князь, согласіе Государя, принявшаго мое предложеніе, которое не составляетъ уже тайны (Великая Княгиня говоритъ о полкѣ ея). Вашъ братъ отправляется, жду каждую минуту офицеровъ; написала, чтобы Принцъ послалъ мнѣ Тодорова, которому поручено будетъ принять вещи отъ Годлевскаго. Я виновна въ замедленіи этого офицера, такъ какъ вчера я ждала весь день отвѣта и хотѣла воспользоваться этою оказіею для сообщенія вамъ его содержанія. Великая мысль приведется въ исполненіе, наперекоръ графу; не знаю еще всѣхъ подробностей, но черезъ двѣ недѣли Москва покажетъ своему губернатору, что онъ ошибся

въ ней. Не говорите объ этомъ. Рада, что благое дѣло совершится черезъ кого бы то ни было; вы поймете меня; спѣшу подѣлиться съ вами этою новинкою, также полученною мною вчера. Въ арміи все благополучно, бюлетени вамъ, конечно, извѣстны. Простите за лаконизмъ письма, но у меня нѣтъ ни минуты. Примите увѣреніе и т. д. и напишите мнѣ, какъ пойдетъ исходъ дѣла объ ополченіи. Будьте, и т. д.

Сообщ. н. лыжинъ.

ЗАПОРОЖЬЕ ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА.

(Современная записка).

Предлагаемая здѣсь записка взята нами изъ одного *сборника*, конца XVIII в. (въ собраніи графа А. С. Уварова, № $\frac{451}{л.}$, л. 157—173), гдѣ она названа *примѣчаніемъ о Запорожцахъ*. Писана она, какъ видно изъ §§ 2 и 9, въ царствованіе Екатерины II, во время первой турецкой войны (1768—1774), слѣдовательно не задолго до взятія Сѣчи генераломъ Текели (1775). Въ запискѣ этой можно видѣть обвинительный актъ противъ Запорожцевъ, написанный, быть можетъ, по порученію правительства, которое въ то время задумывало уже объ уничтоженіи Сѣчи (*). Какъ бы то ни было, записка эта, вмѣстѣ съ извѣстною «Исторіею о козакахъ запорожскихъ», кн. Мышецкаго (**), и повѣствованіемъ Коржа (***), представляетъ довольно вѣрную картину отживавшаго свой вѣкъ Запорожья (****).

Ал. Лазаревскій.

1) Земли какъ ниже Старой Линіи, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, съ присвоенными, въ нынѣшнюю войну, отъ Новороссійской губерніи, въ длину—отъ Бахмута до рѣки Буга, до 600, а въ ширину отъ устья Бердъ до Старой Украинской Линіи—350 верстъ.

2) Граничатъ оныя съ Войскомъ Донскимъ, Слободскою и Новороссійскою губерніями; отъ стороны Турецкой—съ Очаковскою и нынѣшняго нашего союзнаго Крыма землями; а противъ Кубани по Азовское море. По оной границѣ, съ открытой стороны, заведены нынѣ вновь россійскія крѣпости, какъ то: Таганъ Рогъ, по рѣкамъ: Бердъ, Конской, при устьяхъ Московки, а отъ Очакова—Екатерининской шанецъ.

(*) См. Современ. 1848 г., N 7, *А. В. Головатый* и ср. *Разсужденіе о Запорожцахъ*—Миллера, Чтен. Моск. Общ. истор. и древн. 1847 г.—(**) Москва, 1847, 8, и Одесса, 1852, 8.—(***) Устное повѣствованіе бывшаго Запорожца Н. Л. Коржа. Одесса, 1842, 8.—(****) Печатая записку, мы позволили себѣ держаться въ ней правописанія современнаго.

3) Мѣста имѣютъ они изобильныя рѣками, лѣсами и плодородную землю; пользуются великими доходами отъ скотоводства, рыбными ловлями въ Днѣпрѣ, и при морскихъ заливахъ, на устьѣ рѣки Калміуса, Бердъ и близь Очаковскаго Лимана, и въ ономъ, по договору съ Турками, за отпускаемые ими въ Очаковъ лѣсъ и дрова.

4) Въ мирное время имѣютъ комерцію отъ Сѣчи, по Днѣпру, черезъ Очаковъ и Лиманъ, Чернымъ моремъ, купеческими, наемными у Турковъ кораблями, въ Царьградъ и далѣе, на Бѣлое море, отправляя туда получаемые товары и изъ польской Украины, Малороссіи и изъ разныхъ мѣстъ, граничащихъ съ ними: желѣзо, говяжье и овечье мясо, полотно, храшъ, пеньку и канатъ; оттоль вывозятъ мыло, сафьянъ, мишини (?), хлопчатую бумагу, турецкія матеріи, виноградное вино, лимонный сокъ, деревянное масло и разную бокалею, то есть: изюмъ, винныя ягоды, лимонъ, сарочинское пшено, кофей и разныхъ родовъ орѣхи.

5) Поставляютъ хлѣбъ пшеничный и также изъ вышеписанныхъ потребныя вещи въ Крымъ и въ Очаковъ и имѣютъ продуктъ съ Турками и Татарами, продажею имъ на сихъ дикихъ земляхъ получающихъ [1] ими довольнаго числа разнаго рода бывающихъ въ украинскихъ мѣстахъ дикихъ звѣрей, а изъ Крыма вывозятъ соль, также вино и бокалею жъ.

6) Продаютъ оные, вывозимые, товары и мѣняютъ на тѣ, отправляемые ими, а также и на горячее вино съ Малороссіею и польской Украины промышленниками.

7) Получаютъ знатную сумму отъ купцовъ, поставляя отъ Сѣчи разные товары по Днѣпру, въ Очаковъ и Кинбурнъ, а также и оттоль, съ приходящихъ кораблей, какъ оные случается, что въ сухменное время и шедъ очаковскимъ Лиманомъ, выше устья Буга, въ разливъ, называемый Козій, Днѣпровскими гирлами, иногда не проходитъ безъ облегченія съ нихъ на лодки. А случается, при томъ, часто, что Турки съ купцами и договоры имѣютъ поставлять товары до Очакова, а не до Сѣчи.

8) Сбираютъ они съ купечества не меньше половинной части, противъ таможенныхъ сборовъ, подъ видомъ не такъ чтобъ

---

[1]) Получаемыхъ (?).

учрежденной отъ нихъ тарифы, а берутъ они за перевозъ войсковыми лодками, а на сухомъ пути, черезъ рѣки, за мосты (ибо во всей ихъ землѣ нѣтъ ни единаго моста, или хотя бы на малѣйшемъ протокѣ, гати, съ которыя бы не собиралось на полковника той паланки, въ дачахъ которой есть переѣзды, съ порожной телѣги по копѣйкѣ). А также и за безопасность въ пути, отъ ихъ людей за конвоеваніе приставленнаго одного человѣка къ ѣдущему обозу, съ войсковымъ перначемъ или булавою, а больше прилѣпленною на булавѣ войсковою печатью; однакожъ хотя бы сего конвоя кто и не требовалъ, но ему даютъ и долженъ расплатиться непремѣнно, по точности ихъ установленія.

9) Число ихъ, Запорожцевъ, всегда считалось военныхъ людей 40,000, а вмѣсто того весьма ихъ было мало и дѣйствительно вооруженныхъ и исправныхъ, отъ собственнаго своего имущества, козаковъ никогда бы больше конныхъ выѣхать не могло, за остающимися у присмотра домовъ, какъ тысячъ до шести; а также и пѣшихъ козаковъ не болѣе быть можетъ, какъ тысячи четыре, должность которыхъ отправляютъ съ нихъ въ пѣхотѣ всякій, неимѣющій ремесла и пропитанія, бродяга, убѣгая работы, за плату изъ казны, въ годъ 12 р. жалованья и провіанта. А нынѣ они Запорожцы имѣютъ людей всякаго званія тысячь до ста, ибо у нихъ, въ нынѣ продолжающуюся войну, вновь поселилось и безпрестанно населяется убѣгающихъ отъ службы и податей изъ Малороссіи, изъ Новороссійской и Слободской губерній, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, противъ Елисаветградскаго и Молдавскаго полковъ, впереди Старой Линіи и по рѣкамъ Самарѣ, Орели и по Кривому Торцу, болѣе двадцати пяти тысячъ дворовъ съ фамиліями; коими людьми они себя достаточно подкрѣпили и могутъ войска поставить, имущественныхъ людей, кои отъ собственнаго своего капитала исправиться въ состояніи, которыхъ казаковъ, безъ нужды, тысячъ пятнадцать и болѣе, кромѣ бродягъ, служащихъ, какъ выше значится, въ пѣхотѣ, изъ пропитанія, и нынѣ у нихъ службы отбываютъ въ походѣ конную все почти женатые. Не служащіе же, домовные люди, обращены въ подданство, расчисленіемъ на содержаніе сорока куреней, отъ которыхъ старшины знатнымъ образомъ полнятъ свои карманы; ибо у нихъ курень называется такъ какъ бы полкъ, а всѣ люди, записанные въ ономъ, только чи-

слятся, а живутъ въ разныхъ мѣстахъ и довольствуются всякъ своимъ, слѣдственно и расходу больше быть не можетъ, какъ только тотъ курень починить, настатчить, удовольствовать тепломъ и кормить живущихъ въ немъ нѣсколько сторожей.

10) Отъ службы ихъ военной, какъ отъ конныхъ, такъ и пѣшихъ, въ регулярномъ войскѣ польза больше только та, что умножаетъ счетъ, а впрочемъ помощь отъ нихъ весьма мала, но и то видъ сей военныхъ людей отправляютъ они во время только одной компаніи, на нѣсколько мѣсяцевъ, а всегдашней службы, чтобъ оную нести, безъ разсчета своихъ выгодъ, или относительно закопорованія земли (?) и прочаго, въ зимнее время попеченія, никогда прямой тягости и нужды, въ войнѣ почерпаемыхъ, такъ какъ другіе военные люди, или донскіе и малороссійскіе казаки, отдѣлены отъ своего гнѣзда, снести не могутъ, даже и послѣдней помощи не дѣлаютъ, что на собственныхъ ихъ земляхъ почтъ для случившихся курьеровъ содержать имъ не ввѣряютъ.

11) Народъ сей отечеству никакихъ податей не платитъ, кромѣ вышеписанной службы, пользуется такою, по ихъ прихотямъ, вольностью и выгодами, каковыхъ ни одна земля между устроенными межами не имѣетъ.

12) Закона и учрежденій никакого у нихъ нѣтъ; пріемлютъ себя, что быть имъ повинными одной только, когда къ нимъ особливо написана будетъ о чемъ, Императорской грамотѣ, а въ прочемъ, касающемся до нихъ, какъ по военнымъ, такъ и гражданскимъ дѣламъ, исполняютъ тогда, когда они ласковостью бываютъ увлечены, хотя бы и отъ высокихъ чиновъ, и всякія государственныя учрежденія считаютъ, что оныя имъ не принадлежатъ.

13) Начальникъ у нихъ кошевой атаманъ, и, по ихъ обыкновенію, долженъ быть грамотѣ не знающій, и зависящій отъ общественнаго выбора; но однакожъ нынѣ сей выборъ согласіемъ старшинъ пресѣкся; главная въ правительствѣ ихъ министерія та, что въ ономъ обществѣ, кто только возжелаетъ препроводить, сколько будетъ его воля, дней своего вѣка и записаться въ казаки, то хотя бы онъ рожденъ и воспитанъ былъ разумно, долженъ учиться суровости и невѣжеству, во всѣхъ поступкахъ, и казаться свѣту, что ихъ сердца, смѣшанныя съ сущею простотою и всегдашнимъ хмѣлемъ, ничего не устрашаются и о своей жизни будто бы не пекутся, и ни-

какимъ собственнымъ интересамъ, никакой повинности не привязаны, кромѣ доброй своей ко всякому дѣлу воли. И тѣмъ самимъ начальники сего войска, обучавшіеся сему ремеслу, утверждаютъ, что ни въ чемъ они не властны, когда къ чему не приступитъ чернь, называемая ими товариществомъ, и что принадлежитъ до сей черни, то оная и въ самой вещи наполнена невѣжствомъ и слабостью къ пьянству, и по простотѣ своей природы, и безъ той ихъ старшинской внушаемой науки, довольно глупа. Но однакожъ столько повинны и порабощены, что послушанія таковаго въ разумномъ и распоряженномъ народѣ бываетъ не всегда и нельзя не быть, по ихъ обыковенію, потому что хотя бы и малѣйшая противность примѣчена за кѣмъ была, властенъ кошевой атаманъ, безъ всякаго суда, да хотя бы и безъ вины, не отвѣтствуя никому, приказать лишить жизни; а въ сущемъ дѣлѣ, оное только въ предметѣ къ пользѣ однихъ своихъ личныхъ интересовъ, почерпающихъ между внушенною простотою своей черни, ибо нерѣдко случается, что тѣ же старшины, казавшіеся въ Сѣчи Запорожской ничего непонимающими, но бывъ нѣсколько лѣтъ, изъ бѣднаго студента, выѣзжаютъ въ Малороссію съ хорошими капиталами и происходятъ въ чиновники, а съ тѣмъ чиномъ, вмѣсто того, что онъ въ Сѣчи Запорожской не зналъ грамотѣ россійской, вдругъ раждаются и другія науки.

15) Всякой у нихъ начальникъ за продерзость въ малѣйшемъ хотя воровствѣ, или примѣтя волокитство за женскимъ поломъ, воленъ того преступника лишить всего имущества въ собственной свой карманъ, какогобы то капиталу онъ ни былъ, а никому за то не отвѣтствуетъ; а кольми паче въ волокитствѣ, хотя бы виновный и безъ прелики приведенъ былъ, всячески стараясь найтить истину его прегрѣшенія, сему наказанію подвергаютъ; о чемъ находящіеся при старшинахъ письменные, кои генерально изъ Малороссійскихъ школьниковъ у нихъ бываютъ, не пропускаютъ времени усугублять свое попеченіе о надсматриваніи за богатыми казаками, обходя бѣдныхъ.

16) Мѣста тѣ, которыя граничатъ съ Запорожцами, никогда въ желаемый порядокъ приведены и успокоены быть не могутъ. Они тѣхъ сосѣдей своихъ, разстроенныхъ порядкомъ, раззоряютъ безпрестанно: дѣлаютъ набѣги, отнимаютъ близь ихъ лежащую землю,

съ населенными людьми, и разными оныя старшины алчностями къ прибыткамъ, пріобрѣтаютъ изъ нихъ свои интересы, какъ такіе люди, которые для того только и жертвуютъ своимъ состояніемъ сему образу гнусной жизни, чтобъ, успѣвъ нажиться, выйти скорѣй обратно въ тотъ край, гдѣ единоземцы его, въ жизни своей, чувствуютъ спокойствіе и благоденствіе. Какого бы рода и званія ни былъ человѣкъ, уволенный ли отколь, или бѣглецъ, они его принимаютъ, а въ сосѣдственныхъ мѣстахъ, простой народъ подговариваютъ и тѣмъ дѣлаютъ въ податяхъ и службѣ государевой подрывъ. Чрезъ то никакого основательнаго и крѣпкаго въ оныхъ господственныхъ съ ними мѣстахъ, учрежденія, въ разсужденіи побѣговъ и скрывалища безпрепятственнаго, сдѣлать невозможно. Юношество и молодыхъ, несовершеннаго разума людей, сколько обманомъ, а иногда увозятъ при удобномъ случаѣ и неволею. Нерѣдко случается, что достаются имъ въ добычу и благородныхъ людей дѣти, имѣющіе начало въ наукахъ, и вмѣсто того, что возросшій съ лѣтами его разумъ, полезенъ бы былъ обществу, то у нихъ какъ по молодости своей немогущій проникнуть старшинскаго притворнаго обращенія, которые пьяницами и непонятными никогда не бывали, и въ самой вещи пріучаются между симъ обществомъ невѣжеству и пьянству. Словомъ, ни одно войско регулярное пройти по ихъ землѣ никогда не можетъ, чтобъ они его не убавили своими подговорами и принятіемъ бѣглецовъ.

17) Говорятъ, при томъ, запорожскіе старшины, что у нихъ въ войскѣ есть разнаго рода иностранные люди и наполняютъ его со всѣхъ сторонъ; но однакоже великаго бы имъ труда стоило, еслибъ они во всей своей землѣ отыскали нѣсколько человѣкъ прибѣгающихъ къ нимъ иногда армянъ, грековъ и жидовъ; да могутъ и хвалиться, что черезъ нынѣшнюю войну, ниже Стараго Казака, у Днѣпра, населили село Волоховъ, а впрочемъ, какъ сами, а не старшины, такъ и всѣ ихъ казаки населившіеся, есть природные россійскаго престола, а нѣкоторые, но весьма малая часть есть въ числѣ оныхъ изъ польской Украйны.

18) Родъ сей, въ правительствѣ ихъ секты, весьма хитеръ, проницателенъ и остороженъ въ разсужденіи своихъ интересовъ, сопряженныхъ съ таковою вольностію, чрезъ которую не даютъ они никому въ оныхъ отчета; прилежно пекутся всячески, дабы оная

не подвергалась законамъ своего отечества и власть ихъ въ оныхъ безпредѣльная и неограниченная была порядкомъ.

19) И потомъ, недовольно внутреннія свои прибыли, но и весь оной шаръ земли обращать стараются въ неизвѣстность и неполезность никакое обществу распоряженіе.

20) Одинъ Генералъ въ 1763 г., по бытности своей въ Украйнѣ, послалъ къ нимъ съ просьбою, чтобъ нѣсколько товаровъ изъ Сѣчи сплавить въ Очаковъ, Днѣпромъ; однако они, держась своей осторожности, не преминули упредить, дабы такіе люди дороги къ нимъ впередъ не накладывали и тѣ товары на камень, который лежитъ въ Днѣпрѣ, ниже рѣки Рогачика и Урочица, называемаго Насоновская Плавня, накрытой водою (къ) крымскому берегу небольшія лодки посадили; а ихъ запорожскія недовольно лодки, но и турецкіе большіе корабли, всегда приходятъ благополучно, и доказываетъ сіе то, что въ нынѣшнюю войну, когда турецкая флотилія вошла въ Днѣпръ и Запорожцы ихъ прогнали, то разбитой при томъ сраженіи одинъ корабль, выше Шингерейскаго ретраншемента, противъ урочища Виливалъ, и нынѣ лежитъ и видѣнъ, и хотя оной небольшой величины, однакожъ на немъ было, съ военными людьми, девять пушекъ, но были же въ той флотиліи конечно и больше.

21) А при томъ Запорожцы не забываютъ смотрѣть и на обстоятельства политическія, и по онымъ себя измѣрять, когда имъ прибавить или убавить своей смѣлости и говорить о своемъ обществѣ и утверждать оное отъ самодержавной власти, и знаютъ время, когда имъ что нибудь предпринять на примѣръ.

22) Какъ скоро нынѣшняя съ Портою Отоманскою война открылась, то Запорожцы тотчасъ въ совѣтѣ своемъ положили, всѣ селенія, лежащія отъ устьи Салери (Самары?) до рѣки Конской по рѣкамъ Волчей, Терномъ, сухимъ и мокрымъ яламъ (*), по Торцу и по Калмиусу—сжечь, а нѣкоторыя оставить безъ жителей, что того жъ времени и исполнили: селеніе Усть-Козмиуса (sic), гдѣ было дворовъ до пятисотъ и церковь, сожгли, а жителей всѣхъ согнали къ устью Самары и къ Сѣчи Запорожской; а тоже самое сдѣлали и въ живущихъ при Днѣпрѣ, ниже Сѣчи Запорожской, къ рѣкѣ Бугу и

(*) Ср. Опытъ областн. словаря, стр. 274, *яловый*—порожній, пустой, неплодный; *яловая скриня*—потокъ, на которомъ нѣтъ мельницы. Слово *яль* должно быть равнозначущимъ *байраку, балкѣ*. А. Л.

къ Елисаветградской провинціи. Но что бы отъ сего заключить? если согласно говорить съ Запорожцами, можно сказать, что они сдѣлали хорошо, дабы ихъ люди, живущіе въ разныхъ мѣстахъ, по ихъ зимовникахъ, не сдѣлались непріятелю жертвою; но если жъ посмотрѣть въ послѣдующее потомъ съ Новороссійскою губерніею ихъ обращеніе, то конечно увидѣть можно, не было ли тогда у Запорожцевъ на умѣ, чтобы вправо къ Елисаветградской провинціи, а влѣво къ Старой Линіи и до Бахмута, Татары очистили имъ земли по ихъ батиреевой (sic) грамотѣ, по которой они имѣютъ дѣло съ Новороссійскою губерніею.

23) Сіе доказываетъ то, что еслибъ Запорожцы въ охраненіи отечества своего границы, войска своего въ одно мѣсто не сбирали, а оставили бы хотя по малой части при устьяхъ рѣкъ Московки къ вершинамъ Волчей и посреди рѣки Колміуса, а въ правую сторону къ устью Буга и устью рѣки Синюхи, то Татарамъ приходить бы было трудно, или по крайности свѣдомъ бы былъ непріятель о его предпріятіяхъ и удерживаемъ, поколь собрались бы россійскія войска онаго преслѣдовать и имъ отдалять отъ себя опасности не было никакой, въ разсужденіи свободной ретирады къ россійскимъ границамъ; но вмѣсто онаго, увидя напослѣдокъ, что Татары ворвались въ границы Новороссійской губерніи, большаго вреда не сдѣлали и селенія оныя остались въ своей силѣ, Запорожцы, спустя тѣ татарскіе набѣги, въ скоромъ времени начали отнимать и отняли отъ Новороссійской губерніи земли съ населенными людми отъ Елисаветградской провинціи по самыя ротныя селенія полковъ Молдавскаго и Елисаветградскаго, отъ Екатерининской провинціи, съ служащими донецкаго полку пикинерами, по рѣкѣ Орель, отъ вершины оной по Старую Линію, а также и отъ Изюмской провинціи; и дѣлали сіе отнятіе самымъ хитрѣйшимъ образомъ: какъ скоро пошлютъ команду отъ котораго селенія отнимать, то въ тожъ время отправятъ депутата въ Петербургъ съ просьбой, что они обижены отъ Новороссійской губерніи.

24) Неудовольствуясь же тѣмъ отнятіемъ селъ и деревень, обнадеживъ себя, что имъ была въ томъ удача, вдругъ противъ городовъ Бахмута, Спора (?) и Изюма и близь самой Старой Линіи и противъ полковъ пикинернаго донецкаго и елисаветградскаго и гусарскаго молдавскаго, въ виду тѣхъ селеній, подѣлали полковыя

избы, называемыя ими, Запорожцами, *палатками*, и всякую тягость народную какъ обыкновенно во время военное случается; начали накликать вольность, обѣщавши приходящимъ къ нимъ людямъ по два года льготы; почему въ сіе короткое время накликали и населили, преждеупомянутые, дворовъ болѣе двадцати пяти тысячъ, слободы, дѣйствительно изъ жителей Новороссійской губерніи и частію изъ Малороссіи и Слободской губерніи.

25) Когда же успѣли Запорожцы отнять земли и сдѣлаться Новороссійской губерніи такъ ближними сосѣдями, то завели безпрестанную и конечно вседневную ссору и чинятъ великія раззоренія, грабятъ безпрестанно, отгоняютъ скотъ, умерщвляютъ людей, жгутъ селенія и лишаютъ хлѣбопашества и единственно только для того, чтобъ люди къ нимъ переходили, а землю, на которой они обитаютъ, оставляли впустѣ, дабы и оною имъ впредь воспользоваться.

26) Теперь Запорожцы поселили на отличныхъ земляхъ, противъ всей Новороссійской губерніи, зачавъ отъ Молдавскаго полку, до рѣки Донца, а Слободской губерніи, противъ Изюма и Тора, а также и противъ Бахмута великія слободы, загромождаютъ свои пустыя, впереди оныхъ лежащія земли, тѣми поселянами; а тѣ великія степныя мѣста, отъ Самары и отъ Калміуса до Азовскаго моря, на рѣку Конскую, а отъ елисаветградскаго и молдавскаго полковъ до Днѣпра оставляютъ впустѣ, въ намѣреніи, чтобъ той пустой и необъяной ими земли было всегда у нихъ много, ко удобности той, чтобъ было гдѣ, въ случаѣ, скрыть имъ что нибудь встрѣчающееся.

27) Нынѣ, они, утвердя свои границы самовластно, ведутъ министерію своими просьбами объ отдачѣ имъ земель по батереевой грамотѣ (коей они подлинной, какъ я слыхалъ, не имѣютъ, а пользуются полученною малороссійскаго миргородскаго полку, въ мѣстечкѣ Сарочинцахъ, отъ какого то старшины копіею), чтобы всю Елисаветградскую провинцію свесть и имъ отдать, а также земли отъ устья рѣки Орели на Донецъ донскихъ селеній, въ которую дачу входятъ города Торъ и Бахмутъ, съ принадлежностями, а также и бахмутскій гусарскій полкъ, готовятъ же просьбу и объ отставленіи новозаведенныхъ при рѣкахъ Московкѣ, Конской и Берданѣ линіи, поелику по оной дѣлаются крѣпости на ихъ

землях, и они чувствуютъ будто бы утѣсненіе, а самой вещи главнѣйшій ихъ предметъ тотъ, что хотябъ у нихъ и больше еще земли взяли, нежели какъ они имѣютъ претензію, но только бъ они оставлены были при ихъ безпредѣльныхъ вольностяхъ, и, при оныхъ оставшись, получить утвержденіе на свою межу, да прилежно пекутся, дабы ихъ границы были соединены съ Донскимъ Войскомъ.

28) Словомъ, маленькой сей кусокъ земли примѣтенъ относительно до общества, а оной навѣрное не таковъ въ самой вещи, по нынѣшнему ихъ положенію и жизни, какъ объ оныхъ заключаютъ по ихъ виду.

29) Прежде Запорожцы были бѣдны, а нынѣ всѣ они богаты и подчиненные ихъ привязаны ко всякой повинности; гдѣ прежде у нихъ были хутора, тамъ нынѣ распространились великія селенія, и живутъ домами, имѣютъ жонъ, дѣтей, хорошое скотоводство и промыслы.

30) Старшины, это правда, что не женаты, однакожъ своими великими экономіями также подвергаютъ себя, въ случаѣ какого объ нихъ учрежденія, всему что бы ни случилось, повиновенію, а прочихъ бродягъ, кои до сихъ временъ часто, по несогласію старшинъ, за начальническія мѣста дѣлали между собою драки, подобныя бунтамъ, нынѣ немного, то ихъ тѣ же самые женатые казаки усмиряютъ; да хотя бы онаго сброду тысяча какая и разошлась, то оное ничего не значитъ.

31) Въ заключеніе же скажу, что, хотя министерія запорожскихъ старшинъ велика и удачлива, однакожъ и то самое неоспоримо они знаютъ, что, въ случаѣ нехотѣнія ихъ оставлять долѣе на такой ногѣ, исполнятъ они какъ бы всякой вѣрноподданный.

ДЛЯ ИСТОРІИ ЛОЖНЫХЪ КНИГЪ.

(Трепетникъ.—Дни добрые и злые.—Рафли).

Читателю, знакомому съ русской стариной, извѣстно названіе *ложныхъ книгъ*, которое давалось у насъ произведеніямъ, непризнаннымъ и неодобреннымъ церковью. Къ числу ихъ принадлежалъ *Громовникъ*, описанный нами въ первомъ выпускѣ «Архива». Нынѣшній разъ мы обращаемъ вниманіе археологовъ еще на одно старинное произведеніе подобнаго рода; оно не можетъ похвалиться важнымъ историческимъ интересомъ, но во всякомъ случаѣ составляетъ очень курьезное свидѣтельство о старыхъ русскихъ обычаяхъ и предразсудкахъ. Это—книга *Трепетникъ*. Названія ея нѣтъ въ печатныхъ редакціяхъ статьи «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ», изданныхъ Калайдовичемъ и другими; но, по своему содержанію, она несомнѣнно принадлежитъ къ числу ложныхъ книгъ: какъ Громовникъ и многія другія книги подобнаго разряда, она относится къ гаданьямъ о будущемъ, которыя въ старину строго запрещались. Она разсказываетъ именно о значеніи примѣтъ, исключительно тѣхъ, когда у человѣка *трепещетъ* какая-нибудь часть тѣла. Но, и въ тѣхъ статьяхъ, которыя не знаютъ имени нашей книги, отмѣчены предразсудки, узаконяемые «Трепетникомъ». Именно, въ томъ мѣстѣ статьи о ложныхъ книгахъ, гдѣ пересчитываются примѣты, въ редакціи Калайдовича находится по видимому неправильное чтеніе: «Волховникъ, волхвующе птицами и звѣрми, еже есть храмъ трещитъ, ухозвонъ... жаба воркочетъ, кошка въ окнѣ *мышьца держитъ*, сонъ страшенъ» и пр., которое въ Румянц. рукописи № 456 (л. 516 на обор.) читается слѣдующимъ образомъ: «кошка вокнѣ (или по другимъ рук. кошка *мявкаетъ*), *мышьца подрожатъ*». Самое названіе книги мы встрѣтили только въ одномъ спискѣ статьи о ложныхъ книгахъ, который помѣщенъ въ Румянцовской рукописи церковнаго устава 1608 года (№ 449, л. 105).

Книга эта извѣстна намъ по одному раскольничьему списку, небольшаго карманнаго формата на 28 листкахъ,—списку уже но-

вому, но очень красиво написанному на старинный ладъ, уставомъ, съ киноварной разрисованной заставкой и заглавными буквами. Книжка такъ невелика, что мы можемъ напечатать ее цѣликомъ, не отягощая слишкомъ вниманія читателя. Въ заглавіи ея видно желаніе придать содержанію книги серьезное значеніе, котораго могли бы, пожалуй, не замѣтить люди легкомысленные.

«Трепетникъ».

«Отъ мудрыхъ сіе взято, а не смѣхотворство нѣкое, и всякъ сіе внимай.

«Когда бываетъ въ человѣцѣ трепетъ у сѣдячаго, и у лежачаго, и у сонпаго, и у ходячаго, во всемъ человѣцѣ, въ костяхъ и въ жилахъ, въ составѣхъ ручныхъ и ножныхъ, прописуетъ правду всякому человѣку, мужеска полу и женьска.

1. «Аще верхъ главы потрепещетъ, то добытокъ кажетъ.

2. «Аще челюсть потрепещетъ, то всему добру совершеньство кажетъ.

3. «Аще бровь правая потрепещетъ, то богатымъ недугъ, а убогимъ польза будетъ.

4. «Аще бровь лѣвая потрепещетъ, то велико добро и веселіе кажетъ.

5. «Аще ока праваго вѣко потрепещетъ, то многаго добра воздержаніе кажетъ.

6. «Аще ока лѣваго вѣко потрепещетъ, должную печаль кажетъ (1).

7. «Аще правая ряснипа (2) потрепещетъ, корысть кажетъ скорую, на враги побѣду, а на бою побіемъ.

8. «Аще лѣвая ряснипа потрепещетъ, то кажетъ туженіе друга, или скоту упаду; а ежели двора нѣсть, то самому незгода, а женамъ кажетъ немощь, или проносное слово не по дѣлу, а съ другомъ видѣніе и вражду.

9. «Аще око правое потрепещетъ, кажетъ здравіе или съ другомъ видѣтися, а купчинѣ корысть, а воину—побіешъ, потомъ же всяко ѳемерляно (3) добро будетъ.

10. «Око лѣвое потрепещетъ, кажетъ немилосердіе къ другомъ, и съ ближними, или отъ властей въ пути, то разумѣй корысть.

(1) Т. е., вѣроятно, заботу о долгѣ.—(2) Т. е. рѣсница.—(3) Непонятное слово, можетъ быть, все *ежедневное*, отъ греч. ephemeros.

11. «Лице загоритъ, и уши горятъ,—говорятъ про тебя худое слово.

12. «Уши не горятъ, одно лице горитъ,—говорятъ про тебя доброе слово.

13. «Аще косица правая потрепещетъ, кажетъ вскорѣ *немощь отъ питія*, потомъ студь и огнь.

14. «Аще косица лѣвая потрепещетъ, кажетъ смерти приходъ, *только не въ хмелю*, но на какомъ ни дѣлѣ.

15. «Ухо правое трепещетъ, кажетъ благодать и радость, или прибытокъ великъ; про котораго думаешъ человѣка или про друга, или про сродника, слышать или видѣться съ нимъ будетъ.

16. «Ухо лѣвое потрепещетъ, кажетъ убытокъ, изъ руки утерю, или худое слово говорятъ про тебя не по дѣлу, а послѣ тебѣ же поклонъ.

17. «Аще во ухо десное пошумитъ, печаль кажетъ.

18. «Аще во ухо лѣвое пошумитъ, бѣснаго исцѣленіе кажетъ.

19. «Аще во ухо правое позвонитъ, то посмѣхъ повѣдаетъ.

20. «Аще во ухо лѣвое позвонитъ, печаль мысленная будетъ.

21. «Аще ухо десное потрепещетъ, добро повѣдаетъ.

22. «Аще ухо лѣвое потрепещетъ, то честь повѣдаетъ.

23. «Аще десное заушіе потрепещетъ, на многи дни веселіе кажетъ.

24. «Аще лѣвое заушіе потрепещетъ, благодать повѣдаетъ.

25. «Аще ноздря правая потрепещетъ, о всемъ добрѣ повѣдаетъ.

26. «Аще ноздря лѣвая потрепещетъ, убожество кажетъ.

27. «Аще уста потрепещутъ, всему добру время кажетъ.

28. «Аще губа верхняя потрепещетъ, съ супротивникомъ вражду повѣдаетъ.

29. «Аще губа нижняя потрепещетъ, цѣлованіе кажетъ.

30. «Аще зубы посѣкаются, на вражду повѣдаютъ.

31. «Аще языкъ десныя страны потрепещетъ, рожденіе кажетъ.

32. «Аще языкъ лѣвыя страны потрепещетъ, благое шествіе кажетъ.

33. «Аще брада десныя страны потрепещетъ, величіе кажетъ.

34. «Аще брада лѣвыя страны потрепещетъ, вскорѣ радость повѣдаетъ.

35. «Аще брада вся потрясется, то досажденіе кажетъ.

36. «Аще шея потрепещетъ, отъ друговъ честь повѣдаетъ.

37. «Аще вмѣстѣ брада и подбородокъ трепещетъ, и у рукъ и у ногъ ногти и подошвы отѣрпнутъ, кажетъ смерть, за тридесять дней, или за шестьдесять дней.

38. «Аще рамо десное потрепещетъ, то прокаженіе кажетъ.

39. «Аще рамо лѣвое потрепещетъ, кажетъ имѣніе отъ живаго или отъ мертваго.

40. «Плече правое потрепещетъ, принесеніе будетъ.

41. «Плече лѣвое потрепещетъ, богатымъ недугъ будетъ.

42. «Оба плеча потрепещутъ, избавленіе кажетъ.

43. «Плече правое трепещетъ, кажетъ доброе участіе въ людяхъ.

44. «Плече лѣвое трепещетъ, кажетъ съ подручными брань и сердиться, или къ чюжимъ свара въ бесѣдѣ или въ пути.

45. «Аще надъ мышкою правою трепещетъ, кажетъ посѣку или порѣзъ рукъ или ногъ.

46. «Мышка правая трепещетъ, богатая слава будетъ.

47. «Мышка лѣвая трепещетъ; убытокъ скоро повѣдаетъ.

48. «Локоть десная потрепещетъ, то рамна (4) обрѣтена будетъ.

49. «Локоть лѣвая потрепещетъ, убогимъ радость будетъ.

50. «Рука десная потрепещетъ, должное избавленіе (5) кажетъ.

51. «Рука лѣвая потрепещетъ, богатымъ недугъ будетъ.

52. «Аще десная страна потрепещетъ, то избавленіе будетъ.

53. «Аще лѣвая страна потрепещетъ, досажденіе кажетъ.

54. «Аще въ згибѣ лѣвой руки потрепещетъ, кажетъ болѣзнь головы и студь всему тѣлу, а опослѣ потъ.

55. «Аще длань десная посвербитъ, о всемъ добрѣ повѣдаетъ.

56. «Аще длань лѣвая посвербитъ, скоро добро повѣдаетъ.

57. «Аще у рукъ ногти трепещутъ, кажетъ осудъ и укоръ при бесѣдѣ, кажетъ злое слово и думу.

58. «Аще руки десныя малый перстъ потрепещетъ, чародѣйство кажетъ.

59. «Аще вторый отъ него потрепещетъ, любодѣйство кажетъ.

60. «Аще третій отъ него потрепещетъ, о блудѣ вѣсть кажетъ.

---

(4) Слово непонятное намъ.

(5) Избавленіе отъ долга.

61. «Аще четвертый потрепещетъ, вся супостати его убоятся.

62. «Аще палецъ (*) правыя руки потрепещетъ, о добрѣ повѣдаетъ.

63. «Аще лѣвыя руки малый перстъ потрепещетъ, многу имѣнію погибель кажетъ.

64. «Аще вторый отъ него потрепещетъ, велика мужемъ дума будетъ.

65. «Аще третій отъ него потрепещетъ, великую печаль кажетъ.

66. «Аще четвертый потрепещетъ, великую же печаль кажетъ.

67. «Аще палецъ лѣвой руки потрепещетъ, въ той день нетворя ничтоже.

68. «Локоть правая потрепещетъ, кажетъ на пути вѣсти къ кому идешъ, или отъ кого идешъ.

69. «Локоть лѣвая потрепещетъ, кажетъ вѣсти новыя и мѣсто новое.

70. «Пазуха правая потрепещетъ, кажетъ печаль.

71. «Пазуха лѣвая потрепещетъ, то болѣзнь или кручина будетъ.

72. «Аще надъ правой пазухой трепещетъ, кажетъ сердцу болѣзнь или скоту незгода, или самому кручина,—другъ былъ подъ рукой, и тотъ прочь отъидетъ.

73. «Аще надъ лѣвой пазухой потрепещетъ, кажетъ забытіе и размышленіе на всякое дѣло, и тоску невѣдомо по чемъ.

74. «Сердце потрепещетъ, возрастъ повѣдаетъ.

75. «Утроба потрепещетъ, всему миръ повѣдаетъ.

76. «Аще ребра десныя страны потрепещутъ, добытокъ кажетъ.

77. «Аще ребра лѣвыя страны потрепещутъ, кажетъ здравіе.

78. «Чрево съ пупомъ потрепещетъ, нову страсть повѣдаетъ.

79. «Чрево безъ пупа потрепещетъ, веселіе кажетъ.

80. «Близнецъ потрепещетъ, путное шествіе кажетъ.

81. «Хребетъ потрепещетъ, кажетъ приходъ крови отъ натуги и отъ работы, отъ бою и отъ ранъ.

(*) Т. е. собственно большой палецъ.

82. «Хвостѣцъ потрепещетъ, то со своими ближними бранъ будетъ.

83. «Аще о поясницѣ потрепещетъ, кажетъ студеную воду и немощь, и тоска на умъ идетъ, то и самъ молися Богу.

84. «Аще аѳедронъ потрепещетъ, кажетъ ужитокъ человѣку, и жиламъ всѣмъ, желудку и стомаху, пупу же и брюху и подчеревному селезню, и творитъ радость во всемъ человѣцѣ.

85. «Стегна потрепещутъ, величаніе кажютъ.

86. «Колѣно правое потрепещетъ, стояніе кажетъ.

87. «Колѣно лѣвое потрепещетъ, кажетъ страхъ и переполохъ, заутра вѣдомо отъ чего скоро минется.

88. «Колѣна оба потрепещутъ, кажетъ хлѣбъ и соль и къ людемъ любовь.

89. «Лытка десная потрепещетъ, радость повѣдаетъ.

90. «Плесна правой ноги потрепещутъ, кажетъ на пути вѣсть.

91. «Плесна лѣвой ноги потрепещутъ, кажетъ бѣганіе, и сильнымъ переполохъ вскорѣ во дни и въ нощи.

92. «Аще въ нижней холки потрепещетъ правой ноги, кажетъ грыжю щепотную и скорбъ головы.

93. «Аще у правой ноги ѳамокъ подошевный потрепещетъ, кажетъ востаніе отъ нощи и хожденіе.

94. «Аще у лѣвой ноги подъ самой подошвой потрепещетъ, кажетъ запятіе на пути, а кто боленъ, и тотъ полежавъ востанетъ.

95. «Аще въ правой ноги большой перстъ потрепещетъ, кажетъ на враги побѣду, или по водамъ ходъ будетъ.

96. «Аще въ лѣвой ноги болшой перстъ потрепещетъ, или въ грудныхъ титькахъ, то будетъ во снѣ грѣза велика, или *съ кѣмъ подерешися.*

97. «Аще вторый перстъ правой ноги потрепещетъ, кажетъ веселіе отъ него.

98. «Аще вторый перстъ лѣвой ноги потрепещетъ, кажетъ вѣсти справедливыя.

99. «Малыя составы перебираются, кажетъ хрипоту, а ежели мятой (?) человѣкъ, то кажетъ незгодныя и не свѣтлыя дни и слота (¹), а въ головѣ въ то время великъ шумъ будетъ и пискъ, то бо есть—огнь въ томъ человѣцѣ ходитъ.

---

¹) По областному словарю, мокрый снѣгъ.

Этимъ собственно оканчивается «Трепетникъ». Объясненія его, какъ видитъ читатель, очень незамысловаты, какъ вообще народныя предсказанія. Подобнаго рода примѣты до сихъ поръ находятся въ народномъ обращеніи, и идутъ конечно съ давняго времени: къ давней порѣ относится и «Трепетникъ», въ языкѣ котораго не трудно замѣтить черты очень старыя. Примѣты 17—20 объясняютъ тотъ *ухозвонъ*, который поминается въ статьѣ о ложныхъ книгахъ.

Въ концѣ «Трепетника» помѣщены таблицы злаго и добраго времени, которое долженъ наблюдать человѣкъ, желающій удачи въ своихъ дѣлахъ. Это вѣрованіе было весьма сильно у всѣхъ народовъ Европы, начиная съ древнихъ, и у насъ до сихъ поръ оставляетъ свой слѣдъ въ нѣкоторыхъ условныхъ выраженіяхъ, напр. *въ добрый или недобрый часъ*, и т. п. Статья о ложныхъ книгахъ отмѣтила и это суевѣрное представленіе *о часѣхъ злыхъ и добрыхъ*, что, по ея словамъ, Богомъ *отречено*, т. е. запрещено. Мы приведемъ вполнѣ и этотъ отдѣлъ нашей «ложной» книги, составляющій особое цѣлое.

«Списаніе о мѣсяцахъ на пользу христіяномъ: сіе знаменіе прояви Богъ Израильтяномъ, соблюдая ихъ отъ всякаго зла. Во всякомъ мѣсяцѣ есть по два дни злыхъ,—ни крови пущати, ни сѣяти, ни садити, ни портищь кроити, ни свадьбы играти, ни купли дѣяти, ни дому строити, ни въ заимъ давати, ни иного чего дѣяти.

дни злые:

Мѣсяца генваря въ	8. 26.
Мѣсяца февраля въ	2. 24.
Мѣсяца марта въ	3. 26.
Мѣсяца апрѣля въ	3. 20.
Мѣсяца маія въ	20. 23.
Мѣсяца іюня въ	7. 8. (*)
Мѣсяца августа въ	6. 18.
Мѣсяца сентября въ	2. 21.
Мѣсяца октября въ	8. 22.
Мѣсяца ноября въ	8. 21.
Мѣсяца декабря въ	2. 21.

«Аще въ тые дни начнетъ человѣкъ болѣти, не востать ему; аще

(*) Мѣсяцъ іюль пропущенъ въ рукописи.

и востанетъ, нездравіе творитъ; не обрадуется иже родится, не живу ему быти; аще не умретъ, но избыти ему горкія части; аще ли домъ строишъ, не будетъ добра; или портище кроишъ, не сносить ему; купецъ въ ходъ пойдетъ, не прибудетъ ему, или смерть будетъ. Аще ли сѣяти или садити начнетъ, не взыдетъ ничто; аще въ новой домъ перейдетъ, не жить ему; но подобаетъ тѣхъ дней боятися.

«Подобаетъ вѣдати намъ отъ 12-го мѣсяца (*), яко во всякомъ мѣсяцы есть день доброй, а въ немъ часъ золъ.

	дни добр.,	*часы злые:*
Мѣсяца генваря въ	25.	1.
Мѣсяца февраля	22.	9.
Мѣсяца марта	25.	5.
Мѣсяца апрѣля	20.	6.
Мѣсяца маія	4.	3.
Мѣсяца іюня	9.	6.
Мѣсяца іюля	22.	5.
Мѣсяца августа	8.	6.
Мѣсяца сентября	22.	9.
Мѣсяца октября	—	—
Мѣсяца ноября	28.	5.
Мѣсяца декабря	22.	10.

«Во всякомъ мѣсяцы, настоящаго мѣсяца 12 часъ сѣяти и садити, и власовъ урѣзати,—тонцы и гладцы.

«Аще кого змія уязвилъ, въ томъ часѣ сѣры изъ уха возми, да помажи, гдѣ ударила жигаломъ въ кое мѣсто, выдетъ все.

«Въ мѣсяцехъ по два дни злыхъ, въ тыя никакого дѣла не зачинай: сентября 27, октября 28, ноября 22, ... генваря 26, февраля 22, марта 25, апрѣля 20, маія 23, іюня 20, іюля 28, августа 19,—сія всѣ злыя дни.

«Еще другое доказательство, въ цѣломъ годѣ опасныхъ 32 дни.
Генварь имѣетъ 7 дней: 1, 2, 4, 5, 11, 12, 20.
Февраль 3 дни: 11, 17, 18.
Мартъ 4 дни: 1, 4, 14, 24.

(*) Вѣроятно: о 12 мѣсяцехъ.

Апрѣль 3 дни: 3, 17, 18.
Май 2 дни: 3, 8.
Іюнь 1 день: 17.
Іюль 2 дни: 17, 21.
Августъ 2 дни: 20, 21.
Сентябрь 2 дни: 1, 18.
Октябрь 1 день: 6.
Ноябрь 2 дни: 6, 8.
Декабрь 3 дни: 6, 17, 18.

«Того выходитъ 32 дни.

«Есть же въ году день именемъ патрисанъ, апрѣля 13; аще спитъ человѣкъ въ тотъ день, тяжко весь годъ ему будетъ».

Ложныя книги, какъ вообще извѣстно и какъ видно изъ приведенныхъ нами теперь примѣровъ, имѣли весьма тѣсную связь съ народными повѣрьями и предразсудками. Они зашли въ народъ мимо церкви, и это самое возбудило ея нападки, выраженіемъ которыхъ была статья о ложныхъ книгахъ и другія частныя запрещенія, какихъ много попадается у нашихъ духовныхъ писателей разнаго времени. Но, если мы хотимъ опредѣлить отношеніе ложныхъ книгъ къ народнымъ суевѣрьямъ, намъ представляется существенно важный вопросъ: откуда шли ложныя книги? Большинство апокрифическихъ книгъ, преданій и легендъ, которыя осуждались у насъ церковью, явилось изъ византійскаго источника, какъ напр. апокрифы ветхаго и новаго завѣта, подложныя житія и т. п.; но принадлежали ли къ числу ихъ книги, подобныя Трепетнику, Волховнику, Сносудцамъ и другимъ книгамъ этого рода съ русскими именами, заключавшимъ въ себѣ нашу простонародную магію, астрологію и гаданья,—это вопросъ, который еще трудно рѣшить теперь, за неизвѣстностью памятниковъ, но который представляетъ значительный интересъ для исторіи народныхъ заблужденій. Содержаніе «Трепетника» и статьи о злыхъ и добрыхъ дняхъ—таково, что эти вещи могли бы быть и русскаго происхожденія; но есть основаніе думать, что въ развитіи нашихъ суевѣрій очень сильно было и чужое литературное вліяніе. Сербскій «Громовникъ», описанный нами и принадлежащій къ тому же разряду предвѣщаній, несомнѣнно имѣлъ греческій подлинникъ; точно также ясно нерусское происхожденіе «Шестокрыла», гадавій по Зодіаку,

упомянутыхъ въ «Громовникѣ» (*водіи* въ Стоглавѣ), «Аристотелевыхъ вратъ» и пр., которыя или взяты съ греческаго, или *солганы* были болгарскимъ попомъ Іереміей, или имѣли еще какой-нибудь чужой источникъ. Можно было бы a priori сказать, что почти всѣ эти суевѣрія и предразсудки, волшебныя и гадательныя книги и предметы, были общи всей средневѣковой Европѣ, но на сколько они были оригинальны у насъ? Въ самомъ дѣлѣ, ограничиваясь даже тѣми повѣрьями, о которыхъ идетъ дѣло, мы увидимъ, что они вовсе не были исключительно русскими. Такъ вѣщій звонъ въ ушахъ, упомянутый въ статьѣ о ложныхъ книгахъ и объясненный въ «Трепетникѣ», былъ извѣстенъ и у Нѣмцевъ (ohrenklingen, ohrensausen) и считался, по обстоятельствамъ, дурнымъ или хорошимъ предзнаменованіемъ; еще Плиній говоритъ объ этомъ tinnitus aurium. Дрожаніе глаза — также весьма древняя примѣта, извѣстная не только въ классическихъ и германскихъ, но и въ индѣйскихъ повѣрьяхъ ([10]). Примѣты по голосамъ животныхъ, птицъ и т. д. были распространены у всѣхъ европейскихъ народовъ. *Стрѣлки и топорки громные*, которые считались у насъ нечестивою и богомерзкою вещью, также были извѣстны въ индѣйской миѳологіи, у Римлянъ (Jovis lapis) и въ средневѣковой Европѣ: у Нѣмцевъ это было національное миѳическое преданіе (donnerkeil, Miölnir); какъ у насъ приписывали имъ силу лечить болѣзни и изгонять бѣсовъ, такъ средневѣковое свидѣтельство говоритъ: qui caste gerit hunc (ceraunium), a fulmine non ferietur, nec domus aut villa, quibus affuerit lapis ille. Такимъ же образомъ мы нашли бы много другихъ соотвѣтствій между нашими «отреченными» повѣрьями и западными преданьями, но это докажетъ только ихъ общность и древность; остается опять вопросъ: гдѣ они были собраны въ цѣлое и получили легитимацію? Знакомыя народу издавна, суевѣрья тѣмъ не менѣе могли снова приходить къ нему въ новой формѣ, изъ чужеземнаго источника. Подобное странствованіе суевѣрій мы видимъ и въ эпоху сравнительно позднюю. Извѣстно, что Максимъ Грекъ вооружался противъ *колеса фортуны*, ученіе о которой, вмѣстѣ съ вѣрой въ астрологію и гороскопы («родозрительное упражненіе»), занесено было въ Москву Нѣмчи-

[10]) Grimm, Mythol. 1844, стр. 1071.

номъ Николаемъ и нашло тамъ послѣдователей даже въ людяхъ духовнаго чина. Эта вѣра въ судьбу и счастье у Нѣмцевъ дѣйствительно имѣла въ колесѣ фортуны поэтическое выраженіе, заимствованное у древнихъ (rota Fortunae), и быть можетъ понятое иными слишкомъ буквально; а можетъ быть и просто подозрительность Максима Грека увидѣла ересь въ предметѣ, весьма невинномъ, но съ которымъ вмѣстѣ явилось непозволительное ученье о гороскопахъ, гаданье по звѣздамъ о судьбѣ человѣка. Какъ бы то ни было, суевѣрье прививалось такими путями. Максимъ Грекъ, вѣроятно, не даромъ нападалъ и на «вселожныя алманаки», которые тѣ же Нѣмцы могли заносить въ Москву, на смущеніе добрыхъ людей. Мы обратимъ вниманіе нашихъ археологовъ еще на одинъ предметъ суевѣрій, также едва-ли не заимствованный у насъ отъ средневѣковаго запада. Это упоминаемыя въ Стоглавѣ *Рафли*. Одна грамота 1626 г. толкуетъ Рафли какъ «гадальныя тетради», но это не объясняетъ происхожденія самаго слова, которое значило, вѣроятно, другое. Если вспомнить слова Стоглава, который говоритъ, что на поединкахъ волхвы своимъ искусствомъ помогаютъ бойцамъ, и—вѣроятно, чтобы узнать, чья будетъ побѣда,—кудесы бьютъ и въ Рафли смотрятъ, то становится очень возможно принять, что наши Рафли были тоже, что и на западѣ называлось *Raffla*, родъ бросанья жребія или азартной игры. Слово Raffla, до сихъ поръ оставшееся во французскомъ raffle, Дюканжъ, въ своемъ Словарѣ средневѣковой латыни, объясняетъ какъ aleae species, и приводитъ слѣдующія два мѣста, гдѣ употреблено это слово: одно изъ регестъ 1362 г.: cum inter dictum Johannem et defunctum Richardum verba contentiosa ludendo inter se ad Rafflam cum taxillis....suborta fuissent;—другое изъ регестъ 1399 г.: Jcellui Baudet et aucuns autres s'esbatoient à un jeu que l'on dit le poulain ou Raffle. Очевидно, это была игра въ кости, которыя могли въ тоже время служить и жеребьемъ; или же это было гаданье въ родѣ извѣстной «Гадательной книжки царя Соломона», которая и теперь печатается въ лубочныхъ изданіяхъ, и гдѣ для гаданья бросается шарикъ (*зернь*) на кругъ съ цифрами, указывающими нумеръ отвѣта. Въ такомъ случаѣ слово *Рафли* легко могло совмѣщать оба объясненія.

У меня есть именно такая гадальная тетрадь, конца XVII-го или

начала XVIII-го вѣка, устроенная по особой системѣ и названная «Книга гадательная пророка и царя Давида». Въ ней нѣтъ круга съ числами, какъ въ Соломоновомъ гаданьѣ не было, потому что, какъ увидимъ, отвѣты указывались инымъ способомъ. Именно, въ слѣдъ за заглавіемъ идутъ прямо статьи отвѣтовъ, и передъ каждой изъ нихъ поставлено по три цифры, напр. 6, 6, 6; 6, 6, 5; 6, 6, 4 и т. д., нисходя постепенно до послѣдняго числа: 1, 1, 1. Что означали эти цифры, мы увидимъ изъ первой же статьи отвѣта:

6. } «Предъ лицемъ моря возсіяетъ свѣтъ и будетъ день свѣтелъ
6. } и возрадуются людіе и всѣ православныя христіяне, дни
6. } просвѣщеніе,—тако и ты, человѣче, возрадуешися орудію своему; что думалъ и гадалъ, то все радостію совершится. Аще *мечеши* о пути, или о дому, или отъ недруга боишися,—въ путь поиди, честенъ будеши. Добра меть».

Очевидно, нужно было *метать* что-нибудь, чтобы получить цифры, подъ которыми означены отвѣты. Цифры были, конечно, счастливыя и несчастливыя; такъ въ концѣ приведеннаго отвѣта сказано, что эта *меть* добрая; въ другихъ случаяхъ книга предупреждала гадающаго: *берегися—меть злая*; иногда нужно было гадать снова и книга совѣтуетъ: *человѣче*, *задумай*, *что тебѣ другая меть скажетъ*. Метались, вѣроятно, кости, родъ домино, но не съ двумя, а съ тремя цифрами; эти кости могли служить одинаково и для игры, какъ обыкновенныя кости, и какъ средство для гаданья. Такимъ образомъ слово *Рафли*, при своемъ первоначальномъ значеніи костарной игры, легко могло получить и значеніе гадальной тетради. Отвѣты «Давидовой книги» очень часто ссылаются на изреченія царя Давида, или приводятъ слова св. писанія и короткіе апологи. Для примѣра выписываемъ нѣсколько отвѣтовъ:

6. } «Взялъ ястребъ воробья, воробей дерется у ястреба изъ
4. } ноктей, не выдерется,—тако и ты, человѣче, не имаши
4. } дратися у чужихъ рукъ, не твори орудія сего, не на пользу ястребъ воробья деретъ. Аще мечеши о домѣ, въ домѣ твоемъ скудно будетъ велми; аще о болѣзни, болѣзнь тяжка, смерть будетъ; аще хощеши на новое мѣсто перейти, ты не ходи; а пойдешь зла дойдешь; отъ недруга бойся».

5. «Святый Өеодоръ Тиронъ взялъ съ собою сокола птицу, и
1. сяде на коня своего и поѣхалъ въ чистое поле, и поимаетъ
1. соколъ соколажъ птицу, и возрадовася Өеодоръ улову
своему,—тако и ты, человѣче, возрадуешися орудію своему: Богъ тебѣ на помощь! Аще о болѣзни или о пути, въ пути тебѣ радость; аще ли хощешь долгъ взяти, и ты возьмешь, толко хлопотно, а враговъ своихъ одолѣешъ».

5. «Что во умѣ своемъ держишь и жедаешь (желаешь), возра-
5. дуешися и сердце весело будетъ; о томъ царь Давидъ рече:
4. изми мя, Господи, отъ человѣка лукава, и отъ мужа непра-
ведна избави мя. Аще мечеши о болѣзни, и та болѣзнь минется; аще о дому, въ домѣ твоемъ здраво, и путь тебѣ доброй, и пропажа твоя сыщется».

Статья о ложныхъ книгахъ, такъ старательно пересчитавшая запретныя суевѣрія, не упоминаетъ однако о Рафляхъ, которыхъ не забываетъ ни Стоглавъ, ни Домострой: они или явились у насъ послѣ редакціи статьи, или подобное суевѣріе приведено тамъ подъ другимъ именемъ; статья запрещаетъ именно книгу *Метаніе*, которая могла относиться къ тому же разряду гаданій.

Рафли были въ большомъ употребленіи въ старинномъ быту, если судить по выразительности запрещеній, которыя были противъ нихъ направлены. Мой экземпляръ, дѣйствительно очень затасканный, находится въ небольшомъ сборникѣ самаго карманнаго формата, гдѣ кромѣ Давидовой книги, заключаются вообще статьи, необходимыя для частыхъ справокъ: двѣ самыя нужныя молитвы, и «вопросы и отвѣты» изъ всей подноготной старциннаго простонароднаго знанія; въ концѣ, котораго недостаетъ, была еще, кажется, статья о добрыхъ и злыхъ дняхъ. Очевидно, это былъ vademecum первой необходимости. Въ сущности, это была, разумѣется, вещь весьма невинная, но она становилась для народа другой религіей, и духовенство возстало противъ нея. Рафли точно также подверглись запрещенію у насъ, какъ на западѣ благочестивая литература олицетворила игру въ кости въ видѣ злаго бѣса Деція (Decius отъ франц. *dez*, кости), который овладѣвалъ слишкомъ ревностными игроками.

А. Пыпинъ.